

ИМЯ

И

ОБЩЕСТВО

В. А. НИКОНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. И. МИКЛУХО-МАКЛЯ

В. А. НИКОНОВ

**ИМЯ
И
ОБЩЕСТВО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Никонов В. А.

Н64 Имя и общество. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

278 стр.

В книге исследуются личные имена, фамилии и другие виды антропонимов различных народов в разное время.

Автором освещены также острые и актуальные вопросы, связанные с выбором и употреблением имен в наши дни. Обширные подсчеты впервые показывают частоту каждого имени в нашей стране сегодня. Специально рассматриваются имена тюркоязычных народов, мордовские фамилии. Сделаны первые обобщения наблюдений над современными антропонимическими процессами у народов Севера, Дальнего Востока, Средней Азии.

Автор книги — почетный член Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО.

4

Н $\frac{70104-064}{013(01)-74}$ — 227-73

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Между людьми не бывает никто безымянным», — сказано тысячи лет назад в «Одиссее» (песнь восьмая). О человеке известном говорят «у него имя», хотя имя есть у каждого, но не случайно именно оно — символ известности; а французское *renom* 'хорошая слава' образовано из *nom* 'имя'. Становясь как бы полномочным представителем человека в обществе, имя обладает огромными социальными и экономическими правами. Знакомясь, спрашивают и называют имя. Избиратель приходит голосовать, работающий получает зарплату, адресату вручают заказное письмо — во всех случаях сверяют имя, отчество, фамилию. Собственные имена людей несут в обществе многообразную, ответственную и незаменимую службу, будь это индивидуальное личное имя или его различные формы (ласкательные, презрительные), будь это фамилия, отчество или иные виды имен. Ни один фантаст не смог представить, что случилось бы, если бы внезапно исчезли имена людей. Неизвестно, когда, как, на какой ступени развития общества и языка они возникали, но происходило это еще в глубокой древности. Во все исторически известные периоды человеческое общество не обходилось без собственных имен его членов.

Поэтому всегда вызывала интерес антропонимия (совокупность антропонимов, т. е. собственных имен людей) *. На протяжении столетий о ней написано немало. Развивалась изучающая ее специальная отрасль знания — антропонимика, которая вместе с топонимикой (изучающей топонимию, т. е. географические названия), этнонимикой, космонимикой, зоонимикой, ктематонимикой образует ономастику — отрасль языкознания, изучающую все имена собственные. К антропонимии примыкает теонимия — собственные имена божеств; их специфичность требует особого исследования, и лучше выделить теонимику в самостоятельный раздел ономастики.

За последние десятилетия развитие антропонимики, как и топонимики, приобрело широкий размах во многих странах мира. Напечатаны десятки

* Впервые этот термин употребил, по-видимому, Ж. Лейте Васконсельва, португальский лингвист (в «*Revista Lusitana*», 1, 1887, стр. 45). К сожалению, у нас иногда еще продолжают по старинке смешивать термины *антропонимика* и *ономастика*, не различают *антропонимию* и *антропонимику* (как *топонимию* и *топонимику*) — досадный «пережиток» недавних времен, когда ни ономастики, ни ее отраслей как наук еще не существовало.

тысяч антропонимических книг и статей: изданный в 1952 г. указатель научной антропонимической литературы на английском языке [Smith] * включил 3415 заглавий, а с той поры ее объем значительно возрос; на польском языке до 1960 г. опубликовано несколько тысяч антропонимических работ [Taszycki — 1960]. Антропонимика делит с топонимикой первое место как на международных ономастических конгрессах (11-й состоялся в Софии в 1972 г.), так и в специальных ономастических журналах, выходящих в нескольких странах: старейший из них — шведский «*Namn och Bygd*» (с 1913 г., Упсала), «*Revue Internationale d'Onomastique*» основан Альбером Доза в 1949 г. в Париже, «*Beitrag zur Namenforschung*» (с 1949 г., Бонн, позже Хайдельберг), «*Names*» (с 1949 г., Беркли, позже Мэдисон), «*Onoma*» (с 1950 г., Лувэн), в социалистическом мире — «*Onomastica*» (с 1955 г., Вроцлав—Краков—Варшава).

В нашей стране уже в середине прошлого столетия создан замечательный для того времени «Славянский именовслов» М. Я. Морошкина (1867), он вышел почти одновременно с трудами Фр. Миклошича, которые знаменовали начало славянской антропонимической науки. На исходе XIX и в начале XX в. драгоценный вклад в русскую антропонимику внесли Н. М. Тупиков, акад. А. И. Соболевский, вслед за ними А. М. Селищев, в тюркскую антропонимику — акад. В. В. Радлов, В. А. Гордлевский. К сожалению, это не получило у нас дальнейшего развития в 40—50-е годы; за это время появилось лишь несколько статей и брошюр; только популяризаторский талант Л. В. Успенского будил и поддерживал в читателе интерес к личным именам. Наиболее значительные работы по антропонимии нашей страны появлялись за рубежом (Р. О. Якобсон, Б.-О. Унбегаун, Ст. Роспонд, А. Бэклуид — по русской, Ю. Немет, Л. Рашони — по тюркской). Когда в 60-х годах наступил перелом, пришлось наверстывать упущенное. Антропонимика заняла свое место в деятельности ономастических групп ряда академических институтов Москвы и Киева, на ономастических конференциях (состоялись пять украинских и четыре поволжских) и в их печатных трудах, на Среднеазиатском ономастическом семинаре (Самарканд, 1969 г.) и Кавказском ономастическом семинаре (Махачкала, 1971 г.). 1-е Всесоюзное антропонимистическое совещание (Москва, апрель 1968 г.), где было прочитано 136 докладов, положило начало широким антропонимическим исследованиям у нас — от Львова до Магадана, от Ашхабада до Риги; материалы совещания опубликованы [Личные имена, «Антропонимика»]. Очень ценно, что в научных мероприятиях по антропонимике активно участвуют многие работники ЗАГС и начальник управления ЗАГС СССР Н. А. Бельк. Этот контакт науки и практики с первых же шагов принес ощутимые результаты. В нескольких высших учебных заведениях читают спецкурс антропонимики: в Львовском университете — Ю. К. Редько, в Черновицком и Одесском — М. В. Карпенко, а автор этой книги читал в Московском, Самаркандском, Томском университетах.

* В квадратных скобках даны сокращенно указания на источники и цитированную литературу, после двоеточия стоят номера страниц. Расшифрованный список книг и статей, на которые делаются отсылки, приведен в конце книги, стр. 265—277.

Теперь развернута работа по изучению антропонимии каждого народа нашей многонациональной страны, впервые становится известна науке антропонимия ненцев, кетов, нанайцев и многих других народов. На глазах складывается советская антропонимическая наука. Чтобы она прочно стала на ноги, потребуется еще очень много труда и для собирания материалов, и для подготовки кадров, и для разработки теоретической базы.

Чем же занимается антропонимика?

Еще не очень давно ее задачей считали только этимологию личных имен — выяснение значений тех слов, от которых личные имена образованы: Ирина — др.-греч. 'мир', Марина — латин. 'морская' и т. д. Некоторые по старинке так полагают и теперь. Это ошибка. Поиск этимологий не только не единственная, но и не главная задача антропонимики.

Ежегодно на земном шаре рождается больше ста миллионов детей. Какие имена они получают? Как выбрать имя? И как отличить хорошее имя от плохого?

Каждый год в нашей стране миллионы вступающих в брак решают, какую избрать фамилию. За год тысячи людей у нас меняют имена или фамилии.

А сколько неполадок с записью имен! Разнобой в написании имен приносит немало забот и огорчений.

Еще труднее с передачей имени на другой язык, а такая необходимость возникает все чаще.

В практике работы органов ЗАГС и паспортных столов возникают многочисленные вопросы, требующие научного разрешения: одно ли имя или несколько имен Георгий — Егор — Юрий, два разных имени Антонина и Антонида или одно из них — только ошибка? Как отнестись к заявлению о желании переменить имя и фамилию на Юрий Гагарин?

Это лишь малая часть повседневных запросов к антропонимике. Сфера ее практического применения обширна. Но даже всем прикладным задачам антропонимики при всей их насущной необходимости не уступают ее собственные — научные задачи.

Антропонимия может служить ценным источником для других наук.

Для истории личные имена прошлого свидетельствуют о былом расселении народов. В этом направлении недавние годы принесли несколько интересных работ. Так, Л. Згуста по именам жителей античных городов Северного Причерноморья реконструирует этнический состав этой территории за два тысячелетия до нас [Zgusta — 1955], в другой своей работе он применил этот метод к исследованию этноса Малой Азии [Zgusta — 1964]. Анализ фамилий в Силезии позднего средневековья послужил Ст. Роспону средством восстановить этническую картину Силезии той эпохи [Rospond — 1960]. Сильная лейпцигская ономастическая группа в ГДР, руководимая Р. Фишером и Э. Эйхлером, с большим размахом развернула изучение личных имен средневековой Германии в плане славяно-германских связей, опубликовав десятки томов [DSF] и много статей.

От некоторых древних языков почти ничего не дошло до нас, кроме имен в документах и надписях. Преимущественно собственные имена, личные и географические, помогают проникнуть в языки иллирийцев [Краге — 1929, Краге — 1955], ветонов [Untermann], фракийцев [Бешевлиев], мероитов [Завадовский].

У большинства народов в разные эпохи наречение (или смена имени) связано с различными обрядами, которые подчас таят черты, раскрывающие много ранее неведомого о былом быте, строе и верованиях народа.

Свидетельства антропонимов неоценимы для истории языка. В именах и фамилиях сохранились следы исчезнувших слов, которые без них погибли бы безвозвратно. Например, русская фамилия Берсенов указывает на утраченное слово *берсень* 'крыжовник'. А какие слова скрыты в фамилиях, например, Абалишников, Абиюров, Веденяпин, Жевержеев, Лакидин? Фамилии доносят до нас забытые значения многих слов, означающих теперь совсем иное, чем тогда, когда они стали основами фамилий: Дворников — от *дворник*, но совсем не в современном смысле 'рабочий по двору', а в старинном значении 'арендатор'.

Имя — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, т. е. подлежит ведению языкознания. Поэтому ономастика (в том числе и антропонимика) — часть лингвистики. Но собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общеязыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее. Характерен уже сам словарный состав собственных (в частности, личных) имен: многие народы заимствовали их со стороны; например, латинская антропонимия изобилует этрусскими именами [Dauzat — 1949: 11]. Так в большинстве языков.

У французов почти нет личных имен из слов французского языка — имена принесены католичеством из Рима, как у нас почти нет имен из слов русского происхождения: Церковь запрещала имена древнерусские, заменяя их принесенными из Византии. Так, у многих тюркоязычных народов преобладают не тюркские имена, а продиктованные иноязычным влиянием, преимущественно арабские или иранские. Пожалуй, ни один разряд слов в современных языках не сравнится с личными именами по такой почти абсолютной иноязычности происхождения, разве что только новейшие интернациональные научно-технические термины.

Антропонимия и производит особый отбор слов-основ, и устанавливает монополию на форманты (например, суффикс *-овна* в русском языке стал принадлежностью исключительно женских отчеств). Даже в грамматике и фонетике личные имена с их особой судьбой развивают такие черты, которые становятся свойственны только им. Так, от женского имени Любовь родительный падеж *Любови*, а не *любви*, как от нарицательного *любовь*; прилагательное *иванов* в предложном падеже *об ивановом*, но от фамилии Иванов тот же падеж *об Иванове*. Прежде всего личным именам русский язык обязан звуком *ф*, которого не было в древнерусском и в общеславянском. Заимствованное из Византии православие принесло на Русь свои имена, очень многие из них содержали звуки, каких древнерусский язык не имел, например *ф* (фи) в именах Филипп 'любитель коней', Ники-

фр 'вободолосный' и Ѣ (тхета) в именах Феодор 'божий дар', Афанасий 'бессмертный'; нет исконно русских нарицательных существительных, начинающихся на ф-, а личных имен таких очень много. Антропонимы нужны для исторической диалектологии; например, фамилии Востров, Востряков, Востропятов донесли из прошлого диалектное протетическое в-.

Эти направления исследований плодотворны и важны, их необходимо не только продолжать, но и развивать, так как даже весь накопленный личный материал — только капля в море. Но они не должны заслонять главного. В силу специфики антропонимии, неразрывно связанной и с этнографией, и с правом, и с социальной психологией, и с эстетикой, антропонимика немыслима без этих смежных наук, как топонимика — без географии и как все разделы ономастики немыслимы без истории.

Первый закон антропонимии, как и всей ономастики, — историзм. Историзм вовсе не в том, что есть некоторые группы имен, которые в недавних попытках сортировки, выдаваемой за классификацию, обозначены так «имена по историческим личностям». Исторична вся антропонимия без исключения, будь это мужское имя Лев (наивно относимое любителями в группу «по животным») или фамилия Баранов (попадающая при такой сортировке в ту же кучу). Бессмысленно вне определенного исторического времени спрашивать: «Хорошее ли имя Перпетуя?»

Исторически обусловлены сами виды антропонимов: у подавляющего большинства русского населения фамилии появились только в XVIII—XIX вв., а у социальной верхушки — с XIV в., у многих народов нашей страны отчества и фамилии распространились только при Советской власти. В антропонимии нет ничего внеисторического. Исторически обусловлена именная принадлежность личных имен: у русских они принесены христианством через Византию, поэтому происходили из греческого, латинского и языков Передней Азии. Исторически обусловлены антропонимические системы у народов мира. Общий набросок развития их в связи с историей человечества наметил И. В. Бестужев-Лада [Бестужев], в схеме которого пока лишь предварительной и весьма спорной, интересна идея антропонимических кризисов в моменты исторических переломов.

Многие ученые отмечали социальность личных имен, но оценить ее не сумели. Проблема в целом не только не решена, но и не поставлена. Пока есть только разрозненные наблюдения. За рубежом, где литература о личных именах необъятна, социальная роль имен тонет в потоке сочинений вроде американских книжек «Твое имя — твоя судьба», «Имя — секрет успеха» — это, конечно, своего рода решение проблемы «личное имя в обществе», но с позиций индивидуализма. К счастью, у нас таких книг нет, но, к несчастью, нет и противостоящих им.

Изучать социальность личных имен вовсе не значит выискивать среди них такие, которые сами кричат о своей «социальной принадлежности», как, например, фамилии Баринов, Холопов. Как раз такие случаи поверхностны, несущественны и не составляют основной массы личных имен. Для функционирования имени чаще безразлично его этимологическое значение, жизнь которого несравнимо короче жизни имени. Женское имя Антрена вопреки давно забытому этимологическому значению (латин.

matrona 'госпожа') в крепостной России к XIX в. было отброшено дворянами, став преимущественно именем крестьянок; был боярин Батраков и был беднейший крестьянин, прозванный Царь.

Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует неумолимый выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны все и всегда. Показать это — задача книги.

Задача не из легких. Социален весь язык. Вне общества нет и языка. Справедливы слова Ф. П. Филина: «Недостаток советских лингвистов не в том, что они занимались и занимаются социологией языка, а в том, что их исследования в этой области не проводились в нужном объеме и с нужной энергией» [Филин: 9]. Но зависимость языка от общества очень сложна. Одни языковые явления быстро и прямо отражают изменения в обществе (например, появление слов *колхоз*, *совхоз*), в других — общественные перемены отражаются не сразу и не прямо, а через многие промежуточные звенья. (Например, почему русский язык заимствовал корабельные термины из немецкого и голландского языков, музыкальные — из итальянского, политические — из латинского и французского?) Грамматика и фонетика языка тоже зависят в конечном счете от жизни общества, но зависимость эта не прямая, а многоступенчатая.

«Проблема связи языка и общества очень обширна и многоаспектна. Неизбежны различные точки зрения в решении этой проблемы и поиски различных методов анализа самого материала. Успешность работ в этой области предопределяется в первую очередь четкой методологической постановкой вопроса: каковы бы ни были внутренние законы сложной системы самого языка, его коммуникативная функция определяет его зависимость от общества» [Ярцева: 54].

Но в том-то и вся трудность, что действия социальных и внутриязыковых причин сложно переплетаются и в каждом случае грозит опасность либо за внутриязыковым не увидеть решающей роли социального, либо вульгаризаторски упростить явление, подчиненное внутриязыковым законам, объяснив его прямо и непосредственно социальными причинами.

Взять хотя бы пример, казалось бы, самый простой: рожденное у нас в 20-е годы женское имя Октябрина. Его политический смысл ясен, но тут не обошлось без внутриязыкового приема: ведь основа имени — метонимия — замена словосочетания *Великая Октябрьская социалистическая революция* названием месяца, в который она произошла; название месяца тоже обязано сложному сплетению социальных и внутриязыковых причин (почему русское название месяца сменено на латинское, почему 10-й месяц года назван 8-м, откуда взялось *-абрь* и т. д.), но они увели бы далеко от имени Октябрина, в котором ведь надо объяснить появление *-ина*, и какими социальными мотивами не объяснимое. Тут придется обратиться к значениям этого суффикса в русском языке (*лед* — *льдина*), а также обязательно учесть и наличие имен (Екатерина, Ирина, Марина), кажущее сходство с которыми облегчало усвоение нового имени.

Семантика именований почти не зависит от различий языков. М

ские имена, означающие силу, смелость, власть, обычны у большинства народов мира; различия обусловлены не языками, а исторически сложившимися условиями жизни народа: у народов Севера нет имен с этимологическим значением «лев», которые очень часты у народов тех стран, где водятся львы, и от них заимствованы другими. А формы именованій зависят целиком от внутриязыковых закономерностей и поэтому различны между языками: так, одно и то же значение «лев» выражено у арабов именем Асад, у тюркоязычных народов — Арслан (казах. и киргиз. Арыстан), перс. и тадж. — Шир, латин. — Лео (от этого русск. Лев).

Независимо от языковых различий многие народы именуют ребенка по отцу «сын такого-то», но средства выражения различны: в русском языке это выражается суффиксами — в мужских именах *-ович, -ич* (Петрович, Фомич), в женских *-овна, -инична* (Петровна, Фомина); в немецком, английском, скандинавских и других германских языках — присоединением слова *son* 'сын' (Вильсон); в иранских языках — тоже присоединением слова «сын» — *заде* 'ребенок, потомок' (Турсун-заде); в тюркских — присоединением слов «мальчик» или «девочка» (Ахмед-оглы, Ахмед-кыз); в арабском тоже присоединяется слово «сын» — *ибн-*, но перед именем отца.

Так в любом большом или малом антропонимическом факте.

Эта книга не курс антропонимики, а исследование имен в определенном аспекте, хотя бы и важнейшем, поэтому за пределами ее, естественно, остались многие антропонимические проблемы; пришлось опустить весьма серьезные узколингвистические вопросы, в том числе и те, которые освещены в специальных работах автора.

Некоторые особенности плана книги обусловлены тем, как она сложилась. Автор работал над другой книгой — «Антропонимия России», пять глав которой уже опубликованы, но осуществление замысла пришлось отложить. А рост антропонимических работ у нас потребовал безотлагательно обратиться к ряду вопросов и вне истории русской антропонимии. Пришлось переключиться на другую тему, частично используя материал, собранный для «Антропонимии России», но подчинив его иной задаче. Из пятнадцати опубликованных антропонимических работ автора только две включены в эту книгу без больших изменений, другие существенно переработаны, некоторые не вошли совсем, так как рассматривают иные вопросы антропонимики.

Едва ли найдется исследователь, который мог бы определить, кому и в какой мере он обязан. Я затруднился бы указать места в этой книге, непосредственно связанные с Альбером Доза, Витольдом Ташицким, Л. И. Соболевским (кроме, конечно, прямых цитат), легче отметить, в чем я с каждым из них не согласен, но без них не было бы моих ономастических работ. Очень многие в разной мере принимали участие в создании этой книги — советовали или возражали, сообщали библиографические сведения или фактический материал, знакомили со своими работами:

С. А. Арутюнов, Н. А. Баскаков, Н. А. Бельк, И. В. Бестужев, Г. Ф. Благорова, С. И. Брук, А. Г. Гафуров, Б. В. Горнунг, С. С. Губаева, М. М. Гусейнов, В. Ф. Дамбе, Р. Ш. Джарылгасинова, И. Г. Добродомов, А. Б. Долгопольский, Т. Ж. Жанузаков, В. А. Ицкович, С. К. Караев, В. П. Кобычев, И. С. Колосов, Т. Н. Кондратьева, М. В. Крюков, Р. Г. Кузеев, З. Б. Мухамедова, Н. И. Никитина, В. Н. Попова, А. А. Реформатский, Л. И. Ройзензон, А. И. Рудных, Г. Ф. Саттаров, М. Ф. Семенова, Л. Б. Серебренникова, Г. Г. Стратанович, Р. Х. Субаева, В. И. Тагунова, Л. Н. Терентьева, Н. М. Терещенко, Н. И. Толстой, О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин, мои товарищи по группе ономастики Института этнографии АН СССР, участники проведенных мной ономастических семинаров, зарубежные коллеги В. И. Васченко, Т. Витковский, И. В. Дуриданов, И. Заимов, М. Карась, Л. Киш, В. Михайлович, С. Роспанд, Я. Свобода, Б.-О. Унбегаун, Э. Эйхлер, Р. О. Якобсон. Обязан я и покойным ныне Ю. А. Анциссу, М. В. Витову, Д. Э. Земзаре, А. Г. Степановой — очень больно, что слов моей благодарности они не слышат. Нет возможности перечислить всех — ведь ценное почерпнешь и от случайных спутников в дороге, и из сотен писем совершенно незнакомых людей (в их числе студент Суздальцев спрашивает, связана ли его фамилия с князьями суздальскими; полковник-пенсионер призывает в арбитры — хочет, чтобы внучке дали имя, против которого возражают ее родители). Учишься и у своих учеников — столько неизвестных фактов сообщили слушатели моих спецкурсов и лекций, столько вопросов задали — от «Как отличить хорошее имя от плохого?» до «На нашем курсе одна девочка очень обижается, когда ее зовут Люсей, а не Людой, — права ли она?». А порой вопрос направляет мысль на новый путь.

Многие страницы книги написаны по архивным документам. Автор признателен работникам многих архивов — ЦГАДА, Государственного архива УССР во Львове, Архива Москвы, Республиканского архива Мордовской АССР, архивов Владимирской, Воронежской, Горьковской, Калужской, Куйбышевской, Курской, Орловской, Пензенской и Ульяновской областей, республиканских архивов ЗАГС Азербайджанской ССР, Киргизской ССР, Туркменской ССР, Башкирской, Дагестанской и Татарской АССР, областных и городских архивов ЗАГС Самаркандской, Джамбульской, Южно-Казахстанской, Владимирской, Горьковской, Калужской, Костромской, Куйбышевской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Томской, Тульской, Ульяновской, Ярославской областей. Особенно ценную помощь оказали сотрудники Государственного архива УССР во Львове О. А. Кулчинский и В. К. Сиверская, зав. Костромским областным архивом ЗАГС А. С. Амберова, зав. Ульяновским областным архивом ЗАГС Л. А. Абрамова, зав. республиканским архивом ЗАГС Башкирской АССР Г. М. Юнусов, коллектив работников ЗАГС Татарской АССР; они сделали все возможное, чтоб облегчить и ускорить нелегкий поиск и обеспечить максимальный результат.

С горечью должен отметить, что руководители архивов не везде принимают исключительную научную ценность фондов, содержащих «сплошные списки». Вопреки требованию В. И. Ленина обращаться к первичным

документам до сих пор пенкосниматели обходятся готовыми итоговыми таблицами переписей. Под их натиском архивисты стали предпочитать сводные данные подлинным материалам. Поэтому массовые — самые ценные — фонды в ряде архивов свалены неописанными и неразобранными, их не включают в описи, а порой и уничтожают. Достаточно одного потрясающего примера: Тамбовский областной архив в 1951 г. уничтожил по акту сотни томов, содержащих грандиозные списки людей за XIX в. Только ли Тамбовский? Не потому ли из неоценимых материалов единственной Всероссийской переписи населения 1897 г. только в Ульяновском и Владимирском архивах нашлись связки переписных листов по нескольким уездам, а в десятках остальных лишь статистические итоги и случайные обрывки?

Имея дело с именами миллионов, нельзя обойтись без цифр. Исследования имен, избегающие подсчетов, неизбежно смещают отношения: редкое выделяется и кажется гораздо значительнее, чем на самом деле, — неизвестен сравнительный вес рассмотренных явлений. Статистическую таблицу, как и картину, не заменить многостраничным пересказом. Подсчеты, на которых основаны приводимые здесь данные, выполнены автором, за исключением немногих случаев, каждый раз оговоренных.

Архивы, статистика..., но эта книга — не популяризация. Тот из читателей, для которого все это синонимы скуки, волен захлопнуть книгу. А другой может показаться излишней полемичность некоторых страниц. Но если бы все было бесспорным для всех, то зачем же бы писать эту книгу?

ЛИЧНОЕ ИМЯ — СОЦИАЛЬНЫЙ ЗНАК

По широко распространенному мнению, имя человеку нужно для того, чтобы служить индивидуальным различителем его носителя. От частого повторения это стало казаться бесспорным. Проверкой правильности себя не утруждали.

Но в телефонной книге Лондона фамилия Смит повторена шесть тысяч раз, фамилия Браун занимает двадцать столбцов мелкого шрифта. В Швеции фамилию Андерсен носят 381 тыс. человек, еще 364 тыс. — фамилию Иогансон, 334 тыс. — Карлсон [Modeer: 126]; всего три фамилии охватывают больше миллиона человек из семи миллионов всех жителей страны. У 30 миллионов корейцев — только 250 фамилий (Ким, Пак, Ли и др.). В деревне Белоусово Парабельского района Томской области все жители были Белоусовы. Таких селений было не одно. Сегодня в Москве 90 тыс. Ивановых, из них тысяча именуется Иван Иванович Иванов. Видимо, не главная обязанность имени — служить индивидуальным различителем. На запрос, где живет Александр Сергеевич Пушкин, в адресном бюро выдадут пятнадцать адресов — столько москвичей сейчас носят это имя, отчество и фамилию. По всей стране теперь несколько миллионов носительниц имени Татьяна. В старой русской деревне имя Иван носили 16—25% всех крестьян — каждый пятый был Иваном.

Одноименность была заурядным явлением в старой России. В переписях XVII в. совершенно обычны такие записи, как, например, по Балахне 1674 г.: «У Наумки дети Ивашко 17 лет, Ивашко же 15 лет, Ивашко ж 11 лет» [Писцовая книга Балахны: 58]; или по Ярославлю 1646 г.: у вдовы Пелагеи три сына и все они Иваны — «Ивашко большой сошел к Москве кормица работою, средней Ивашко 10 годов, третей Ивашко 8 годов» [Переписная книга Ярославля: 232—233] — различительны тут как раз нарицательные (большой, средний, третий), а собственное имя, наоборот, объединяет; там же у Первушки Тихонова дети «Ивашко, да Ивашко ж, да Ивашко, да Ивашко ж».

В крестьянских семьях такая одноименность держалась и позже. В селе Пенье Костромской губернии по ревизии (переписи тяглого населения) 1776 г. у Алексея сына Гаврилы три дочери: Евфимия 9 лет, Евфимия 7 лет, Евфимия 1 года [ЦГАДА, ф. 1291—Яковлевы, № 122, л. 1]. В деревне Лепехино той же губернии 1777 г. у Анны обе дочери тоже Анны [там же, № 127, л. 3]. В деревне Чернопенье Тверской губернии 1834 г. у Ивана жена Авдотья и дочь Авдотья, у его брата Егора и жена и дочь тоже Авдотьи — в одной избе четыре Авдотьи [там же, 228, л. 36]. В селе Мануйлово Ржевского уезда 1834 г. все три сестры Авдотьи [ЦГАДА, ф. 1202 — Гагарины, № 7247, л. 17]. Чтоб это не показалось исключениями, вот примеры из одного селения: село Подбужье Жиздринского уезда 1858 г. [Орловский обл. архив, ф. 780, № 75]: в семье три Марфы и две Прасковьи (л. 62), в другой семье две дочери, обе Настасьи (л. 72), два родных брата с именем Елисей (л. 109), мать и обе дочери Авдотьи (л. 118). В Германии одноименность в семьях держалась до конца XIX в.

Бесспорна мощная тенденция к одноименности близких родственников, соседей, односельчан. В любых старых списках крестьян она обычна. Петр Петрович, Илья Ильич и сегодня не редкость даже в городах.

Рекорд, по-видимому, побил семейство в Польше позднего средневековья, известное по биографии краковского каноника Яна Длугоша, который имел одинаковое имя со всеми своими десятью братьями, оно считалось счастливым. При всей редкости такого случая в нем только получило самое яркое выражение распространенное бытовое явление.

В трагическом рассказе Джека Лондона женщина с маленького островка называет одного за другим своих сыновей именем погибшего любимого брата Самуила. Трех уносят несчастные случаи. Ее отговаривают, удерживают, осуждают. Ей 48 лет, но она хочет сына и, к ужасу и возмущению всех жителей острова, дает ему то же самое имя, это ее последняя надежда. Гибнет и он. Одинокая, всеми отверженная, на закате жизни она сохраняет всю волю и мужество: «Если б у меня был еще сын, я назвала бы его Самуилом».

Сколько Карлов перебивало почти на всех тронах Западной Европы! В одной Швеции их было пятнадцать. Могущество Карла Великого превратило это имя в нарицательное — славянское *король*. А «бесчисленные Людовики» (по выражению В. Маяковского) во Франции*, немецкие Фридрихи и т. д.! После побед Генриха I (он же Генрих Птицелов, правил на рубеже X—XI вв.) имя Генрих на несколько столетий

* Собственно, Луи (*Louis*), дошедшее до России через другие языки в форме Людовик.

стало излюбленным у правящих династий германских и соседних государств.

Имя победоносного правителя передавали наследникам как славу предка, использовали как политический козырь (аргумент законности притязаний потомка на трон, обещание тех же побед и пр.), пока незадачливые последователи не скомпрометировали его. Успех Ивана Калиты, собирателя русских земель, способствовал повторению этого имени среди претендентов на шапку Мономаха, пока печальная участь Ивана V и Ивана VI не оттолкнула наследников. После Петра I его имя стало одним из очень частых в России, но карикатурные Петр II, Петр III уничтожили популярность этого имени в правившей династии.

В Киевской Руси имя Олег, овеянное легендами, напоминало о преемнике Рюрика, удачливом завоевателе, основателе Киевской династии. Имя Олег стало очень частым среди древнерусских князей XI в. Но в острой борьбе за великокняжеский стол Владимир Мономах обошел черниговского князя Олега, потомки которого стали яростными противниками мономаховичей, прочно севших на великое княжение. Имя Олег стало одиозным в Киеве, затем в Суздале и, наконец, в Москве, зато самым частым в Черниговских владениях (Рязань, Муром) и связанных с ними уделах, например в рязанских княжествах; в Рязани вплоть до XV в. оно держалось как символ независимости в противовес Москве.

Но причины всех этих и всех других неисчислимых примеров одноименности ведь различны? Одни повторения обязаны лишь вероятностным совпадениям (если в селе у каждого четвертого имя Иван, то по теории вероятностей в среднем на каждые 256 семей с четырьмя мужчинами должна оказаться одна с четырьмя Иванами, так как при вероятности $A=0,25$ вероятность $AAAA=0,0039$). Другие повторения, вне всяких сомнений, намеренны, а не случайны. Одно имя у 11 братьев появилось по иным мотивам, чем одна фамилия на целую деревню; два десятка коронованных Людовиков в истории Франции — результат других условий, чем шесть тысяч Смитов в лондонской телефонной книге. Но действительно различны ли их причины? Различны формы процессов, приведших в результате к одноименности, но суть одна. Ходячее представление, что имя служит различению, нуждается по меньшей мере в серьезной поправке: оно не только разделяет, но и вводит в ряд. Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято, независимо от его исходного этимологического значения (мало кому известного или не известного никому, либо известного, но социально нейтрального, как, например, Петр из др.-греч. *πέτρος* 'камень').

Церковная пропаганда изображала христианскую религию надклассовой. Соответственно имена святых, установленные церковью в качестве обязательных личных имен, представляли один общий список, из которого равно получали имена и вельможа и крепостной. Но так ли? Напрасно ученым казалось, будто с окончательным уничтожением дохристианских имен у русских имена стали едины для всех, поэтому исследователи утратили всякий интерес к ним. Борьба имен продолжалась! Единство русского дореволюционного именованника — иллюзия. Самые частые среди русских крестьянок в XVIII—XIX вв. имена Анна, Евдокия (просторечное Авдотья), Параскева (Прасковья) быстро редели в среде дворянок. Наилучший источник — полный список воспитанниц «Смольного института благородных девиц». С 1758 по 1914 г. процент «смолянок», получивших имя Анна, упал с 12,7 до 2,9, Евдокия (крестьянское Авдотья) — с 2,4 до 0,6, Параскева (Прасковья) — с 4,5 до 0,2 [ИВОбД, т. 3]. А получившие наибольшее распространение дворянские имена почти не проникали в деревню.

Лишь в святцах перечень имен был общим, а действительность противопоставила имена дворянок и имена крестьянок. Невозможно представить в начале нашего века ни графиню Матрену или Феклу, ни крестьянку Тамару. Имена резко размежевались социально.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с судьбой такого распространенного имени, как Мария. Сразу надо сказать, что собранный обширный статистический материал по многим губерниям за несколько столетий неопровержимо разбивает легенду, будто Мария — самое частое имя русских крестьянок на протяжении веков. В течение всего XVIII и первой половины XIX в. в деревне это имя не было самым частым, хотя в городах имени Мария действительно принадлежало первое место и в конце XVII, и в первой половине XVIII в. Среди воспитанниц Смольного, родившихся в 50—70-е годы XVIII в., имя Мария еще уступало именам Анна и Екатерина, разделяя с именем Елизавета третье и четвертое места — по 10% (столетие, в котором занимали престол две Анны, две Екатерины, Елизавета). К концу XVIII в. имя Мария вышло на второе место (12%), а в начале XIX в. оставило далеко позади всех соперниц и стало самым частым именем дворянок на много десятилетий. А тем временем оно начало распространяться и среди крестьянок, нередко получавших имя в честь барыни-помещицы. К середине XIX в. в большинстве сел и деревень это имя вышло на третье-четвертое место, иногда даже на второе (преобладали имена:

Анна в северной части страны, Авдотья — в черноземной полосе). И тотчас совершился крутой перелом в отношении дворянок к этому имени: начиная с 60-х годов стремительно падает употребительность его среди дворянок — от Марьи «запахло мужичкой». Среди «смолянок», рожденных в 1868—1869 гг., имя Мария впервые уступило имени Ольга, затем стало реже имени Елена и продолжало быстро убывать, тогда как среди крестьянок на рубеже XX в. оно заняло второе место, а кое-где — первое. Даже в тот короткий момент, когда частотность имени Мария оказалась близкой у дворянок и крестьянок, это кажущееся равенство на самом деле выражало совершенно противоположные процессы: если частотность его возрастала среди народа, то круто убывала в привилегированных слоях.

И спустя полвека после падения крепостного права социальная поляризация имен выступала достаточно резко. Сравним имена высших чиновников страны — чины трех высших классов — за 1911 г. [СГЧ] с именами крестьян села Русская Бектяшка Сенгилеевского уезда Симбирской губернии за 1910 г. [УОА, ф. 235, оп. № 1, № 283] в пересчете на тысячу мужчин по каждой группе:

	Иван	Василий	Александр	Николай
Крестьяне	175	106	46	49
Высшие чиновники	55	33	134	150

Подсчеты Х. Палли в Эстонии по книгам обложения второй половины XVI в. [Palli: 138—139] дали выразительнейшие результаты по социальному составу носителей некоторых имен. Вот некоторые данные по территории Ярвамаа в 1564 г. (в процентах ко всем носителям данного имени), приводимые для двух групп — мелкие хозяева с обложением меньше одного гака (гак — единица, сходная с русской обжай или сохой) и крупные хозяева — больше 2,5 гака:

Имена	Бедные	Состоятельные
Средняя (всех лиц)	38,5	8,1
Hannos	50,9	—
Jaak	70,0	—
Peep	52,5	6,6
Jürgen	43,3	3,4
Pärtel	29,7	9,1
Hans	23,4	10,2
Peter	28,9	10,6
Jaagup	26,7	13,3

Выбор имени оказывается в явной зависимости от социально-экономического положения его носителя: Hannos, Jaak,

Peer, Jürgen — имена бедноты, ими пренебрегают состоятельные; совсем иная социальная принадлежность имен Pärtel, Hans, Jaagir — среди носителей этих имен беднота составляла только $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$, тогда как в среднем доля бедноты равнялась 38,5%.

Исследовав личные имена туркмен XI—XVIII вв., З. Б. Мухамедова констатировала: «По нашим материалам, намечается социальная граница между именами представителей простого народа и ханов. Последние чаще носят имена хищных зверей и птиц, бывшие в свое время тотемами; крайне редкими в их среде являются имена, восходящие к таким мирным явлениям природы, как дождь или пустынный кустарник» [Мухамедова — 1965; 151]. Это же заметил еще в XI в. Махмуд Кашгарский.

В античную эпоху личные имена, производные от имени бога Аполлона (Аполлотор и др.), во Фракии и Египте принадлежали аристократам [Бешевлиев: 21]. В Иране начала нашего столетия имя Рамазан считалось «в общем довольно плебейским именем» [Белгородский: 217]. Это не изолированные факты. В них общая закономерность лишь достигла крайнего выражения. Статистически же вся масса имен распределялась социально. В каждый отрезок времени для одного имени его социальная избирательность выражалась слабее, для другого — сильнее.

Столь же социальны фамилии в своей истории. В России княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., помещичьи — формировались в XVI—XVII вв.; фамилии же горожан, за исключением именитого купечества, еще не установились окончательно и в начале XIX в., даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX в. еще не имели фамилий.

Социально различался и сам состав фамилий. Княжеские фамилии образованы из названий удельных владений — Шуйские, Курбские, Пронские. Царь Алексей запретил князьям Ромодановским-Стародубским именоваться Стародубскими — «непристойно» (напоминало о былой независимости от центральной власти), а князь Григорий умолял в челобитной: «Умилосердись, не вели у меня старой честишки отымать». Редки среди княжеских фамилии, образованные от церковных имен, зато часты из прозвищ (Ковровы — родоначальник князь Андрей Ковер, Жеребцовы — их предок князь Семен Жеребец), совсем нет фамилий из *nomina agentis* («по профессиям»), которые в купеческих фамилиях составили заметную величину, например по Калуге 1858 г. более 18%! [Калуж. ОА, ф. 86, оп. 6, № 416]. Это резко отличало купеческие

и от помещичьих, среди которых таких фамилий было мало, и от крестьянских, среди которых эти фамилии в среднем не превышали 5—7%. Купеческие фамилии отличаются от крестьянских и высоким процентом топонимических основ (по месту, откуда купец приехал), которые среди крестьянских фамилий единичны. Аналогичные социальные признаки фамилий отмечены исследователями и в других странах, например во Франции [Dauzat — 1949: 164], в Венгрии [Kálmán: 93—94].

Даже формы имен социальны. В древней Руси составные личные имена, особенно на *-слав* (Святослав, Ярослав, Мстислав и пр.), наиболее употребительные в XI—XII вв., летописец прямо называл княжескими. И действительно, их носили только феодалы — удельные князья, в полуреспубликанском Новгороде — представители олигархических родов (посадник Твердислав).

Известно, как яростно московские бояре боролись с царем за право писаться с *-вичем*, полным отчеством, — Иван Федорович (а не Иван Федоров сын). Отстаивая свой *-вич*, шли в опалу, а то и на плаху. Право на *-вич* строго ограничивалось законом, хотя ограничения эти за несколько столетий менялись с изменением главной социальной опоры власти. Указ 1627 г. устанавливал, что никто не может писаться с *-вичем*, кроме членов Боярской думы. Екатерина II приказала «особ первых пяти классов писать полным отчеством, лиц от шестого до восьмого классов включительно полуотчеством, а всех остальных без отчества», но затем еще при ней отчество было распространено на всех дворян.

В Польше XVII—XVIII вв. шляхта яростно отражала попытки самовольно присваивать «шляхетские» фамилии на *-ski* (хотя никакого письменного права на фамилии еще не существовало): Вук стал Вукowski, а Badura — Badurski, в местечке близ Кракова содержал корчму Baran, сын же его, прибавив себе *-ski*, стал Baranski. Многочисленных самозванцев разоблачали, осмеивали, но их не убывало [Bystron: 122—127]. Во Франции, в Германии признаками дворянства стали служебные элементы, образовавшие фамилии из наименования владения (франц. *de*, нем. *von*).

Для всех документов в Русском государстве XV—XVII вв. характерна строжайшая социальная градация имен. Пример из переписи Симбирска 1678 г.: руководители переписи — Семен Михайлович Нестеров да подьячий Иван Козляинов; первым записан крупный делец того времени «промышленник дворцового яицкого рыбного промысла Степан Трофимов сын Протопопов», а другим посадским людям помельче уж и почет не тот: «Елизарка Герасимов сын Черничев», еще ступенью ниже — «Ивашка Емельянов сын переплетчик» и т. д. [Опись Симбирску: 5, 17, 26]. Кто поименован

с полным отчеством и фамилией, кто с отчеством без *-вич*, кто назван в уничижительной форме с *-ка* и без фамилии — сколько оттенков именования, отмеренных в соответствии с занимаемым положением!

Форму личного имени определяло место на лестнице социальной иерархии, занимаемое его носителем. Крупный боярин, перед именем которого трепетали бояре помельче, не говоря уж о людях низших социальных ступеней, сам подписывался в челобитной царю: «холоп твой Васька». Для большинства населения России несколько столетий уничижительная форма с *-ка* была обязательной. Перепись Балахны 1674 г. перечисляла всех только Ивашко, Васко, Гришко, делая исключение лишь для гостиной и суконной «сотни» — Иван Ефимов сын Лютии, Иван Парфеньев сын Сушин [Писцовая книга Балахны].

Для простого народа уничижительная форма имени оставалась обязательной и в XIX в. С гневом и болью писал В. Г. Белинский («Письмо к Гоголю»): «Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Васьками, Стешками, Палашками» [Белинский — X; 213]. С уничижительной формой имени у зависимых народностей Поволжья и Сибири покончил только Октябрь.

С замечательной чуткостью выразил социальное противопоставление форм личных имен Л. Н. Толстой, назвав героиню романа «Воскресение» Катюшей. «Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша». На современный слух эти различия не имеют социального значения, а выражают только эмоциональную оценку, но совсем иначе было тогда.

Аналогична социальная пирамида имен в Иране на рубеже 30-х годов нашего столетия, описание которой показывает, что «эта схема отвечает сложной феодальной иерархии персидского общества, которая дожила в значительной степени до наших дней» [Белгородский: 217].

В санскрите личное имя содержало тот или иной второй компонент в зависимости от того, к какой из каст принадлежал носитель имени. У брахманов *-s'arman* 'милость' или *deva* 'бог' (*Indra-s'arman* 'милость Индры' *Jagd-deva* 'победы бог'), у привилегированной касты кшатриев *-varman* 'латы, доспехи' или *-raja* 'властитель, князь'; в касте купцов *-datta* 'дареный' и *-bhuti* 'удача', наконец, у низшей касты компонент *-dasa* 'раб' [Nilka: 18—29].

Интересные данные немецкого исследователя китайской антропониимии В. Бауэра в его сообщении о личных именах

на современном Тайване позволяют установить такую корреляцию, которая объясняет различие имен двухосновных (Ван-фу, Ю-лан) и одноосновных (Чин, Мей) социальным различием носителей. Среди имеющих высшее образование 96% имеют имена из двух основ, из имеющих среднее образование у 88% имена двухосновны, при начальном образовании — у 58%, из не имеющих никакого образования — 57% [Вауег — 1966]; за этим стоят различия в материальной обеспеченности.

В богатейшем Львовском архиве мной обследованы метрики униатских церквей [Львівськ, державн. архів, ф. 201, оп. 42, св. 144, № 1598; св. 145, №№ 1603, 1605, 1610]. В соборе Юра, цитадели западноукраинской «верхушки», услужливой и перед Габсбургами, и перед шляхтой, 13% девочек, рожденных в начале 60-х годов XIX в., получили имена двойные (bipominis) Марианна-Анна, Мария-Матильда и даже тройные (tripominis) Юлианна-Марианна-Антонина, Мария-София-Каролина и т. д.; в церкви Успения, где прихожане принадлежали также к довольно обеспеченному слою, двойные и тройные имена получили тогда 11% всех девочек, а в церкви Параскевы, где прихожане принадлежали преимущественно к «низам», за те же годы только полтора процента всех девочек получили двойные имена (тройных — ни у одной!) Двойное и тройное имя было привилегией обеспеченных слоев. В 1893 г. получила русское дворянство польская графиня София-Мария-Роза-Екатерина Потоцкая. В 1844 г. членом государственного совета, высшего учреждения Российской империи, состоял граф Станислав-Костка-Франц-Салезий-Регинальд Андреевич Замоиский. По указу Сената 6 сентября 1888 г. «присоединение одной фамилии к другой с правом пользования двойной фамилией допускается только лицам, принадлежащим к числу потомственных дворян» [«Собрание узаконений», 1888, № 87, стр. 799]. Выпросили и прикупили разными махинациями добавочно третьи фамилии вопреки законам князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, Глебов-Стрешнев-Шаховский, Оболенский-Нелединский-Мелецкий и другие представители богатой аристократии.

В обществе сословном сословны и имена. Конечно, сословная дифференциация имен не означает, что в самом имени или форманте заложены какие-то социальные признаки. Определенный социальный характер их сложился исторически. Нельзя понимать его и как заданный каждому сословию твердый список имен и их формантов. Связь сложнее и тоньше, подобно тому как сами сословия не однозначно соответствовали классам.

Личное имя — пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу.

Именно этим объяснимо существование параллельных систем личных имен, даже при наличии одной, официальной, обязательной для всех. Такие параллельные системы всюду разнообразны. Ведь любой член общества принадлежит ко многим пересекающимся общностям: как каждый гражданин, он имеет фамилию, имя, отчество, но он может быть по профессии писателем или актером и иметь псевдоним, кроме того, он семьянин и жена или дети называют его не по фамилии, имени и отчеству — у него еще есть домашнее имя, бывшие школьные друзья зовут его школьным прозвищем и т. п.

Если различные грани отношений человека к обществу не одновременны (директор завода, он же отец, он же кому-то товарищ школьных лет), а меняются в течение его жизни, этим переменам может сопутствовать даже и полная смена личного имени. Древние тюрки имели только возрастные имена: «Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе» [Гумилев: 21]. У многих народов, далеких один от другого, имена возрастные. У негритянского племени моси в Западной Африке юноши живут отдельно, подготавливаясь к зрелости; на этот период они получают особые имена, которые знают только они сами и их наставник; позже, став взрослыми, они могут называть друг друга этими именами, но никогда в присутствии других [Houis: 10]. У таджиков в верховьях Пянджа имя, данное ребенку при рождении, не произносят до совершеннолетия, а употребляют временное [Андреев: 83—84]. В Китае существуют специальные возрастные имена, параллельные основным, обязательным: детское имя, школьное имя [Вауер — 1959: 13—15]. В Японии ребенок носил сначала «молочное имя», при совершеннолетию получал имя взрослого члена общества [Lange: 238]. В Корее мальчику при рождении давали «детское имя» — так называемое *амён*; достигнув совершеннолетия, он менял это имя на *кванмён* — имя официальное, затем при женитьбе присоединялось еще имя, называемое *чжа*, а поступая на государственную службу или начиная деятельность в литературе и искусстве, дополнительно получал еще и *хо*, соответствующее псевдониму европейцев. Женщина в средневековой Корее личного имени не имела, до замужества ее называли по имени отца или брата — дочерью или сестрой такого-то, а в замужестве — по имени мужа или ребенка, т. е. женой или матерью такого-то, либо по месту ее прежнего жительства, откуда взята замуж [Ли: 61—62]. У мордвы в прошлом женщина при выходе замуж получала новое имя [Майнов: 79—85]. Менялось место человека в обществе — сменялось имя.

В сущности, и у нас для каждого возраста у человека различны имена (или хотя бы формы имени): растет девочка Тома, пошла в школу — стала Тамара Иванова, получила самостоятельность — и уже она Тамара Петровна Иванова, а выйдет замуж — получит фамилию мужа. У племен на о-ве Новая Британия (восточнее Новой Гвинеи) при браке жена дает мужу новое имя.

В средние века наемники, поступая в войска, получали особое имя — воинское. Это не исключение. История знает «военное имя» (франц. *le nom de guerre*) у многих народов в различные времена. Его принимали полководцы в древности. Нередко оно и в русской истории (Дмитрий Донской — XIV в., Румянцев-Задунайский — XVIII в.). Исследователь личных имен у племени моси отметил у них «военное имя» как обычное явление; избранный там военачальником (наба) в 1956 г. при избрании взял себе имя Наба Кугри (*кугри* — 'камень'). Царь Иван III имел имя Тимофей; царь Василий III был Гавриил; сын Грозного, известный как царевич Димитрий (убитый в Угличе), — не Димитрий, а Уар; одно имя — царское, другое — церковное.

Вступая в определенные отношения с другими людьми, человек может получить новое имя — в дополнение к имеющимся, а в некоторых условиях взамен его.

Псевдонимы прошлого и партийные клички подпольщиков поддерживают мысль, что эти особые системы имен требовались, чтобы скрыть подлинное имя. Но их берут и в условиях, где нет нужды в конспирации. Для человечества имена Ленин, Горький несут неизмеримо больше содержания, чем Ульянов, Пешков. В таких случаях, конечно, действует огромное влияние, завоеванное именами непаспортными, так что их сохранение, когда конспирация стала ненужной, еще не доказательство, что они не зависят от конспирации. Но есть немало убеждающих доказательств. В нашем обществе ничто не препятствует выступать в литературе или же на сцене под своим подлинным именем; значит, избирают псевдоним как знак «вступления в цех» литераторов или артистов (другое дело, когда псевдоним подчинен стилистически произведению, служит его частью, помогая создать образ «рассказчика», как Козьма Прутков, пушкинский Белкин, гоголевский пасечник Рудой Панько и т. п.). Прозвища, которые приклеивают школьники своим одноклассникам и учителям, весьма редко остаются в секрете, да их и не очень прячут, скорее даже наоборот. Они нужны как условный знак особой маленькой замкнутой корпорации. Русское правительство знало тайные имена всех членов масонских лож, так что мнимая тайна «тайного» имени не приносила никакой реальной пользы, а служила символом, как молоточек магистра и прочая масон-

ская буффория. Идя в монахи или становясь воров, получали новое имя — иноческое или блатное; отказ от прежнего имени означал отречение от привычной жизни, а новое имя служило знаком принадлежности к братии или шайке. Если круг засекречен, потаенны и внутренние имена, но их существование обусловлено не конспирацией, а символикой. Подлинно конспиративная маскировка чужим именем относится только к меньшинству, хотя в некоторых социальных условиях немалому. В России XVII—XVIII вв. тысячи беглых, скрываясь от крепостного гнета, принимали другие имена: в документах обычны записи: «а бегаючи он Трофим переменял имя Васьюкой», «а в бегах Иван-Кислый назвал себя Шедра».

Относительно редки и полускрытые параллельные системы имен (в группах, противопоставленных общественному строю), в большинстве же случаев они явны и бесконфликтно сосуществуют с официальной системой имен (например, литературные псевдонимы или проносимые сквозь всю жизнь дружеские прозвища сверстников молодости).

В первом томе автобиографической эпопеи «Кашеева цепь» М. М. Пришвин писал о своем детстве (родился в 1873 г.):

«В Ельце, моем родном городе, все старинные купеческие фамилии были двойные: первое имя, хотя бы наше, Пришвины, было имя родовое и официальное, а второе имя считалось „уличным“: наше уличное имя было Алпатовы. И так точно было у всех: Лавровы, Ростовцевы, Горшковы, Хренниковы, Романовы, Заусайловы, Лагутины — у всех решительно были вторые „уличные“ имена» [Пришвин: 25].

Счастливым случаем позволил мне обнаружить в Орловском областном архиве ревизскую сказку 1857 г. (так назывались тогда листы переписей всего тяглового населения) по Ельцу [ф. 780, № 84]. Там, исследуя имена и фамилии, автор этой книги нечаянно нашел предков М. М. Пришвина (среди них прадед писателя), а также и все перечисленные им официальные фамилии купцов. Но параллельных «уличных» фамилий нет ни одной, хотя в жизни, конечно, именно они и употреблялись.

В русской деревне «уличные» фамилии были настолько употребительнее паспортных (которых иногда никто и не знал), что даже казенные документы конца XIX в. вынуждены были использовать их — иначе немислимо бывало разобрататься, о ком идет речь. Нередко случалось, что и церковное имя, данное при крещении, оставалось никому не известным, а в быту и даже во всех документах значилось только другое имя.

Синхронное совмещение двух систем названия нередко. У многих народов нашей страны отмечен обычай называть

каждого двумя именами, например, одно взято из имен, употребляемых русскими, другое — из прежних имен данного народа. Так, у коми села Отево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа: «Например, официальное имя человека, данное при записи о рождении, Федор, а в быту зовут его Тюнька, официальное имя Никифор, бытовое — Пелько или Питю, другие примеры соответственно: Андрей — Люшко, Георгий — Люлько, Кирик — Гилько и т. п.» [Выборов: 110]. Аналогично у эвенков, которые по распространенному обычаю «имеют помимо официального имени, записанного в документах, добавочное, употребляемое в повседневном общении. Вот несколько примеров. Учительница Х. Д. Турская имеет второе имя — Качикан 'щенок'; ее отец Д. М. Турский носит прозвище Хевора 'голозадый', рыбак Ф. С. Хукочар — он же Догул-ачин 'без нижнего белья' и еще одно — Индер (значение неизвестно), охотник А. Г. Хутокогыр — Килтырой 'сухой, вяленый, наподобие юколы' и т. д.» [Туголуков: 132]. Аналогичные примеры привели в докладах на Всесоюзном совещании по личным именам в 1968 г. А. Н. Мирославская (башкиры), А. И. Рудных (якуты), Т. И. Тепляшина (удмурты), А. В. Смоляк (нанайцы), Р. М. Джарылгасинова (корейцы Средней Азии).

Многочисленны факты, когда человек меняет свое имя при перемене среды. Под 1042 г. Густынская летопись сообщала о браке князя: «дана бысть ему жена Мария володимеровна рожденная от Анны царевны греческой сестра ярославля и проименована ю Доброгнева вместо Марии». В Чехии XIII в., когда король Вацлав I онемечивал страну, «дворяне побросали свои родовые фамилии на *-ичи* и по примеру немецких баронов и рыцарей стали величаться по своим именьям, которые они окрестили немецкими именами. Таким образом, например, Витковичи, назвались von Rosenberg, Зайцы — von Hasenburg, появились Фалькенштейны, Лихтенбургги и т. д.» [Любавский: 94]. В наши дни греки Кселиотис и Николопулос в США стали Элиот и Нилсон [Triandophyllidis: 527]. Издан даже словарь фамилий украинцев, живущих в Канаде, где Носатый стал Киркпатрик, Герасимчук — Харрис, Абрамович — Брэмэр и т. п. [Klymasz].

Преобладают два способа такой перемены имен: 1) калька, т. е. передача прежнего этимологического значения средствами другого языка, — украинка Надя в Виннипеге (Канада) сменила имя на Хоуп (англ. *hope* 'надежда'); канадский немец Кониг (нем. 'король'), переехав в другой штат, где говорят на французском языке, сменил фамилию на Руа (франц. тоже 'король'), а француз Руа, поселясь в англоязычной части Канады, стал Кинг (англ. 'король'); 2) жертвуют, напротив, этимологическим значением, подыскав сходно зву-

чащее слово другого языка, — украинец Макогон в Канаде стал Мак-Магон на ирландский манер 'сын Магона', а Антонышин превратился в Интонейшен (англ. 'интонация') [IK — VI, vol. III: 665—668].

В одних случаях переместился сам носитель, переселясь из одной страны в другую. Выдающийся русский лингвист XIX в. А. Х. Востоков ранее в Германии носил фамилию Остен-Сакен (нем. *Ost* 'восток'); от грузинской княжеской фамилии Бараташвили, давшей известного поэта Н. Бараташвили, отделилась ветвь, которая поселилась в России под фамилией Баратаевых. В других случаях изменилась среда: в первые десятилетия после Октябрьской революции меняли фамилии Дьяконов, Крестовоздвиженский на Пролетарский, Первомайский — примеры упрощенного представления о социальности имени.

Никто до сих пор не заметил любопытнейшей параллели. При вступлении в монашество одновременно с заменой мирского имени на монашеское стригли волосы (отсюда выражение «постричься в монахи»), и в Китае наречению ребенка сопутствует обрезание волос [Вауег — 1959: 45], и на противоположном конце континента у негритянского племени моси в Западной Африке церемониал наречения ребенка обозначается словом с этимологическим значением «стричь волосы» [Houis: 16]. Это доказывает, что и там некогда оба эти «мероприятия» совмещались. Случайность такого троекратного совпадения двух обрядов невероятна. Заимствование затруднено грандиозностью расстояний и всей историей, не допуская контактов между этими территориями на протяжении всех известных тысячелетий. Значит, есть какая-то связь между получением имени и стрижкой волос, если оба обряда объединялись и на дальнем востоке Азии, и в Европе, и на крайнем западе Африки? Одно от другого, конечно, никак не зависит. Чем же они оказались связаны? Да тем, что оба акта имеют общую причину: оба выражают одно — включение в определенное общество, посвящение в его члены. Стрижка и имя оказались наиболее наглядными (но, конечно, не единственными) символами такого посвящения.

И отсутствие личного имени — тоже социальный признак. В древнем Риме женщину называли по имени отца (чья дочь), мужа (чья жена) или сына (чья мать). На Руси задолго до возникновения фамилий в древнем Новгороде документированы Полюжая, Завижая — от мужских имен Полюд, Завид, т. е. принадлежащая Полюду, принадлежащая Завиду. И позже жену Петра звали Петриха, и всю жизнь могли не узнать ее подлинного имени. Переписи и другие документы XVI—XVIII вв. обычно обозначали женщин без их личных имен, а по имени отца или мужа: *яковлева дочь ива-*

новская жена сапожникова, т. е. дочь Якова, жена сапожника Ивана, хотя когда-то ей нарекли церковное имя, но оно так и оставалось никому не нужным. Отсутствие личного имени женщины в быту и в документах соответствовало ее социальному бесправию. С установлением фамилий стала обязательной при браке смена девичьей фамилии на мужнину — переход из одной зависимости в другую, смена владельца.

У индейцев племени квакиютль берущий займы оставляет в залог свое имя, и, пока не вернет долга, его считают безымянным, не называют по имени; безымянный перестает быть полноправным членом племени. Необычно ли это? Нет. И каторжанам запрещали имена, заменяя номерами.

Если эскимос в Канаде почему-то решал, что его имя несчастливое, он, никого не спрашивая, расставался с ним и называл себя по-другому; иной по пять-шесть раз таким способом превращался в другого человека. Это приводило в отчаяние чиновников. Эскимосов занумеровали. Но они воспротивились так решительно, что затея с нумерацией провалилась.

‡

Все это множество фактов не позволяет согласиться с теми, кому история личных имен кажется хаосом случайных капризов, не подвластных ничему. Действительно, если ограничиться небольшой территорией и коротким отрезком времени, то все наблюдаемые явления предстанут беспорядочными и случайными, главное утонет в мелочах. Только в перспективе времени и пространства видна динамика имен: одни тенденции генеральны, определяющие, другие — второстепенны и подчинены, а некоторые направлены «против течения». Исторически обусловлены и многовековая неизменность имен в прежней русской деревне с ее косным укладом, и бурный взрыв в городском именнике 20-х годов.

Однако нелишне предостеречь от опасных упрощений. Во-первых, антропоним социален исторически, а в самом имени не заложено ничего предопределяющего социальную роль его. В XIX в. Мария из имени дворянок превратилось в имя крестьянок. Во-вторых, антропонимия, как, например, и правовые институты, может не тотчас реагировать на социальные сдвиги, а отвечать на них с запозданием, иногда немалым. Антропонимические явления переживают ту социальную базу, которая их породила. В-третьих, социальная обусловленность антропонима сложна, нередко она многоступенчато опосредствована: некоторые антропонимические процессы вызваны факторами внутриязыковыми или даже внут-

риантропонимическими, т. е. зависят от истории общества только в конечном счете, через много промежуточных звеньев. Нельзя в каждом случае искать антропонимическому явлению непосредственное объяснение в истории общества. Связь чаще всего не прямолинейна.

Неприемлем и тезис румынской антропонимистки Аврелии Стан: «Большая или меньшая распространенность и частота вызывают некоторые соображения относительно давности соответствующих имен; распространенность и частота этих имен прямо пропорциональны их древности» [Stan — 1961: 394]. Это может быть верным в условиях застойного, неподвижного общества, но генерализация такого вывода означала бы вечную неизменяемость антропонимии: старое оказывалось бы всегда сильнее нового. В нашей стране за последние полстолетия, можно сказать, на глазах одного поколения, веками преобладавшие старые имена Иван, Анна, Федор, Евдокия (Авдотья) и другие либо стали очень редкими, либо исчезли совсем. Решение гораздо сложнее, чем простая связь: «чем имя старше, тем распространеннее».

Проблема личного имени как социального знака еще не встала перед исследователями во всей полноте. Еще только предстоит разработка всех ее многочисленных граней.

МИСТИКА ИМЕН

Яростную борьбу вела из-за имен церковь. Уловив ценность имени как социального знака, почти все религии воспользовались им, присвоив себе монопольное право давать имя, придав этому акту религиозный характер и превратив личное имя в символ принадлежности носителя имени к данной религии. Некоторые религии при этом шли на компромисс, например ислам, а из христианских религий — протестанство, допуская некоторую вольность в выборе имен; напротив, католицизм и православие ввели жесткий список имен, категорически запретив все другие. В России борьба церковных и нецерковных имен длилась восемь столетий. Только на рубеже XVII—XVIII вв. крутые меры правительства покончили с именами, не вошедшими в этот список. У лютеран и у мусульман, хотя и нет такой обязательности, но выбор имен тоже фактически ограничен.

Во все времена непонимание действительных причин явления приводило к мистификации его; так, одухотворяли дерево, реку, ветер. То же происходило и с именем. Видели огромное значение его в обществе, но, не умея объяснить, приписывали ему божественную силу. И примитивные суеверия, и могущественные религии мистифицировали имя. «Важным моментом, по старинному представлению тюркских народов, является наречение имени, имеющее магическое влияние на дальнейшую судьбу человека» [Жирмунский: 100]. Так у многих народов. Христианство, неистово воюя с язычеством, на самом деле и не старалось разбить языческие представления о мистической власти имени, а само использовало их, идя на любую фальсификацию. Православие объявило «святого» Власа (Власий) покровителем животноводства, чтобы переключить на него популярность языческого «скотьего бога» Велеса. Церковь приложила немало усилий, чтобы внушить всем, будто названный именем святого поступает под особое покровительство этого святого. В пьесе итальянского драматурга Э. Витторио «Вор в раю» верующий воришка умоляет каменного святого, имя которого

носит, помочь ему красть и не попадаться. Напомним записанный А. М. Селищевым в Македонии народный рассказ. Крестьянин дал сыну имя Иван. Собрались гости, пришлось зарезать барана. Но так как в православных святцах множество «святых» с этим именем, то через три дня односельчане нагрянули в гости снова. За месяц крестьянин стал нищим. Он направился в церковь попенять святому и увидел изображение Иоанна Крестителя, едва прикрытого шкурой. «Он и сам голый!» — воскликнул крестьянин [Селищев — 1931: 228—229]. Примеры анекдотичны, но очень метко передают суть магии имен — слепой веры в волшебную силу имени.

На мистификации имени основаны многие религиозные представления и бытовые суеверия. Сущность их — приписывание имени потусторонней силы. Церковь веками вбивала в сознание русского народа, что «в некрещеном ребенке нет души». Отождествление «имя — душа» свойственно многим верованиям. Этим вызвано и табуирование личных имен, распространенное у множества народов: подлинное имя надо держать в тайне от врагов, которых так много, — и злые люди, и злые духи; если они узнают настоящее имя, могут повредить его носителю, даже похитить жизнь.

Описаны бесчисленные формы табу личных имен. Нет возможности привести все примеры. Еще Фрэзер дал обширный материал [Frazer: 318—334, § 1 «Personal Names tabooed»]. Последующие публикации многократно увеличили сведения о таких фактах у самых различных народов. Чтобы обмануть врагов и саму «нечистую силу», скрывали подлинное имя, употребляя другое, подставное. В Русском государстве на протяжении нескольких столетий, даже и в XVII в., имя, данное при крещении, нередко оставалось неизвестным для всех. Один из виднейших деятелей XVII в., боярин Богдан Хитрово, воевода и даже главнокомандующий, во всех документах значился Богданом, и только после его смерти выяснилось, что при рождении крещен он был под именем Нов. В Азербайджане еще и сегодня бывают случаи, когда из суеверия скрывают имя, как сообщил Ш. Саадиев [Личные имена: 186—187]; на севере Сибири «почти все мужчины-нганасаны имели по два имени, из которых одно было настоящим и употреблялось очень редко, а другое служило для повседневного употребления» [Долгих: 42]. В Туркмении «у каждого ребенка есть *чын ады* — его настоящее имя и *илин ады* — его ложное имя» [Мухамедова — 1957: 46].

Другой способ обмануть злых духов — давать ребенку отталкивающее имя, с такими значениями, как «негодный», «дурак», «вонючий», «собачий хвост» и т. п. в расчете, что злой дух такого не возьмет, зачем ему дурак или собачий

хвост? Подобные имена часты у тюркских народов, особенно для детей, рожденных в «год свиньи» (12-й год 12-летнего «звериного цикла»): верили, что рожденные в этот год становятся добычей «нечистой силы». Известны такие примеры и у других народов. По-видимому, таковы имена, записанные миссионером у африканского племени ньоро в Уганде типа «добыча смерти» [Beattie: 102] или у народности лугбара на севере Уганды — «сын шлюхи», «завтра умрешь» и т. п. [Midleton: 36].

В разных концах планеты при болезни ребенка ему меняли имя: удмурты [Личные имена: 164], саамы (при этом они обмывали его раствором ольховой коры, чтобы смыть старое имя и вместе с ним болезнь), и далекие от них чукчи меняли имя при болезни, а также кхмеры на юго-востоке Азии, яванцы в Индонезии, эскимосы Канады.

В России даже в XVI—XVII вв. нередким был обычай ложной находки: ребенка прятали вне жилья, чтоб обмануть «нечистую силу», а после «находили» и делали вид, что это не тот ребенок, называли его другим именем. Поэтому нецерковное имя Найден не всегда означало подкидыша, как и у сербов XIII—XIV вв. имя Находь. Это «обманные» имена с целью навести злых духов на ложный след.

Эскимосы представляют человека как соединение тела, души и имени, из которых только имя может избежать смерти [Штернберг: 309]. У самых различных народов обычна эстафета личных имен — передача ребенку имени умершего предка. Это отмечено у народов Севера, например иганасан [Долгих: 42], енисейских ненцев [А. А. Полов: 83], также и среди таджиков ребенка называют именем умершего предка, если никто из родственников не носит этого имени [Андреев: 84], аналогично у туркмен [Мухамедова — 1967: 43]. И это не память, а вера, что перенос имени на другого переносит в него ту же душу. Девочку-туркменку, названную именем бабушки по отцу, родной брат называл только нарицательным *эним* 'моя бабушка'. У папуасского племени маринданим на Новой Гвинее существует «охота за именами»: делают вылазки к соседям и, убивая, требуют: «Имя! Скажи свое имя!» Их объяснение: «Имен не хватает!» По их представлениям, сколько имен — столько и душ, значит, чтоб племя размножалось, приходится отнимать у соседей имена вместе с жизнью [«Сыны Дехевая»: 166].

Мистификация имени диктует и выбор имен-пожеланий. Называя ребенка на том или ином языке Умный, Богатырь, Красавица, Счастливая и т. п., ведь не констатируют в новорожденном эти качества, пока еще неизвестные, а заклинают судьбу, чтобы ребенок вырос таким. Родители-таджики, называя сына Санг 'камень' или Табар 'топор', желают ви-

деть его долговечным, как камень, или прочным, как топор [Гафуров — 1970: 282]. В древнем Риме следили, чтобы первый в воинских списках имел имя, этимологическое значение которого несет хорошее предзнаменование.

Все эти разделенные континентами и тысячелетиями бесчисленные примеры, от комических до трагических, — проявления веры в чудодейственную власть имени. Мистификация имени возникла из реальности, которую не могли объяснить: видели огромную силу имени в обществе, причины которой не понимали.

СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН

У исландцев нет фамилий, чеха, поляка, болгарина не называют по отчеству, у некоторых народов Океании нет ни фамилий, ни отчеств; имена китайцев тоже имеют очень мало общего с нашей трехчленной именной системой, образуемой индивидуальным именем (в узком смысле), отчеством, фамилией. Как же обращаться к исландцу, поляку, китайцу? Где имя, а где фамилия у корейца (Ли Ги-ен) или японца (Акутакава Рюносукэ)? Как разместить, например, части вьетнамского, корейского или китайского имени в наших рубриках «имя», «отчество», «фамилия» (при выдаче паспорта, заполнении анкеты или в различных списках и перечнях, в алфавите авторов, в библиографических указателях и каталогах, в энциклопедических словарях и во многих других случаях)? Как быть с многочленными именами (Эрнст Теодор Амадей Гофман)? Еще труднее с такими именами (даны в Австрии, 1912 г.): Франц Марианна Ханс Катарина Мюллер, Анна Петер Матильда Христиан Шульце [Vach — I, 2: 206] — кто из них мальчик, а кто девочка и каким элементам привычных нам именовании соответствуют пять членов каждого из этих имен? *. Правомерно ли само сопоставление имен разных систем?

Теперь, с активным расширением международных связей, такие вопросы возникают все чаще и острее. Многие советские люди бывают за границей — в деловых командировках или туристских путешествиях, многие участвуют в международных встречах и конгрессах; переписываются с иностранными коллегами ученые, писатели, художники, артисты; переписываются познакомившиеся заочно по очерку в

* В странах, где закон не ограничивает количества имен у человека, возможны и такие курьезы, как случай, о котором рассказали газеты: в бельгийском городке Персель, близ столицы, мальчику, рожденному в 1972 г., дано имя, которого регистрирующий чиновник муниципалитета никак не мог повторить, чтобы записать, — оно состояло из двух десятков фамилий всего основного и запасного состава местной футбольной команды (газ. «Известия», 1972, № 145).

журнале представители различных профессий; переписываются с зарубежными сверстниками тысячи школьников, изучающих иностранный язык. Иностранцы — частые гости в нашей стране.

Во всех этих случаях необходимо знать, какие формы именования приняты у того народа, к которому принадлежит собеседник или адресат. Легче понять это на обратном примере: иностранный студент в советском университете обращается к женщине-профессору: «Я читал Ваши книги, Ольга Кузнецова» — или, слыша вокруг дружеские обращения, скажет академику: «Приехал учиться к Вам, Коля». Подобные оплошности иногда смешат, а чаще коробят.

В 1814 г. А. С. Шишков сопровождал жену царя Александра I в Германию, освобожденную русскими войсками от Наполеона, и так описал торжественную встречу, которая царицу обидела:

«Странно было для русского уха слышать, что громкогласно и с восторгом произносилось одно только отечественное имя ее: „Алексеевна!“ . Нельзя было не рассмеяться, когда народ кричал: „Ура, Алексеевна! Виват, Алексеевна!“ Они думали подделаться этим под русский язык, потому что у них отечественное имя не в употреблении, но того не могли знать, что без приложения к нему собственного имени оно дико и только о простых и пожилых женщинах говорится» [Шишков: 295].

В серьезном издании за рубежом встретился такой способ передачи русского антропонима: Сергей, Петрович И. — а это Иванов, Сергей Петрович. Все перевернуто: имя принято за фамилию, а отчество — за личное имя, от фамилии уцелел один инициал. Наша антропонимическая система, кажущаяся нам такой простой и чуть ли не единственно возможной, оказывается непростой для иностранцев. Увы, такие промахи порой совершаем и мы, передавая антропонимы других народов.

Имя арабского государственного деятеля Абд эль-Насер (неудачно транскрибированное Габдель Насер) журнал «Русская речь» предписал склонять так: Габделя, Габделю. Но эль — артикль, тесно связанный со следующим словом и не существующий самостоятельно. Склонять его — то же самое, что склонять подобным способом название мальтийской столицы Ла-Валетта: в Лу-Валетту, из Лы-Валетты.

Немало различий в системах личных имен и внутри нашей многонациональной страны. В обычае латышей давать ребенку не одно имя, а два. У многих народов не принято называть по отчеству, у других отчества еще только входят в употребление. Колеблются и формы отчеств: у одного и того же человека в одних документах отчество проставлено Ахмед-оглы или Ахмед-заде, в других — просто Ахмед,

в третьих — Ахмедович. Такой разнотой приносит много осложнений: при переходе на пенсию или в любом другом случае, когда необходимы точные документы, предстоит длительная переписка, нелегкие хождения по учреждениям.

Два внешне тождественных факта в различных системах — совсем не одно и то же: «Американцы запросто зовут друг друга только по имени, но это вовсе не означает дружбы или интимной близости, которые такое обращение предполагало бы в Западной Европе» [Кон: 126].

Различные системы личных имен сложились исторически, они обусловлены и различиями социального развития, и различиями языков. «В каждом обществе функционирует специфическая система антропонимии, образуемая одновременно, с одной стороны, системой языка, с другой стороны, правовыми традициями», — констатировал выдающийся польский лингвист Тадеуш Милевский [Milewski — 1959: 119]. Эти системы требуют изучения не только ради многочисленных практических нужд: они служат источником для таких наук, как история, этнография, лингвистика, ведь в личных именах отразилась история народов, их быт и социальный строй. Свидетельства имен неопределимы для истории языка.

≠

В другой работе Тадеуш Милевский [Milewski — 1963] предпринял попытку классифицировать все антропонимические системы по количеству составляющих их членов: одночленные, двучленные, трехчленные... Но сортировка по количеству членов не только не раскрывает главного, а как раз заслоняет его третьестепенным. Она разрывает действительно однородные системы, которые разошлись только незначительно, приобретя или утратив один из компонентов, и объединяет самые разнородные, которые внешне совпали по количеству членов, совершенно разных. В Индии нет ни отчеств, ни фамилий, хотя имена там трехчленные, как и у русских, трехчленны и имена китайцев, вьетнамцев, тоже совершенно не соответствующие трехчленному русскому именованию. В действительности трехчленное имя Александр Сергеевич Пушкин родственно, конечно, польскому, чешскому, болгарскому двучленному имени Адам Мицкевич, Карел Чапек, Иван Вазов (отличие единственно в отсутствии отчества), а не древнеримскому трехчлену Публий Овидий Назон и не китайскому трехчлену Кан Ю-вэй (оба они далеки друг от друга — в них сходен лишь один первый компонент). Конечно, сортировать по количеству членов несравнимо легче, чем группировать по существу, до чего антропонимика еще не доросла. Классификация — это не зачин науки, а ее зрелость.

Антропонимика пока не располагает сводом компонентов, образующих систему. А это основные антропонимические категории. Не выяснив их, невозможно рассматривать и сопоставлять системы имен.

Древние греки, кельты, германцы, славяне, турки имели по одному имени — личному в узком смысле; второе имя могло появляться в некоторых случаях (по занятиям или месту происхождения).

У древних римлян полную антропонимическую систему составляли: 1) *praenomen* — личное имя в узком смысле (аналогично нашим Андрей, Елена), их было очень мало — всего 18; 2) *nomen* — имя рода, в нашей современной антропонимической системе соответствия ему нет, но некоторые народы еще употребляют родовые имена; 3) *cognomen* — так же, как и *nomen*, передаваемое по наследству, обозначало ветвь рода, первоначально — привилегия только патрициев в отличие от плебеев; в подсчетах И. Кайанто собрано 5 тыс. 783 таких наименования, охватывающих более 133 тыс. человек [Кайанто — 1965]; *cognomen* не имеет параллелей в нашей антропонимической системе, некоторое отдаленное сходство намечалось в «почковании» боярских родовых наименований XVI в., но оно не развилось, вытесненное фамилией.

«Имена, обычные в древнеримскую эпоху — композита из трех элементов, как *Kaius Julius Caesar* (Кай Юлий Цезарь), *Marcus Tullius Cicero* (Марк Туллий Цицерон) и другие, исчезли во всей Европе после падения Империи. Короли, дворяне, крепостные носили одно-единственное имя. К этому единственному имени могло прибавляться прозвище, но оно не было наследственным и не может быть сравнимо с фамилиями нашего времени» [Kálmán: 89].

Пожалуй, самая разработанная — арабская антропонимическая система позднего средневековья. Она включает много компонентов:

1. *Исм-алям* — имя, даваемое при рождении.
2. *Кунья* — именование по именам детей: Абу-Ахмед 'отец Ахмеда', Умм-Ибрагим 'мать Ибрагима', даже Абу-Бурдах — букв.: 'отец плаща' — переносно в значении «хозяин плаща». Такое именование, у нас не вошедшее в систему (хотя обозначение по модели «сережина мама» и у нас встречается, например в языке детей или работников детских садов), распространено у многих народов — и не только у семитских или у их соседей, но и у народов, очень далеких от них. Так, у кетов в Сибири до рождения ребенка муж зовет жену безлично «место», после рождения ребенка — «мать сына» или «мать дочери», при нескольких детях — «мать детей»; жена обращается к мужу «отец сына», «отец дочери», «отец детей» [Кетский сборник — II: 235]. Аналогично у даяков Ка-

лимантана и у яванцев. Удастся ли объяснить эти параллели заимствованием или древнейшим родством народов? Вероятнее, это общность типологическая: из сходных условий возникает сходный результат. Престиж человека в обществе менялся с рождением ребенка.

3. *Насаб* — имя по отцу или (очень редко) матери: Ибн-Сина (в европейской передаче Авиценна) — это 'сын Сины'. В иранских и тюркских языках «сын» занимает постпозицию, например Мардан-заде и Темир-оглы соответственно. У нас этому соответствует отчество — в современной форме на *-ич*, *-ович*, *-инич*, женские *-овна*, *-инична*, до прошлого столетия — в краткой форме прилагательных *-ов*, *-ин*, еще раньше — с добавлением слова *сын*.

4. *Лакаб* — обычно переводят термином «прозвище»: Сиддик 'правдивый', Ахтаб 'беззубый', их различают — презрительные, повествовательные, описательные; в эту категорию включают также имена по занятиям, титулы (должностные, почетные) — *-шах*, *-хан*, *-бек*, *-мирза*, *-сеид* и т. п., имена с компонентами *-дин* 'вера' и т. п.

5. *Нисба* — имя по происхождению: генеалогическому (по имени предка — подлинного, предполагаемого или вымышленного), этническому, позже географическому (Мослави 'из Мосула', Басрави 'из Басры'); обозначения по зависимости, общественной связи.

6. *Мансаб* — обозначение по занятию.

7. *Тахаллус (махлас)* — псевдоним, также различный по своим лексическим источникам (по месту рождения — Рудакки, по занятию — Хафиз, по меценату — Саади в честь Саад бен Занги). Все эти виды вступают в различные сочетания: кунья + лакаб, кунья + нисба, лакаб + нисба и т. д. [Onomasticon arabicum — I] — или взаимоисключают один другой: у иранцев либо конье (кунья), либо имя, но не то и другое вместе [Белгородский: 222].

Даже лучшие из описаний арабских антропонимических категорий не дают представления о функционировании их как системы. Не всегда возможно и установить различие между двумя категориями, да и весь приведенный перечень лишен единого принципа деления, его рубрики пересекаются (одно и то же имя — одновременно и тахаллус и нисба). Как и все другие попытки инвентаризовать систему имен, тут в самом основе смешаны два несоединимых критерия — происхождение имени и функция его.

Индийская антропонимическая система трехчленна. Она состоит из следующих компонентов (по описанию А. Н. Зубкова): 1) *раши* — его определяет астролог по сложным таблицам, исходя из данных о рождении ребенка (год, месяц, число, день недели, час, минута) и географических координат

места рождения; 2) принадлежность семьи к определенной религиозно-общинной группе, пол ребенка или иные общие признаки; 3) принадлежность к касте или части касты. Пример полного имени: Рам Кумар Арора: Рам — раши, под которым ребенок рожден, Кумар — 'мальчик, сын', Арор — название касты торговцев в Северной Индии. Последний компонент, ошибочно принимаемый нами за фамилию, как раз многие теперь в Индии отбрасывают как пережиток, даже в официальных документах. Списки составляются по алфавиту первого компонента имени [Зубков: 121—131].

Китайскую антропонимическую систему сегодня составляют такие члены: *син* — близкое к нашей фамилии, и *мин* — личное имя в узком смысле, часто двучленное. Пример: Цюй Цю-бо — значение первого компонента 'страх', *цю* 'осень', *бо* 'белый'. Но на протяжении жизни человека именование не остается неизменным: различные компоненты именованья меняются в зависимости от положения человека в обществе. Основные виды имен таковы (по Бауэру): 1) *сяо* — детское имя, которое ребенок получает при рождении, как ласкательное; 2) *мин* — главное имя, его дают родители или учитель при приеме ребенка в школу, нередко с магическим значением; 3) *цзы* — имя совершеннолетия, по значению оно обычно перекликается с предыдущим; 4) *хао* — прозвище, даваемое друзьями или избираемое самим носителем, также и псевдоним; 5) *ши* — почетное имя, в императорском Китае было излюбленным у привилегированной верхушки [Бауер — 1966: 28].

Можно сопоставить близкородственные системы. Обозначив нашу как ИОФ (имя, отчество, фамилия — формула полного, официального, обязательного именованья в СССР, установленная Основами законодательства о браке и семье, 1968 г.), нетрудно обозначить польскую, чешскую, болгарскую как ИФ, но с другими европейскими системами сопоставление не просто. Если исландскую легко обозначить как ИО, то немецкая или французская не укладывается в наши обозначения, тут не обойтись без прибавления или убавления тех же компонентов: там свойственно второе и третье личное имя (в узком смысле): Эрх Мария Ремарк — не $I_1O_1\Phi_1$, а $(I_1I_2)\Phi_1$; Эрнст Теодор Амадей Гофман — соответственно $(I_1I_2I_3)\Phi_1$. Но как быть с именами китайцев или некоторых народов Африки, где индивидуальное имя не пожизненно, а заменяется с возрастом и переменой положения? А как быть с производными формами индивидуального имени, столь обильными и у нас, и в других индоевропейских языках (наши Лена, Витя)? Все это явления, которые нельзя разместить в одном ряду и даже в разных рядах одной плоскости. А они-то и образуют различные системы. Видимо, классифи-

кацию систем надо строить разноплоскостно, т. е. не одну, а несколько, в разных планах. Например, невозможно совместить в одной классификационной схеме антропонимические категории и по их происхождению, и по их функции. Это два совершенно различных плана. Тот или иной компонент нашей системы займет в одном плане одно место, а в другом — другое, и тождественными нам, т. е. занимающими то же место в системе, в одном плане могут оказаться болгары, а в другом плане — французы.

Важнейшие антропонимические категории еще не имеют научных определений. По-видимому, предполагается, что они всем понятны. Действительно, каждый повторяет, не задумываясь, слова *имя, прозвище, фамилия*. Но стоило подойти к анализу их, как тотчас оказалось, что ясность их мнима.

Конечно, у нас сегодня легко отличить имя от прозвища, фамилию от отчества: имя, отчество, фамилия закреплены государством. Но как быть с русскими именами XVII в. или современными именами некоторых других народов? Прежде Иванов было не фамилией, а отчеством (Иванов сын — это сын Ивана), сын Василия Иванова был уже не Иванов, а Федор Васильев. Были также скользящие «дédичества», сменяющиеся в каждом следующем поколении. На жен они не переходили.

Чрезвычайно часта ошибка, которой не избежали и некоторые историки: встречая в документах прошлого именованья Иван Васильев, Петр Егоров, наивно принимают их за фамилии; даже в указатели они попадают как И. Васильев, П. Егоров, а это отчества.

Как же отличить отчество от фамилии? Но для этого надо знать, что такое фамилия. А, как ни странно, на этот вопрос, кажущийся таким простым, нет единодушного ответа. Еще труднее провести четкую границу между именем и прозвищем. Выдвигают такой критерий отличия имени от прозвища: имя пожизненно. Но у очень многих народов Африки и у китайцев, японцев, корейцев основное имя сменно, дается не на всю жизнь, а зависит от возраста и положения. Нередки случаи, когда прозвище сопутствовало человеку всю жизнь. Очень шатки различения: «имя условно, его значение стерто, а этимология прозвища ясна». Новые имена возникают как раз с подчеркнутым этимологическим значением (Октябрина, Светлана, Май и др.), а сколько прозвищ, которых никто не в силах объяснить! Так в пределах одного языка.

Составитель «Румынско-русского словаря» В. И. Васченко, видный антропонимист Румынии, пользуется терминами *supranime* 'прозвище' и *prenime* 'имя'. Но вот что мы узнаем из описания действующей антропонимической системы в селе Берзовия (Румыния): *supranime* передают наследствен-

но следующему поколению и даже нескольким поколениям; оно лишено экспрессивного содержания и играет в повседневной жизни ту же роль, как фамилия, но сильнее; иногда проникает и в официальные документы. Если так, то *supranime* не совпадает ни с прозвищем, ни с каким-либо другим компонентом нашей антропонимической системы. Не поможет, а еще хуже запутает различение терминов *прозвище* и *кличка*, ввести его пока нельзя: материал по видам имен еще скуден и не дает возможности построить матрицу компонентов антропонимической системы по наличию тех или иных признаков (наследственность, распространение на других членов семьи, действительность этимологического значения и т. д.) — сам набор этих признаков еще не выяснен.

Различия систем проявляются и в порядке членов именованья. Он связан с порядком слов в языке вне антропонимии, но в силу особых функций имени может развиваться автономно. В русском сложился порядок: 1) личное имя (в узком смысле), 2) отчество, 3) фамилия. Но этот «естественный» (т. е. исторически сложившийся стихийно) порядок теперь все чаще подвергается перестановке — на первое место выносят фамилию, а имя и отчество ставят после нее, с XIX в. их нередко заменяют инициалами. Это понятно и неизбежно в алфавитных перечнях (список избирателей, ведомость на зарплату, библиографический указатель и многое другое), но во многих иных случаях неоправданно: неуместным канцеляризмом отдаёт надпись на памятнике в Ульяновске «Гончаров И. С.», хотя в дальнейшем, возможно, такой порядок станет привычным. В венгерском языке индивидуальное имя ставят после фамилии. Это характерно и для пермской ветви финно-угорских языков (коми, удмурты).

#

Теперь почти каждая страна имеет официально регламентированную антропонимическую систему. Но наряду с ней всюду без исключения существуют параллельные системы, и прежде всего бытовые именованья. У нас для каждого обязательны имя, отчество и фамилия, но в такой полной «паспортной форме» именованье выступает только в списках избирателей, в торжественных актах, в различного рода свидетельствах, в судебных документах. А обычно даже в официальной переписке или ведомостях на зарплату достаточно фамилии с инициалами. В повседневном же употреблении полное трехчленное именованье не фигурирует никогда — называют по имени и отчеству или по фамилии, предваряемой словом *товарищ*. В семье существуют лишь производные

формы личных имен, ласкательные или противоположные, смотря по ситуации. В школьном употреблении нет отчеств, нередка система прозвищ.

У многих народов Севера, Дальнего Востока, Средней Азии общеупотребительны «вторые имена» — сосуществование прежней системы имен и новой, русской. У каждой из всех этих систем своя сфера употребления, строго ограниченная неписаным, но неумолимым законом. Если школьник, обращаясь к учителю, скажет *Витька* или жена за домашним столом назовет мужа по имени, отчеству и фамилии — это сигналы крайнего неблагополучия.

Вплоть до конца XVII в. в России наряду с церковными именами держались нецерковные (Ждан, Неждана, Третьяк, Милава и т. п.). В. К. Чичагов утверждает, что в XV в. они были уже прозвищами [Чичагов: 27]. Но их употребляли и в быту, во всех документах — в царских грамотах, судебных актах и др. У многих бояр и дворян, занимавших важнейшие государственные должности, только нецерковные имена и сохранились в документах, хотя в XVII в. у каждого, конечно, было и церковное имя. Вот помещики Кинешемского уезда 1612 г.: Жук Софонов, Томило Новоприходец, Непородко Осипов, Бессонко Фролов [АОЮБ, I: 54]; ближе к концу столетия — помещик Надежда Иванов сын Бедрин в Симбирском уезде [Опись Симбирску: 77] — все это самые заурядные примеры сосуществования двух параллельных систем. Дьяки и подьячие, ведавшие всей документацией, сами писались так — дьяк Третьяк, подьячий Грязнуша — 1621 г. [АОЮБ, I: 255]; в 1628 г. при царе состоял дьяк Неупокой Кокошкин. Еще удивительнее такие свидетельства документов, как служка Борисоглебского монастыря в 1625 г. Томилко Кастантинов сын, диаволов [ТПК: 6], или даже поп Истома [ПК — I: 1432] — православный священник с языческим именем!

Системы имен не извечны. Они складываются исторически и не остаются неизменными. Одна вытесняет другую. Это может происходить и относительно быстро — в периоды крупных исторических переломов. А может протекать медленно, как процесс даже неприметный для современников и видимый лишь в перспективе времени. Нередкое сосуществование двух различных систем, даже если оно длится столетиями, — только момент в процессе смены.

Нередко антропонимические системы развиваются путем заимствования. За последние полвека в Турции, Тунисе, Египте законами введены обязательные фамилии, до этого их

там не было. Несомненно, сказалось влияние страны Западной Европы. У тех народов нашей страны, которые еще 30—40 лет назад не употребляли ни отчеств, ни фамилий, распространилась русская трехчленная система антропонимов; теперь фамилии и отчества охватили все население страны, и не только в официальном употреблении, а внедряются и в быт.

Изменения антропонимических систем обусловлены сменой социально-экономического строя. Но эта зависимость не пряма и не проста, ее нельзя представлять вульгаризаторски, будто определенный социально-экономический строй тотчас рождает свою систему личных имен, которая вместе с ним заканчивает свое существование. Родовые имена надолго пережили родовой строй. В одних и тех же социально-экономических условиях у разных народов антропонимические системы развивались по-разному — в силу ли традиций, в силу ли языковых условий.

Изменения систем выражаются не только в том, что одни их компоненты отмирают, другие возникают. Протекают изменения менее наглядные, но не менее значительные — меняется соотношение компонентов, так сказать, их вес. Сто лет назад для всех русских уже была обязательной современная триада, но насколько реже употреблялась тогда фамилия и как выросла ее роль сегодня! Употребление одиночного отчества служило в XVIII—XIX вв. нормой для выражения определенного сочетания фамильярности и уважения, например в отношении к крепостным-воспитателям «дядькам» и «мамкам» — пушкинские Савельич в «Капитанской дочке», Филіпьевна в «Евгении Онегине», а в крестьянской и рабочей среде держалось еще в начале XX в., но теперь почти исчезает, и только дорогое Ильич, данное народом, напоминает об этой форме.

В меняющейся системе одно и то же по форме явление получает иной смысл. Сегодня Бык — фамилия, в XVIII в. это — прозвище, в XVI в. — личное имя (в узком смысле). Еще сложнее это в отношении не отдельных примеров, а категорий. Сегодня псевдоним — заместитель фамилии: для всех привычно Алексей Максимович Горький, хотя Алексеем Максимовичем был Пешков, а Горький — часть псевдонима Максим Горький. Относительно современников это понятно. Однако ошибочно переносить то же в прошлое. Древнейший из известных псевдонимов — Никто (так Одиссей назвал себя Полифему) и средневековый Навои не замещали фамилий, которых тогда не было. Если теперь библиографические указатели вынуждены ставить Навои в один ряд с фамилиями, это не должно обманывать читателя. Но доходит до того, что на огромных стендах главного речного вокзала Волги

(в г. Горьком) выставлены названия прибывающих и отплывающих судов «И. Муромец», «А. Невский», даже ... «М. Печерский» (это писатель П. И. Мельников-Печерский, фамилию которого грамотеи пароходства превратили в инициал). Один историк в своей работе написал о выдающемся полководце... А. Македонском! Ленинградская вечерняя газета грустно пошутила, что, пожалуй, доведется прочесть о Медном всаднике: «памятник П. Первому».

Можно сказать без натяжки, что системы личных имен при всей их немалой устойчивости всегда находятся в постоянном перераспределении, хотя на взгляд современников многие изменения неуловимы и направления процессов видны только в перспективе времени.

Поэтому напрасно искать вневременные и глобальные антропонимические категории или столь же вневременные и глобальные термины для их обозначения. Выявление типологических общностей не отменяет конкретно-исторического анализа. Антропонимическую категорию нельзя понять, не видя ее изменений, ее переходов, ее границ во времени и пространстве.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РОССИИ XVIII в.

Личными именами России XVIII в. почти не занимались. Исследователи русской исторической антропониимии Н. М. Тупиков, А. И. Соболевский не касались имен, бытовавших позже XVI в.; в наши дни на той же дате остановили свои подсчеты по новгородским памятникам А. Бэклунд (Швеция), А. Н. Мирославская. Ученые приняли на веру, будто канонизированные церковью имена общи для всех, поэтому не интересовались именами периода позже полного запрета нецерковных: раз список обязателен, значит, с именами ничего в дальнейшем не происходит. Горькое заблуждение! С окончательным вытеснением нецерковных имен к концу XVII в. (а не раньше, как ошибочно утверждал В. К. Чичагов) история личных имен в России не прекратилась, в ней продолжалась борьба, опосредованно отражая социальные процессы.

Имена XVIII в. только теперь становятся предметом научного исследования: работы Е. Н. Баклановой по Кубенской трети Вологодского уезда, В. И. Тагуновой по Мурому, Л. М. Щетинина по бывшей Донской области, Н. Н. Бражниковой по Зауралью, Л. И. Крамской по именам русских старой Риги.

Какими источниками располагает антропонимист для России XVIII в.? Конечно, не приходится пренебрегать фактами, разбросанными в отдельных документах, мемуарах, переписке. Но изолированные примеры не могут дать общей картины, и подчас и искажают ее, заслоняя частое, повседневное редким, бросающимся в глаза своей исключительностью. Не проходя мимо исключений, тоже заслуживающих объяснения, нельзя отдавать им предпочтение в ущерб изучению основного, массового. Чтобы представить именной* в целом, обязательно сплошное обследование массового материала.

Ценные сведения дают метрические книги — там по датам зарегистрированы все рождения. Но от XVIII в. в архивах

* Именной — не список употребляемых имен, а реальная частотность. У двух народов может быть совершенно одинаковый набор имен, но если у одного народа наиболее часты имена, которые у другого очень редки, то это — два разных именныхника.

сохранились метрические книги только немногих церквей. Данные одного церковного прихода количественно недостаточны для обобщений и по разным причинам могут не совпадать с рядом соседних. Поэтому основным источником служат не они, а обширные списки, охватывающие тысячи жителей определенной территории, — таковы первичные (не итоговые) документы переписей.

В начале XVIII в. Петр I ввел ландратские книги, куда записывали жителей. Он же вскоре заменил их переписями, их тогда называли ревизиями. В XVIII в. их было проведено пять, но 1-я и 2-я не учитывали женщин. Основной, необъятный и неоценимый материал по женским именам содержат списки (по официальному термину — ревизские сказки) последующих ревизий: 3-й (1762 — 1763 гг., ревизии растягивались на несколько лет, здесь приведены главные даты), 4-й (1782 г.), 5-й (1795 г.). В них обязательно указан возраст, что позволяет исследователю, например, по данным 3-й ревизии выделять рожденных в 30-е, 40-е, 50-е годы. Поэтому для изучения имен XVIII в. нужно использовать сказки и 6-й ревизии (1811—1812 гг., не закончена из-за войны), 7-й (1816 г.), даже 8-й (1834 г.), беря нужные возрасты. Надо заметить, что возраст указан не всегда точно, но разница в несколько лет несущественна при больших подсчетах. Ревизии охватывали все податные сословия, т. е. всю основную массу населения (кроме дворян). К 150-летию «Смоляного института благородных девиц» опубликован список всех его воспитанниц — наилучший свод имен образованной части дворянок с 1758 г. рождения; там же и имена их матерей (матери «смолянок» первых семи выпусков рождены в 1730—1755 гг.).

Подсчеты, результаты которых приведены в этой главе, выполнены по нескольким десяткам источников, охватывающих обширную территорию всей Центральной России и смежных зон — за Сухону на севере, за Среднюю Волгу на востоке. В прилагаемый перечень включены только те источники, каждый из которых содержит больше одной тысячи женщин. Кроме того, произведены многочисленные подсчеты по меньшим источникам, но в сопоставлениях они не участвуют, так как из подсчета, в котором менее 500 носителей, нельзя вывести надежных средних, хотя, конечно, и такие материалы дают интересные примеры. Общий объем выполненных подсчетов превысил 100 тыс. носительниц имен — это позволяет сделать некоторые выводы, но для такой огромной страны, как наша, этого, конечно, недостаточно. Расширение подсчетов будущими исследователями восполнит пробелы и, возможно, внесет уточнения, но не сможет изменить основных количественных соотношений.

Написание и произношение большинства имен в источниках XVIII в. отличается от официального, установленного церковью, хотя документы того времени уже не фиксировали уничижительных форм, обязательных в предыдущем столетии (Анютка, Дашка). Непривычные для русского языка звуки и их сочетания заменены на привычные, в ряде случаев кроме собственно фонетических факторов действовали морфологические и семантические. Научной классификации таких замещений до сих пор в лингвистике нет. Поэтому приходится обойтись грубым перечнем некоторых видов изменений, касающихся личных женских имен в рассматриваемый период.

Самые частые изменения — собственно фонетические: замена гласного звука (например, Арина, Орина вместо Ирина), замена согласного звука (Хавронья вместо Феврония), упрощение консонантного сочетания (Лукерья вместо Гликерия), утрата начального гласного звука (Катерина вместо Екатерина), выпадение группы звуков (Импиада вместо Олимпиада), протетический гласный перед инициальным консонантным сочетанием (Аксинья вместо Ксения), устранение хиаруса — соседства двух гласных (Федосья вместо Феодосия). Из морфологических замен — подстановка славянского форманта вместо чужезычного (Олисава вместо Елизавета). Некоторые имена переосмыслены полностью или частично (Крестина вместо Христиния). Есть изменения гиперкорректные: подлинная форма принята за ошибочную и ей придан мнимойноязычный облик (фонетическая гиперкоррекция — Екапетолина вместо Капитолина, морфологическая гиперкоррекция — Елиstimия вместо Елиstimа). В некоторых случаях происходила контаминация (несомненно, что форма Агафья соединила два разных имени — Агапия и Агафия; вероятно, и форма Домна объединила имя Домна с Домникой и Домниной, хотя изредка в источниках проскальзывают и они). Очень интересны подмены церковного имени похожим на него старым народным дохристианским именем (Любава вместо Любовь).

Обычно имя подвергалось не одному изменению, а нескольким, которые делают его трудноузнаваемым (Ульяна вместо Иулиания). Одно и то же имя встречается в различных формах. Много раз в документах Елиstimа представлена как Апистимия, Пестелинья, Лелестимья и т. д., но ни разу в своей подлинной форме. Иногда разные формы одного имени встречаются в одном и том же источнике, соответствуя социальным или возрастным различиям носительниц имени (Евдокия — Авдотья), но чаще различие написания не несет ника-

кой смысловой нагрузки, даже на одном листе рукописи встречаются различные формы без какого-либо различения их (те же Евдокия и Авдотья). Несомненно, во многих случаях писец принимал разные формы одного имени за различные самостоятельные имена, а во многих случаях знал, что это одно имя, но не придавал никакого значения различиям в его написании и произношении.

Неосторожно было бы использовать эти различия для прямых иллюстраций общеизвестной диалектной карты. Нередко на одном листе сосуществуют Арина и Орина, Афросинья и Офросинья. Гораздо существеннее, что различные формы имен имели свои территориальные ареалы, независимые от известных диалектных внеантропонимических ареалов. Имя Елисавета (современное Елизавета) в XVIII в. бытовало на севере и северо-западе в формах Олисава, Алисава; в Угличе документировано Елисафья; в Черном стане Галичского уезда и в Рязске, а в конце века и в Ардатовском уезде — Лисафия, Лисафья; в Вичугской волости Кинешемского уезда — Лисафета; в Москве, подмосковных селах, г. Коломне, на территориях южнее Москвы и во многих других местностях, охваченных подсчетами, — только Елисавета, но в Устье Великом, а также в Черном стане Галичского уезда — Елисаветъ, как в одах Ломоносова, который любил употреблять эту форму (в противоположность, например, его современнику Тредиаковскому):

Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.

Целесообразно привести перечень превращений, без учета которых невозможно пользоваться антропонимическим материалом XVIII в. (табл. 1).

Таблица 1

Неканонические	Канонические	Неканонические	Канонические
Авдотья	Евдокия	Арина	Ирина
Агафья	Агапия	Афимья	Евфимия
Агапья	Агапия	Афросинья	Евфросиния
Аграфена	Агриппина	Домна	Домна
Аграпена	Агриппина	Домна	Домника
Аксинья	Ксения	Домна	Домнина
Акулина	Акилина	Екапетолина ¹	Капитолина
Алена	Елена	Елисава	Елисавета
Алисава	Елисавета	Елисаветъ	Елисавета
Алфимья	Евфимия	Елфимия	Евфимия
Апракса	Евпраксия	Енафия	Еннафа
Апраксея	Евпраксия	Епистимия	Епистима

Неканонические	Канонические	Неканонические	Канонические
Ефимья	Евфимия	Олисава	Елисавета
Импиада ²	Олимпиада	Олфимья	Евфимия
Каптелина	Капитолина	Опраксея	Евпраксия
Катерина	Екатерина	Офимья	Евфимия
Крестина	Христина	Офросинья	Евфросиния
Крестинья	Христина	Пестеленья ⁸	Епистима
Дебовь ³	Любовь	Пестемея ⁹	Епистима
Лександра	Александра	Полухерья ¹⁰	Пульхерия
Лемпиада ⁴	Олимпиада	Прасковья	Параскева
Лепестинья ⁵	Епистима	Секлетекия	Синклитикия
Лисавета	Елисавета	Секлекея	Синклитикия
Лисафета	Елисавета	Сиклития	Синклитикия
Лисафья	Елисавета	Степанида	Стефанида
Лукерья	Гликерия	Ульяна	Иулиания
Любава ⁶	Любовь	Устинья	Иустина
Маланья	Мелания	Фатина	Фотина
Маремьяна	Мариамна	Федора	Феодора
Марьяна	Марианна	Федосья	Феодосия
Матрена	Матрона	Федотья	Феодотия
Мокрида	м. б. Макрина	Федулия	Феодулия
Мокрина	Макрина	Фектиста	Феоктиста
Надежа ⁷	Надежда	Фетинья	Фотиния
Настасья	Анастасия	Фиона	Феона
Ненила	Неонилла	Фиония	Феона
Свдотья	Евдокия	Фросинья	Евфросиния
Оксинья	Ксения	Хавронья ¹¹	Феврония
Олена	Елена	Хиония	Феона

¹ Черный стан Галичского у. — 1762 г. рожд. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 18) — дважды.

² Можайский у. (Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 8, № 119).

³ Шатковский стан Арзамасского у. — 1759 г. рожд. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, № 125), неоднократно у купчих Москвы (Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 8, № 150, лл. 122, 432, 452, 471, 507, 539, там же много раз и правильная форма).

⁴ Шатковский стан Арзамасского у. — 1749 г. рожд. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, № 125).

⁵ Верховажский стан Важского у. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 19, л. 72 — обор.), Спасская вол. Томского у., 7-я ревизия (Томск. обл. арх., ф. 231, оп. 1, № 7, л. 56).

⁶ Великий Устюг («Устюг Великий», М., 1883); 3-я ревизия, 1763 г.

⁷ Там же.

⁸ г. Углич («Углич. Материалы для истории города», М., 1884).

⁹ Черный стан Галичского у. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 18).

¹⁰ Можайский у. — 1790 г. рожд. (Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 8, № 155, л. 352).

¹¹ В большинстве источников только эта форма, например удельные села Подмосковья (Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 1, № 124), Черный стан Галичского у. и многие другие.

Из нескольких тысяч имен, канонизированных православной церковью, в употреблении миллионов русских женщин в течение всего столетия обращалось лишь несколько десятков. На всю массу крестьянок подсчеты выявили только 74 имени, включая и те, которые даны были единственный раз. В каждой же местности за десятилетие количество употребляемых имен не достигало и полсотни. Характерно, что состав женских имен в русской деревне был скуднее, чем мужских (сейчас обратное соотношение).

Не богат был ассортимент имен и среди дворянок (из имен воспитанниц Смольного в табл. 2 приведены только русские).

Даже если суммировать данные за длительные отрезки времени, сумма употребленных имен оказывается почти той же, т. е. на протяжении полстолетия употребляли только одну

Таблица 2

Количество женских имен

Социальный слой	Местность	Год рожд.	Колич. девочек	Всех имен	Из них по одному разу
Крестьянки	Горетов стан Моск. у.	1700—1714	1690	50	5
	Шукшенск. стан Пепз. у.	1751—1763	1013	47	2
Горожанки	Тула	1700—1714	1085	48	5
	Углич	1700—1717	1147	44	7
Дворянки	Воспитанницы Смольного ин-та	1758—1799	1093	51	11

и ту же полсотню имен: у 4488 купчих и цеховых г. Симбирска, рожденных с 1701 по 1762 г., — 46 имен; у 4973 крестьянок удельных сел Подмосковья, рожденных с 1750 по 1799 г., — 55 имен.

Особенность именика крестьянок старой России, а в XVIII в. и горожанок — ничтожное количество имен, употребленных единично. Обычай исключал возможность выбрать имя, которого нет ни у кого в деревне. Из городов несколько обособленнее в этом отношении оказался Великий Устюг, где нашлись Иуалентина (Валентина), Лукия, Маргарита, Поликсена, имена очень редкие в России того времени.

Всего лишь десятка имен хватало на многомиллионную массу русских крестьянок и горожанок. Степень concentra-

ции: в среднем из каждой тысячи женщин, рожденных за 1751—1762 гг., больше половины получили десять самых употребительных имен: г. Тула — 642, Горетов стан Московского уезда — 522, Ильмегощский стан Владимирского уезда — 541, Вичугская волость Кинешемского уезда — 513. Однако состав десятка самых частых имен русских крестьянок не вполне одинаков на различных территориях. В XVIII в. в него входили Авдотья и Анна — всюду, а Прасковья, Арина, Матрена, Марья — за исключением некоторых территорий, в большинстве местностей — также Дарья, Екатерина, Ксения, Марфа. Кроме них на различных территориях употреблялись в десятке самых частых имен, оставаясь вне его на большинстве территорий, Агафья, Аграфена, Акулина, Василиса, Наталья, Пелагея, Татьяна, Ульяна, а в некоторых местах — Устинья, Федора, Федосья, во второй половине столетия кое-где и Варвара. Таким образом, в масштабе всей страны набор господствующих имен оказывается несколько разнообразнее, чем в отдельных местностях, и, следовательно, концентрация имениника по стране в целом была несколько ниже величин, приведенных по отдельным местностям. Но все же десять самых употребительных имен охватывали почти половину всех крестьянок.

Такая степень концентрации может показаться предельно высокой. Но вот для сравнения данные о концентрации имен сегодня: из каждой тысячи девочек, рожденных в 1961 г., десять самых частых в данном городе имен получили: во Владимире — 825, в Калуге — 800, в Костроме — 832, в Курске — 715, в Пензе — 803, в Ульяновске — 819. По сравнению с этими показателями концентрация женских имен в XVIII в. не выглядит слишком высокой.

¶

Какое женское имя в России XVIII в. самое частое?

Среди крестьянок почти всюду первенство принадлежало имени Евдокия (Авдотья), реже — Анна, за исключением Северного Поволжья, где минимум имени Евдокия совпал с максимумом имени Анна. Частотность имени Евдокия в центральных и южных областях достигала 100 и больше на тысячу женщин, только в Северном Заволжье опускаясь до 70 и даже ниже (Черный стан Галичского уезда и Чухломские вотчины Чичериных). А имя Анна именно на Северном Поволжье достигало частотности 90 при 64—80 в средней полосе, южнее даже еще меньше: в Елецком уезде — только 55 (все данные — на тысячу женщин). Подсчеты даже намечают границу, конечно очень зыбкую, между зоной преобладания имени Анна и всей остальной территорией, где преобладало

имя Евдокия. Линия равновесия этих имен, т. е. равной употребительности их, зафиксирована в Кубенской трети Вологодского уезда конца XVII — начала XVIII в. — 73 на тысячу (подсчеты Е. Н. Баклановой), по Вичугской волости Кишешемского уезда в первой половине XVIII в. — 91. Но севернее зоны преобладания имени Анна первенство все же оставалось за именем Евдокия — в Важском уезде, хотя частотность имени Анна там также высока. Неизвестны причины максимальной частотности имени Анна в Северном Заволжье. Православная церковь России, усердствуя в фабрикации собственных святых, открыла в 1571 г. в городке Кашине мощи тверской княгини Анны, а в XVII в. развернула вокруг них шумную пропаганду. Но если местное поклонение и прибавило популярности имени, сам ареал максимума сформирован, вероятнее всего, историческими причинами, обусловившими своеобразие Северного Поволжья (особенно Заволжья). Полоса высокой частотности имени Анна доходит до Суры и Средней Волги, постепенно ослабевая. Имя Анна преобладало в Москве и ряде городов. Среди дворянок первенство у Анны оспаривала Мария.

Третье место (после Евдокии и Анны) у крестьянок и горожанок занимало имя Параскева (Прасковья) — от 50 до 84 на тысячу. У дворянок имя Параскева в XVIII в. пошло на убыль, хотя оно еще встречается даже у придворных дам 1802 г., в большинстве рожденных во второй половине XVIII в. У «смолянок», рожденных с 1758 по 1800 г., Параскева занимает 8-е место — 40 на тысячу, стремительно убывая с каждым десятилетием (за первую половину следующего столетия только 10 на тысячу).

‡

Теперь, когда наконец получены данные обширных подсчетов по многим территориям за большой отрезок времени, впервые возможно изучать не отдельные имена, а сопоставлять именники в целом. Что можно было сравнивать до сих пор? Довольно смутное представление об одном именнике со столь же смутным представлением о другом, скорее на уровне впечатлений, чем знаний. Подсчеты придают сопоставлению объективность и, так сказать, материальность. Предложить метод такого сопоставления — центральная задача этой главы.

Этот метод трудоемок, но, по существу, несложен. После перевода абсолютных данных в средние (на тысячу носителей имен) нетрудно вывести разницу употребительности по каждому имени. Сумма разниц по всем именам и охарактеризует «расстояние» между двумя именниками. Для примера

составим часть трех именных крестьянок первой половины XVIII в.: *А* — крестьянки подмосковного Горетова стана, *Б* — крестьянки Вичугской волости Кинешемского уезда, *В* — крестьянки Окологородного стана Веневского уезда (табл. 3).

Таблица 3

«Расстояния» между тремя именниками крестьянок

Имя	А	Б	В	Разница А/Б		Разница А/В		Разница Б/В	
				А больше	Б больше	А больше	В больше	Б больше	В больше
Агафья	21	23	37	—	2	—	16	—	14
Аграфена	28	26	33	2	—	—	5	—	7
Акилина	26	26	32	—	—	—	6	—	6
Александра	1	—	—	1	—	1	—	—	—
Анастасия	23	23	23	—	—	—	—	—	—
Анисья	13	18	14	—	5	—	1	4	—
Анна	74	91	75	—	17	—	1	16	—
.....
Всего...	1000	1000	1000	128	128	96	96	136	136

Так как объем каждого именника приведен к одной общей величине (1000), то обе суммы разниц двух именников совпадают: *А* настолько же больше *Б* по одним именам, насколько и меньше его по другим именам, что можно выразить как $+ = -$. Поэтому для итогового показателя разницу можно свернуть; например, разница между *А* и *Б* составляет 128, а не дважды по 128. Сумма разниц и составляет «расстояние» между именниками, которое, таким образом, из чего-то неуловимого, смутно ощущаемого становится осязаемой величиной, доступной измерению. Можно было бы суммировать величины не различия, а тождества, получая степень близости; пересчет одного в другое не составляет затруднения — в первом примере расстояние *А* и *Б* равняется 128, следовательно, тождество 872 ($1000 - 128 = 872$). Все эти величины лучше выражать не в целых числах, а в дробях (как принято, например, в теории вероятностей), так как они обозначают отношение к целому: целое (здесь 1000) берется за единицу, «расстояние» между *А* и *Б* в приведенном примере равняется 0,128, тождество 0,872. Абсолютное тождество обоих именников равнялось бы единице, тогда «расстояние» равно нулю; полное отсутствие общего выразится «расстоянием» единица, т. е. нулем тождества.

Полученное расстояние между двумя именниками (или степень близости их) ничего не значит, если его не с чем сравнивать. Много это или мало? Любое число имеет смысл толь-

ко в сравнении. Подключаем другие именники. Для крестьянок средней полосы России первой половины XVIII в. получаем расстояния в пределах 0,094—0,146. Этот показатель в отличие от одиночного дает уже некоторую опору, устраняя сомнение — не произвольны ли показатели. Но он еще не устраняет сомнения противоположного характера: а может быть, таковы расстояния вообще между любыми именниками (и, следовательно, ничего не дают для сравнения)? Чтобы проверить, надо привлечь для сравнения именники, расстояния между которыми предположительно больше.

Возьмем расстояния между именниками крестьянок, купчих и дворянок за вторую половину столетия, округлив показатели до 0,1 (табл. 4). Результаты чрезвычайно красноречивы: расстояния между именниками тем больше, чем резче социальные различия. Три именника крестьянок различаются между собой на 0,1, а от именника купчих каждый из них отличается на 0,2, т. е. вдвое дальше, чем между собой; именники купчих и дворянок различны почти наполовину, а от каждого из трех именников крестьянок именник дворянок отличается почти на две трети.

Таблица 4

Расстояния между именниками крестьянок, купчих, дворянок

	Крестьянки			Купчихи		Дворянки
	1	2	3	1	2	
Крестьянки						
1. Удельные села Подмосковья	—	0,1	0,1	0,2	0,2	0,6
2. Можайск. уезд	0,1	—	0,1	0,2	0,2	0,6
3. Карсунск. уезд	0,1	0,1	—	0,2	0,2	0,6
Купчихи						
1. г. Коломна	0,2	0,2	0,2	—	0,1	0,5
2. г. Москва	0,2	0,2	0,2	0,1	—	0,4
Дворянки — воспитанницы						
Смольного ин-та	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4	—

Едва ли случайность, что эта дифференциация одновременна с формированием «трех стилей» в языке и литературе (высокого, среднего и низкого).

Из чего же состоят различия именников?

Одними и теми же именами пользуются преимущественно крестьянки и пренебрегают дворянки — Василиса, Мавра, Федосья, Фекла; другие — в почете у дворянок и неупотребительны у крестьянок — Александра, Елизавета, Ольга, Екатерина.

Не оказалось имен собственно купеческих. Именник купчих статистически ярко выражен, но он промежуточен между именниками дворянок и крестьянок. Купечество втягивало в свои ряды часть крестьян, а с другой стороны, силилось тянуться за «белой костью». Эта «переходность» именника купчих особенно ясна при сопоставлении москвичек и коломенок. Частотности большинства имен располагаются в таком порядке: дворянки — московские купчихи — коломенские купчихи — крестьянки. Частые у крестьянок имена Марфа, Меланья, Неонила, не принятые дворянками, редки у купчих Москвы, но купчихи Коломны еще не прониклись барским презрением к этим именам.

Именник купчих, даже московских, во второй половине века все же ближе к крестьянскому (расстояние 0,2), чем к дворянскому (расстояние 0,4). Мало имен, объединяющих дворянок и купчих, зато многие имена того времени равно употребительны у крестьянок и купчих: Агафья, Аграфена, Акулина, Анисья, Дарья, Евдокия, Ирина, Ксения, Мавра, Марина, Матрена, Пелагея, Прасковья, Степанида, Татьяна, Устинья. Изумительное чутье Пушкина безошибочно подсказало ему имя героини «Евгения Онегина»:

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своеюравно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно,
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говоря уж о стихах);
Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство — больше ничего (гл. II, строфа XXIV).

К этой строфе Пушкин сделал примечание: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдными». Семья Лариных, «храня обычай мирный простонародной старины», еще могла и в начале XIX в. дать дочери имя, все реже звучавшее среди дворянок. Созданный Пушкиным образ дал этому имени новую жизнь; иначе оно разделило бы судьбу имен Фекла и Агафья.

Таблица 5 показывает частотность некоторых имен (по каждой группе в пересчете на одну тысячу рожденных во второй половине XVIII в.).

Дальнейшее развитие привело в следующем столетии к поляризации противопоставленных именников — дворянок и

крестьянок, обособились и имена купчих (ср. у А. Н. Островского).

В сословном обществе сословны и имена.

Таблица 5

Частотность женских имен
(в пересчете на тысячу рожденных по каждой группе)*

	Крестьянки				Купчихи		Дворянки
	1	2	3	4	5	6	7

Преимущественно у крестьянок

Василиса	20	22	23	25	14	12	—
Гликерия	16	15	14	19	4	9	—
Мавра	20	22	22	9	17	8	—
Федосья	23	20	23	23	21	17	9
Фекла	13	16	15	21	18	6	2

Преимущественно у крестьянок и купчих

Агафья	22	19	24	35	21	13	3
Акулина	28	30	29	30	25	23	1
Дарья	35	46	48	28	42	37	9
Ирина	52	44	47	39	35	33	2
Ксения	30	38	36	46	29	25	2
Марина	12	6	10	8	12	5	—
Марфа	37	30	37	35	34	26	5
Матрена	48	50	46	47	52	46	1
Неонила	3	3	13	5	10	2	—
Пелагея	31	31	24	33	30	32	11
Прасковья	66	65	57	65	49	68	41
Татьяна	29	30	18	31	30	37	10
Устинья	7	9	12	16	8	5	1

Преимущественно у дворянок

Александра	1	1	1	1	12	25	88
Варвара	16	10	17	23	17	10	63
Екатерина	8	32	31	30	30	47	112
Елизавета	2	1	5	4	16	21	88
Мария	56	54	44	42	91	87	118
Наталья	34	29	23	20	26	37	57
Ольга	1	1	1	1	9	9	16
Юлия	—	—	—	—	—	—	5

* Крестьянки: 1 — Борзвский уезд (только до 1782 г.), 2 — удельные села Подмосковья, 3 — Можайский уезд, 4 — Карсунский уезд; купчихи: 5 — г. Коломна, 6 — г. Москва; дворянки: 7 — воспитанницы «Смольного института благородных девиц».

Метод «расстояний» позволяет измерить различия между именниками, разделенными во времени, выявляя диахронные изменения.

Темпы изменений именника крестьянок очень медленны. Сопоставив по Горетову стану именник рожденных в первой половине XVIII в. с именником рожденных в 1751—1763 гг., получаем расстояние всего лишь 0,081. Расстояние между именниками крестьянок, рожденных во второй половине XVIII в. и рожденных в 1801—1816 гг., — 0,084, по Карсунскому уезду — 0,126.

Несколько интенсивнее изменялись имена горожанок, но даже расстояние между именником купчих Симбирска первой половины XVIII в. и именником купчих Москвы второй половины века (т. е. расстояние не столько во времени, сколько в степени развития двух городов) составило только 0,151.

Чтобы представить темп изменений, сравним его с изменениями, протекающими в наше время. Именники девочек, рожденных в г. Костроме за 1930 и за 1961 гг., разделены только тремя десятилетиями, а статистическое расстояние между ними составило 0,7; меньше чем за треть столетия именник изменился на две трети. При темпах изменений именника крестьянок XVIII в. такой процесс занял бы несколько столетий.

Набор употребляемых имен в России XVIII в. почти не менялся — менялась их частотность. В основном перемены происходили за счет сдвига имен из одного социального слоя в другой. Распространение или убыль имени начинались в дворянской среде, перекидывались в купеческую и только много позже проникали в крестьянскую. В XVIII в. имя Прасковья, круто падая у дворянок, еще продолжало возрастать у крестьянок, среди которых падение этого имени началось в следующем столетии. За подъемом имени Мария у дворянок еще в пределах XVIII в. начался подъем его и у крестьянок, но достиг максимума лишь на 100 лет позже.

К именнику дворянок — воспитанниц Смольного, рожденных во второй половине XVIII в., оказался ближе именник московских купчих, но не ровесниц им (расстояние 0,440), а рожденных в 1801—1818 гг. (расстояние 0,293)!

В русской деревне употребительность женских имен в XVIII в. не претерпела резких изменений. В сущности, без потерь держались имена Агафья, Агриппина, Анастасия, Анисья, Дарья, Евфимия, Мавра, Марфа, Наталия, Неонила, Соломонида (вытеснялись Соломея и Соломония), Татьяна, Улита, Устинья, Фекла, Христина. Заметна убыль имен Ирина и Матрена, несколько сократилось и употребление имен

Ульяна, Федора, Федосья — у дворянок — воспитанниц «Смольного института благородных девиц» они во второй половине века почти исчезли.

Среди 100 тыс. русских женщин XVIII в., охваченных подсчетами, ни одна не носила имен Антонина (не смещивать с Антонидой), Зинаида (Зиновия нередка), Зоя, Клавдия, Лариса, Людмила, Раиса, Тамара, не было и Валентины (единственная Пувалентина, вероятно, под влиянием монашеских имен, все же встретилась в Великом Устюге середины века, где отмечены и другие редкие имена); единичны случаи употребления имени Евгения; даже среди дворянок еще не родились первая Нина и первая Лидия. Очередь этих имен наступила в следующем столетии.

Давали преимущественно имя святого, чествуемого в день крещения или ближайший к нему день (некоторые секты строго обязывали давать имя, указанное на седьмой день после рождения ребенка, или ставили другие жесткие ограничения; официальная церковь на календарной строгости не настаивала). Но даты в святцах оставались те же, а частота имени удесятерилась или сокращалась вдесятеро. Значит, календарь ни при чем.

Может быть, влияли имена цариц? В России в XVIII в. 67 лет из 100 императорский трон занимали женщины: 1725—1727 — Екатерина I, 1730—1740 — Анна Иоанновна, 1741 — Анна Леопольдовна, 1741—1761 — Елизавета, 1762—1796 — Екатерина II. Как отразилось это на женских именинах России?

Имя Анна в XVIII в. шло вверх. Но его частотность увеличилась задолго до 1730 г., да и обе коронованные тезки не заслужили народных симпатий. В Великом Устюге кривая имени Анна даже такова: на тысячу девочек, рожденных в 1701—1729 гг., имя Анна получили 88, в 1730—1741 гг. — 60, в 1742—1763 гг. — 67. На лучшее могла надеяться Елизавета, дочь Петра I. Но пусть говорят цифры. До ее воцарения имя Елизавета в городах представлено на тысячу от 2 до 6 раз, у крестьянок — меньше 2 или нет совсем, за два десятилетия ее царствования из обследованных городов Великий Устюг дал 31 случай на тысячу женщин, Тула и Боровск — по 4, у крестьянок — 1—5 на тысячу; зато с 1761 по 1800 г. среди дворянок — воспитанниц Смольного носительницы этого имени составили 88 на тысячу, у купчих Москвы — 21, крестьянки остались при тех же 1—5; только среди рожденных в 1801—1816 гг., когда у «смолянок» это имя достигло 99, у купчих Москвы 67 на тысячу, его доля у крестьянок тоже поднялась до 3—6. По-видимому, дворянки демонстрировали верноподданнические чувства, купечество реагировало слабее, а ничтожный прирост имени у крестьянок спустя полвека по-

казывает, что давали его, видимо, не в память царицы, а по помещицам, названным ее именем.

Имя Екатерина употребляли и до XVIII в., хотя оно не принадлежало к частым. Среди помещиц еще в XVI в. оно составляло около 25 на тысячу; в переписи Москвы 1638 г. записаны 441 женщина, 12 из них с этим именем, но большинство из них — немки. В начале XVIII в. частотность имени Екатерина в городах — от 20 до 45 на тысячу женщин. В идеологической ситуации эпохи Петра I это имя имело преимущества: его не обременяли ассоциации с именами представительниц старого боярства (Мария, Наталия, Марфа), его признавали церкви и зарубежной Европы и православные. Конечно, царствование двух Екатериин стимулировало рост этого имени у дворянок: в списке придворных дам и фрейлин 1802 г. (рожденных в большинстве между 1750 и 1785 гг.) оно заняло второе место, лишь немного уступая имени Анна, то же и среди воспитанниц Смольного, рожденных во второй половине века, у которых его частотность достигала 112 на тысячу. У купчих это имя не показало особого роста: в первую половину столетия у купчих Симбирска оно имело 46 на тысячу, во вторую половину века у купчих Москвы — 47; у крестьянок первой половины века — от 26 до 38 (кроме Чухломской вотчины Чичериных, где 45), второй половины века — от 24 до 43. Но далее заметны колебания. Видимо, репутация Екатерины оказалась подорванной даже в дворянской среде. После бесед с деятелями ее времени Пушкин записал в дневнике: «Конец ее царствования был отвратителен». Только в начале следующего столетия имя Екатерина оправилось от ущерба и начало новый подъем (табл. 6).

Таблица 6

Частотность имени Екатерина
(на 1 тыс. девочек) по годам рождения

	1750—1763	1764—1789	1790—1800	1801—1816
Дворянки (воспитанницы Смольного)	92	129	73	80
Крестьянки удельных сел Подмосковья	39	33	22	36
Крестьянки Карсунского уезда	20	34	28	43

Итак, имена цариц XVIII в. отразились в именнике дворянок, слабее — в именнике купчих и совершенно ничтожно — в именнике основной массы населения. Но это всего лишь три

имени, так что глубоких процессов в народном именнике они не объясняют.

Ненамного яснее судьба четырех имен, впоследствии общеизвестных, но до середины XVIII в. не получивших еще широкого распространения. По весьма сомнительным сообщениям византийской церкви, жила в древнем Риме фанатичка-христианка, приведшая к императору трех своих малолетних дочерей, чтобы они «пострадали за веру». Зарубежная не атеистическая, а религиозная литература указывала, что вся эта история, изобилующая бессмыслицами, выдуманна. Византийские теологи персонифицировали одно из их излюбленных слов-символов София (греч. 'мудрость') и присоединили к нему три другие добродетели, дав их ей в дочери: латинские имена Фидес, Спес, Харитас калькировали по-гречески Пистис, Элпис, Агапис, а русские церковные книжники в свою очередь калькировали их Вера, Надежда, Любовь. (Все остальные имена заимствованы из среднегреческого без калькирования — Петр, а не Камень, калька Пятница не вытеснила греческого имени Параскева.) Имена трех сестер более семи веков почти не употреблялись, их нет в подсчетах ни у Астрид Бэклунд, ни у А. Н. Мирославской.

В мои подсчеты попали за XIV—XVI вв. Любава и Надежда, они могли быть нецерковными (были, например, Милава и мужское имя Невежа); в Боровске 1625 г. записаны Любавица и Любовка. В княжеской среде имена трех сестер неизвестны, а имя София существовало независимо от них: оно документировано еще в XIII в., позже две иноземки Софьи стали женами русских царей (Василия I и Иоанна III), в конце XVII в. Софья, сестра Петра, правила Русским государством. В начале XVIII в. у крестьян эти имена появлялись лишь в единичных случаях. Видимо, именно исключительность трех имен — единственных явно русских, полностью тождественных русским нарицательным словам, — мешала употреблять имена Вера, Надежда, Любовь в качестве церковных — это нарушало все традиции церкви, веками воевавшей против русских языческих имен, за церковные иноязычные.

Перелом начался в середине XVIII в. Императрицу Елизавету возвела на престол ненависть к тирании временщиков-иностранцев; Елизавета делала ставку на патриотизм и православие. На этой волне поднялись имена Вера, Надежда, Любовь, сначала, конечно, в дворянской среде. У крестьян до конца столетия эти имена не получили широкого распространения (табл. 7).

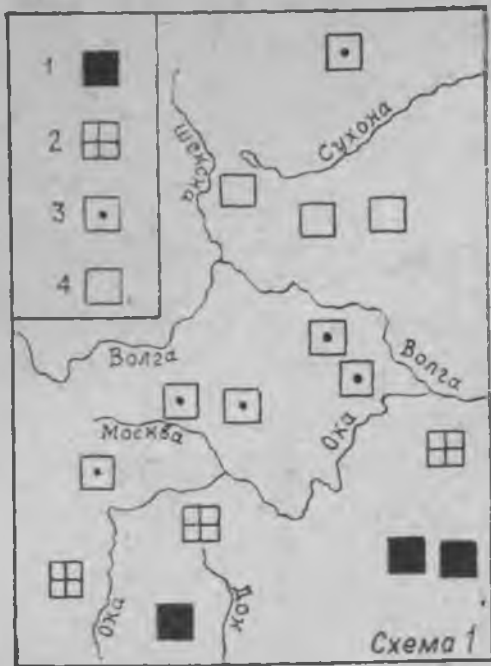
В XVIII в. именник внутри каждого социального слоя, в сущности, уже един для России. Но следы былой феодальной замкнутости еще сохранялись, сказывались они и на именах.

Частотность имен *Вера, Надежда, Любовь и Софья*
(на 1 тыс.)

		Вера		Надежда		Любовь		Софья	
		1751— 1800	1801— 1816	1751— 1800	1801— 1816	1751— 1800	1801— 1816	1751— 1800	1801— 1816
Дворянки — воспитанницы Смольного		15	22	25	40	15	26	29	57
Кулчихи	Москвы	7	14	11	26	2	14	2	4
	Коломны	2	7	8	16	—	13	4	2
Крестьянки	удельных сел Подмосковья	2	2	2	5	—	1	2	3
	Можайского уезда	1	2	3	2	—	2	3	6
	Карсунского уезда	2	4	3	8	—	1	6	3

Имя Агафья носили в центральных уездах 22—33 женщины из тысячи, а на востоке и юго-востоке обследованной территории — 35—45 (Шатковский и Залесный станы Арзамасского уезда, Шокшенский стан Пензенского уезда, Окологородный стан Веневского уезда), наоборот, в Северном Заюльжье — только 5—9 (Кубенская треть Вологодского уезда, Черный стан Галичского уезда, Чухломские вотчины Чичериных) (схема 1). Близка к этому география имени Анастасия. Имя Матрена особенно часто встречалось в Рязани и на всей территории бассейна средней и нижней Оки (г. Ряжск, Веневский уезд, Лухманский стан Гороховецкого уезда), а реже всего — на севере. Напротив, имя Марина прочнее держалось у крестьянок северной части.

В некоторых случаях налицо не зоны, а островки повышенной частотности одного имени. Так, имя Неонила в первой половине века у крестьянок не поднималось выше 10 на тысячу (на большинстве территорий — от 2 до 7), а в Чухломских вотчинах Чичериных перевалило за 40 на тысячу. Так и имя Елистана: у крестьянок центральной полосы оно встречалось реже одной на тысячу, в Галичском уезде — 4 на

Частотность имени Агафья (на 1 тыс. крестьянок, рожденных в первой половине XVIII в.):
 1 — 40% и выше, 2 — от 30 до 40%;
 3 — от 10 до 30%, 4 — ниже 10%.

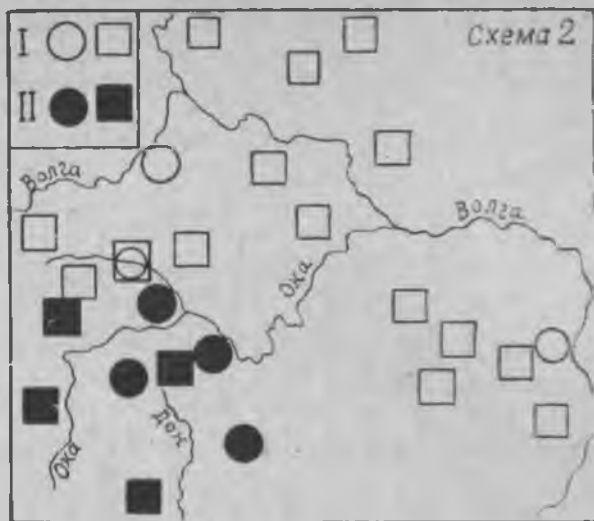
тысячу, а в соседних Чухломских вотчинах Чичериных поднялось с 19 в первой половине века до 36 на тысячу во второй половине века. Из всех подсчетов только на Севере (Важский уезд и Чухломские вотчины Чичериных) найдено имя Киликия.

Одинаково красноречивы как зоны или островки максимумов, так и зоны или островки минимумов.

По-видимому, большинство различий (и зональных и островных) — результат неравномерного распространения процесса убыли или роста, общего для всех территорий, но протекающего в различных местностях разными темпами и поэтому неодновременно достигающего всюду одинакового уровня. Иными словами, не везде одновременно расставались с

именем, на некоторых территориях держались за него дольше, и возрастающая частотность имени распространялась волнами. Но некоторые примеры не укладываются в «теорию волн» и заставляют предположить какие-то специфические местные пружины особого роста имени (Неонилла в Чухломских вотчинах Чичериных, Евфросинья в Черном стане Галичского уезда) или столь же необъяснимого минимума (Евфросинья в Лухманском стане Гороховецкого уезда).

Проведенное сплошное обследование многих территорий впервые обнаружило очень интересное явление, до сих пор совершенно неизвестное: обширный ареал имени Нелида. Из всех имен, употребленных в XVIII в., Нелида — единственное, отсутствующее в святцах. Все остальные нецерковные имена были полностью изгнаны из употребления еще в конце XVII в., и если проникают Любава или Надежда, то «обманом» — по сходству с именами Любовь и Надежда или как их формы. Южнее Москвы не оказалось ни одной местности, где бы не было Нелиды (правда, 1—2 на тысячу) — в городах Туле, Коломне, Рязани, Ряжске, у крестьянок Боровского, Болховского, Козельского, Елецкого, Веневского уездов. Севернее это имя не встретилось ни разу (схема 2). На Могиловщине имя Нелида документировано в 1579 г. [Бирыла: 179]

Ареал имени Нелида:

I — нет имени Нелида, II — есть имя Нелида; кружок — горожанки, квадрат — крестьянки.

Может быть, это искажение канонических женских имен Мелитина и Мелитиния?

Как и на диалектной карте, ареалы различных антропонимических явлений не совпадают — у каждого свои границы. Несовпадение границ красноречиво не меньше, чем их совпадение, образующее пучки. Речь идет о границах количественных (например, ареалы употребления имени Евдокия или Анна с частотностью выше 100 на 1000); граница между «есть» и «нет», по одну сторону которой нуль (пример — ареал имени Нелида), — только частный случай и не всегда самый существенный.

Применяя предложенный метод «измерения расстояний» между именниками, можно выявить антропонимические диалекты, независимые от диалектов, известных в языке вне антропонимии. Например, по очень многим показателям обособлено Северное Заволжье, а внутри его резко своеобразны Чухломские вотчины Чичериных. Обычное расстояние между именниками крестьянок центральной полосы меньше 0,150; Черный стан Галичского уезда в первой половине века различается с подмосковным Горетовым станом на 0,172, а крестьянок Чухломских вотчин Чичериных во второй половине века от удельных сел Подмосковья отделило расстояние 0,216 (табл. 8).

Частотность всех женских имен по некоторым группам населения России, рожденного во второй половине XVIII в. (пересчет на 1 тыс. женщин по каждому столбцу)*

Имя	Крестьянки						Цеховые Москва	Купчихи		Дворянки, воспитанницы Смольного ин-та
	Удельные села Подмосковья	Можайский у.	Козельский у.	Карсунский у.	Красноло- бодский у.	Чухломские волости Черных		Коломна	Москва	
Агафья	16	24	27	35	52	8	13	21	13	3
Агафокля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Агнесса	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Аграфена	26	24	20	14	10	13	32	23	23	12
Акулина	30	29	25	30	29	10	28	25	23	1
Александра	1	1	4	1	—	2	11	12	25	88
Анастасия	22	18	25	22	28	16	24	20	25	25
Анисья	14	11	20	11	14	12	9	10	14	1
Анна	86	65	75	76	71	96	106	85	106	128
Анфиса	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Афанасия	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Варвара	10	17	22	23	18	32	14	17	10	63
Василиса	20	33	25	25	18	31	14	12	13	—
Васса	—	—	2	—	2	6	—	4	—	—
Вера	2	1	6	2	2	2	5	2	7	15
Глафира	—	—	1	—	—	—	—	—	—	6
Гликерия	15	14	17	19	18	8	8	4	9	—
Дарья	41	48	44	28	35	22	40	42	37	9
Домна	10	12	13	17	13	20	4	13	4	—
Домника	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Евгения	—	1	—	—	—	1	—	—	2	4
Евдокия	129	101	102	87	92	63	93	104	96	26
Евлампия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Евпраксия	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—
Евфимия	32	22	24	24	21	31	18	17	11	3
Екатерина	32	31	34	30	34	49	53	30	47	113
Елена	16	20	13	16	17	7	18	21	17	23
Елизавета	1	5	1	4	2	7	17	16	21	88
Елистрима	—	—	—	—	—	36	—	—	—	—
Ефросиния	2	6	9	5	7	9	4	4	4	2
Зиновия	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Ирина	45	47	29	39	51	24	33	35	33	2
Капитолина	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—
Каролина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Клавдия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Клеопатра	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Киликия	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Ксения	41	36	38	46	39	32	16	29	25	2
Лидия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лукия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Любовь	—	—	1	—	—	—	3	—	2	15
Мавра	22	22	8	9	4	13	16	17	8	—
Макрида	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Макрива	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2

Имя	Крестьянки						Цеховые Москва	Кутчихи		Дворянки, воспитанницы Смоляного ин-та
	Удельные села Подмосковья	Можайский у.	Козельский у.	Кирсунский у.	Красносло- бодский у.	Чухломские вотчины Черных		Коломна	Москва	
Мариамна	—	—	—	—	—	7	—	—	2	3
Марианна	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Маргарита	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Марина	6	10	10	8	4	8	5	12	5	—
Мария	57	44	49	42	59	23	85	91	87	113
Марфа	30	37	38	35	35	35	20	34	26	5
Матрена	40	46	40	47	46	44	36	52	46	1
Мелания	3	6	8	8	15	2	5	3	1	—
Минодора	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Надежда	2	3	5	3	—	—	10	8	11	25
Наталья	29	23	23	20	17	24	33	26	37	57
Нелида	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Неонилла	3	13	—	5	2	41	3	10	2	—
Нимфодора	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Олимпиада	—	—	—	—	—	—	2	—	1	4
Ольга	—	—	3	1	—	—	9	9	9	16
Павла	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Павлина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пелагея	31	24	31	33	36	22	30	30	32	11
Прасковья	63	57	70	65	66	61	70	49	68	41
Пульхерия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Секлетекья	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
Серафима	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Соломонида	1	8	1	10	2	6	3	1	—	—
София	2	3	2	6	7	2	4	4	2	29
Степанида	14	25	20	23	17	13	10	18	12	3
Сусанна	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Татьяна	30	18	24	31	32	18	37	30	37	10
Таисия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Улита	—	4	5	2	—	1	2	4	1	—
Ульяна	10	14	10	14	17	31	7	3	2	8
Устинья	9	12	11	16	9	40	4	8	5	2
Феврония	2	6	7	9	15	2	2	—	—	2
Фекла	18	15	13	21	13	40	9	18	8	2
Феклиста	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фелицата	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Федора	2	6	7	9	5	11	3	1	4	—
Федосня	20	23	24	23	26	7	22	21	17	9
Феодулия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фоктиста	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фотинья	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Фона	—	3	3	—	—	—	4	—	—	4
Фритина	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Христиана	1	6	8	6	1	1	—	—	1	—
Юлия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* Данные округлены до 1. Тире означает полное отсутствие; точка — величину меньше 0.5.

Источники, по которым произведены подсчеты
(Включены только имеющие более 1 тыс. женщин)

О п у б л и к о в а н н ы е

Д в о р я н к и:

«Смолянки» — воспитанницы Смольного института: Н. П. Черепнин, Императорское общество благородных девиц, т. 3, СПб., 1915 (1758—1799 гг. рожд., 1160 жен.).

Г о р о ж а н к и (ландратские и переписные книги, ревизские сказки): Боровск — 1719 и 1763 гг.: «Боровские материалы для истории города», М., 1888 (1735 жен.).

Тула — 1716 и 1763 гг.: «Тула. Материалы для истории города», М., 1884 (3570 жен.);

Углич — 1717 г.: «Угличские материалы для истории города», М., 1887 (3100 жен.);

Устюг Великий — 1763 г.: «Устюг Великий. Материалы для истории города», М., 1883 (2960 жен.).

А р х и в н ы е

Г о р о ж а н к и (ревизские сказки):

Коломна — 1816 г.: Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 8, № 118 (1326 купчих, 1496 мещанок);

Москва — 1816 г.: Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 8, №№ 132, 133, 150 (5177 купчих), № 155 (3787 цеховых), № 124 (905 фабричных работниц);

Рязск — 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 2984 (2000 жен.);

Симбирск — 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 4115 (2845 купчих, 1643 цеховых);

К р е с т ь я н к и (ревизские сказки):

Ардатовский уезд — села Атяшево, Медяны и др., 1795 г.: Ульяновский обл. архив, ф. 156, оп. 3, № 17 (2163 жен.);

Арзамасский уезд — Шатковский и Залесный станы, 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, № 125 (2225 жен.);

Болховский уезд — Годырев стан, 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 2. Болхов — 7 (2000 жен.);

Боровский уезд — с. Тарутино и др., 1782 г.: Калужский обл. архив, ф. 86, оп. 3, № 3 (1873 жен.);

Важский уезд — Верховажский стан, 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Вага — 15 (3646 жен.);

Веневский уезд — Окологородный стан, 1762 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Венев — 19 (2341 жен.);

Владимирский уезд — Ильмегощский стан (левобережье Клязьмы), 1762 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Владимир — 41 (2000 жен.);

Вологодский уезд — Кубенская треть, 1717 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 556 (3021 жен., подсчет Е. Н. Баклановой);

Галичский уезд — Черный стан, 1762 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Галич — 18 (4220 жен.);

Гороховецкий уезд — Лухманский стан, 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Гороховец — 5 (2140 жен.);

Елецкий уезд — 1795 г.: Орловский обл. архив, ф. 780, № 13 (1000 жен.);

Карсунский уезд — 8 селений, 1816 г.: Ульяновский обл. архив, ф. 156, оп. 2, № 111 (4385 жен.);

Кинешемский уезд — Вичугская вол., 1762 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, Кинешма — 1 (2874 жен.);

Козельский уезд — 1795 г.: Калужск. обл. арх., ф. 86, оп. 3, № 53 (3730 жен.);

Краснослободский уезд — сказки 7-й ревизии: Республиканский архив Мордовской АССР, ф. 26, оп. 1, № 27 (6080 жен.);

Можайский уезд — 7-я ревизия, Бородино и другие селения: Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 18, №№ 119, 122 (5261 жен.);

Московский уезд — Горетов стан (подмосковные села, многие из которых теперь составляют северную и западную часть столицы: Всехвятское, Никольское, Братцево, Троицкое-Лыткино и др.), 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 52 (5100 жен.);

Пензенский уезд — Шокшенский стан, 1763 г.: ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 2125 (2767 жен.);

подмосковные удельные села — Пушкино, Тайнинская слобода, Семеновское; Перервинская слобода, Царицыно, Коломенское, Котлы, Кожухово, Нагатино, Даниловская, Воробьево, Тропарево, Ромашково, Хорошево, Мневники, Щукино, Всехвятское, Бескудниково и др., 7-я ревизия: Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 1, № 124 (7459 жен.);

Семеновский уезд Нижегородской губ., 7-я ревизия: Архив Горьковской обл., ф. 60, оп. 239-а, № 70 (1950 жен.);

Хорошевская волость Московского у. — так называемые вольные хлебопашцы (государственные конные заводы и др.), 7-я ревизия: Архив г. Москвы, ф. 51, оп. 1, № 124 (3000 жен.);

Чухломские вотчины Чичериных — 1782 и 1834 гг.: ЦГАДА, ф. 1369, №№ 32 и 37 (3794 жен.).

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА У РУССКИХ СЕГОДНЯ

В дореволюционной России личные имена были заданы церковным перечнем, «списком святых», выйти за границы которого не позволялось. Но из нескольких тысяч имен, канонизованных церковью, не употребляли и десятой доли, а сам выбор резко различался у различных слоев населения. У всего многомиллионного крестьянства на протяжении многих столетий преобладали Иван, Василий, женские — Авдотья (Евдокия), Анна. Развитие капитализма подточило и расшатало косный быт деревни, вызвав некоторые сдвиги и в ее антропологии: на протяжении XIX в. возрастал процент имен Николай, Александр, Марья, сначала очень медленно, а затем быстрее. Еще и в начале XX в. крестьянский именовник напоминал городской середины прошлого века — их разделяла дистанция длиной почти в столетие. И в начале нашего века среди крестьянок нередки Акулины, Меланьи, Феклы, немыслимые в привилегированных слоях, а получившие преобладание в тех слоях Ольга и Елена не пользовались популярностью в деревне. Даже имена, как будто обычные в разных слоях, имели полярно противоположную тенденцию (судьба женского имени Мария).

Революция уничтожила обязательность церковного списка имен. В середине 20-х годов развернулось движение против прежних имен, входивших в святцы. О нем писала «Правда» (статья «Новые имена», 12 июня 1924 г.). Из городов оно распространилось и на деревню. Подсчет по метрикам за 1930 г. застаёт этот процесс в разгаре. Данные по женским именам представлены в табл. 9.*

Бросается в глаза пестрота имен в городах, там ассортимент новых имен даже шире, чем прежних, из которых в обиходе остались немногие, а новые возникали в изобилии. Процесс протекал неравномерно. Из трех приведенных городов самый высокий процент рабочих имела Кострома (работ-

* Документы прошлых лет в архивах ЗАГС сгруппированы применительно к административно-территориальному делению, существующему теперь.

Состав имен рожденных в 1930 г.

	Количество имен			Процент новых имен	
	всех	прежних	новых	по колич. в имен.	по колич. носителей
г. Кострома	139	41	98	70	29
г. Пенза	88	41	47	53	12
г. Калуга (1931 г.)	78	41	37	47	11
Костромская обл., Чухлом- ской р-н	40	34	6	15	1
Костромская обл., Кадынский р-н	36	33	3	8	1
Калужская обл., Куйбышев- ский р-н	41	36	5	13	1
Калужская обл., Хвастовичс- кий р-н	61	49	12	20	2

ницы-текстильщицы), именно там больше всего новых имен. Одни из них, как Фикций или Веренетта, остались уникальными, другие распространились повсеместно, например Алла, Октябрина, но употребительность всех новых имен отставала от бурного роста их ассортимента: даже в городах (Пенза, Калуга) новое имя в 1930 г. получала только одна из 9 новорожденных девочек, а в деревнях — одна из 100.

Новшества в русской антропонимии той поры разнородны.

1. Самые многочисленные среди новых имен — иностранные личные имена, заимствованные преимущественно через литературу, печать и кино: Август, Альберт, Арнольд, Артур, Роберт, Рудольф, Эдуард, Эрик; Ада, Аза, Аида, Альбина, Жанна, Римма, Элиза, Элеонора, Эльвира, Эмилия, Эмма и многие другие. Некоторые из них и раньше проникали в Россию с переселявшимися иностранцами, но не могли стать именами русских. Два обязательных признака характеризуют эти имена — полная утрата этимологического значения и резко иноязычные фонетические черты: обилие сонорных, нейотированное *e* в начале (орфографически *э*), исконно необычные для русского языка сочетания (два гласных подряд, *p* или *л* перед согласными, удвоение согласных). Именно эти «экзотичные» признаки привлекали.

2. К этой самой большой группе примыкает другая, однако принципиально отличающаяся от нее, — личные имена действительно новые — из нарицательных слов (преимущественно заимствованных), превращаемых в собственные без какого-либо формального изменения: Авангард, Альянс, Герб, Гений, Герой, Гранит; Энергия, Электрификация, Индустрия,

Идея, Идиллия, Лира, Поэма, Новелла, Баррикада. Среди них мало слов с предметными значениями, значения абстрактны и принадлежат политике или искусству, некоторые — наименования декоративных цветов (Гелиотроп). В Ленинграде живет женщина с именем Белая ночь. (Есть семья, в которой братья носят имена-символы Серп и Молот, один военный назвал дочь Артиллерийская академия.) Несколько позже возникли имена от слов с предметным значением — Трактор, Портфель.

На поток таких новшеств сетует и автор книги о личных именах в Болгарии: «В последнее время зачастили имена различного происхождения, которые попались родителям случайно тут или там». Он приводит обширный список, в котором Аэролита, Галелин, Каолина, Лаяна, Лоарита, Моталина, Наргиса, Радж, Скафандр, Цезарина и т. п.; «если дают имя цветка, то предпочитают иностранные цветы, которых, может быть, и не видали: Камелия, Мимоза, Орхидея, Циклама» [Илчев: 11].

3. Называвшие воспринимали как новые и те имена, которые числились в святцах, но никогда не были народными. Имя Лариса в прошлом «опускалось» только до купечества, в 1930 г. оно уже распространено в городах и проникает в деревню. Почти исключительно монашескими были в старой России имена Маргарита, Магдалина (с иной тональностью оно впервые прозвучало в поэзии А. Блока, хотя тоже и не без ассоциаций с евангельской грешницей), изредка их давали в среде аристократии или интеллигенции. В 1930 г. эти имена приняты за новые, противопоставленные каноническим.

4. Принимали за новые имена и уменьшительные формы, они записаны в метрики как полные паспортные имена: Алик, Слава (мужское, из имен на *-слав*), женские — Аля, Галя, Ира, Лара, Мэри, Оля, Рая, Юля и пр. Немногие родители давали такое имя намеренно, в большинстве же это продукт малограмотности. Тот, кто, как и автор, видел тысячи метрических записей той поры с Лианора (это Элеонора) или Андиллина (т. е. Ангелина), не может сомневаться в этом. Еще и в церковных метриках, под контролем консисторий, часто встречалась Липа (вместо Олимпиада). Многие иноязычные уменьшительные формы стали самостоятельными именами за рубежом и заимствованы как полные, например Ирма (из Ирмгард), Адель, Лина и др.

5. Следующая группа — имена новые в данной ситуации, но по происхождению предшествовавшие церковным. Это воскрешенные древнерусские имена, отвергнутые и запрещенные православной церковью: Руслан, Рюрик, Святослав, Славомир, женские — Злата, Лада, Милана, Рогнеда, Роксана, Руслана, Светлана. Некоторые из них нерусского происхож-

дения, даже вообще неславянского (Рюрик), но, войдя в русский язык больше тысячи лет назад, они стали широко известны по летописям и актам. Имя Светлана знакомо только по балладе В. А. Жуковского — в святцах его не было, нет и в памятниках древнерусской письменности. Оно еще ждет своих исследователей. Среди девочек, рожденных в 1930 г., это имя уже распространилось в городах, но еще не успело завоевать деревню: там на несколько тысяч девочек приходилась лишь одна Светлана.

6. Наконец, меньшинство составляли имена собственно новые — нескольких видов. Одни, наиболее удачные, образованы с формантами, включающими их в антропонимический ряд: Октябрина, Майя — оба имени по своим этимологическим значениям связаны с революционными праздниками. Другие — аббревиатуры, также идеологического содержания: Владлен (сокращение из Владимир Ленин), Вилиана (из его же инициалов), Мэлор (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция), в Мосальске конца 30-х годов зафиксировано Вилорик (В. И. Ленин освободил рабочих и крестьян), в Базарном Сызгане Ульяновской области 1932 г. — Ленмарен (Ленин, Маркс, Энгельс), Кэм (коммунизм, электрификация, механизация), в Рязанской области живет Мюд (Международный юношеский день), а в Иркутской области — Мюда; комбинированные образования Электрофина, Новомир, Новомира (Кострома, 1930 г.), Ревмир 'революция мировая' (Пенза, 20-е годы) и Ревмира (Ульяновская обл., 30-е годы; позже дано и в Дагестане). Дают имена, составленные из первых слогов имен родителей; например, ЗАГС Якутской АССР сообщил о нескольких таких случаях: мать — Тамара, отец — Иван, их мальчик — Таив [Белык — 1970: 21—22], там же у Тимофея и Анны сын Тиан, дочь — Анти. Л. Успенский привел два имени, связанные с героической эпопеей челюскинцев: Оюшминальда (Отто Юльевич Шмидт на льдине) и Лагшми-вара (лагерь Шмидта в Арктике). К таким же ребусам принадлежит и Окдес (Свердловск, 1927 г.) — по предположению Т. А. Коротковой — 'Октябрь десятый'. Единично имя перевернутое — Нинель из Ленин.

После 30-х годов такие имена пошли на убыль. Только немногие из них сохранили слабую продуктивность и позже. Впрочем, единичные новшества иногда еще продолжали возникать. В Тамбовский ЗАГС пришел запрос из армии с просьбой уточнить имя рожденного в 1942 г. в Хоботовском районе; подняв документы, даже привычные ко многому работники ЗАГС оторопели: там значилось Винегрет. В Москве учится (1968 г.) студентка Комментария. А у других народов нашей страны появление новых имен даже участилось — в Калмыкии военных лет появились Вагон и Эвакуац.

Бесспорно, половежье новых имен принесло много неудач и мало удач. Соблазненные заграничной «красивостью», родители в Пензе той поры наградили сына именем Наполеон (материалы В. Д. Бондалетова), а другие — Эмбрион. Но теперь, спустя десятилетия, можно оценить это явление объективно. У Эвелины и Мэри (Калуга, 1931 г.) и отцы и матери — рабочие, там же у Иозольды (так записана) отец — председатель завкома; Робертом называли сына истопник и уборщица (Кострома, 1930 г.), а Гелиотроп — сын смазчика и катушечницы (там же). Это жажда вырваться из ненавистного старого быта, порыв к культуре из векового бескультурья. Не вина, а беда называвших, что культура им представлялась в таком убогом обличье. Ведь поиск велся вслепую, без всякой помощи.

Новые имена своей необычностью бросались в глаза, это и принимали за главную перемену в именнике. А на самом деле они были поверхностны и несущественны для основных, глубинных процессов, неброских и малозаметных тогда, зато подлинно массовых, которые не ломали прежнего списка имен, но перестраивали самую толщу именника. К 1930 г. в городах уже стали любимыми именами Владимир, Юрий, Нина, Валентина, Галина, за ними Тамара, а редкими — Иван, Василий, Анна, Мария, Екатерина. В деревне этот процесс протекал медленнее, но и там к 1930 г. Валентина, Нина, даже Галина, Тамара уже оставили далеко позади Анну, Марию, а Евдокия встречалась совсем редко. Но еще и в городах тех лет не всюду завоевали популярность Игорь и Светлана, а в сельские районы они только начали проникать. Оставались еще и такие островки, как в Костромском Заволжье, где из родившихся в 1930 г. девочек в Чухломском районе 13 получили имя Капитолина, а в Кадыйском 10 — Манефа.

Коренной пересмотр именника отчетливо выразился в многочисленной перемене имен. За 1932—1935 гг. всего чаще отказывались от имени Матрена (12% всех женщин, переименовавших имя), Фекла (7%), Акулина, Агафья, Евдокия. А сменяли же чаще всего на Галину и Валентину. Еще сталкивались встречные тенденции — одни меняли имена Мария, Фаина, а другие брали те же имена. Из мужских чаще всего заменяли имя Иван, за ним Кузьма, Степан, Никита, Фома, Афанасий, избраны чаще всего имена Владимир (13%), Николай, Александр, Леонид, Анатолий. Среди сменявших в те годы имена значительно больше мужчин, чем женщин.

Не было необходимости сражаться против прежних имен и придумывать взамен непременно свои, собственные. Сформулированное автором (на топонимическом материале) поло

знание о трех планах значений собственных имен [Никонов — 1965: 57—63] объясняет, почему и прежние имена смогли стать оружием в борьбе с уходящим прошлым. Значения доантропонимические (этимологические) у прежних имен почти целиком утрачены (имя уж не вызывало никаких ассоциаций со святым), остались значения собственно антропонимические (идеологически нейтральный знак, только обозначающий данное лицо), и развились новые значения — отантропонимические (идеологически нейтральный знак принимает новое значение, связанное с тем лицом, которое он обозначал; так, Владимиром теперь называют не за этимологическое значение этого имени, для большинства оно связано с именем В. И. Ленина).

Прошли десятилетия. Схлынула пена, которую несла на гребне волна движения за перестройку именика. А глубокие течения сформировали русский именик нашего дня, бесконечно далекий от прежнего и иной, чем в 1930 г. Тенденции массовых изменений не во всем уловимы непосредственным восприятием — их раскрывают подсчеты (а иногда лишь подсчеты их и обнаруживают). Приводимые статистические данные за 1961 г. (табл. 10 и 11) охватывают полностью родившихся в русских семьях семи областных центров (не самых крупных), а по сельским районам — мальчиков из девяти различных областей Европейской России, девочек — из десяти областей. В каждой области выбраны четыре-пять районов, по возможности отдаленных от крупных городов, промышленных центров и транспортных узлов. Данные приведены не в абсолютных числах, а в промилях, т. е. в пересчете на 1 тыс. новорожденных по каждому столбцу, соответствующему определенной территории. Все показатели округлены до единицы; тире в графах означает полное отсутствие, а точка — величину меньше 0,5 на 1 тыс. человек. Имена показаны в их «паспортной» форме, записанной в метриках, например отдельно взяты Егор и Георгий; не приняты во внимание незначительные различия написаний (Нэлли—Нелли—Нэля—Неля—Нелия).

К моим подсчетам по рожденным за 1961 г. теперь можно привлечь и некоторые новые данные: мои же подсчеты по некоторым городам за 1966 и 1967 гг. (например, по Ульяновску, по пяти районам Томской обл.), подсчеты А. Я. Шайкевича по Фрунзенскому району Москвы [Личные имена] и В. Д. Бондалетова по Пензе [Личные имена]; подсчеты употребительности имен по рожденным за отдельные годы в период с 1961 по 1967 г. Т. И. Окороковой по Автозаводскому району г. Горького, Т. А. Коротковой по Свердловску, Г. И. Кондратенко по Ульяновску и районам Брянской области, И. В. Большакова по Казани, И. И. Коржанова по

Мужские имена, рожд. 1961 г.
(на 1 тыс. в каждом столбце)

	Областной центр							Сельские районы								
	Курск	Калуга	Кострома	Владимир	Тамбов	Пенза	Ульяновск	Курская обл.	Калужская обл.	Ярославская обл.	Костромская обл.	Владимирская обл.	Тамбовская обл.	Пензенская обл.	Ульяновская обл.	Куйбышевская обл.
Александр	122	109	137	146	142	143	145	140	126	158	142	133	156	190	202	177
Алексей	13	20	31	46	29	48	33	28	53	40	40	56	41	30	30	29
Альберт		1	4	4	2	1	2			2	2					
Анатолий	22	12	27	12	17	20	21	35	23	45	36	15	40	34	35	30
Андрей	29	77	115	102	59	33	53	11	7	21	23	16	4	6	5	7
Аркадий		1	6	1	3	3	1			2	2	1				
Борис	7	13	6	5	8	8	5	5	5	7	14	3	6	4	3	3
Вадим	4	7	15	9	5	4	5	1	2	5	3	3	1			
Валентин	4	4	2	1	2	3	3	7	2	6	9	7	8	5	6	4
Валерий	34	31	32	42	42	56	57	11	20	28	20	24	29	22	33	25
Василий	6	3	11	9	10	4	4	50	38	15	24	42	24	23	21	33
Виктор	32	30	26	26	29	28	20	74	87	35	40	62	75	75	49	54
Виталий	10	12	7	4	9	13	5	7	3	1	16	5	4	1	2	4
Владимир	87	81	95	86	88	100	101	114	96	119	109	103	103	135	139	111
Владислав	2	2	1	3	4	6	2			1			2			1
Вячеслав	19	17	20	19	19	28	34	5	23	21	16	23	17	12	21	14
Геннадий	30	26	9	5	43	19	10	13	19	15	13	28	14	22	20	20
Георгий	3	2	2	1	2	1	4	1	3	1		1	1		1	2
Герман			2	5	2	3	2			1	5			2		
Григорий	2	1	3	2	3	1	1	12	3	2	2	2	1	4	1	5
Димитрий	9	9	9	13	7	11	8	8	7	6	2	3	4	1	5	6
Евгений	21	31	23	11	11	24	35	3	12	37	37	38	25	16	47	34
Иван	4	4	4	3	7	2	4	50	44	11	5	24	44	23	27	23
Игорь	82	101	30	53	69	57	38	7	21	8	8	7	8	9	3	6
Константин	4	9	4	8	8	6	15			6	4	6	2	4	6	3
Лев			1	4	1	1	2					2	2			
Леонид	8	7	12	7	1	2	3	15	8	8	30	3	4		2	7
Михаил	35	47	45	43	47	58	22	35	45	31	39	50	34	41	33	29
Николай	37	27	54	47	41	19	30	112	97	124	130	91	91	68	90	91
Олег	56	42	27	29	39	48	35	3	3	8	15	7	6	9	6	7
Павел	5	7	19	10	11	6	13	12	6	15	9	12	8	4	8	12
Петр	1	2	4	2	7	2	3	7	24	2	2	10	20	13	12	26
Роман	1	2	1	2	1		1					1				
Сергей	164	149	162	174	136	162	210	127	111	146	132	142	113	139	122	137
Станислав	4	1	8	2	4	2	3	5	2	2	4	1	1	1	1	1
Федор	1	1	2	1	1	2	1	1	1	4	5	2	1		4	2
Эдуард	8	3	2	4	3	2	2	1	1*							
Юрий	132	102	31	56	87	68	63	93	90	65	60	70	109	104	63	90
Прочие*	1	7	2	3	1	6	4	8	17	3	2	7	2	3	3	7

* В областных центрах: Артур, Вениамин, Всеволод, Илья, Матвей, Кирилл, Роберт, Ростислав, Рудольф, Руслан, Семен, Степан, Яков; по одному разу: Арнольд, Арсений, Артем, Владлен, Егор, Илларион, Леонтий, Максим, Марк, Мирослав, Митрофан, Никита, Олимп, Пантелей, Родион, Святослав, Серго, Спартак, Тимур, Эдмунд, Ярослав. В сельских районах: Вениамин, Егор, Илья, Максим, Матвей, Рудольф, Семен, Серафим, Яков; по одному разу: Афанасий, Всеволод, Дементий, Игнат, Кирилл, Минай, Степан, Тимофей, Филипп, Эрик.

Женские имена, рожд. 1961 г.
(на 1 тыс. в каждом столбце)

	Областной центр							Сельские районы									
	Курск	Калуга	Костром.	Владимир	Тамбов	Пенза	Ульяновск	Курская обл.	Калужская обл.	Тульская обл.	Ярославская обл.	Костромская обл.	Владимирская обл.	Тамбовская обл.	Пензенская обл.	Ульяновская обл.	Кубанская обл.
Алевтина	—	3	4	1	3	4	2	—	3	2	16	18	10	1	7	2	2
Александра	5	2	2	2	1	1	1	6	6	9	6	5	12	7	4	8	1
Алла	19	17	3	16	16	9	7	11	11	5	6	—	4	2	—	2	2
Альбина	2	1	5	2	1	—	3	1	2	—	3	3	8	1	—	5	1
Анна	6	6	5	2	6	3	5	10	24	8	6	11	13	16	6	14	12
Антонина	3	5	3	1	4	1	1	15	27	22	8	20	14	9	11	12	18
Валентина	18	16	10	13	12	17	8	107	105	94	39	76	46	72	71	69	79
Вера	14	7	14	14	19	20	17	43	24	29	25	15	53	49	55	41	48
Виктория	3	—	1	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Галина	67	68	43	74	86	60	51	92	82	94	103	107	108	91	95	83	93
Евгения	3	3	2	2	2	2	7	1	1	2	6	2	4	2	1	6	1
Екатерина	2	3	7	3	4	3	2	20	6	6	11	12	9	4	8	2	3
Елена	131	164	123	166	134	87	97	57	43	80	129	82	77	41	43	48	47
Зинаида	1	—	—	2	2	1	2	2	10	6	3	8	4	13	7	7	2
Зоя	2	—	2	1	3	1	—	10	7	11	3	3	3	6	8	8	4
Инна	9	5	3	4	2	6	—	2	2	1	—	—	—	1	—	—	—
Ираида	2	1	—	—	10	3	1	—	4	1	1	2	3	5	—	3	—
Ирина	139	118	105	104	94	115	98	13	12	33	58	48	23	17	14	28	35
Клавдия	2	—	—	—	—	—	—	2	6	1	—	1	3	1	—	3	1
Лариса	46	21	26	23	29	44	31	5	4	15	6	8	11	9	7	9	6
Лидия	4	5	6	4	7	4	5	19	17	12	13	8	15	21	33	22	25
Лилия	6	2	—	3	2	3	4	1	1	—	3	—	—	1	4	3	1
Любовь	32	24	34	28	17	33	40	53	65	60	70	46	60	67	88	81	75
Людмила	60	58	27	17	46	51	54	70	35	32	42	62	40	50	46	51	50
Маргарита	13	25	7	4	8	5	8	—	—	1	5	4	2	1	1	1	1
Марина	80	90	123	93	80	76	79	3	12	29	30	22	25	5	9	10	7
Мария	3	2	5	3	4	2	4	7	33	3	4	10	8	24	10	13	10
Надежда	19	27	26	49	71	29	26	50	55	75	65	65	95	96	80	63	76
Наталья	78	66	66	84	57	89	107	85	50	60	48	40	75	75	89	88	67
Нина	8	10	14	14	16	11	14	40	69	49	57	60	31	45	56	41	40
Нэлли	4	2	4	3	1	—	3	—	—	—	3	1	—	1	—	—	—
Ольга	42	71	121	89	99	120	121	58	30	48	46	51	70	67	48	58	106
Раиса	3	4	—	1	3	3	4	26	28	5	—	6	8	15	15	6	5
Римма	4	6	1	1	3	2	4	2	1	3	1	2	3	4	1	1	—
Светлана	37	59	96	73	36	70	74	15	35	25	54	54	29	18	18	31	23
Тамара	11	11	5	4	10	10	12	16	26	26	13	24	10	20	18	28	18
Татьяна	95	79	87	84	81	91	98	142	136	140	107	101	108	124	128	138	118
Юлия	2	—	1	3	2	1	3	1	1	5	1	—	3	7	4	—	2
Прочие*	25	19	18	13	18	22	6	14	27	8	9	23	14	10	15	25	18

* В городах: Анастасия, Ангелина, Белла, Валерия, Варвара, Вероника, Викторина, Виолетта, Дина, Елизавета, Жаннета, Жанна, Инга, Инесса, Кира, Лолита, Майя, Марианна, Милана, Нинэль, Нонна, Оксана, Софья, Таисия, Ульяна, Элеонора, Элла, Эльвира, Эмма; по одному разу: Ада, Аделина, Анжелика, Берта, Виталина, Генриетта, Гортензия, Диана, Дженни, Евдокия, Ида, Изабелла, Лана, Леонора, Лилиана, Лина, Луиза, Люся, Люция, Ляля, Мила, Миральда, Полина, Рита, Роза, Стелла, Фаина, Элина, Эльвира, Эля, Эмира, Эрмина. В сельских районах: Анастасия, Антонида, Варвара, Гертруда, Дина, Евдокия, Елизавета, Жанна, Ира, Капитолина, Клара, Ксения, Матрена, Пелагея, Полина, Рита, Роза, Серафима, Софья, Таисия, Фаина, Эльвира, Эмма; по одному разу: Ада, Анисья, Белла, Вероника, Евфимия, Лиля, Лина, Майя, Манефа, Плонда, Прасковья, Ульяна, Федосья, Элеонора, Элина, Элла, Эльза.

трем городам Ульяновской области, М. Г. Свотиной и ее студентов по Балашову [Личные имена].

Каков же русский именной наших дней?

I. Установился довольно постоянный и компактный ассортимент имен, по сравнению с 1930 г. весьма строгий.

Против 1930 г. перечень употребляемых имен резко сократился в каждом районе, а в каждом городе даже больше чем вдвое, хотя количество родившихся больше чем вдвое возросло (табл. 12).

Таблица 12

Употреблено имен в 1961 г.

	Мужских			Женских		
	всего	из них по одному разу	чаще	всего	из них по одному разу	чаще
В семи областных центрах	76	20	56	100	32	68
В обследованных 50 районах	59	12	47	79	17	62

Насколько строже стал именной, видно по количеству имен новорожденных г. Костромы (табл. 13).

Таблица 13

Количество имен, данных новорожденным в г. Костроме

	1930 г.	1961 г.
Мужские имена	100	48
в том числе по одному разу . . .	44	8
Женские имена	139	57
в том числе по одному разу . . .	57	18

В семи областных центрах всего только пять самых распространенных имен (Сергей, Александр, Владимир, Юрий, Андрей) охватили больше половины всех родившихся в 1961 г. Десять самых частых имен охватили в Калуге 77% всех мальчиков, рожденных в 1961 г., в Костроме — 75%; в Сурском и Вешкаймском районах Ульяновской области десять одних и тех же имен охватили 82% новорожденных мальчиков.

I. 1. В русской деревне искони мужские имена были разнообразнее женских. Например, в XIX в. ассортимент употребляемых у крестьян мужских имен был всюду почти вдвое

шире, чем женских. Сегодня соотношение ассортимента имен обратное, женские имена стали «кокотливей» — женские имена всюду разнообразнее мужских. Доля имен единичных, никем не повторенных за год в том же районе, стала выше среди женских имен, чем среди мужских, чего никогда не бывало в деревне (табл. 14).

Таблица 14

*Количество всех имен у новорожденных 1961 г.
(сельские р-ны)*

Область	Муж.	Жен.
Калужская	41	48
Костромская	36	49
Владимирская	37	42
Тамбовская	37	48
Пензенская	31	39
Ульяновская	35	45

II. Русский именник 1961 г. коренным образом отличается не только от дореволюционного, но и от именника 1930 г. полной сменой преобладающих имен. В городах на первом месте имя Сергей (не ниже 149 на 1 тыс., за исключением Тамбова), за ним — Александр (от 109 до 146 на 1 тыс.), далее Андрей, Владимир, Игорь, Юрий (с некоторыми чередованиями). В 60-е годы имя Андрей, продолжая учащаться, даже заняло первое место среди рожденных в Свердловске за 1966 г. Вероятно, в 70-х годах оно в городах станет чаще имени Сергей. Сильны позиции имен Владимир, Игорь, Олег, Алексей, Дмитрий, Валерий, реже стало имя Юрий.

А в сельских районах почти всех областей первое место заняло имя Александр, за ним Сергей, далее Владимир и Николай (местами в обратном порядке), Юрий и Виктор. В 70-е годы и там Сергей выйдет на первое место, а за ним и Андрей; реже будут употребляться Юрий и Виктор.

Женские имена несколько пестрее: в большинстве областных центров среди новорожденных 1961 г. преобладает Елена, но в Курске — Ирина (занимая в других городах 2—3-е места), а в Пензе и Ульяновске — Ольга*. Следующие места, чередуясь, заняли имена Марина, Татьяна, Наталья, за ними Светлана, Галина. Последующие годы закрепили

* В публикации 1967 г. [Никонов — 1967б] к этому месту я сделал примечание, что можно с уверенностью предсказать, что имя Елена и там станет частым. Подсчеты рожденных за 1966 г. и в Ульяновске и в Пензе полностью подтвердили этот маленький прогноз.

преобладание Елены и принесли новый успех имени Светлана (в Свердловске и Ульяновске за 1966 г. — второе место, в Пензе 1967 г. — даже первое место, впереди Елены и Ирины!). К самым частым присоединилось имя Марина, местами тоже обгоняя имя Ирина. Остаются в первом десятке Наталья, Ольга, Татьяна. В 70-х годах их может догнать Лариса. Продолжает убывать частотность имен Валентина, Людмила. К сожалению, все реже имя Нина, по-видимому, его считают «слишком простым».

В деревне в 1961 г. всюду на первом месте Татьяна, кроме Северного Поволжья и Куйбышевского Заволжья, где позиции этого имени слабее. Пока были еще очень часты Валентина и Галина, а в городах они уже убывали. В последующие годы и в деревне побеждает имя Елена. Очень часто стали давать имя Светлана, участились имена Ирина, Марина; реже дают имя Галина и особенно Валентина.

Господствовавшие прежде имена стали редки и в деревне, а в городах почти совсем вышли из употребления. Не говоря уж об окончательно исчезнувших именах Архип, Афанасий, Гавриил, Тит, Тихон, Агафья, Акулина, Устинья, Федорья, Фекла, но даже имена Иван, Евдокия теперь очень редко дают в деревне. Только в глубине Костромского Заволжья изредка еще встречаются Манефа или Плоида. В пяти районах Томской области, по которым выполнены подсчеты, ни один из рожденных в 1966 г. не получил распространенного там в прошлом «сибирского» имени Иннокентий.

Именник деревни веками оставался почти неизменным, как и ее косный быт, — тем разительнее перемены, происшедшие за послеоктябрьские десятилетия. В деревне, где только немногие осмеливались дать дочери городское имя Ольга, а крестьянку Тамару немислимо было представить, там сегодня Тамара — одно из очень частых имен (в сельских районах десяти областей от 10 до 28 на тысячу девочек, родившихся в 1961 г.). Имена — один из самых ярких показателей глубины перелома в быту деревни. В колхозе «Россия» Теренгульского района Ульяновской области пастух и доярка называли дочь Эрмина (1961 г.). По поездкам в детстве помню былую глушь сплошь лапотных деревень этого угла, и удивителен переворот, который свершился на глазах одного поколения, хотя сам выбор такого имени трудно одобрить.

II.1. Вероятно, тенденция к расподоблению мужских и женских имен вытесняет женские имена Александра, Евгения (из-за мужских Александр, Евгений). Даже имя Валентин стали реже давать из-за экспансии женского имени Валентина (наблюдения Г. Ф. Благовой). Еще в начале нашего столетия нередко выбирали имя Анастасий, теперь у русских оно полностью вышло из употребления. Из многочисленных

в прежнем именной пар теперь остались немногие. Среди новых появлялись единичные случаи (Май—Майя, Энергий—Энергия), но никто их не поддержал. Вполне мог быть Светлан, но торжество опередившей Светланы, наверно, прочно закрыло ему путь. Правда, возродилась древняя пара Олег—Ольга, но парность этих имен, видимо, слабоощутима.

II.2. Из «новых» имен довоенных лет вошли в современный именной очень немногие. Некоторые оказались удачными и так привились, что теперь неощутима разнородность между латинским именем Татьяна и новым, вошедшим в послереволюционные годы именем Светлана. Употребляемые все чаще имена Эдуард, Виктория (пока преимущественно в городах и немного в деревне) скоро станут обычными, как стали Валерий, Алла. Эти имена сегодня уж не диковинны. Именной стал «спокойным». Продолжая возникать, новые имена теперь в большинстве не противопоставляются устоявшимся нормам, а «вписываются» в них. Стали употребляться созданные несколько раньше: Снежана (например, дано в 1967 г. русской девочке в Актанышском районе Татарской АССР), Милана — оба имени по модели Светлана; по модели Октябрина появились в 60-х годах имена из географических названий — Асабина в честь дружбы с Эфиопией, по названию порта Асаб, где, видимо, работал отец (имя неудачно, так как его будут воспринимать как Особина, произносимое по законам русского литературного языка *асаби́на*), в Калмыкии удачно образовано имя Элистина из названия столицы. Не радуется, что стали часто превращать наименования профессий в личные имена: в Мелекесе появился Электрик, а Юрист — сразу в Горьком, Ульяновске, Астрахани.

Переживают «болезнь роста» именники других народов страны. Заметно стремление образовать имена из русских слов. Но если не учитывать различия стилистических оттенков, то неизбежны неудачи. В грузинско-русской семье родители, решив, что больше детей им не нужно, назвали мальчика русским словом Точка.

Демонстративная инородность теперь редка, однако она еще продолжает сказываться. Безвкусная мода на заграничную «красивость» продиктовала немало пошлых имен. Газета «Известия» сообщила, что в 1964 г. один родитель в Москве дал дочери имя с театральной афиши — Баядера. Каково будет девочке, когда она узнает, какую профессию означает ее имя! А переменить его она до совершеннолетия не сможет. Это обязывает крепко задуматься над пробелами в культурной работе.

III. Одна из самых характерных и важных черт современного именника — у нас нет антагонистической социальной дифференциации личных имен. Этим советская антропони-

мия принципиально противоположна дооктябрьской. Теперь именник в основном действительно един. У детей слесаря, директора, чернорабочего и профессора одни и те же имена.

III.1. Ликвидация антагонистических противоречий не означает ликвидации всех различий. Как показывают таблицы, различие употребительности имен в городе и деревне еще значительно. Могучее влияние города сегодня — не только школа, печать, радио, но и обильный приток в деревню горожан или учившихся в городах — учителей, врачей, агрономов, зоотехников, механиков. Именник современной деревни близок к именнику городов примерно 50-х годов, хотя и в разной степени (например, наименьший из семи привлеченных областных центров Тамбов дал за 1961 г. наименее «городские» показатели; чем теснее связь сельской местности с крупным центром, транспортным узлом, промышленными предприятиями, новостройками, тем меньше разница между ее именником и городским). Читая таблицы построчно, легко заметить в именнике различие города и деревни. В деревне еще очень часты имена Валентина, Галина, Александр, уступившие в городах первые места. Пережив бурный успех в городах, имена Валентин и Виктор пошли там на убыль, но в деревне позиции этих имен еще сильны. А Елена, Ирина, Марина и некоторые другие имена, выйдя на первые места в городах, еще не получили такого признания в деревне, хотя уже есть и там *. Пока реже в деревне, чем в городе, дают имена Светлана, Игорь, Олег; еще держатся там некоторые имена, давно позабытые в городах.

Интервал между именником города и деревни сокращается, и сам темп сближения ускоряется.

IV. Поразительно одинакова употребительность имен на огромных пространствах. Во всех 11 областях, по которым автор выполнил подсчеты имен родившихся за 1961 г., на каждую тысячу девочек имя Татьяна в областных центрах повторяется от 81 до 98 раз, в сельских районах — от 101 до 142. Так ограничена амплитуда колебаний для большинства имен. В каждом случае родители выбирали совершенно свободно, не сговариваясь и совершенно не зная статистики имен,

* Старой деревне в прошлом были хорошо известны имена Елена (в формах Алена, Олёна) и Ирина (в формах Арина, Орина), но еще в XVIII в. они начали убывать и в начале XIX в. почти вышли там из употребления, после этого их подхватили привилегированные слои, а имя Марина, нередкое в деревне XVII—XVIII вв., исчезло там еще в первой половине XIX в. Теперь эти имена пришли в деревню из города как новые. Преемственности со старыми именами нет, напротив, они воспринимаются там как «городские». Обнаружено и своеобразное явление: несколько девочек в Москве, Свердловске и других местах записаны именем Алена — по требованию родителей, как сообщают работники ЗАГС.

а результат оказался таким, словно задана норма — сколько должно быть Татьян и сколько Сергеев.

Основная магистраль распространения изменений в именнике — из Москвы по стране: и через города, и непосредственно (печать, радио, школа и другие каналы). Но наряду с этим подсчеты обнаружили и несомненную региональность распространения личных имен.

Интересны территориальные волны частотности имен. Например, имя Раиса (1961 г.) — 25 на 1 тыс. новорожденных девочек в сельских районах Калужской и Курской областей, по 15 — в Пензенской и Тамбовской, 8 — во Владимирской, 6 — в Костромской, в заволжских районах Ярославской области нет совсем! Антропонимисты под руководством М. Г. Свотиной в Балашове Саратовской области произвели подсчет имен в своем городе и районе, сопоставляя с опубликованными мной данными по десяти областям, и констатировали, что сельский именник их района «в основном совпадает с именником соседних областей Тамбовской и Пензенской, за исключением некоторых вариантов» [Личные имена: 121]. Можно заметить и «островные» явления; например, максимум имен Леонид и Надежда — во Владимире, Ираида и Геннадий — в Тамбове и Тамбовской области. Таковы и минимумы имен: Людмила — во Владимире, Любовь — в Тамбове, Игорь и Юрий — в Костроме (все данные за 1961 г.). Такие аномалии, случайные по отношению к общей тенденции, недолговечны; едва ли удастся объяснить эти «капризы моды».

Современные волны имен отличаются от былой региональности имен. Волны имен сегодня отражают только неравномерность роста и убыли, замедление или ускорение их темпа в различных местностях при общей тенденции для всех имен. Так, особая симпатия к имени Ольга в Пензе и Ульяновске 1961 г. — лишь «отставание» этих городов, вскоре преодоленное. Такие различия временны. Весь строй жизни у нас способствует интеграции имен, а не локальной дифференциации их.

V. Язык стремится к нормализации формы. Тем сильнее унификация формы имен собственных. Во-первых, их этимологические значения стерты. Во-вторых, имена собственные образовали специфический, отчетливо ощущаемый лексический отряд со своей историей (не случайно почти все личные имена по происхождению иноязычны, за исключением трех-четырёх), а это неизбежно приводит к установлению собственных формальных признаков отряда (подобно тому, как наименования большинства минералов образованы суффиксом *-ит*).

Так, для женских имен в русском языке исконно обяза-

тельна форма на *-а* (графически и *-я*). Она монопольна на протяжении многих столетий, с небольшим исключением: Любовь — окончание на мягкий согласный звук, теперь к нему присоединилось имя Нинель. Оба эти окончания — признаки грамматического женского рода и для всей массы нарицательных существительных. Той же норме подчинены и имена, появившиеся в 20—30-х годах, не только заимствованные (Эльвира и др.), но и отобранные из нарицательных — Баррикада, Энергия (при мужском имени Энергий) или новообразованные — Октябрина, Ревмира. Небольшую брешь в абсолютной норме пробили только имена на *-и*: в минувшем столетии они занесены в Россию из Западной Европы (Фанни, Мэри, Нэлли), но паспортными смогли стать только теперь. Их очень мало, и употребительность их ничтожна, так что пока нет смысла гадать о возможном влиянии их на изменение формы женских имен.

Отчетливо формализованы и мужские имена, хотя в них нет такого обязательного для всех них признака, как в женских, здесь соперничают несколько видов окончаний (табл. 15).

Таблица 15

Окончания мужских имен
(в процентах по количеству носителей, а не имен)

Форма окончаний	Вторая половина XVIII в.	Конец XIX в.	1961 г.
Твердый согласный	60	60	44
<i>-й</i>	26	36	51
<i>-а</i>	14	4	0,1
Мягкий согласный (Игорь)	—	—	5

В конце XIX в. именам на твердый согласный принадлежало абсолютное большинство. Среди родившихся в 1961 г. они составили меньше половины, уступив первое место именам на *-й*, употребительность которых неуклонно росла — с 26 до 51%, несмотря на то что резко упала употребительность имени Николай, которое было самым частым в этой группе, а имена Тимофей, Терентий или Евсей практически вовсе исчезли. Теперь лидеры этой фракции имен Андрей, Сергей, Юрий, Геннадий. Имена на *-а* (Илья, Кузьма, Никита, Фома и др.) в XVIII в. охватывали около 14% всех мужчин, но в XIX в. сокращались непрерывно, очевидно, из-за омонимичности этой формы с показателем женского грамматического

рода. В переписи 1897 г. 4% мужчин имели имена на *-а*, а среди мальчиков рождения 1961 г. — меньше 0,1%. Конечно, и десятая доля процента при миллионах родившихся составляет несколько тысяч, но имена этой группы ощущаются как архаические и сходят со сцены. Зато имя Игорь, которое получили 4% мальчиков 1961 г. рождения (если его не объединять с именами на *-й* в общую группу имен на мягкий согласный), может стать сильной фракцией среди мужских имен — в некоторых городах оно в 1961 г. достигло 10% новорожденных (схема 3).

Формальный признак безусловно способствует возвышению или падению имени, хотя также безусловно, что сами выбирающие имя не только не создают значимости этого признака, но даже не замечают его. Неумолимо действует та же неосознаваемая сила «языкового чутья», которое подсказывает каждому русскому безошибочно употреблять грамматический род, а не говорить «она пришел», «белая хлеб».

Внимательно изучив динамику личных имен за несколько столетий, можно сформулировать вывод, кажущийся парадоксальным: не потому победила форма на *-й*, что полюбились имена Сергей, Андрей, Юрий, Геннадий и т. д., а потому они предпочтены, что принадлежат к этой группе. В могуществе таких процессов автор убедился, исследуя топонимию. При Иване Грозном опустели многие деревни, а когда позже возникли новые, то названия с совершенно другими лексическими основами сохранили прежнее количественное соотношение формантов на той же территории (например, 7% *-иха* в названиях Бежецких деревень). Бывший Екатеринодар, где *-дар* — «подарок» Екатерины II, давно утратил этимологическое значение, легко превратился в Краснодар, где *-дар* никакого лексического значения не несет, а служит топонимообразующим формантом [Никонов — 1965: 95].

Эта, по выражению Б. А. Серебренникова, «формульность» властвует и в антропонимии. Победа имен на *-й* подготовлена тенденцией роста их употребительности за несколько столетий.

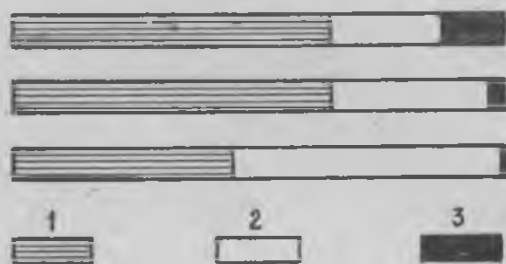

Схема 3. Формализация мужских имен:

1 — носители имен, оканчивающихся на твердый согласный; 2 — носители имен, оканчивающихся на *-й* и другие мягкие согласные; 3 — носители имен, оканчивающихся на *-а*. Строка I — XVIII в., строка II — конец XIX в., строка III — 1961.

Тезис выдающегося польского антропонимиста Т. Милевского, ныне покойного, будто личные имена отличаются от нарицательных слов полной свободой выбора, — иллюзия. Данные обширных подсчетов неоспоримо доказывают, что выбор личных имен даже при отсутствии религиозных или юридических запретов жестко обусловлен, обусловлен современной антропонимической нормой, хотя и не осознаваемой выбирающими. Выяснив эти нормы и поняв закономерности их формирования, антропонимика смогла бы активно влиять на эти процессы. Пока для этого не было ни необходимого знания фактов, ни теоретического осмысления их.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

В начале нашего столетия тюрколог А. Н. Самойлович горячо призывал, чтобы исследователи тюркских народов «обратили внимание на личные имена» [Самойлович: 299]. И спустя столько десятилетий снова читаем: «Татарская антропонимия — один из малоизученных разделов татарского языкознания, между тем эта проблема ждет от татарских лингвистов и историков-этнографов специальных научных исследований» [Саттаров: 69]. Или же еще: «Имена башкир до сих пор почти не изучены, нет полного списка башкирских имен, не разработана система передачи башкирских имен средствами русской азбуки, нет исследований, которые показали бы, как изменяется звучание русского имени в устах башкир» [Мирославская — 1970: 157].

Неужели ничего не сделано? Нет, сделано немало. Еще и до призыва А. Н. Самойловича ценный материал по личным именам у тюркских народов накопили В. В. Радлов и его ученики, появились работы В. А. Гордлевского, В. К. Магницкого и др. Но особый подъем наступил в 60-е годы нашего столетия. Проведены многие десятки исследований, защищено несколько диссертаций, изданы материалы: С. А. Токарев опубликовал полный свод имен у якутов из русских документов XVII—XVIII вв. [Токарев], Р. Г. Кузеев — башкирские шежере (родословные башкир) [Кузеев]. На четырех поволжских ономастических конференциях, на Среднеазиатском и Кавказском ономастических семинарах, на I-м Всесоюзном совещании по личным именам антропонимия тюркских народов была представлена многими десятками докладов. Ценен вклад, внесенный Н. А. Баскаковым: к двуязычным словарям, которые он составлял или редактировал, приложены списки личных имен. За рубежом многое сделали венгерские тюркологи Ю. Немет, Л. Рашони, крупный турецкий специалист по ономастике А. Джафароглы.

Нисколько не парадоксально: чем больше сделано, тем виднее не сделанное. И сам конкретный перечень пробелов,

только что процитированный из статьи А. Н. Мирославской, показывает, что уровень достигнутого уже не прежний, когда невозможно было сформулировать такие требования. В свете сделанного виднее бреши, ждущие заполнения, и ошибки, нуждающиеся в исправлении.

Огромные фонды личных имен остаются неизученными, многое может погибнуть без следа. Одно издание 1916 г. вскользь сообщало, что в полиции Ташкента есть посемейные списки на 125 тыс. узбеков; местное население называло их *джон-дафтар* 'тетрадь душ' [Лыкошин: 25]. Антропонимисты Узбекистана не должны пройти мимо этого сообщения. Сохранились ли эти богатейшие материалы? Никто не исследовал многотысячные списки туркмен конца XIX в. (только главы семей), собранные в материалах по водопользованию [Таиров]. Родословные, подобные башкирским шежере, введенным в научный оборот Р. Г. Кузеевым, имеются и у других тюркских народов, но могут навсегда погибнуть для науки. Это лишь немногие примеры. Поистине грандиозны богатства, хранимые в архивах ЗАГС тюркоязычных республик и областей, не привлекая до сих пор внимания антропонимистов.

Чтобы двигаться дальше, нельзя ограничиваться прежними методами. Имея дело с таким массовым явлением, как имена многих миллионов людей, невозможно обойтись без подсчетов, а все имеющиеся работы оперируют только произвольно выбранными примерами, тогда как обязательно сплошное рассмотрение всего реального именника в целом. Многочисленны обширные подсчеты (по документам ЗАГС), которыми охвачены девять тюркоязычных народов; по каждой выбранной территории подсчет произведен не выборочный, а сплошной, т. е. учтены имена всех новорожденных данной национальности и обязательно полностью за весь указываемый год. В подсчеты вошли только семьи однонациональные; выбор имен детям в межнациональных семьях (муж азербайджанец, жена русская или наоборот) подчинен иным закономерностям и требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь все национально-смешанные семьи исключены.

Общее количество охваченных этими подсчетами превысило 200 тыс. новорожденных. По алфавиту народов: азербайджанцы, 1968 г. рожд., — г. Баку (два центральных района), три района Азербайджанской ССР (Агдамский, Кюрдамирский, Уджарский); алтайцы, 1969 г. рожд., — Онгудайский район Горно-Алтайской автономной области (подсчет Н. И. Шатиновой); башкиры, 1968 г. рожд., — десять районов Башкирской АССР (Абзелиловский, Аскинский, Бурзянский, Давлекановский, Зианчуринский, Зилаирский, Илишевский, Салаватский, Учалинский, Шаранский); казахи, 1969 г. рожд., — г. Чимкент, пять районов Южно-

Казахстанской области (Алгабасский, Кзылкумский, Ленгерский, Ленинский, Сузакский), семь районов Джамбульской области (Джувалинский, Меркенский, Моинкумский, Сарысукский, Свердловский, Таласский, Чуйский); киргизы, 1969 г. рожд., — г. Фрунзе, семь районов Киргизской ССР (Акталинский, Баткенский, Кеминский, Ляйлакский, Таласский, Тогуз-Торосский, Тонский); кумыки, 1968 г. рожд., — три района Дагестанской АССР (Буйнакский, Ленинский, Кизилюртский); ногайцы, 1968 г. рожд., — Ногайский район Дагестанской АССР; татары, 1967 г. рожд., — г. Казань (три центральных района), девять районов Татарской АССР (Аксубаевский, Актанышский, Апастовский, Балтысинский, Богато-Сабинский, Камскоустыинский, Кукморский, Лаишевский, Сармановский); 1965—1969 гг. рожд. — г. Ульяновск, два района Ульяновской области (Ново-Малыклинский, Старо-Кулаткинский); татары г. Самарканда, 1965 г. рожд.; узбеки, 1965 г. рожд., — г. Самарканд, Нуратинский и Хотырчинский районы Самаркандской области; 1970 г. рожд. (подсчет С. С. Губаевой) — два района Ферганской области; 1969 г. рожд. — Бугуньский, Ленинский, Сайрамский районы Казахской ССР, Ляйлакский район Киргизской ССР.

Для сравнения сделаны подсчеты имен рожденных в 1900—1920 гг. по документам ЗАГС за 1939—1940 гг. (родители новорожденных, браки, смерти) только по сельским местностям, так как в городах состав населения сильно менялся. Надо оговорить, что к 1939—1940 гг. носители имен могли изменить их, например вместо полученного в начале столетия имени Абдулрашид писать просто Рашид. Следовательно, обнаруженные сдвиги еще резче в действительности, чем по моим данным. Этими подсчетами охвачены: азербайджанцы — Кюрдамирский и Агдамский районы; башкиры — Бурзянский и Салаватский районы; казахи — Чадыновский район; татары — г. Казань, Актанышский и Богато-Сабинский районы Татарской АССР, Ново-Малыклинский и Старо-Кулаткинский районы Ульяновской области; узбеки — Нуратинский район Самаркандской области Узбекской ССР. Кроме того, использованы обширные печатные списки глав семейств рождения конца XIX в. — казахов в многотомных «Материалах по землепользованию» и туркмен в «Материалах по водопользованию» Я. Таирова.

Кроме специальных примеров, когда необходимо привести имя в записи подлинника, в остальных случаях имена даны в русской транскрипции. Иное решение лишь вызвало бы путаницу, не только мешая сопоставлению, но и искажая подлинные записи, которые во входящих в состав РСФСР автономных республиках и областях ведутся на русском языке.

Пока никто не исследовал дотюркские реликты в именниках тюркоязычных народов — личные имена из языка того населения, которое застали тюркоязычные пришельцы на территориях своего современного обитания. Почти невозможно отделить действительно древние имена от тех, которые получены позже от соседей. В именнике узбеков велика доля имен ираноязычных (например, мужские Дастан, Кахрамон, женские Дильбар, Гюльнора и многие другие), но среди них — и унаследованные от местного ираноязычного населения в разные периоды, и принесенные позже.

Выделить пласт общетюркский тоже не так-то просто. За многие века отдельного существования каждый тюркоязычный народ утратил большинство древних имен, создал новые имена из тюркоязычного материала, получил много имен из других языков, но источники влияния бывали и общими для многих тюркских народов. Женское личное имя Алтынбаш у алтайцев собственно тюркское ('золотая голова'), но как решить: дошло ли оно еще из общетюркского периода или возникло несравненно позже? Наличие одного и того же имени у туркмен и башкир или у турок и узбеков еще не доказывает, что это тождество древнее. Чаще всего такие параллели — результат гораздо более поздних заимствований, несмотря на расстояния. Такие параллели требуют дополнительных доказательств. Но одно и то же имя у якутов, турок и волжских булгар — скорее всего древнетюркское, так как эти народы разошлись очень давно и после не вступали в контакты. Такой метод выявления древнетюркских имен — не единственный. Современный уровень развития тюркологии и накопленные богатства источников позволяют выявлять древнетюркские имена, опираясь на законы исторической фонетики, даже и в рамках одного именника. Огромно количество древнетюркских имен в родословных башкир [Кузеев]. В современном именнике узбеков Э. Бегматов указал древнетюркские имена — Эркин, Ойхон и др. [Бегматов: 8]. В именнике южных киргизов собрала их К. Мамбеталиева [Личные имена: 152]. Значительное число их у казахов [Жанузаков — 1960: 5], хакасов, якутов. Но всего больше их в памятниках прошлого: надписи, фольклор, древние рукописи донесли до нас много древнетюркских имен, преимущественно мужских, — приниженное положение женщин оставляло их имена неизвестными [Благова: 252]; Л. Ращони констатирует, что женских тюркских имен известно в 20—30 раз меньше, чем мужских (Rasonyi — 1962; 224). Полного свода доисламских тюркских имен до сих пор нет. На Среднеазиатском ономастическом семинаре Т. Ж. Жанузаков (Алма-Ата) со-

общил, что в его картотеке до 5 тыс. древнетюркских имен.

Катастрофой для тюркских имен стало принятие мусульманской религии большинством тюркоязычных народов. «Ислам вытеснил большую массу первоначальных тюркских имен» [Rasonyi — 1962: 223], принесся иноязычные, преимущественно арабские, а также имена древнееврейского происхождения — Исмаил, Ибрагим (из Авраам), Муса (из Моисей), Сулейман (из Соломон), Фатима, Зулайха, Марьям; древнегреческого — Искендер (из Александр) и очень много иранских имен. Позднее появились и имена-гибриды, компоненты которых разноязычны по происхождению, чаще тюрко-арабские (Баймурад) или тюрко-иранские (Ойсара). Так у некоторых тюркских народов оказалось по четыре имени с этимологическим значением «лев»: Асад и Хайдар (араб.), Шер (иран.), Арслан (тюрк.).

На ассортименте и распространенности личных имен отразился раскол мусульманства на два враждующих лагеря — шиитов и суннитов. У шиитов, к которым принадлежали иранцы, азербайджанцы, некоторые другие народы на Кавказе и в Средней Азии (например, из туркмен племя хасарли), в отличие от суннитов чаще имя Али, зятя Мухаммада; азербайджанцы в прошлом даже давали это имя чаще, чем имя Мухаммед, — как самостоятельное имя и как компонент составных имен. В этимологиях имен Реза (Риза) — мужское, Секина — женское, нет ничего шиитского и вообще религиозного, но они принесены из шиитского Ирана и распространялись в основном среди шиитов.

Для именованных тюркоязычных народов существенны маршруты распространения ислама. К народам Среднего Поволжья он пришел не прямым путем через Кавказ, а круглым путем через Среднюю Азию (к волжским булгарам в X в. из Хорезма и Бухары); связь татар и башкир с мусульманскими центрами Средней Азии поддерживалась вплоть до начала XX в.

Нет исследований о том, как древнетюркские имена вытеснялись мусульманскими. А борьба их была длительной. Например, в Башкирии исламу на это потребовалось несколько столетий: башкиры обращены в мусульманство в начале XIV в., но еще и двумя столетиями позже у них преобладали имена тюркские, а мусульманские были редки, как видно из родословных, частично опубликованных Р. Г. Кузеевым. Правда, хронология по этому источнику нелегка, так как дат там мало и они не очень надежны; потребовался подсчет поколений и сличение многих родословных. Предварительные результаты показывают, что в большинстве башкирских родов прочное господство иноязычных мусульманских имен

установилось только в XVIII в., а имена тюркского происхождения стали редкими. У казахов и киргизов мусульманство распространилось поздно (даже в XVII в. оно еще не охватило всех киргизов) и не смогло глубоко войти в их жизнь и сознание. Неравномерность внедрения мусульманства отразилась в именниках.

Тюркоязычные народы не отрекались полностью от исконно тюркских имен. «Каким бы сильным ни было влияние ислама на антропонимию тюркских народов, оно все же не смогло вытеснить старые, доисламские традиции наречения» [Бегматов: 8]. Не исчезли и сами древнетюркские имена, хотя у народов, принявших ислам, они остались в меньшинстве. Тщательно изучив болгаро-татарские эпиграфические памятники, Г. В. Юсупов с полным основанием утверждает: «Личные имена древнетюркского и древнебулгарского происхождения у татар были в активном обиходе и после принятия ислама (X в.) в течение тысячелетия, т. е. до первой половины XIX в.; многие из них продолжают употребляться и в наши дни» [Юсупов: 109]. К такому выводу пришел и Г. Ф. Саттаров по данным татарского фольклора, писцовой книги Казани 1646 г. и других источников [Саттаров: 70].

Передовая интеллигенция тюркоязычных народов в предреволюционные годы поднимала голос против засилья мусульманских имен. Гневно заклеймил и высмеял насажденные исламом имена передовой татарский поэт Габдулла Тукай в своей статье 1911 г. «Про наши имена». Он писал: бесчисленны имена, прославляющие ислам (Сайфетдин 'меч религии', Камалатдин 'совершенство религии'), привязанные к Аллаху (Габдулла, Гайнулла), содержащие слово *абд* (тат. *габд*) 'раб' в сочетании с одним из эпитетов Аллаха, превращающие всех в «божьих ишаков». Он обвиняет ишанов и мулл: «Не довольствуясь этим, они еще занялись и заменой наших собственных красивых национальных имен, как Тимер, Алтынбек, Япанча, безобразными составными именами с частицей *-зян*» [Тукай — II: 142—145].

Только немногие тюркоязычные народы избежали господства мусульманской религии — тувинцы, хакасы, якуты. Тувинцы приняли буддизм, у них распространились личные имена из тибето-монгольских языков; Бегло описала эти имена З. Б. Арабачи, используя материалы А. А. Пальмбаха и Д. А. Монгуша [СЛИ: 174—194].

На якутов и хакасов распространилась государственная религия Российской империи — православие, хотя у них вплоть до нашего столетия уцелели и прежние верования, и прежние имена. Наряду с тюркоязычными именами (например, мужское якутское имя Кескиль, хакасское Кюскелей)

у хакасов и якутов немало имен, заимствованных из именника русских, но измененных неузнаваемо при адаптации: Евдокия — хакас. Абдакей, якут. Огдооччуйа и Обдотай (из русского обиходного Овдотья), Федор — хакас. Педе (из Федя), якут. Сюодэр и т. д.; уменьшительные в качестве полных — Маашка, Саашка, в якутском женском имени Бораш трудно угадать имя Прасковья, а в Балагес — Пелагея.

Очень поверхностным оказалось мусульманство чувашей так же, как и сменившее его православие. Хотя кресту прокладывали дорогу рубль и нагайка, но повторные и даже троекратные массовые крещения не истребили остатков язычества. Однако правящей церкви к концу XIX в. удалось полностью заменить прежний именник чувашей, смешанный из старых чувашских и заимствованных мусульманских, на православный; то же самое произошло среди крещеной части татар. В наше время именник этого населения (потомков чувашей и крещеных татар) близок к именнику дореволюционной русской деревни: часты имена, которые у современного русского населения выходят из употребления, — Василий, Федор, Евдокия. Встречаются даже имена, почти забытые русскими, — Спиридон (татарский мальчик 1967 г. рождения в Богато-Сабинском районе), Фекла (там же). Оба имени еще держатся и у якутов. Характерно имя Антонида, утраченное в Средней России еще полтора-два столетия назад, но и сегодня бытующее в Костромском и Горьковском Заволжье, а также у русских, живущих среди татар и башкир; употребляют его и потомки крещеных татар (органы ЗАГС «исправляют» его, смешивая с именем Антонина).

В многовековом раздельном существовании тюркоязычные народы естественно и неизбежно развили различные именники. Даже из древнетюркских личных имен одни удержались у одних народов, другие — у других. Когда наконец будет создан их свод, он покажет эти различия, чрезвычайно важные для истории народов и их языков. Доисламские имена не равно употребительны у того или иного тюркоязычного народа, различен и их фонетический облик; например, имя по названию планеты Венера — узбек. Чолпон, татар. Чулпан, башкир. Сулпан, казах. и кара-калпак. Шолпан. Различен состав заимствованных имен — у якутов совсем иной, чем у узбеков. Новые тюркоязычные имена также возникали самостоятельно. В результате именник каждого тюркоязычного народа имеет наряду с общими чертами еще больше отличительных — изучение тех и других раскроет многие непрочтенные страницы прошлого. Такая задача до сих пор не поставлена и не могла быть поставлена, так как материалы не сведены и исследователю не с чем сравнивать. Своеобразнее других именники якутов и хакасов, но и во всех остальных

много различий. Необходимо различать два вида антропонимических черт: одни целиком зависят от внеантропонимических явлений, как приведенный пример фонетических различий одного и того же имени, другие собственно антропонимичны, т. е. выступают только в антропонимах.

Нередкое у татарок имя Ляйсан, знакомое и башкирам, в подсчетах ни разу не встретилось у узбечек*. А привычное узбечкам имя Мухаббат не встретилось у татарок и башкирок. Даже между именниками близкородственных соседних народов немало различий. Частое у татарок имя Ильсѣяр неупотребительно у башкирок.

Особенно интересно распространение личных имен, не совпадающее с границами языков. Мужское имя Азамат и женское Гюльнора нередко у узбеков (1965 г.), они очень часты у башкир в восточной и юго-восточной Башкирии (у новорожденных 1968 г. Гюльнора — самое частое имя девочек, Азамат в Абзелиловском и Зианчуринском районе — самое частое имя мальчиков), а в западной половине Башкирии они гораздо реже. По девяти районам Татарии мои подсчеты за 1967 г. обнаружили единственный случай имени Азамат — в Актанышском районе, пограничном с Башкирией. Регионально распространение у башкирок имени Дильбар и некоторых других. Среди личных имен, свойственных только одному народу, — имена, образованные из местных географических названий: у туркмен — из топонимов Ашхабад, Гюрген, Теджен [Мухамедова — 1957: 43], у якутов — из гидронимов Алдан, Вилюй, Томмот, женское Яна. В 1971 г. новорожденный узбекский мальчик в Самарканде получил имя Зеравшан (река, на которой расположен Самарканд). В обследованных мной документах у башкир нередки имена, образованные из гидронимов, — Дим, Итиль, у киргизов — из оронимов и гидронимов — Тяньшаньбек, Нарынбубу, Таласбек, Таласбай. Имена оказываются региональными и внутри территории одного языка, одного народа. Только на западе Туркмении дают мужские имена Сазак, Яндак — по наименованиям местных растений [Мухамедова — 1957: 37]. Одно из самых частых имен узбечек Ферганской долины, Дилфуза, редко дают в районах Самаркандской области. От имени киргизов северных и центральных районов Киргизии заметно отличается именик киргизов юго-западных районов, глубоко вклиенных между территориями узбеков и

* По А. Г. Гафурову, оно происходит из араб. *нисан* 'щедрость' [Гафуров: 201], в сирийском календаре это название апреля, месяца обильных дождей. В своем словаре А. Г. Гафуров отметил, что у азербайджанок это имя существует в форме Найсан [Гафуров: 211], но в моих подсчетах это имя не встретилось ни разу на многие тысячи у азербайджанок 1968 г. рождения. Эта этимология требует доказательств.

таджиков (хотя сам набор имен во всех районах Киргизии преимущественно одинаков). Это понятно. Но непонятно, почему женское имя Ак-марал 'важенка белого оленя' так часто у казашек в районах Южно-Казахстанской области, занимая 6-е место (1969 г. рожд.), и так редко в соседней Джамбульской области; к сожалению, по большинству областей Казахстана отсутствуют подсчеты и невозможно установить границы ареала этого имени; оно не встретилось ни у киргизок, ни у узбечек (в 1970 г. дано туркменке в Ашхабаде).

В этой главе внимание сосредоточено преимущественно на именниках того большинства тюркских народов, которое испытало многовековое господство ислама. Их именники тоже различны. Еще в дореволюционное время отмечено: именник казахов (тогда их именовали киргизами) свободнее от мусульманских имен, чем узбекский [Лыкошин: 26]; хотя и на казахской антропонимии сильно отразилось влияние мусульманства, но все же гораздо меньше, чем на узбекской.

Какова степень общности между именниками тюркоязычных народов сегодня? Один пример: все узбечки, рожденные в Самарканде в 1965 г., получили 195 различных имен; все татарки, рожденные в Казани в 1967 г., получили 134 имени, а общих у тех и других из этого количества только 22 имени.

Э. Бегматов утверждает, что основное ядро узбекской антропонимии составляют имена тюркоязычные по своему происхождению, общие для большинства тюркоязычных народов [Бегматов: 18]. Но каков вес этого ядра? У всех рожденных в 1965 г. узбечек Самарканда 195 имен, но из них тюркоязычны по происхождению лишь восемь и одно смешанное (составное арабско-узбекское), итого меньше 5% при 63% имен арабского происхождения и 24% ираноязычных, единичны имена из других языков Ближнего Востока, из древнегреческого, из западноевропейских. Не менее предвзята позиция Т. Ж. Жанузакова, который даже имена Темир, Алтынбек, Алма, Гулжан объявляет не общетюркскими, а собственно казахскими: «Их звуковой и морфологический облик показывает, что они образованы от собственно казахских корней» [Жанузаков — 1960: 5]. Но точно так могут заявить и киргиз, и башкир, и узбек, приведя те же самые имена в своем написании.

Тюркоязычная часть именника тоже не едина: к доисламским собственно тюркским именам присоединились тюркские кальки иноязычных мусульманских имен, имена собственно тюркского происхождения продолжают возникать и позже, вплоть до наших дней. Поэтому напрасно говорить о «тюркоязычном пласте», «ираноязычном пласте» — ираноязычные пласты исторически перемежались тюркскими. Составители сло-

варики имен узбеков в обоих изданиях [[ИМН—I; ИМН—II] все тюркские имена снабжают пометой «узбекские», а все ираноязычные — «таджикские». Такая антиисторическая «модернизация» опасна.

‡

Сделанное до сих пор позволило предпринимать попытки сводных классификаций личных имен по их семантике у тюркоязычных народов. Рассмотреть их принципы, удаchi, недостатки и возможности целесообразнее на примерах, избрав сравнительно лучшие.

Одна из таких попыток сделана О. Т. Молчановой (Томск). Ее работа «Мотивированные имена у алтайцев» [Личные имена], правда, относится только к одному народу и касается лишь нескольких семантических групп, но каждая рубрика насыщена обильным материалом. Эта попытка всего отчетливее показывает принципиальную ошибочность подхода: О. Т. Молчанова вместо классификации имен по семантике сортирует их по лексико-семантическим рубрикам слов, давших основы этих имен,— имя девочки Кёнёк отождествляется с алт. кёнек 'ведро'. Вопреки многообещающему заглавию вопрос: «Почему так названа?» — даже не возник. Мальчику дано имя Бакаш 'лягушонок' — показался ли он чем-то похож на лягушонка, увидела ли мать после родов первым лягушонка, или называющие хотели обмануть злых духов, выдав мальчика за лягушонка? Это и есть семантика имени, а она-то и осталась полностью обойденной. Тогда почему такое заглавие? Оказывается, исследовательница понимает под мотивированными именами прозрачные этимологически. Такое смешение полностью зачеркивает семантическую классификацию имен, поскольку сами имена подменяются теми словами, из которых они образованы.

В распространенных теперь лжеклассификациях «по животным», «по растениям» и т. п. имя Арслан 'лев' попадает в группу «по животным». Но родители, давая имя, думали, конечно, не о льве — четвероногом млекопитающем, а хотели, чтобы мальчик стал сильным и смелым, как лев. И в эту же группу «по животным» попадут имена, образованные из слов со значением «заяц» (туркмен. муж. имя Товшан), «мышь» (алт. жен. имя Чычкан) или «двухгодовалый верблюд» (туркмен. Торум). Совершенно ясно, что именно мотивы выбора этих имен не имеют между собой ничего общего. Место имени Арслан — в одной семантической группе не с именами, означающими «заяц» и «собака», а с именами, образованными от слов «орел», «дуб», «сталь», «богатырь»: мужские имена Булат 'сталь', Темир 'железо', Бахадур 'герой, богатырь', Кахраман 'герой', Бургут 'орел, беркут', Горхмаз 'смелый,

бесстрашный', Гошгар 'храбрый, боевой', Джабар 'могучий', Клыч 'сабля', Джигит 'воин, храбрец' и т. п. — пожелания мальчикам вырасти сильными и смелыми. Пожелания для девочек — стать красивой, привлекательной, нежной — также образуют обширную группу имен, образованных от слов с очень разной семантикой: Сулув 'красивая', Джамила 'прекрасная', Раушан 'блестящая', Ширин 'сладкая', Ситора 'звезда', Набат 'сахар', Бульбуль 'соловей', Лаззат 'сладость, наслаждение', Гюльнар 'цветок граната', Алма 'яблоко', Лала 'тюльпан', Карлагаш 'ласточка', Жибек 'шелк', Зумрат 'изумруд' и многие другие. Сортировка по лексико-семантическим группам слов-основ поместила бы эти имена в разные группы, разрывая подлинно единое и объединяя несовместимое. Нет немотивированных имен. Каждое выбрано, следовательно, мотивировано, хотя мотивы выбора могут быть и не осознаны, чаще всего осознаны весьма смутно. Этимология при этом может быть несущественна или совсем неизвестна.

Лексические значения слов-основ тоже представляют интерес, и немалый, например для других лингвистических (внеантропонимических) целей (иногда только личное имя могло сохранить следы того или иного слова, давно вышедшего из употребления). Некоторый интерес, но подсобный, подчиненный, они могут представлять и для семантики имен (наименования диких животных или видов оружия входят в одну группу, а цветов и драгоценностей — в другую). Нельзя лишь смешивать одно с другим: недопустимо подменять семантический анализ имен анализом значений их основ. Семантика имен — совсем не значения тех слов, от которых имена образованы, а отношение в сознании называющих между называемым (носителем имени) и тем понятием, которое выражено словом-основой.

Пока самая полная сводная классификация тюркских имен по их значениям принадлежит выдающемуся венгерскому тюркологу-антропонимисту Л. Рашони. Опубликованная им схема [Rasonyi — 1953: 323—332] с последующими дополнениями и комментариями [Rasonyi — 1962: 234—238; Rasonyi — 1967: 147—149], в сущности, суммирует труды нескольких поколений ученых. К сожалению, она еще не получила у нас никакого отклика. Главная заслуга Л. Рашони — замысел классификации имен действительно по мотивам названия. Не вина исследователя, что он пользовался только книжными данными, не располагая нашими многотысячными подсчетами живых имен у наших современников. Желая объединить все накопленное до него, он порой повторяет ошибку предыдущих исследователей: дает лексико-семантическую сортировку слов-основ, т. е. не имен, а того материала, из

которого имена сделаны. Например, раздел «имена из титулов и званий» и некоторые другие рубрики, отвечающие на вопрос не «почему», а «из чего». Смешав классификации двух совершенно различных планов, губят и ту и другую.

Не пытаясь немедленно построить семантическую классификацию, требующую длительного труда многих исследователей (в противоположность распространенному наивному мнению — классификация не зачин, а венец науки), можно привести на материале тюркских имен основные семантические типы личных имен, но пока только в качестве примеров для будущих проектов. Будущая схема охватит имена всех народов, включая и пункты, отсутствующие в именах тюркоязычных народов: «прочерк» в графе — существенная черта характеристики. Для характеристики именика каждого народа не менее, если не более важно, чего в нем нет при наличии этого у других народов. Недостаток многих антропонимических работ — полностью изолированное, замкнутое описание, от которого ускользает многое, нередко даже самое важное, чего нельзя заметить без широких сравнений и сопоставлений.

Для предлагаемой схемы использованы, насколько возможно, группы из схем Л. Рашони и других, но в ином плане соподчинений и связей.

I. Имена описательные (дескриптивы).

Они констатируют признаки новорожденного (странно, что Л. Рашони относит их в раздел «имена случая»), различные обстоятельства и условия его рождения или данные о родителях.

I.1. Особенности ребенка: а) физические — у алтайцев Сары 'блондинка', Майлу 'жирный', Карабаш 'черноголовый' [Молчанова: 192], турецкие женские имена Тонбул 'округлая, полная, пухлая', Каракаш 'черная бровь', хакасские — мужское Худах 'белесый, бледноватый', женское Харачах 'черенькая'; б) первые признаки поведения — у нетюркских народов имена со значениями «крикун», «плакса».

I.2. Который по счету ребенок в семье: ср. русские мужские имена XV—XVII вв. Третьяк, Меньшой и др.

I.3. Характер родов, таковы, по-видимому, древнерусские нецерковные имена Томило, Истома, указывающие на трудные роды; у тюркских народов исследователи не отметили таких имен.

I.4. Обстоятельства родов:

а) время (времена года, дни недели, время суток), таковы имена по названиям месяцев лунного календаря — Рамазан, Раджаб; туркмен. Оразгельды — рожденный в дни ураза, мусульманского поста; едва ли сюда можно отнести древнеуйгурское имя Толгун (упомянуто в 762 г.), нередкое

и сегодня у казашек и киргизок Толгонай 'полная луна', скорее оно означало не рожденную в полнолуние, а служило пожеланием стать красивой, как полная луна, — отголосок давнего культа луны*;

б) место — турецкие и ногайские имена Яйлы 'летнее горное пастбище', Алачуг 'хижина'; обычны имена, образованные из топонимов по месту кочевок и миграций (имя казахского народного певца Джамбул — родился близ горы Джамбул, на территории той области, которая теперь носит его имя, — так антропонимия «вернула долг» топонимии), называние ребенка по месту рождения характерно для кочевых народов, у которых один ребенок рождается в одной местности, другой — в другой; частота этой семантической модели стала базой для частых у тюркоязычных народов современных личных имен из топонимов уже без связи с местом рождения — татары нередко дают имя Марсель, башкиры, кроме того, и Амур, Эльбрус, Памир, Байкал, Кузбасс, для девочек — Эльба, Гренада, Сицилия, Сыр-Дарья [Закирьянов: 155—156];

в) одновременные с родами исторические события или мелкие происшествия: туркмен. Ягмыр 'дождь' — рожден во время дождя, Гарлы 'снежный' — шел снег [Мухамедова — 1957: 36]; в прошлом казахи давали имена Ходжакильды 'ходжа приехал', Байкильды 'хозяин приехал' [Лыкошин: 25]; киргизский мальчик Фронтбек рожден в 1942 г., когда отец был на фронте [Бутенко и Мамбеталиева: 153]; Л. Рашони в отдельную подгруппу выделил «имя народа или страны, победивших в то время, когда произошли роды», впрочем, добавил, что не располагает примерами [Rasonyi — 1962: 237].

1.5. Первое увиденное, услышанное или сказанное матерью после родов; вероятно, таковы многие из алтайских имен, приведенных О. Т. Молчановой в группе предметов домашнего обихода: мужские — Калбак 'ложка', Тожок 'постель', женские — Кёнёк 'ведро', Тон 'шуба' и др. [Молчанова: 190], так же как и многие имена из наименований животных; именем становилось и наименование животного или птицы, чьи звуки слышала мать после родов, или занятие, национальность, имя человека, первым вошедшего в юрту после родов.

* Многие имена, указывающие на время рождения ребенка, трудно разгадать; например, имена японок со значением «крыса», «лошадь» даны не за сходство, а по времени рождения в «год крысы» или «год лошади» — по «звериному циклу» лет [Lange: 210]; у ацтеков Америки были аналогичные мужские имена «собака», «змея» и другие по дням недели — «день собаки», «день змеи» [Milewski — 1959: 137—138]; подобные же имена зафиксированы и в санскрите [Nilka: 31—32].

1.6. Обозначение по родителям: по имени отца Ахмед-оглы 'сын Ахмеда', Ахмед-кыз 'дочь Ахмеда' (сравните арабские имена с *ибн*, древнееврейские с *бен* 'сын'); конечно, чаще такое имя было вторым, параллельным основному, но нередко заменяло и вытесняло его; в принятой у нас официальной трехчленной антропонимической формуле такие имена заняли место среднего члена — отчества; нередко имена по занятию или положению отца, даже по возрасту его: узбек. Олтмишбой — имя ребенка у шестидесятилетнего отца (*олтмиш* — 60), Саксонбой — ребенок восьмидесятилетнего отца и даже Туксонбой — ребенок девяностолетнего, но Юзбой (из 'сто') и Мингбой (из 'тысяча') означают не возраст отца, а количество его баранов [ИМН — II: 10].

1.7. Чувства родителей: радость, нежность, любовь, ласка — старые татарские имена, из писцовой книги Казани 1646 г. Кели 'желанный', Сораган 'выпрошенный' [Саттаров: 70]; современные примеры — Максуд 'желанный', узбек., киргиз., татар. Суюм 'радость', азерб. жен. Арзу 'мечта, желание', самое частое сегодня в Баку имя новорожденных азербайджанок Севиндж 'веселье, радость', узбек. жен. Оюм 'моя луна' и многие другие — «эта группа богата» [Rasonyi — 1962: 38]; значение «утешение, замена», вероятно, связано со смертью отца или предыдущего ребенка — Аваз 'замена', киргиз. Жубаныш 'утешение'; «радостный подарок» — татар., башкир. Наиль 'дар' (аналогичны древнерусским Ждан, Неждан, Нечай); отрицательные эмоции, например узбек. (из тадж.) Зиёда 'лишняя', вплоть до имен со значением «несчастье, гибель». Эта группа, переходная к следующему разделу, вызывает сомнения: не включить ли ее в раздел имен-пожеланий? Ведь «радость», «утешение» и т. п., вероятно, выражают надежду на будущее.

II. Имена-пожелания (дезидеративы). Суть имен этого раздела рассмотрена в главе «Мистика имен» — это заклинания. Здесь они детализованы и сгруппированы (иначе, чем у Л. Рашони).

II.1. Пожелания ребенку:

а) долгой жизни: казах. Мынгжасар 'тысячу (лет) будет жить', азерб. Олмаз, узбек. Улмас 'не умрет', у большинства тюркских народов Сабит 'крепкий, прочный, стойкий', Турсун 'останься' (т. е. 'живи', 'не умирай'), с тем же значением кумык. Калсын [Сатыбалов: 95], киргиз. Тохто и узбек. Тухта; у туркмен именами в этой функции служат наименования диких растений — крепких и долговечных [Аннаклычев: 202];

б) счастья, успехов, в прошлом главным условием счастья считали богатство: мужские казахские имена Қойлыбай 'баранами богатый', Түйебай 'верблюдами богатый' и т. п. [Жанузаков — 1968: 5]; узбек., киргиз., казах. Бахтияр 'сча-

стливый', киргиз. Бакыт, Бактыбек, Бактыгюль; на подобные имена у татар указывает Г. Ф. Саттаров: «Большая группа древних личных имен возникла на основе пожелания новорожденному здоровья, благополучия и т. п. Татарские имена, связанные с желанием, чтобы новорожденный был счастливым, образуют определенное семантическое гнездо в значении „счастье, радость“, в состав которого входят слова Суенач, Ямбақты, Котлыбай, Котлыяр, Урай ... Поздней татарами заимствованы из арабского языка слово *сагадат*, а из персидского *бахет* (оба в значении 'счастье')» [Саттаров: 69—70]; может быть, правильное сюда, а не в 1-й раздел отнести имена со значением «родинка» (родинку считали признаком счастья) — *мин* в именах татар, башкир, узбеков, *хол* — узбеков;

в) мальчикам — стать сильными и смелыми: Батыр 'богатырь', Джолбарс 'тигр', Буркут 'орел, беркут', Булат 'сталь' и т. п.; имена со значением «власть» и многочисленные имена из титулов и званий *султан, хан, эмир, мирза, бек, бай* (у узбеков XV—XVI вв. *мирза* перед именем означало «секретарь, писец», а после имени — «потомок Тимура»).

г) девочкам — стать красивыми, привлекательными, нежными: Сулув 'красивая', азерб. и туркмен. Гёзал 'прекрасная', Ширип 'сладкая', Лаззат 'сладость, удовольствие', Нигора 'красавица', (исходно 'картина, портрет'), казах. Жибек 'шелк', Алма 'яблоко', бесчисленные имена с *гюль* 'цветок', имена со значениями «свет, блеск, сияние» — Ай 'луна', Ситора и Юлдуз 'звезда', несколько имен, обозначающих планету Венера как звезду зари (Венера, Зухра, Чолпон); наименования драгоценностей — Алтын 'золото', Кюмюш 'серебро' (как женское имя упомянуто еще у Махмуда Кашгари в XI в.), Зумрат 'изумруд', много имен со значением «жемчуг, жемчужина, жемчужная» — Гаухар, Садан, казах. Меруерт (этимологически из того же источника, как и Маргарита) и Дурия, киргиз. Бермет, алт. Дьинды;

д) пожелания лучших душевных качеств: наг. Турубек из др.-тюрк. *тури* 'правильный, справедливый, прямой' [Rasopuı — 1962: 235], равнозначно арабскому имени Сиддик, киргиз. Бакира, 'скромная'; особенно много таких имен принесено исламом — Мумин 'верующий', женские — Ибадат 'молитва', Абида 'молящаяся', Амина 'верующая', Арифа 'проницательная', Зарифа 'умная, находчивая', Латафат 'добрая', Тохира 'непорочная' и пр.; в последней подгруппе монополюны отвлеченные значения, для остальных же подгрупп всей этой группы II.1 характерно обилие метафор (Джолбарс, Гюльнара).

II.2. Обманные (защитные) имена, охраняющие от «нечистой силы» и злого глаза:

а) предназначенные испугать демонов, например наименования тех животных, которые превышают злых духов силой, скоростью и прочим, например тигр;

б) отталкивающие имена со значением «грязь, уродство», вызывающие отвращение; и сейчас еще эти имена появляются у татар, башкир и других народов, переживших господство ислама, — заимствованные имена Ахтам 'беззубый', Агдам 'кривоногий' и т. п.; таковы и некоторые имена собственно тюркского происхождения — казах. Жуындыбай (*жуынды* 'помой'), алт. Багай 'плохая, негодная'; имена презируемых животных — алт. Гыжык 'щенок', туркмен. Курре 'осленок'; у туркмен, башкир и других народов распространено имя Йтельмес 'собака не возьмет'; вероятно, теми же соображениями продиктовано имя девочки Яман 'плохая', данное в Хакасии, по-видимому, теми же причинами можно объяснить имя Дизентерия, которым родители нарекли девочку в 50-х годах нашего века на юге Азербайджана (по сообщению этнографа А. Г. Трофимовой); ср. древнерусские Некрас, Негодяй;

в) вероятно, для обмана дано имя Болмас 'не будет жить', может быть, и киргизское имя Элебес, которое К. К. Юдахин связывает со значением «не замечать» [Юдахин: 947]; особо следует отметить имена, не нашедшие места в схеме Л. Рашони, обязанные обычаю мнимой находки или мнимой покупки ребенка, чтобы направить враждебную силу по ложному следу: турецк. Сатылмаш 'проданный' [Гордлевский: 132], с тем же значением казах. Сатылган, киргиз. Сатыбалды 'купленный', Табалды 'найденный' и Таштынды 'подкидыш' [Бутенко и Мамбеталиева: 153], узбек. Сотиболди 'купленный', Сотилган 'проданный' [Бегматов: 9], ср. др.-русск. Найден; с тем же расчетом дают мальчику имя девочки.

II.3. Пожелания родителей самим себе:

а) чтобы впредь рождались не девочки, а мальчики: таково турецкое женское имя Йетер 'довольно', 'хватит', 'больше не надо', ошибочно истолкованное В. А. Гордлевским 'больше не надо умирать' [Гордлевский: 131] и справедливо исправленное А. Самойловичем на 'больше не надо девочек' [Самойлович: 297]; таковы имена узбечек Зиёда (из тадж.) и Ортик со значением «лишняя»; у туркмен «если родится девочка, а хотят мальчика, то называют девочку Бессир 'довольно!', Дойдук 'мы насытились'» [Мухамедова — 1957: 42] или Гызсоны 'последняя девочка' *, даже Огулгерек 'сына хотим' [Аннаклычев: 202]; еще Ч. Ч. Валиханов писал, что у казахов «те, у кого нет сыновей, а родятся только девочки,

* Японцы в таких случаях давали девочке имя Ота — не прямо 'последняя', а эфемистично 'младшая'.

дают последней из своих дочерей имя Ултуган 'сын родил-ся', чтоб оно было предзнаменованием для рождения сына» [Валиханов: 163]; в Риштанском районе Узбекистана новорожденная узбечка в 1970 г. получила имя Угиллой — *угил* 'сын, мальчик', *ой* 'луна' в значении «девочка», то же самое неоднократно встречалось и в других подсчетах по именам узбечек, есть у них и прямо Угил 'сын', а у алтайцев есть девочки с именем Мальчик;

б) родители (анатолийские турки) дали дочери имя Бешбине 'пять тысяч' в надежде получить за нее, когда подрастет, калым в сумме 5 тыс. турецких лир [Rasonyi — 1962: 230].

III. Имена-посвящения (меморативы) — памятные, связывающие носителя имени с обозначаемым в его имени другим человеком, божеством или идеей.

III.1. Тотемные имена. «Их употребление в качестве личных имен проблематично» [Rasonyi — 1962: 231], «здесь нет надежных этимологий; только каз. Ак-коян 'белая зайчиха' и Айю-бике 'медведица' намекают на тотемичность» [там же: 234]. Тотемное происхождение некоторых тюркских антропонимов допускал и В. А. Гордлевский, приведя имена у турок со значениями «сокол» (Тогрулбей), «жеребец» (Тай); «животные, по-видимому, тотемы родов... Животная номенклатура наблюдается еще у зейбеков (полудиких османцев, живущих в Айдынском вилайете); так, между зейбеками известны роды: *чия* 'ящерица', *боз чакал* 'бурый шакал' и др.; то же у юрюков» [Гордлевский: 131]. Но в отношении личных имен тотемность так и осталась недоказанной, и сам Гордлевский предостерег: «по-видимому». А Э. Бегматов прямо заявляет, что для тюркских личных имен «очень характерны тотемистические представления о волке (Бури, Бидрибей, Бурной), деревьях (Урмон, Урмонали, Чиноробой, Чинороой), а также фетиши растений (Евшанбой, Ештокбой и др.) и т. п.» [Бегматов: 8]. Не обременяя себя доказательствами, легко зачислить в тотемные и русские имена XVII в. Заяц, Береза, и современные украинские, белорусские, польские фамилии Вовк, Травка. Нет уверенности в тотемном происхождении половецкого имени Иллян, чувашского Селеп 'змея'. Естественные в названиях родов тотемы сомнительнее в именах личных. В. А. Гордлевский предполагал в древнетюркских составных именах сочетание тотемов отцовского и материнского родов; едва ли это верно.

III.2. Теофорные имена (имена с религиозным значением). Их много было и в домусульманском именнике: «Значительное количество древнетатарских личных имен связано с языческими верованиями... Культ неба, луны, рек и т. д.» [Саттаров: 70—71], примеры — Тенгеребирде, Айтуган, Акман. То же у узбеков: следы поклонения небу, воде, земле, луне, на-

пример Тангриберди, Кунибек, Ойзода, Ойхон [Бегматов: 7]. Но особенно много имен, выражающих воинствующую религиозную идеологию ислама; Худойберди 'богом данный', религиозные лозунги — Фатхислам 'победа ислама'; много имен с компонентом *-дин* 'вера, религия' (первоначально их давали только в привилегированных семьях мулл и т. п.) — Сайфугдин 'меч религии', Зайнетдин 'украшение религии' и т. п., особенно многочисленны с именем Аллаха — Абдулла 'раб Аллаха', с эпитетами Аллаха из его «99 прекрасных имен» — Абдукерим 'раб Могучего', Абдурашид 'раб Мудрого', Абдурахим 'раб Милостивого' и пр. и пр.; очень часто давали имя основателя ислама — Мухаммад (Магомет, Мамед и другие варианты), также и во всевозможных сочетаниях (Мамедкерим, Мухаммадул, Махмурад и т. д.); давали имена первых деятелей ислама, у шиитов — Али (зять Мухаммада), Риза (Реза, азерб. Рза); женщины часто получали имена жен Мухаммада (Айша, Хадиджа), а самым распространенным женским именем было Фатима — имя его дочери.

III.3. Имена в честь знаменитых исторических лиц (у узбеков — Улугбек, у башкир — Салават) или предков, а также богатых знакомых и т. п.

Можно сказать, чем детальнее классификационная схема, тем больше она требует добавлений. Не беда, что в схеме Л. Рашони упущены характерные для тюркских народов имена со значением замены — «замещающий» (узбек. Уринбосар 'замещающий', Избосар 'наследующий', туркмен. Овез, Оде 'возмещение'). И предлагаемая мной схема заведомо не универсальна. В какую, например, группу отнести имя, полученное так: мулла, раскрыв Коран на случайной странице, читал первое попавшееся там слово и делал его именем ребенка.

Может быть, классификацию строить отдельно для имен мужских и женских? Вряд ли. Как раз при единой схеме подсчет отчетливее выявит и общие черты и различные; соотношение тех и других в именнике каждого народа различно (не по перечню имен, а по их частотностям). В статье, посвященной специально женским именам у тюркоязычных народов, Л. Рашони пишет, что различно само отношение к выбору имени для мальчика или для девочки: «Вследствие второразрядности, низкого положения женщины трезвые, рационально взвешенные факторы называния дочери, видимо, играют подчиненную роль, зато значения эмоциональных факторов выше, чем в случае наименования сына» [Rashoni — 1962: 239]. На каких весах взвесить, менее ли эмоциональны воинственные имена, даваемые мальчикам? А надежда на пятитысячный калым — расчет или эмоция? Точнее, у них иные сферы эмоций.

Конечно, анализ подлинной семантики имени несравнимо труднее. Имена с *мин* или *хол* — не констатация наличия родинки, а счастливая примета. Означают ли имена Бахор 'весна', Байрам 'праздник', Джума 'пятница', Анна тоже 'пятница', Толгун 'полная луна' время рождения или пожелания красоты, праздничной радости и пр.? Имя в честь кого-либо — только ли дань уважения или пожелание, чтобы ребенок стал таким же, а может быть, расчет, чтобы называемый пользовался покровительством того, в честь кого назван? Скорее всего — и то и другое и еще многое. Все ли называющие смогут точно объяснить свои намерения?

Необходимо четко различать две совершенно разные задачи: анализ первоначального значения имени и его значения сегодня. Только при таком условии личные имена смогут служить достоверным источником по истории языка и истории народа. Но этот аспект нельзя смешивать с анализом функционирования современного именника, которое не зависит от этимологии имен. Давая или нося имя Фатима, никто не думает о том, что оно означало «отнятая от груди». Ни сами посетители имен Марьям и Юсуп, ни родители, избирающие детям эти имена, в большинстве случаев не интересовались их этимологией.

Тюркоязычные народы прошли немалый путь от первичных имен, образуемых непосредственно из нарицательных слов, ко вторичным, существующим уже как специально антропонимический знак, употребляемый вне его связи с нарицательным (так, в русском языке, говоря «Алексей Петрович Ковалев», никто не думает, что это 'защитник, сын камня, потомок кузнеца', хотя именно таковы этимологические значения слов, из которых возникло именование). Даже в тех случаях, когда нарицательное слово еще функционирует в языке с тем значением, которое дало жизнь личному имени, они могут утратить связь между собой (ср. русск. *Любовь* и *любовь* — их связь воскресает исключительно редко и только как каламбур).

Следы первичного именника сильнее у алтайцев, меньше у якутов, еще слабее у других тюркоязычных народов, где большинство имен не только вторично, но и заимствовано из других языков, т. е. не имело корней в живой речи. Башкира, дающего сыну имя Искендер, напрасно спрашивать — знает ли он этимологию греческого имени Александр; он может не знать ничего и об Александре Македонском, имя которого пришло к тюркским народам в форме Искендер. У имени память гораздо короче, его дают по именам тех, кто его носил в ближайших поколениях. Если бы имя Фатима давали за его этимологическое значение, то почему же не брали имена с тем же значением из родных языков, а вместо них пользо-

вались чужими словами? В многочисленных мусульманских именах с *-дин* большинство татар или казахов не различало арабских этимологических значений каждого имени (которое из них значило «меч религии», а которое, наоборот, «щит религии», которые — «солнце религии», «слава религии» и т. п.), сохранялось только восприятие тесной связи этих имен с исламом. А прославленное народным творчеством имя Насреддин порвало и эту связь; наперекор своему этимологическому значению оно не только не вызывает религиозных представлений, а, наоборот, содействует разрушению их — имя связало свою судьбу с фольклорным «нарушителем спокойствия», колебателем основ. Давая имя Гульнара, сегодня частое у татарок и первое по частоте у башкирок, мало кто при этом представляет цветок граната — южного растения.

Этимологические значения старых имен умерли не сегодня и не вчера. На Кавказе и в Средней Азии часто давали имя Мурад (Мурат, Мират, Мурод), в арабском языке оно означает «цель, желание»; встречалось и имя Сарымурад, которое нелепо этимологизировать как 'желтая цель', 'рыжее желание', или туркменские имена Точмырат и Язмырат, объясняемые как 'баран+идеал' и 'весна+идеал' [Мухамедова — 1957: 38]. Ясно, что этимология имени Мурад (Мурат, Мырат) умерла задолго до того, как родились имена Сарымурад, Точмырат, Язмырат.

При анализе семантики привычных имен в современном именнике привлекать этимологии не только бесполезно, но и вредно, если это подменяет подлинные мотивы именования. Привлекать этимологии там, где они существуют лишь для исследователя, — изучать призраки.

#

По сравнению с именником русских поражает огромное количество имен, употребляемых тюркоязычными народами. В дореволюционной России находились в употреблении 50—60 мужских имен и еще меньше — женских, у рожденных в 1961 г. в десятках районов оказалось всего 56 мужских имен и 79 женских. А у тюркоязычных народов — сотни имен: в татарских семьях Актанышского района Татарии 583 новорожденных мальчика в 1967 г. получили 210 различных имен; у 748 новорожденных азербайджанских мальчиков Кюрдамирского района в 1968 г. 316 имен; в узбекских семьях Нуратинского района Самаркандской области в 1965 г. 869 мальчикам дано 493 имени; в конце XIX в. на 611 глав туркменских семей общины Геок-тепе I [Таиров: 17—32] приходилось 429 различных имен. Для русского населения такие количества имен совершенно невероятны.

Так огромен «разброс» имен. Степень концентрации их у тюркоязычного населения была в десятки раз ниже, чем у русского. Теперь и у тюркоязычных народов количество имен в обращении сократилось, но еще в несколько раз превышает именной русский. Все новорожденные Казани за 1967 г. получили 122 мужских имени и 137 женских; на такое же количество новорожденных русских в областных центрах употребляют 45—47 мужских имен и 50—52 женских.

Степень концентрации имен лучше всего выразить таким способом: какой процент носителей охвачен десятью самыми частыми именами. Из всех мальчиков, рожденных за год, десять самых частых имен охватили: у русских (1961 г.) — Калуга — 77%, Пенза — 81%, сельские районы Калужской области — 79%; у татар (1967 г.) — Казань — 53% (в предреволюционные десятилетия — 12%), сельские районы ТатАССР — 24%; у киргизов (1969 г.) — Фрунзе — 32%; у азербайджанцев (1968 г.) — Баку — 24%, сельские районы — 12%; у казахов (1969 г.) — Чимкент — 17%, сельские районы — 16% (схема 4).

Ни у одного из тюркских народов ни одно имя никогда даже отдаленно не приближалось к такому преобладанию над другими именами, как у русских Иван, охватывавшее в старой деревне до 24% всех мужчин. Самое частое имя новорожденных узбечек Самарканда (1965 г.), Нигора, не составило даже 5%; самое частое имя новорожденных мальчиков в девяти районах ТатАССР (1967 г.), Рамиль, охватило меньше 3% их.

Такой огромный по сравнению с русским именником «разброс» имен еще невелик по сравнению, например, с китайским: подсчет, по данным Е. Бауэра, имен на Тайване пока-

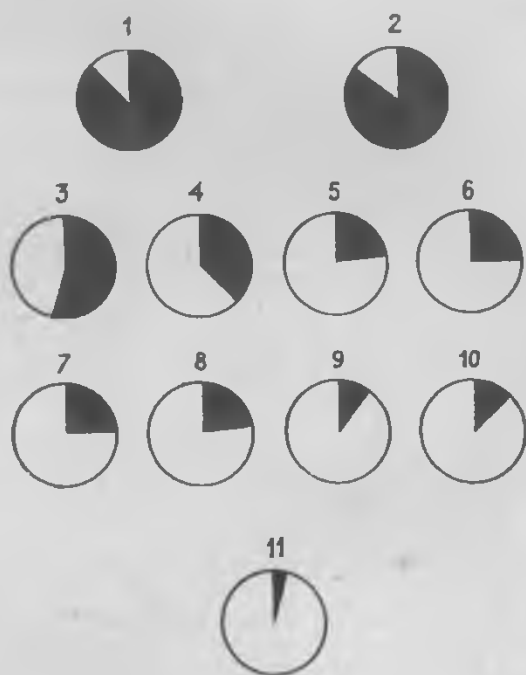

Схема 4. Степень концентрации имен:

Затусева на доля охваченных десятью самыми частыми именами из всех новорожденных мальчиков: 1 — русские, гор. Пенза, 1961 г.; 2 — русские, сельские районы Калужской обл., 1961 г.; 3 — татары, гор. Казань, 1967 г.; 4 — киргизы, гор. Фрунзе, 1969 г.; 5 — азербайджанцы, гор. Баку, 1968 г.; 6 — узбеки, гор. Самарканд, 1965 г.; 7 — татары, сельские районы ТатАССР, 1967 г.; 8 — киргизы, Тонский р-н Киргизской ССР, 1969 г.; 9 — азербайджанцы, три сельских района Азербайджанской ССР; 10 — узбеки, Хотырчинский р-н Самаркандской обл.; 11 — китайцы Тайваня.

зывает, что десять самых частых женских имен охватывают 12,3% всех женщин, десять самых частых мужских имен — только 4,4% всех мужчин, самое частое имя едва превышает 0,5%. Есть именники, в которых имена совсем не повторяются среди живых, т. е. нет двух живых людей с одним именем, например у некоторых народов на севере Сибири.

Перед нами примеры, можно сказать, именников противоположного строя: многоименный и малоименный. Странным покажется вопрос: «Который лучше?» — как странен такой вопрос в отношении двух естественных языков (но обычен в отношении языков искусственных). Оба уклада имен сложились исторически, оба на протяжении многих столетий обслуживают нужды общения. Мало ли имен в обращении, много ли — сколько есть, столько и есть. Но оставят ли в будущем этот процесс стихийным? Пока только в тесном кругу спорят об оптимальном количестве имен в обращении, спорят эмпирически — никакая теория не касалась этого вопроса. В будущем нас могут заслуженно упрекнуть: общественные науки в отличие от других почти лишены возможности лабораторного эксперимента, а мы были свидетелями функционирования столь различных количественно именников и даже не сумели выяснить, какими преимуществами и недостатками обладает большое и малое количество употребляемых личных имен.

‡

Высвобождению многих тюркоязычных народов из-под многовекового идеологического влияния ислама сопутствуют перемены в их именниках, которые долго оставались неподвижными.

Быстро убывают имена с резко выраженной религиозной окраской.

В прошлом у мусульман самым частым женским именем было Фатима (Патима, Батима, Патма, Батма у казашек, киргизок и туркменок, Патимат, Фатимат у ногаек и кумычек, Фатма и Фатьма у азербайджанок) — имя дочери Мухаммада, которое в первые века мусульманства служило лозунгом яростной борьбы ее ближайших потомков за власть над халифатом. На каждую тысячу новорожденных татарок Казани в предреволюционные десятилетия это имя получали 52 девочки, а в 1967 г. — только шесть: с первого места оно отодвинулось на 33-е. В сельских районах оно тоже перешло в ряды малоупотребительных, его частотность сократилась в 6 раз; аналогично у башкирок. У новорожденных узбечек Самарканда (1965 г.) оно находится в конце третьего десятка. У азербайджанок (1968 г.) в Баку его получили четыре девочки на тысячу, в Агдамском и Кюрдамирском районах

одиннадцать на тысячу. У киргизок (1969 г.) на тысячу новорожденных: во Фрунзе — две, по республике — в центральных районах — одна (меньше, чем в столице, где много приезжих из дальних районов), в горном Таласском районе — одиннадцать, а в самых отдаленных Ляйлакском и Баткенском районах — пятнадцать на тысячу. Но в Дагестане это имя еще держится на первом месте: у кумычек — 50 на тысячу новорожденных (1968 г.). Очень употребительное прежде женское имя Айша разделило судьбу имени Фатима. У всех, кроме кумыков и ногайцев, уходят в последние ряды имена Мухаммад и Али.

Именник народов, находившихся под влиянием ислама, изобилует именами с *абд-* 'раб' (раб Аллаха), *-дин* 'религия', *-улла*, *-алла* 'Аллах'. Теперь их дают гораздо реже. Имена с этими компонентами в предреволюционные десятилетия охватывали 34% новорожденных мальчиков Казани, а в 1968 г. — 0,5% (меньше в 68 раз), в районах Татарской АССР они сократились с 16 до 1%, у башкир Бурзянского и Салаватского районов Башкирской АССР — с 26 до 1,7%; имена с этими компонентами еще держатся у узбеков (в Самарканде в 1965 г. их получили 14% узбекских мальчиков, в Нуратинском и Хотырчинском районах — 21%) и у кумыков Дагестана — почти 30% (1968 г. рожд.).

Имя Ислам (в качестве самостоятельного или компонента составных имен) на тысячу новорожденных получали: татары в сельских местностях предреволюционных десятилетий — 16, а в 1967 г. — 1, узбеки Нуратинского района в предреволюционные десятилетия — 9, а в 1965 г. — 3. Имя Ислам в Баку в 1968 г. получили сын милиционера, сын доцента и учительницы, в 1970 г. — сын учителя-туркмена в Кара-Калинском районе Туркмении. Не каждое такое имя дано из религиозных побуждений. Башкир-тракторист в пос. Целинном Абзелиловского района Башкирии, дав сыну в 1968 г. имя Фатхислам 'победа ислама', мог и не знать этимологического его значения, но за эти имена цепляются националистические элементы.

В именнике азербайджанцев «личные имена, связанные со старым укладом жизни, и религиозные имена заметно выходят из употребления. Среди детей школьного возраста нет мальчиков и девочек с именами Аллахверди, Худайкулу и др.» [Саадиев: 187]. У узбеков имена Худайберди 'бог дал' и Бану 'госпожа' в 1965 г. уже ни разу не даны в Самарканде, но в Хотырчинском и Нуратинском районах Самаркандской области в том же году еще встретились неоднократно.

Идут на убыль составные (сложные) имена. Эта модель, типичная для арабских и иранских языков, пашла в тюркских

языках благоприятную почву. Их вес в именнике тюркоязычных народов огромен, разнообразны их компоненты.

Попытку описать построение составных имен предпринял на узбекском материале Э. Бегматов. Его схема выглядит так:

1. Подчинительная связь: 1) определяющее и определяемое (Худайназар); 2) с изафетом (с сохранившимся служебным элементом — Низм-ут-дин, с выпавшим служебным элементом — Мирзакалон из Мирза-и-калон); 3) сложные сказуемые (Эшбулсин); 4) подлежащее + сказуемое (Эгамберди); 5) дополнение + сказуемое (Уринбосар); 6) обстоятельство + сказуемое (Бектурди).

2. Без семантической и грамматической связи (например, Ойтош — это не 'лунный камень') — группа, характерная для узбекской антропонимии [Бегматов: 24]. Не касаясь деталей этой схемы, одно замечание все же необходимо высказать: очевидно, прежде всего необходимо различать соединения одновременные, в которых обе «половинки» имени появились вместе (Абдурахман), и соединения, в которых компоненты разновременны (Сарымурат), с разной степенью утраты этимологических значений.

Порой компоненты даже «рокируются» — меняются позициями: есть Турсунбек и есть Бектурсун. Это также доказывает, что их этимологические значения стерты.

По тюркским языкам различен не столько набор компонентов, сколько частотность их. В мужских именах узбеков в первом компоненте преобладает *абд-*, меньше у татар и башкир (*габд-*); во втором компоненте чаще встречаются *-дин* (с предшествующим арабским артиклем *-ид*, *-ит*, *-уд*, *-эд*) и *-улла*; у казахов, киргизов, ногайцев, кумыков преимущественны *бек*, *бай*, треть киргизских мальчиков еще и теперь получают имена с *бек* (1969 г.). По спискам глав туркменских семей в Геок-тепе конца XIX в. [Таиров: 17—32] 49% носили составные имена. В первом компоненте преобладало имя Анна 'пятница' (Аннамурад, Аннамухамед и др.), часты Мамед и Мухаммед, также Ораз, Ходжа, Ата и др. Во втором компоненте всего чаще Мурад (Бекмурад, Дурдимурад и др.), нередки Мамед, Гельди, Кули, Сагат, Нияз. В женских составных именах господствуют *гюль* 'цветок' (у казахов появление женских имен с компонентом *-гюль* — Т. Ж. Жанузаков датирует XV—XVIII вв. [Жанузаков — 1971: 59]) и *ай* (узбек. *ой*) 'луна' (табл. 16); реже *биби* (*бюбю*, *буви*), *бике*, *ханум* 'госпожа', *нисо* 'женщина', *сулу(в)* 'красивая', и др.

При такой употребительности этих компонентов их предметные значения неизбежно бледнеют, приобретают более отвлеченные значения вообще красивого, приятного или даже

Имена с *гюль* и *ай* в первом и втором компонентах
(в среднем на каждые 100 новорожденных девочек за год)

	-гюль-		-ай- (-ой-)	
	1	2	1	2
Киргизки — Тонск. р-н КиргССР, 1969 г.	14	30	10	1
Казашки — Мойынкум. р-н Джамбул. обл. КазССР, 1969 г.	18	13	5	1
Туркменки — Ходжабасск. р-н ТуркмССР, 1970 г.	13	19	4	1
Узбечки — Нуратин. р-н Самарканд. обл., УзбССР, 1965 г.	10	4	2	2
Башкирки — Абзелиловск. р-н БашАССР, 1968 г.	15	1	1	—
Татарки — Кукмор. р-н ТатАССР, 1967 г.	11	1	—	—
Азербайджанки — Агдам. р-н АзССР, 1968	7	1	3	—
Ногайки — Ногайск. р-н ДагАССР, 1968 г.	11	—	1	—
Кумычки — Буйнакск. р-н ДагАССР, 1968 г.	4	—	2	—
Алтайки — Онгудайск. р-н Горно-Алт. авт. обл., 1969 г.	—	—	9	4

приближаются к превращению только в сигнал «женское имя». Что даже компонент *-гюль-* в составе личных имен полностью потерял свое лексическое значение «цветок», убеждает имя татарок Гюльчачак — букв.: 'цветок цветок'.

Сама по себе модель идеологически нейтральна. Но в языке ничто не употребляется «само по себе». Двучленные имена получали особую окраску, хотя со временем она и менялась. Видимо, первоначально они не были всеобщими, а отличали привилегированную верхушку. В отношении имен с *-дин* это достоверно известно, как и относительно имен с компонентами, ранее означавшими титулы и звания. «Аффиксы *-хан*, *-бек*, *-бай*, прибавляясь к лично-собственным именам, выражали стремления родителей к тому, чтобы дети стали ханами, беками (богатыми людьми). В современном узбекском языке они как аффиксы выражают только ласкательность» [Кунгуров: 485—488]. Теперь эти элементы превращаются в нейтральные форманты, образующие личное имя, одни — мужское, другие — женское. Наконец, и эти значения станут совсем расплывчатыми, и компоненты превратятся в пустой довесок. На это указывают многочисленные «гибриды», в которых компоненты *-бек*, *-бай*, *-гюль* соединены с несовместимыми по семантике основами: у казахов часто встречаются Совхозбек, Колхозбек, в Ленгерском районе Южно-Казахстанской области мальчика называли Медальхан по случаю награды члена семьи (1969 г.); у киргизов зафиксирова-

ны многочисленные Совхозбай, Колхозбек, даже девочка Артельгуль [Бутенко и Мамбеталиева: 150]. В моих подсчетах за 1969 г. десятки новорожденных с именами Советбек, Союзбек, Съездбек, Космосбек, есть даже Курсантбек и девочка Съездбюбю.

Спор о том, считать ли эти компоненты аффиксами, полуаффиксами или чем-то другим, не облегчил бы анализа, так как утрата значений не мгновенный и для всех имен одновременный акт, а длительный процесс, протекающий неравномерно для каждого из этих элементов, в разных темпах у каждого народа.

И в дореволюционное время составным именам противопоставляли как официальным и высокопарным «сниженные», бытовые формы: не имея возможности выйти из рамок мусульманского именника, называющие превращали в самостоятельные имена всевозможные усечения и другие превращения составных имен, отбрасывая нежелательные компоненты (вместо Абдукарим — просто Карим) или изменяя имя до неузнаваемости — узбек. «Машукур из Магомет-Шукур» [Лыкошин: 27]. К этому вели процессы и фонетического приспособления иноязычных имен, и полной утраты их этимологических значений.

В предреволюционные десятилетия из новорожденных татарских мальчиков в селах 40% получали составные имена (территории Богато-Сабинского и Актанышского районов), в Казани — 41%; у башкир (территории Бурзянского и Салаватского районов) — 49%; из татар, рожденных в 1967 г., в Казани — 12%, в районах — 23%; у башкир 1968 г. рождения (10 районов) — 17%. Устойчивость составных имен у башкир поддерживает компонент *-зян, -ян* (из перс. *джан* 'душа'); даже появилось русско-башкирское гибридное имя *Вадимьян*, так называли мальчика в чисто башкирской семье (1968 г. рожд., Аскинский р-н). Усилились препозитивные компоненты *иш-* и *иль-*. У узбеков вытеснение составных имен заметно в городах (у мальчиков, рожденных в Самарканде за 1965 г., — 21%, там же из женских полностью вытеснены имена с *биби-*), но в кишлаках они еще держатся — в том же году 57% узбекских мальчиков, рожденных в Нуратинском районе, получили составные имена. Из азербайджанских мальчиков Баку, рожденных в 1968 г., только 7% получили составные имена, в аулах — 10%. Но у казахов даже в Чимкенте — 53%, в районах Джамбульской и Южно-Казахстанской областей — 70%; аналогично у киргизов: во Фрунзе — 54%, в районах — 84%; в Дагестане (1968 г.) из новорожденных кумыкских мальчиков — 57%, ногайских — 72%. У туркмен «в советское время наметилась совершенно определенная тенденция избегать составных имен» [Мухамедо-

ва — 1957: 47]. Однако из туркменских мальчиков Ашхабада, рожденных в 1970 г., 61% получили составные имена, в Каракалинском районе — 72%, в Тахтинском — 70%.

Если у татар, башкир, азербайджанцев составные имена выходят из употребления, особенно в городах, то туркмены, киргизы, казахи, ногайцы, кумыки вне городов, видимо, проходят еще иной этап: по инерции пока держится представление о ценности составных имен; а поскольку социальные привилегии уничтожены, составные имена стали доступны всем.

#

Это — уходящее из именника. Что же приходит новое?

Сейчас уже в десятках работ приведены многочисленные примеры. Поиск новых имен, широкий и бурный у русских в 20-е и 30-е годы, у тюркоязычных народов развернулся позже, особенно в послевоенный период. Отдельные попытки были и раньше, но все же они оставались немногочисленными по отношению ко всей массе новорожденных.

Новые имена в абсолютном большинстве заимствованы из современного именника русских. Имена, частые сегодня у русских, появляются у всех тюркоязычных народов — Сергей, Александр, Ирина, Елена. В Нуратинском районе Самаркандской области узбекские девочки получили в 1965 г. имена Тамара и Татьяной (-ой 'луна' — Турсуной, Омоной); имена Тамара, Татьяна зафиксированы и у киргизских девочек [Личные имена: 151]. Частотность этих имен пока очень невелика.

К ним примыкает другая группа: также имена русских, но в уменьшительной форме, принятой за полную, — Володя, Жора, Владик, Ира, Зоя, Люся, чаще других — Лена, особенно у башкир (за 1968 г. так названы башкирские девочки, например, в Абзелиловском, Учалинском, Салаватском районах, в Илишевском и Зианчуринском — даже по две). Имя Лена становится нередким и у татар — в 1967 г. в одном Сармановском районе его дали дважды. В таких формах местное население слышит имена детей у русских и принимает их за полные. А дети подрастают, и вот А. Н. Мирославская приводит примеры таких имен уже у взрослых: Ира Закирьяновна Мусабинова, Рая Мутагаровна Муфазалова и др. [Личные имена: 159]. Особое место занимает новое имя Светлана. Среди башкирских девочек, рожденных в 1968 г., оно представлено почти во всех районах, и не по одной, а в Салаватском районе оно оказалось самым частым, опередив все прежние имена! Нередки стали Светланы у азербайджанок и татарок — за год в татарских семьях Поволжья их появляет-

ся около ста. На каждую тысячу рожденных в 1969 г. казахских и киргизских девочек три-четыре получали это имя (очень многие зарегистрированы Света). Появилось оно и у якуток.

Иная группа — русские нарицательные слова, превращенные в имена. Это уже не заимствование имен, а образование их. Таковы у алтайцев имена Казет (из русск. *газета*), Журнал (из русск. *журнал*), Петух, Собака [Шатинова: 68]; у башкир — Гранит (Аскинский р-н, 1968 г.), у киргизов Партизан, Агроном, Доктурбек, Завод, Майор [Бутенко и Мамбеталиева: 150]; имя Майор нередко также у башкир и азербайджанцев.

Интересна группа имен, сегодня особенно частая у татар и башкир, явно объединенная этимологическими значениями: женские имена из пришедших через русский язык наименований цветов — Лилия*, Роза, Резеда, Сирень, Ландыш и др. — и перекликающаяся этимологически с многочисленными тюркскими именами, в частности с именами, содержащими компонент *-гюль*. Имя Лилия — самое частое у новорожденных татарок в 1967 г. — 109 в трех районах Казани, более 400 по всей Татарии; среди башкирок, рожденных в 1968 г., Лилия занимает третье место. В десятке самых частых имен и Резеда — в районах Башкирии оно занимает второе место, уступая только имени Гульнара, у татарок Казани (рожд. 1967 г.) — четвертое, в районах Татарии разделяет с именем Венера 7—8-е места.

Безусловно, частоте этих имен способствовало фонетическое совпадение с привычными именами Лейля, Лала, Рашида, Сагида; имя Роза созвучно со старыми Рауза (Равза) и Рузи (Рози). Но Лилия, Резеда, Роза — не переименованные регистраторами Лейля, Рашида, Рауза. В этом убеждают имена Ландыш у татарок (за 1967 г. его получили четыре девочки в Сармановском районе, пять — в Актанышском и т. д.) и Сирень (в документах — Сирина, Сирена). Любопытно двуязычное имя Гульсирень, первая часть которого — тюркская, вторая — русская. В 1967 г. его получили татарки в Казани, в Богато-Сабинском районе (Гульсирен), в Аксубаевском и Сармановском районах (Гульсирина). Гибрид возник, может быть, не без опоры на привычные имена Гульсира, Гульсара, Гульсинур и т. п.

В некоторых случаях трудно решить: нередкая сегодня у татар и башкир Люция — не Лутфия ли это (женская форма от арабского мужского имени Лутфи 'милость'), которую регистраторы приняли за Люцию? Или это Люция, заимство-

* Этимологически тождественно имени Сусанна из древнееврейского, а также женскому японскому Юри [Lange: 28].

ванная из-за звукового сходства с Лутфией? Среди казахских девочек теперь часто имя Зина, может быть, не без связи с Зейнеб. Аналогично: новое женское имя Альбина (часто пишут Альвина, Альфина) и старое Альфинур, новое мужское — Эмиль и старое Джамиль (башкир. Ямиль).

Немалую группу новых имен составляют интернациональные, большинство которых также взято из именника русских: Альберт, Роберт, Эдуард, Артур, Альбина, Маргарита, Эльвира, Эльмира, Эльза: Эти и подобные им имена, остающиеся у русских все же «на третьих ролях», придя в именник ряда тюркоязычных народов, заняли заметное место.

У татарских мальчиков Казани, рожденных в 1967 г., имя Альберт заняло четвертое место, оттеснив все прежние татарские имена (из них чаще Альберта только Айрат); по всей Татарии в 1967 г. около 300 татарских мальчиков получили это имя. В Башкирии оно реже, но и там счет ему идет на сотни. Имя Эдуард у татар Казани (рожд. 1967 г.) занимает место в десятке самых частых, сразу за ним идет Роберт. У других тюркоязычных народов эти имена пока редки. У азербайджанцев, рожденных в 1968 г., в трех обследованных районах нет ни одного и только в Баку один Эдуард. У киргизов (рожд. 1969 г.) в семи районах ни одного, во Фрунзе два Эдуарда и один Альберт — все трое в семьях киргизской интеллигенции. У алтайцев в актах записи рождений по Балыктыюльскому сельсовету Н. И. Шатинова нашла Эду-арт: имя понято и записано как алтайское «чертов перевал», переосмысленное по обманчивому звуковому совпадению [Шатинова: 69].

Среди татарских девочек, рожденных в Казани в 1967 г., имя Эльмира заняло пятое место, Эльвира — седьмое; те же имена находим у новорожденных башкирок в каждом районе (1968 г.). У казашек имя Эльмира также вошло в десятку самых частых. В 12 охваченных подсчетами районах Джамбульской и Южно-Казахстанской областей за 1969 г. его получили 195 казахских девочек, оно стало частым в Кызылкумских и Бетпакдалинских песках. Кто приносит его туда? Подсчет по документам ЗАГС показал, что из родителей этих 195 девочек 25% — шоферы и трактористы, 13% — учителя, 11% — зоотехники, ветеринары, агрономы, 13% — ответственные работники и другие служащие. У киргизок имя Эльмира очень часто в северных районах, смежных с Казахстаном; на тысячу новорожденных киргизок в 1969 г., например, в Таласском районе 27 получают это имя, в Кеминском — даже 35 на тысячу (в этих районах оно стало одним из 10 самых частых).

В чем секрет такого успеха? Ответ покажется большинству невероятным. Он основан на мало кому известных фоно-

статистических наблюдениях и складывается из нескольких элементов. В тюркских языках чрезвычайно часто препозиция сонорных (особенно *p*, *л*) в сочетаниях согласных. По подсчетам автора, в русском языке на каждые 100 случаев *p* в среднем 44 приходится после согласного и только 11 — перед согласным; в этом легко убедиться каждому, достаточно нескольких страниц художественной прозы. А в тюркских языках соотношение противоположно (табл. 17).

Таблица 17

Позиции *p* (на 100 случаев *p*)

Языки		Перед согл.	После согл.
Славянские	русский	11	44
	болгарский	17	40
Тюркские	орхонские рунические тексты	45	5
	киргизский	33	1
	алтайский	33	2
	казахский	32	1
	ногайский	38	2
	турецкий	27	3
	узбекский	30	3

Артикуляционную базу речевого аппарата нелегко перестроить: органы речи бесчисленными повторениями выработали автоматизм определенных движений. Как русским трудны некоторые непривычные сочетания согласных, так и татарам или киргизам затруднительно произнести *три*, *брат*. И в личных именах сочетание *p* после согласных тюркоязычные народы нередко разъединяют гласным: Гаврила — якут. Хабырылла, Матрёна — якут. Мотуруона, в документах о рождениях башкир за 1968 г. даже старые имена Ашраф, Ибрагим оказались записаны Ашираф, Иберагим; либо сочетания «перевернуты»: Григорий — якут. Қирғизэлэй, в Татарии из этого имени образовано название деревни Гёргёрёй. Непривычность для тюркских языков позиции *p* после согласного превратило имя Бриллиант у ногайских девочек в Бирлиант и Бириллиант, то же слово скрывается у кумычек за написаниями Бурлият, Бюрлият, Бюрлюят.

Для тюркских языков характерен высокий показатель сонорных. В русском языке частотность *p*, *л*, *н*, *м* составляет

16%, а в турецком и в киргизском — по 22% — разница велика. И в отборе интернациональных личных имен эта черта сказалась еще резче: чаще всего тюркоязычные народы заимствуют имена, в которых много сонорных, — Лилия, Роберт, Маргарита, Лариса, Марсель, Людмила, Эльмира, Эльбрус, Эмма и даже такое неизвестного происхождения имя, как Мараль (его получил татарский мальчик в Сармановском районе ТатАССР в 1967 г.). Монополия сонорных обусловила выбор таких аббревиатур, как Руно́р 'революция уничтожает национальную рознь' — у татар, Лена́р 'ленинская армия' — у киргизов, башкир и татар, Марле́н (сонорны все четыре согласных) 'Маркс — Ленин' — у киргизов.

Из киргизок, рожденных в г. Фрунзе в 1969 г., 107 получили 33 новых имени: Эльмира — 23, Мира — 14, Эльвира — 10, Лира — 8, Роза — 5, Клара и Майя — по 4, Марина, Рита, Луиза — по 3, Индира, Ирина, Лилия, Римма, Светлана, Тамара, Эллада — по 2, Дияна, Жанна, Лада, Лариса, Лиляна, Лунара, Марси́на, Мелина, Надия, Рада, Регина, Самара, Стэ́ла, Тино́тин, Э́лиза, Э́лина. Фонетический состав этого набора (количество звуков каждого имени, умноженное на количество носительниц имени) поразителен: из всех 549 звуков 223 *р, л, н, м*, 55 других согласных и 271 гласных, т. е. только четыре звука образуют больше 80% всей массы согласных и 40% всей массы звуков.

Несомненно, влияют и морфо-фонетические черты.

Конечно, выбирающие имя не думали об этом. Языковое чутье стихийно, и тайны его власти пока не исследованы.

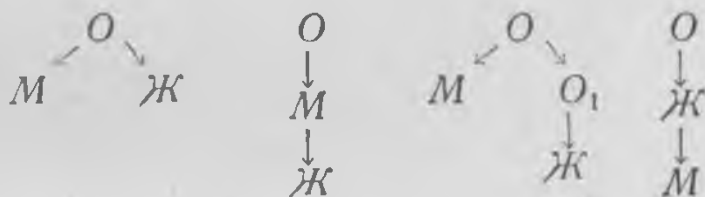
Какими сложными оказываются межъязыковые переходы имен, показывает судьба имени Руслан, которое теперь получают мальчики многих тюркоязычных народов. К ним оно пришло от русских, у которых стало употребляться недавно (в святцах его, конечно, не было), как эхо древней Руси, сбереженное поэмой Пушкина. У тюрков его не могло быть, так как тюркское слово не могло начинаться с *р*- или *л*-. Но заимствовано оно русскими в древности из тюркских языков! Это *арслан* 'лев' (русск. фольк. Еруслан). Русские вернули долг. Татарские мальчики получают имена Арслан и Руслан. Они на самом деле тезки, хотя этого не знают.

К азербайджанкам проникло от армянок и грузинок шекспировское имя Офелия, которое теперь распространяется по Кавказу (у абхазок, адыгеек, осетинок).

Кроме заимствования иноязычных личных имен в личные имена превращают другие виды иноязычных собственных имен, особенно космонимы и топонимы. Очень частыми стали у татар и башкир имена по названиям планет — женское Венера наряду с тюркским Чолпон (Шолпан, Чулпан, Сулпан)

и арабским Зухра*, мужское — Марс, у киргизов появились личные имена Уран, Юпитер, в 1969 г. шоферы-киргизы называли детей: в Долонском районе девочку — Марсиана, в Тонском мальчика — Марсбек. Неудержимо расширяется круг имен из географических названий — напомним приведенные имена Сицилия, Гренада, Памир, Байкал и др.; в моих подсчетах встретились Мадрид, Азия.

Несколько примеров демонстрируют новую возможность — образовать мужские имена из женских: у татар и башкир стали обычны мальчик Венер (их уж десятки), в Сармановском районе за один 1967 г. шесть татарских мальчиков получили имя Венер, у башкир появился мальчик Джульет [Закирьянов: 157]. Есть и еще примеры. Это совсем непривычный путь возникновения мужского имени. До сих пор происходило обратное: женские имена возникали из мужских. Возможно параллельное рождение и мужского и женского имени из нарицательного; может быть, в отдаленном прошлом так бывало, но позже — редко. Своеобразный и, кажется, единственный случай иного образования пары указан А. Г. Гафуровым: мужское имя Фируз — ираноязычного происхождения, с этимологическим значением 'наполненный светом', но женское имя Фируза произошло не из мужского имени Фируз и не из общего с ним нарицательного, а из наименования драгоценного камня (русск. *бирюза*), хотя в данном случае наименование камня производно от того же нарицательного *фируз* [Гафуров: 129]. Эти модели образования пар, включая новую, четвертую (мальчики Венер, Джульет), можно изобразить так, обозначая буквами О — нарицательное, М — мужское имя, Ж — женское имя:

Новы в именнике и старые имена, забытые или полузабытые, а теперь воскрешаемые вне всякой связи с религиозным прошлым, как памятники родной культуры. Самое частое имя узбекских мальчиков, рожденных в 1965 г. в Самарканде, — Алишер, в память великого поэта Алишера Навои, юбилей которого тогда отмечали.

* В г. Чимкент восемь казахских девочек, рожденных в 1969 г., получили имя Шолпан, по одной — Венера и Зухра; в г. Фрунзе за тот же год 29 Чолпан и 26 — Венера; татарки Казани, рожденные в 1968 г.: Венера — 47, Чулпан — 4; Зухра — 3.

Овеянное славой в средневековом эпосе имя Рустам (Рустем) занимает первое место по частоте среди татарских мальчиков Казани, рожденных в 1967 г., и четвертое — в сельских районах; оно нередко у башкир, узбеков, азербайджанцев. Имя героя башкирского народа Салавата в моих подсчетах не обнаружено среди рожденных в предреволюционные десятилетия, а у рожденных в 1968 г. оно очень часто.

А некоторые старые имена ошибочно приняты за новые; например, Замир и Замира не имеют никакого отношения к русскому «за мир», Замир — старое арабское имя, оно означало 'сокровенная мысль, затаенная мечта'. В живую речь тюркоязычных народов это слово не вошло, оставаясь достоянием мусульманской книжности, поэтому имя стало непонятным. В дореволюционное время имена Замир, Замира давали у казахов и узбеков.

Многие новые имена образованы и из слов родного языка. Победное завершение войны против фашизма создало во многих тюркских языках личные имена из слов со значением «победа»: узбек. Зафар, киргиз. Женгиш и др. Э. Бегматов привел больше десяти имен, возникших в советский период из слов современного узбекского языка, среди них Тинчлик 'мирный', Шоира 'поэтесса' и др. [Бегматов: 10].

Среди новых имен не все удачны. В записях рождения узбеков Нуратинского района Самаркандской области за 1965 г. мне встретилось имя Гагарин, отчество Тухтович; русская фамилия в роли личного имени приемлема на слух узбека, но когда мальчик подрастет, ему доведется жить и общаться не только с узбеками*. Не без одобрения привел антропонимист имена двух башкирок Риголлета и Травиата Ахмадеевы среди имен, данных по героям художественных произведений [Закирьянов: 155], но Травиата означает по-итальянски 'падшая'. Молодая татарская пианистка носит имя Эротика (сообщила на 2-й Поволжской ономастической конференции Р. Х. Субаева) — лексическое значение слова явно не годится для личного имени (ОП — II: 23). Не радуется данное киргизскому мальчику имя ЧТЗ (Челябинский тракторный завод — такова и выпускаемая им марка тракторов, которые пришли в Киргизию). По сообщению Э. Бегматова, в Кашкадарьинской области Узбекистана узбекский мальчик в честь учреждения, в котором работает отец, получил имя Карим-Заготскот [ИМН — II: 16].

Теперь часто дают киргизским мальчикам имя Талант (нарицательное, заимствованное из русского языка), в Тогуз-

* Случай не единичен: фамилия первого космонавта появилась в качестве личного имени и у других народов (в 1968 г. так назван лакский мальчик в с. Камахал Дагестанской АССР и др.).

Торосском районе в 1969 г. оно даже оказалось самым частым именем новорожденных в киргизских семьях. Появилось оно и у соседей казахов в Джамбульской области Казахстана, несомненно, распространится и шире. Понятно желание родителей. А каково мальчику с таким именем? Конечно, несравнимо легче назвать ребенка «герой», «богатырь», «победитель», чем вырастить его таким. Давая новорожденным девочкам имена с живыми значениями «красивая», «стройная», не задумываются, сколько забот могут доставлять дочерям, — ведь не каждая вырастет красавицей, а имя по контрасту подчас вызывает насмешку.

Два башкирских антропологиста констатируют, что теперь «употребление многих имен-новообразований постепенно сокращается» [Закирьянов: 157], «у башкир сейчас проходит увлечение иностранными именами (Роберт, Альберт) и новообразованиями (Ревмира)...» [Ураксин: 184]. Опираются ли оба на некие неизвестные подсчеты или на непосредственные впечатления, но мои подсчеты имен всех новорожденных башкир по десяти районам за 1968 г. и для сравнения по некоторым районам за 1937—1938 гг. не подтверждают уменьшения этих имен, которые охватывают 9—12% новорожденных мальчиков.

Но бывают «отступники»: в июне 1967 г. молодые родители-татары в Казани назвали дочь Элина, а в декабре подали заявление о перемене его на архаичное имя Эндже, мотивируя перемену тем, что «при выборе имени всесторонне не продумали этот вопрос и дали дочери имя, не соответствующее ее национальности; оба работаем и учимся, ребенок находится у родителей матери, которые не называют ее зарегистрированным именем Элина, и на почве этого часто возникают в семье нежелательные конфликты» (Архив Казанского Горзагс).

О новых именах у тюркоязычных народов писали многие, но никто даже не поставил вопроса, каков же вес этих имен в именнике (по количеству не имен, а носителей каждого имени). Выполненные подсчеты показывают вес новых имен всех перечисленных групп у татар по Казани и по трем районам ТатАССР (Актанышский, Кукморский, Сармановский) за 1967 г., в процентах (табл. 18).

Таблица показывает, что новые имена у татар вошли в быт, стали частыми, они — уже не эксперименты одиночек, а достояние масс. Этого еще нет, например, в именнике узбеков. И у азербайджанцев, даже в двух центральных районах Баку (1968 г.), новые имена охватили меньше 2% новорожденных мальчиков, у девочек — несколько больше. У киргизов г. Фрунзе в 1969 г. 12% мальчиков получили имена, которых у киргизов прежде не бывало.

Распространенность новых имен у татар
(в процентах)

	Мальчики		Девочки	
	город	районы	город	районы
По отношению к количеству имен	17	11	32	14
Охват носителей	29	13	35	17

Именник, как уже сказано, не список имен, а употребительность их. Новое в нем — не только имена, которых до этого не было, а смена частотности прежних имен. В именнике узбеков, где перечень имен изменился меньше, чем у татар, перемены не меньше. Пять самых частых имен, данных узбекским мальчикам Самарканда в 1965 г.: Алишер, Фуркат, Бахтияр, Баходир, Тохир — среди них нет ни одного из самых частых в предреволюционное время, они ушли на последние места.

Такими разнообразными путями обновляются именники тюркоязычных народов; будущее покажет, какие из них — магистральны, какие второстепенны, а некоторые, может быть, тупики. Но несомненно, что развития не повернуть вспять и что в поисках много общего с современным именником русского и других народов СССР. Общие черты усиливаются. Любопытны факты и встречного движения, немыслимые в прошлом: русские колхозники в Зианчуринском районе БашАССР (1968 г.) дали дочери имя Рамзия; русский и украинка, оба студенты Казанского университета (1967 г.), назвали дочь Зульфия.

Общая для тюркоязычных народов часть именника сокращается за счет мусульманских имен. Нарастает новая общность — все народы нашей страны осваивают многие новые имена. Оба процесса протекают одновременно. Тем самым, с одной стороны, увеличиваются различия состава имен, с другой — убывают «расстояния» между именниками тюркоязычных народов в антропонимии сегодня. Это можно увидеть, взяв десять самых частых имен (пять мужских и пять женских) по крупным городам (за которыми последуют сельские местности); числа означают частотность в пересчете на каждую тысячу новорожденных данного пола у данного народа; написание дано в преобладающей форме документов ЗАГС.

М а л ь ч и к и. Азербайджанцы (Баку, рожд. 1968 г.): Ильгар — 38, Самир — 38, Азер — 25, Ильхам и Эльчин — по 24; казахи (Чимкент, рожд. 1969 г.): Нурлан — 49, Талгат — 47, Аскар — 38, Марат — 33, Серик — 29; киргизы (г. Фрунзе, рожд. 1969 г.): Нурлан — 87, Таалайбек — 48, Бакыт — 38, Алмаз и Руслан — по 30; татары (Казань, рожд. 1967 г.): Рустем — 98, Марат — 70, Айрат — 65, Альберт — 63, Ильдар — 49; туркмены (Ашхабад, рожд. 1970 г.): Батыр — 46, Мурад — 33, Сердар — 30, Мердан — 16, Арслан — 23; узбеки (Самарканд, рожд. 1971 г.): Баходыр — 38, Шухрат — 36, Бахтияр — 34, Алишер — 27, Равшан — 24.

Д е в о ч к и. Азербайджанки (Баку, рожд. 1968 г.): Севиндж — 55, Арзу — 46, Тарана — 40, Гюльнара и Севда — по 33; казашки (Чемкент, рожд. 1969 г.): Гульмира — 61, Гюльнара — 52, Сауле — 45, Эльмира — 33, Лаззат — 31; киргизки (Фрунзе, рожд. 1969 г.): Айнура — 33, Айгуль — 64, Асель — 54, Динара и Чинара — по 33; татарки (Казань, рожд. 1967 г.): Лилия — 98, Гюзель — 88, Гюльнара — 77, Эльмира — 67, Резеда — 58; туркменки (Ашхабад, рожд. 1970 г.): Марал — 33, Мая — 19, Гюльнара — 18, Айна, Огулжерен и Гунча — по 17; узбечки (Самарканд, рожд. 1971 г.): Дильфуза — 57, Лола — 36, Гульбахор — 32, Наргиза — 30, Саодат — 29.

#

Язык как средство общения нормализует свои формы — иначе невозможно понимание. В развитии языка нормы могут сталкиваться, так возникают противоречия (особенно резкие при воздействии одного языка на другой), неизбежно порождающие борьбу за становление новой нормы, хотя процесс этот может длиться веками. В личных именах такая нормализация формы, показанная мной на русском материале, теперь обнаружена моими подсчетами и у тюркоязычных народов.

В тюркских языках отсутствует грамматический род (известно, какие затруднения возникают из-за этого при обучении русскому языку). Поэтому тюркоязычные народы не развили формальной дифференциации личных имен по полу на мужские и женские. Отчасти их различали по первоначальным значениям: как сказано, наименования хищников и оружия становились именами мальчиков, а цветов и драгоценностей — именами девочек. Но такое разделение касалось лишь меньшинства имен. Да этимологии и забывались. Помогал различать имена по полу набор компонентов: *-улла*, *-дин* — только для мужских имен, *-биби*, *-ханум* — только для

женских*. Наконец, женское имя в отличие от мужского могло получать дополнительный признак, заимствованный с арабскими именами: арабский показатель женского рода *-a/-at*: муж. Амин, жен. Амина и Аминат. Так образовались пары имен: Фарид — Фарида, Хафиз — Хафиза, Дамир — Дамира и другие, но и эти случаи не охватывали большинства имен. Кроме того, на гласный *-a* и на *-at* оканчивались многие мужские имена (Ахметша, Риза, все на *-улла*, Булат). Все способы различения не создавали стройной системы, даже напротив — увеличивали пестроту форм имен для каждого пола. Оставалось немало имен, которые давали и мальчику и девочке. В современном справочнике личных имен казахов даны как общие Акжан, Ансар, Жанар, Жанаг [Жанузаков — 1968]. «Справочник личных имен народов РСФСР» приводит 67 имен, употребляемых тувинцами для обоих полов. Составители узбекского справочника личных имен при переиздании полностью отказались от разделения мужских и женских имен, дав их одним списком в общем алфавите [ИМН — II].

Смещение имен по полу стало помехой. Справедливы протесты против неразличимых имен. Ш. М. Саадиев указывает, что у азербайджанцев «одно и то же имя дают мальчику и девочке: Ширин, Шовкят, Гюзел. Это нежелательно» [ЛИ: 187]. Казахского мальчика назвали русским словом женского рода Армия, а девочку — русским словом мужского рода — Закон [Жанузаков — 1970: 6]; у кумыков Буйнакского района ДагАССР в 1968 г. дали мальчику имя Мама, девочке — Папа. А им жить, работать, учиться вместе с другими народами, пользуясь русским языком, и «перевернутый» грамматический род таких имен может вызывать ненужные осложнения.

Жизнь побуждает разграничить имена по полу четко и последовательно. Опыт русского языка помогает в этом.

В 1948 г. Н. К. Дмитриев на материале фамилий и отчеств отметил становление грамматического рода в тюркских языках [Дмитриев: 204], позже Ю. Дешериев верно указал, что в фамилиях и отчествах происходит раздельное оформление не только женского, но и мужского грамматического рода [Дешериев: 295]. Но оба исследователя коснулись только двух антропонимических категорий, в которых изменения проявляются нагляднее. Остался незамеченным самый мощный и глубокий процесс размежевания по грамматическому роду — в именах личных (в узком смысле). В русском языке их форма поляризована по полу носителей: как правило, полные

* Так и германские дохристианские имена строго различены компонентами: *-ward, -brand, -ger* служили вторым компонентом только мужских имен, а *-hild, -lind, -thrud* — только женских: *Thrudger* — мужчина, а *Gerthrud* — женщина [Bach — 1, 2: 90].

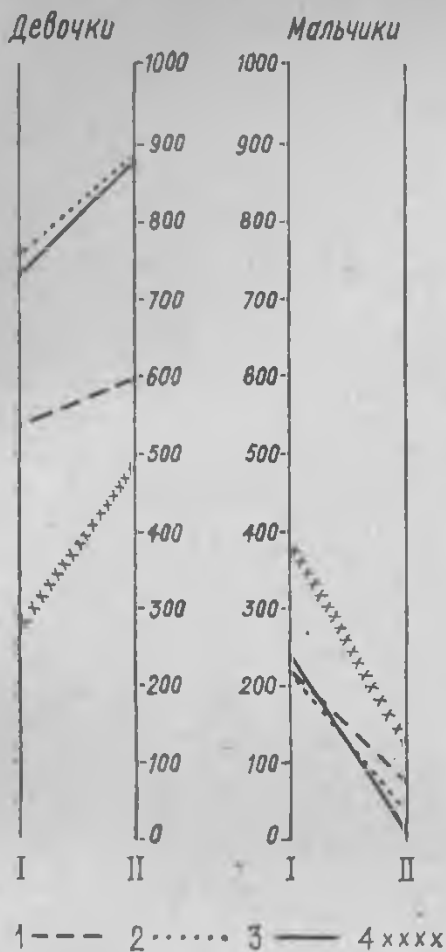

Схема 5. Размежевание имен по полу у тюркоязычных народов.

На 1 тыс. новорожденных получали имена с окончанием на гласный звук:

I — предреволюционные (1895—1918 гг. рожд.), II — современные (азербайджанцы и башкиры — 1968 г. рожд., татары — 1967 г. рожд., узбеки — 1965 г. рожд.); 1 — азербайджанцы Кюрдамирского и Уджарского р-нов; 2 — башкиры Салаватского и Бурзянского р-нов; 3 — татары Актанышского и Богато-Сабинского р-нов; 4 — узбеки Нуратинского р-на.

Этот процесс затрагивает и старые имена: в традиционном мужском имени отбрасывают заключительный гласный звук — Абдулла переходит в Абдул; в женских именах на со-

* Интересно, что та же тенденция отмечена у албанцев — убыль тех принесенных мусульманством женских имен, которые оканчиваются на согласный, т. е. совпадают с окончаниями албанских мужских имен [Kostallari: 257].

имена мужчин оканчиваются на согласный, а женщин — на *-а* (звук, а не буква), исключения сейчас единичны [Никонов — 1967а]. Теперь такое размежевание активно протекает у тюркоязычных народов нашей страны* (схема 5).

Каков механизм этого процесса? Выбирая имя, отдают предпочтение тому, которое соответствует новой норме (мужское — с консонантным окончанием, особенно часты *-т, -р, -н, -л*; женское — с вокальным *-а*, особенно часто *-ија*, в русском написании *-ия*), и избегают тех имен, которые нарушают эту норму. Происходит это неосознанно, в силу того же «языкового чутья», которое в языках с сингармонизмом не позволяло даже и совершенно неграмотным нарушать его требования. Выбирая имя девочек, не задумываются — оканчивается ли оно на *-ат* или *-ия*, но где-то в глубине «языкового сознания», пока не изученного ни лингвистами, ни психологами, срабатывают ассоциации, связывающие *-ат* со старыми именами (в арабском языке *-ат* — признак женского рода), а *-ия* — с новыми (один из показателей имен существительных женского рода в русском и других индоевропейских языках). Торжеству новой нормы способствует и отбор новых заимствований; мужских — Альберт, Эрик, женских — Эльмира, Светлана и т. п.

гласный, добавляют -а или ә; при окончании -ат отбрасывают согласный — Мадинат (араб. 'городская') превращается в Мадина, а Аминат — в Амина. Самое частое имя башкирок, рожденных в 1968 г., в 95% документов записано в форме Гульнара и только 5% — Гульнар (иногда Гулнар). Узбекский словарь личных имен в первом издании 1964 г. предписывал Гулнор [ИМН — I: 31], а в издании 1968 г. — уже форму Гулнора [ИМН — II: 45]; в актах записи рождений соперничают оба варианта. Официальный справочник личных имен Азербайджанской ССР и в 1969 г. продолжает диктовать это имя с консонантным окончанием, а практика записи рождений опередила его: даже в аулах все чаще пробивается окончание на гласный, в Агдамском районе за 1968 г. из пяти девочек, названных этим именем, только одна зарегистрирована с консонантным окончанием. У киргизок, рожденных в 1969 г. вне столицы, 83% записаны Гульнара и только 17% — Гульнар, а в г. Фрунзе — все только Гульнара.

Мои подсчеты сотен тысяч новорожденных дают количественное выражение этого процесса. Темпы его различны (схема 5 и табл. 19).

Таблица 19

*Имена с открытым окончанием
(на тысячу новорожденных в среднем)*

Народ	Территория	Мальчики		Девочки	
		1900—1918	совр.*	1900—1918	совр.*
Татары	г. Казань	260	4	750	876
Татары	р-ны ТатАССР	234	14	748	870
Башкиры	р-ны БашкАССР	218	28	768	870
Азербайджанцы	р-ны АзССР	228	81	554	600
Узбеки	Нуратинский р-н УзбССР	392	135	274	502

* Татары — 1967 г., башкиры, азербайджанцы — 1968 г., узбеки — 1965 года рождения.

Татары и башкиры несколько столетий живут бок о бок с русскими; размежевание форм имен по полу у них еще в предреволюционные годы охватило $\frac{3}{4}$ всех новорожденных, но до полного завершения этого процесса тогда оставалась еще весьма значительная дистанция. Дореволюционный мужской именник узбеков был еще «безразличен» к окончаниям: 40% в нем составляли имена, оканчивающиеся на гласный (конечно, по числу носителей, а не по списку их имен); имена узбечек в абсолютном большинстве ($\frac{4}{5}$ всех новорожден-

ных) оканчивались на согласный, особенно часто на *-ат* (табл. 20).

При всех количественных различиях тенденция одина — происходит становление новой нормы, у тюркоязычных народов побеждает размежевание формы личных имен на мужские и женские. В отношении мальчиков этот процесс у татар и башкир можно считать завершенным: не только в Казани, где на тысячу новорожденных татарских мальчиков лишь четыре получают имена с вокальным окончанием, но

Т а б л и ц а 20

Охват именами с открытым окончанием
(на каждую тысячу новорожденных мальчиков или девочек)

Народ	Год рожд.	Территория	Маль- чики	Девоч- ки
Татары	1967	9 р-нов ТатАССР	14	870
"	1965—1968	Ст. Кулаткин, р-н Ульяновск. обл.	8	883
"	"	Ульяновск	22	950
"	" 1967 "	Казань (три центр. р-на)	4	876
Башкиры	1968	10 районов БашкАССР	28	870
Азербайд- жанцы	1968	Агдам., Кюрдамир., Уджар. р-ны АзССР	81	600
"	"	Баку (два центр. р-на)	54	666
Узбеки	1965	Нуратин р-н Самарканд. обл. УзбССР	135	502
"	"	Хотырчин.	117	506
"	1968	Р-ны Южно-Казахст. обл. КазССР	73	702
"	"	Ляйлак. р-н КиргССР	220	402
"	1965	Самарканд	91	769
Киргизы	1969	Пять северн. и центр. р-нов КиргССР	32	489
"	"	Ляйлак. и Баткен. р-ны Ошск. обл. КиргССР	156	330
"	"	Фрунзе	7	974
Казахи	1968	12 р-нов Джамбул. и Южно- Казахст. обл.	67	466
"	"	Чимкент	67	558
Ногайцы	1968	Ногайск. р-н ДагАССР	189	516
Кумыки	"	Буйнак. Кизилюрт., Ленинск. р-ны ДагАССР	178	180
Туркмены	1970	Ашхабад	313	164
"	"	5 р-нов ТуркмССР	323	158

и в районах таких случаев мало. Мужские имена, оканчивающиеся на гласный, отживают и у азербайджанцев, у киргизов (в г. Фрунзе только семь на тысячу), но еще имеют некоторый вес у ногайцев, кумыков, узбеков, особенно у туркмен.

Татарки и башкирки приближаются к полному переходу на имена с вокальным окончанием, победа которых ясна и у азербайджанок, хотя даже в Баку все же еще треть девочек получает имена, оканчивающиеся на согласный. Пока еще на полпути именники киргизок, казашек, ногаек. У узбеков в предреволюционные десятилетия имена с консонантным окончанием господствовали абсолютно; тем значительнее происшедший сдвиг, хотя достигнутая доля вокальных окончаний в кишлаках еще не везде перевалила за половину. А для кумычек горных аулов Дагестана этот процесс еще впереди: пока 82% девочек продолжают получать имена с консонантным окончанием. Консервативность формы видна на примерах: у азербайджанок, татарок, башкирок, казашек, узбеков — Амина, у кумычек — только Аминат (эта форма преобладает и у нетюркских народов Кавказа — лаков, аварцев, вне Дагестана — у абазинцев), у кумычек и ногаек — Патимат (из Фатима), другие тюркоязычные народы и в дореволюционное время не употребляли этой формы. Документы о рождениях кумычек за 1968 г. часто регистрируют Гюльнаррат — с окончанием, которого оно раньше не имело. Процесс размежевания формы имен по полу, общий для тюркоязычных народов нашей страны, пока не затронул туркменок и кумычек. Характерно, что в городах, особенно в крупных, становление новой нормы продвинулось гораздо дальше, чем вне их. Это не оставляет сомнений, что процесс будет распространяться и ускоряться.

Каждый случай в отдельности настолько незначителен, что его и не замечают. Окончание имени — какая мелочь. Но нужно представить, насколько грандиозен размах перемен: они охватывают миллионы людей. Если удивляться, то не тому, что тюркоязычные народы находятся на разных участках этого пути, а тому, в какой исторически кратчайший срок совершились такие массовые сдвиги.

Станут ли у всех тюркоязычных народов абсолютными отдельные формы для мужских и женских имен и когда? Наблюдения описанного процесса приводят к предположению о закономерности, может быть выходящей очень далеко за рамки личных имен, охватывающей различные сферы массовой психологии: новая тенденция сначала привлекает немногих, затем распространяется стремительно, а дальше охват «последних процентов» снова растягивается на длительное время — как новое сначала вербует отдельных людей, так и за

старое, отвергнутое массами, еще долго могут цепляться одиночки. Личные имена, позволяя проследить этот процесс статистически, — удобный материал, чтобы представить кривую этой динамики языком цифр: пологий подъем, за ним бурный взлет почти до абсолютного предела и очень медленное преодоление этого «почти» на тех близких к абсолютной монолитности величинах, при которых единичные исключения не колеблют нормы. Нет необходимости ускорять какими-либо мерами активный процесс нормализации формы личных имен у тюркоязычных народов или хотя бы загадывать дату абсолютного завершения его. Однако научным работникам, а с их помощью и работникам органов ЗАГС надо видеть тенденцию развития в антропонимии. С этой тенденцией, не навязывая ее, полезно знакомить и выбирающих имена.

#

На предыдущих страницах уже мелькали примеры разных написаний одного и того же имени. В документах о рождении запись имен настолько хаотична, что становится подлинно общественным бедствием. Ведь записанное в метрике имя идет и в паспорт, и в военный билет, и в диплом, его сверяют при браке, при установлении пенсии и т. д.

И там, где запись ведется на родном языке (в тюркоязычных союзных республиках), документация рождений также неблагополучна. В Самаркандской области УзбССР масса противоречивых написаний: Ойшехор — Айшакар, Зулайхо — Зилайха, Сабохат — Сабоат, Санавар — Санобар, Хадича — Хатича — Хотича, Махаррам — Мокаррам — Мукаррам — Мукарам, Муяссар — Мияссар и т. д. В Казахстане женское имя Гюльнара документируют в четырнадцати различных вариантах. И это все в пределах одного языка — своего родного.

В автономных республиках РСФСР и в русских областях РСФСР документы о рождении составляются на русском языке. Передача имени с одного языка на другой трудна. Ведь в русском языке нет букв для передачи некоторых звуков тюркских языков, нередко одинаковые буквы двух языков передают разные звуки и т. п.; положение осложняется еще и тем, что в том или ином тюркском языке существует несколько диалектов и, например, одно и то же имя бугульминские татары произносят иначе, чем татары мамадышские или правобережные. А написание не может быть разным — при такой анархии никто не поймет друг друга.

Здесь не место обзору всех злоключений, которые претерпевают имена при записи в документы. Можно ограничиться

некоторыми, самыми частыми из необъятного количества собранных примеров по документам о рождениях.

Тюркские гласные, передаваемые буквами *ә, ө, ү*, не имеют соответствия в русском языке; в произношении и написании приходится передавать их приблизительно; редукция безударных гласных, делая их нечеткими, еще ухудшает дело. Мужское имя *Рөстәм* передают: *Рустем, Рустам, Рустям, Рустэм, Ростам* (три из этих форм — в одной Казани), в татарских районах Ульяновской области к этому добавляются *Рестем, Ростям*. Частое у татарок и башкирок имя *Рәзидә* в документах о рождениях выглядит так: *Резеда, Резида, Резидя, Разида, Ризида, Ризидя, Розидя*. В Сармановском районе ТатАССР в 1967 г. одно и то же имя записывают как *Фирюза, Фируза, Фирузя, Фириза*. У татарок Самарканда (1965 г.) и *Феруза*. В записях актов рождений казашек смешивают различные имена, например: *Перуза, Периза, Феруза, Фариза, Перизат, Периззат, Призат, Беризат, Фаризада, Перизада* (все примеры только по Джамбульской и Южно-Казахстанской областям за 1969 г.). Вот как искажено имя *Венера* в документах ЗАГС Башкирии: *Винера, Венира, Винира, Венария, Винария*. Отдел ЗАГС Владимира, областного центра, поворожденную татарку зарегистрировал *Ванира* (1961 г.). А это имя у татарок в десятке самых частых, да и вне тюркской антропонимии оно, казалось бы, известно каждому грамотному. Трудно сосчитать, в скольких вариантах встречается у нас имя *Абдрахман*. Имя *Эрнест*, которое в столице Киргизии за 1969 г. получили десять киргизских мальчиков, там зарегистрировано так: *Эрнис, Эрнс, Эрнст, Эрнист* — и ни одного раза правильно. В документах ЗАГС Киргизии постоянны перебои *о/у*: *Умурзак, Оморзак, Ураз — Ораз*.

Полная неразбериха царит при передаче мягкости или твердости согласных, например конечного *л*: *Наил, Рамил, Джамил — Наиль, Рамиль, Джамиль...* Так и в других позициях: *Зулфия — Зульфия, Илшат — Ильшат, Гюль — Гуль — Гул*; в начале слова: *Лайсан — Ляйсан, Лаззат — Ляззат*. Часты противоречия в передаче звонкости и глухости согласных: в Аксубаевском районе ТатАССР в 1967 г. два мальчика получили одинаковое имя, но один зарегистрирован *Фарид*, другой *Фарит*, то же самое в Камско-Устьинском районе. В том же году в Казани отдел ЗАГС зарегистрировал *Рашад* и *Рашат, Мурад* и *Мурат, Фархад* и *Фархат*. Мужское имя *Булат* записано у казахов в таких формах: *Булат — Пулат — Болат — Полат*. Нередкое у киргизок и казашек имя *Клара* документировано *Хлара* в Тонском районе Киргизии, *Глара* в Ленгерском районе Казахстана (оба примера за 1969 г.). Разнобой начальной буквы особенно опасен. Горь-

кие заботы достанутся тем татарам и башкирам, чье имя пишется то Айдар, то Гайдар, то Хайдар, аналогично Али и Гали, женское Айша и Гайша. Даже во Фрунзе киргизские имена документированы беспорядочно: Жамила — Джамила — Жамиля — Джамиля, аналогично у казахов в городском ЗАГС Чимкента. Имя Чинара казахским девочкам записывают Шинара, Шынара, Шинар, Шынар, Джынар, Чинар. И у казахов и у киргизов обычна путаница начальных *п, б, ф*.

Если в имени подвержены колебаниям несколько пунктов, то варианты множатся. Только за 1967 г. в девяти районах Татарии зафиксированы в записях о рождении такие формы одного женского имени: Гюзель — Гюзаль — Гюзяль — Гузель — Гузаль — Гузяль — Гузал — Гузял. Судьба еще одного имени, мужского, в Татарии (1967 г.) и Башкирии (1968 г.): Фирдус — Фирдаус — Фирдавес — Фирдавис — Фардус.

Женское имя, которое «Справочник личных имен народов РСФСР» [СЛИ — 1965: 79 и 170] требует передавать по-русски Милеуша у татарок и Миляуша у башкирок (подлинная форма в обоих языках одна — Миләүшә), в документах пишется так (в процентах ко всем случаям употребления этого имени в каждом языке):

	Татарки	Башкирки
Миляуша	62	31
Милауша	5	36
Милеуша	30	15
Милявша	—	11
Милавша	1	7
Милевша	1	—
Мелевше	1	—

Норма, диктуемая «Справочником», противоречит практике. Пестрота написаний не диалектна — тот или иной вариант встречается в разных районах, разные варианты встречаются в одном и том же районе.

Порой нелегко догадаться, какое имя подразумевали в документе о рождении — Самянь, Завдят, Ленир и т. п. В имени Альфарит, зарегистрированном в 1968 г. двум башкирским мальчикам Аскинского района БашкАССР, трудно угадать правильное — Альфред. А иногда разгадать и не удается: Мился, Радися, Фандур, Равлин. Над именем Рафинат, зарегистрированным в Кукморском районе ТатАССР (1967 г.), мы тщетно ломали головы со всеми сотрудниками Республиканского архива ЗАГС Татарии. Они считают, что это имя из нарицательного *рафинад* (сорт сахара), но, вероятнее, это искаженное Фердинанд, нередкое имя у татар и башкир, документируемое в Татарии как Фирдинанд, Фир-

динант, Фардинан, в Башкирии, кроме того, и Фирденат, Фирдинас, Фирнат, а в случае с Рафинат не без влияния имен Рафик, Рафаил, Рифгат.

Антропонимисты тюркоязычных республик в один голос сигнализируют о неблагополучии с транскрипцией личных имен: «В большинстве случаев казахские имена, отчества и фамилии транскрибируются далеко не точно. Они очень грубо искажаются» [Жанузаков — 1960; 14]; «Во многих случаях татарские имена, отчества и фамилии транскрибируются по-русски далеко не точно, некоторые грубо искажаются» [Саттаров: 72]. Те же упреки можно отнести и к моим странцам.

Разнобой выходит далеко за пределы внутриканделярских анекдотов и создает затруднения при общении людей разных национальностей.

Много забот приносит эта неразбериха архивам ЗАГС, паспортным столам, отделам социального обеспечения, конторам связи, вызывает бесконечную переписку. Бывает, из-за одной буквы человек не может получить пенсию. Как доказать, что он действительно он, если в выписке о рождении значится Гайдар, в паспорте — Хайдар, в трудовой книжке — Айдар. Это не бюрократические придирки. Различающиеся только единственной буквой Раиль и Наиль — два совершенно разных имени, также Зульфия и Гульфия или Рафгат и Рифгат. В знакомой мне казахской семье Чимкента родные сестры носят имена Роза и Рауза, в татарской семье Казани один брат Ришат, а другой — Рашат. Это разные имена. Работники всех учреждений обязаны строго сличать документы: иначе неизбежны и недоразумения и злоупотребления.

За последние десятилетия грамотность записей в документах о рождениях повысилась. Но даже в городском ЗАГС Казани, документация которого в общем грамотна, имена в документах подчас искажены.

Могли бы помочь справочники. Но создать их трудно. Вышедший в 1965 г. «Справочник личных имен народов РСФСР» неудовлетворителен. Он обращен не к настоящему, а к прошлому, как уже указывалось в печати [Тарзиманов]. В разделах справочника по тюркоязычным народам нет даже таких самых частых имен, как Венера и Марат. Справочник основан не на материале живого именника, который авторам неизвестен. Он построен так, что не помогает ни работникам ЗАГС, ни родителям; например, при именах Али, Абдулла не даны отсылки на татарские формы Гали, Габдулла, которые в справочнике содержатся, но найти их могут только те, кому они уже известны. Справочник должен дать все написания, встречающиеся в документах, указать ошибочные и адресовать к правильным. Это относится и к другим справочникам,

вышедшим в других союзных республиках. Речь не может идти о переработке, так как беда не в отдельных промахах. Работу надо начинать сначала, на совершенно иной основе. Составители обязаны поработать над документами ЗАГС, войти в повседневные нужды работников ЗАГС, изучить мнения родителей. Такие справочники нельзя составить за год. Необходима теоретическая база: прежде всего тщательно исследовать практику и на этой основе выработать подлинно научную транскрипцию имен, широко обсудить ее до утверждения. Необходимо заранее взвесить и четко решить: делать ли отдельные справочники для каждого народа или один общий? Ошибочно считать, что это вопрос технический и второстепенный. От этого зависит весь состав и структура справочника. Войдут ли имена Эдуард, Ирина, употребляемые сегодня почти всеми тюркоязычными народами, в каждый справочник? (А таких имен теперь и у киргизов и у татар десятки.) И какие пометы нужны? Необходимо все это ясно представлять. За такое ответственное дело нельзя браться вслепую, без специальных антропонимических знаний и отличного знания огромного фактического материала низовых органов ЗАГС. Иначе неизбежно повторение всех неудач.

До сих пор ни работники ЗАГС, ни секретари сельсоветов не получают никакой подготовки, необходимой для регистрации имен. Удивительно, что для этих категорий работников обязательный минимум знаний об именах не включен в систему повышения квалификации.

Кое-что для популяризации знаний об именах делают антропонимисты тюркоязычных республик: прочтут лекцию или напишут статью или даже брошюру — это нужно, но всего этого слишком мало: надо искать пути повседневной помощи всем тюркоязычным семьям, ежегодно решающим ответственную задачу — выбрать имена полмиллиону новорожденных.

ОБЫЧАЙ СВЯЗАННЫХ ИМЕН

У русских только как редкий случай встречаются имена близнецов, соотнесенные между собой, тогда как у многих народов такая связь обычна. Среди узбеков еще держится обычай, принесенный исламом, называть двойню девочек Фатима и Зухра (Фатима — имя дочери Мухаммеда, Зухра — ее же эпитет, араб. 'блестящая, лучезарная', это слово стало и названием планеты Венера), двойню мальчиков Хасан и Хусейн (имена близнецов — внуков Мухаммеда); близнецам разного пола, если сначала родилась девочка, дают имена Фатима и Хусейн, а если сначала рожден мальчик — то Хасан и Зухра. В Самарканде в 1971 г. восьми двойням мальчиков даны имена Хасан и Хусейн. В актах записи рождений по районам Узбекской ССР такие примеры встречаются часто, однако есть и отклонения, например двойня девочек Айше и Зухра (рожд. 1965 г., Хотырчинский район Самаркандской области), есть и свободные, несвязанные имена у близнецов, но гораздо реже.

У татар и башкир в наше время близнецы редко получают связанные имена по мусульманской традиции. Зато в полной силе обычай давать им имена, связанные фонетически. Вот примеры по Актанышскому району Татарской АССР из записей рожденных в 1967 г.: близнецы-мальчики получили имена Глус и Флус, другие — Дилшат и Дилфас, двойня девочек — Найля и Райля, близнецы — мальчик Ферид и девочка Фариди, мальчик Наиль и девочка Найля. Созвучие может быть анафорой (тождество начальной части имен): близнецы — мальчик Фаниль и девочка Фариди (Балтасинский район ТатАССР, рожд. 1967 г.), двойня мальчиков — Айрат и Айдар (Сармановский район ТатАССР, 1967 г. рожд.). По-видимому, чаще созвучие-эпифора (тождество конечной части имен), так как в тюркских языках ударение закреплено на последнем слоге. Такое созвучие образует рифму: двойни мальчиков Нияз и Ильяс (Апастовский район ТатАССР, рожд. 1967 г.), Нафис и Фанис (Сармановский район, рожд. 1967 г.), Айдар и Ильдар (Казань, 1967 г.);

еще две пары мальчиков-близнецов — Халим и Салим, Фиргат и Талгат (Кукморский район Татарской ССР, 1967 г.), двойня девочек — Нурсина и Гульсина (Сармановский район, 1967 г.). Часто связь имен близнецов у татар невозможно ограничить ни анафорой, ни эпифорой — настолько полное созвучие, охватывающее почти все имя: двойни мальчиков Ришат и Рифат (Кукморский район, 1967 г.), Марс и Марсель (Сармановский район, 1967 г.). У разнополых близнецов имена, как правило, парны: если мальчик Дамир, то девочка Дамира (Аксунбаевский район, Татарская ССР, 1967 г.), девочка Венера и мальчик Венер (Сармановский район, 1967 г.), мальчик Фарид, девочка Фарида (Балтасинский район, 1967 г.), мальчик Ирек и девочка Иря (Старо-Кулаткинский район Ульяновской области, рожд. 1968 г.).

То же самое у башкир. Вот лишь некоторые имена близнецов за один только 1968 г. из огромного запаса примеров по записям рождений: мальчик Тагир, девочка Тагира, девочки Галима и Селима (в Абзелиловском районе Башкирской АССР), мальчики Рим и Риф (Давлекановский район), девочки Тансылу и Консылу (Зилаирский район), мальчик Рим, девочка Рима (Илишевский район), девочки Миннегул и Миннур, мальчики Файзулла и Гайзулла, мальчик Вазир, девочка Вазира (Бурзянский район).

Подсчитаны имена 100 близнецов (50 пар) у казахов рождения 1968 г. в Чимкенте и тринадцати районах Южно-Казахстанской и Джамбульской областей. Среди них не оказалось ни одной пары несвязанной. Четырнадцать пар (28%) даны в мусульманской традиции: мальчики Асан и Усен (т. е. Хасан и Хусейн), девочка Фатима и мальчик Хусен, девочка Батнакуль (Батна — казахская форма имени Фатима) и мальчик Усен. Остальные 72% связаны фонетически, часто это единство образовано тождеством компонента обоих имен (*-бай* или *-бек* у мальчиков, *-гюль* у девочек). Две пары (4%) анафоричны: девочки Жанат и Жанар в Чимкенте, мальчики Алибай и Алибек в Алгабасском районе. 22 пары (44%) рифмованы: девочки Панар и Жанар в Таласском районе, мальчики Болат и Манат в Чуйском районе, там же мальчики Абдулла и Сейдулла, дважды Берик и Серик — в Ленгерском и Моинкумском районах, девочки Кулзира и Назира в Таласском районе. И в тех случаях, где повторен служебный компонент, рифма не ограничена им, а захватывает и основу: мальчики Ергизбай и Сегизбай (Чуйский район), дважды Ерлан и Нурлан (Сузакский и Ленгерский районы). В двенадцати парах (24%) связь вообще не ограничена анафорой или эпифорой, а объединяет оба имени настолько тесно, что они различимы только одним-двумя звуками: девочки Алия и Галия в Чуйском районе, там же маль-

чики Марат и Мурат, две пары девочек Зауре и Сауле (в Ленинском и Кзылкумском районах), мальчики Алимжан и Галимжан в Чимкенте*.

И узбеки, живущие на территории Казахстана, иногда дают близнецам не мусульманскую пару имен, а связанную фонетически: за 1969 г. в Южно-Казахстанской области двойне узбекских мальчиков даны имена Камил и Кабул (Ленинский район), Тулкинджан и Эркинджан (Сайрамский район), хотя преобладают Хасан и Хусейн, Фатима и Хусен, Хасан и Зухра.

У киргизов (г. Фрунзе и семь районов) за тот же год подсчитаны имена также 100 близнецов. Из них мусульманской традицией продиктована треть имен: Асан — Усен, Патма (т. е. Фатима) — Зухра и т. п. Имена у 12% киргизских двоен анафоричны: мальчик Таалайбек и девочка Таалайгюль, мальчик Нурбек и девочка Нургуль и т. д. 24% эпифоричны — девочки Айнура и Гюльнара, также Эльмира и Дамира, мальчик Аскар и девочка Жыпар; 26% пронизаны сквозной фонетической связью — девочки Динара и Дильбара или Тынар и Чынар, также Эльмира и Гюльмира, мальчики Арстанбек и Рустанбек. Две пары близнецов (4%) получили имена, не связанные ни по мусульманскому образцу, ни фонетически, ни словообразовательно: мальчики Болот и Замир, девочки Айнур и Чолпон, но в последней паре возможна связь имен по этимологическому значению (Айнур 'лунный свет', Чолпон 'планета Венера').

На тот же обычай у туркмен указала З. Б. Мухамедова [Мухамедова — 1957: 45]. В моих материалах по туркменам, рожденным в 1970 г., чаще других пар мальчики-близнецы Ковус и Кыяс; немало пар по мусульманской норме (мальчики Хасанали и Хусаинали, пять двоен девочек Патма и Айша в Тохтинском районе, мальчик Хесенджемал и девочка Хусунджемал), но есть и примеры иной связи, например повторение одного из компонентов — двойня девочек Огульсенем и Бибисенем.

Азербайджанцы в Баку (1968 г.) мальчиков-близнецов назвали Натик и Намик, Эльман и Эльнур, Елчин и Елхан, в Агдамском районе девочки-близнецы Насиба и Нагиба, Загида и Загира. У ногайцев (Ногайский район ДагАССР, 1967 г. рожд.) двойню девочек назвали Сабират и Кабират, в другой семье — Сайда и Айда. У кумыков нередки близнецы Гасан и Гусен (Хасан и Хусейн). В актах записи рождений в Дагестане у лаков и аварцев (1968 г.) двойни

* Любопытны пары Алия и Галия, также Алимжан и Галимжан: в каждой из этих пар не по два имени, а только варианты одного имени, ошибочно принятые за два разных (как если бы в русской семье назвали близнецов Иосиф и Осип).

мальчиков получали имена по мусульманской традиции — Гасан и Гусен.

Аналогичное явление на англоязычном материале отметил ономастический журнал «Names» в статье «Имена близнецов» [Plank: 3]. Там приведены результаты подсчета: в 62% случаев имена близнецов имеют одинаковый начальный звук, в 17% — связаны другими сходными чертами, например рифмой, в 21% случаев имена близнецов ничем не связаны. Полученные средние данные дифференцированы — отдельно по близнецам одного пола и по близнецам разного пола (табл. 21).

Т а б л и ц а 21

	Одного пола	Разного пола
Одинаковый начальный звук	67%	58%
Другие сходства	21%	15%
Отсутствие сходств	12%	27%

(Преобладание связи анафорической может быть обусловлено тяготением ударения в английском языке к первому слогу, как преобладание эпифорической связи у тюркоязычных народов — ударением на последнем слоге.)

Автор правильно назвал результаты предварительными. Они ограничены. Расширение объема подсчетов может изменить итоги, если выборка случайна. Но эта беда поправима, а хуже ограниченность анализа: материал рассмотрен изолированно. Если не привлекать данных по другим народам, не только нельзя сделать выводы, но даже и поставить вопросы — почему так, а не иначе. Сопоставление с данными по тюркоязычным народам такие вопросы ставит. Обычай давать близнецам связанные между собой имена оказался общим для тюркоязычных и англоязычных народов (повсеместно или частично — еще неизвестно), но в массе несвойственным для русских. К сожалению, нет данных о выборе имен близнецам у различных народов. Вне нашей страны материал лишь случаен, например по народам банту в Конго: у луба и кусу «близнецы получают предписанные обычаем имена» [Polomé: 618—619], но связь этих имен осталась неизвестной (фонетически они между собой не связаны, а этимологии их в статье не приведены).

Обойдены Р. Планком многочисленные мифы о близнецах со связанными именами. Обильна и литература о мифических близнецах (из новой, содержащей и библиографию, см.: Loeb; Schneider, Ward), особенно о разнополых, как Yama и Yami,

но исследователей преимущественно привлекала мистическая сторона вплоть до бредового сюжета о кровосмешении их еще в чреве матери.

Общность обычая у столь отдаленных народов, как тюркоязычные, англоязычные, бантуязычные, невозможно объяснить заимствованием, и едва ли кто осмелится предположить в ней след былой общности их предков. Очевидно, это параллель типологическая, т. е. сходное явление в разных местах возникало независимо как следствие одинаковой причины. Действительно, близнецы связаны особенно. У русских эта связь не отразилась в именах, так как церковь привязала выбор имен к своему календарю, поэтому имена близнецов были заданы святыми.

Ограниченность цитированной статьи Р. Планка и в том, что он рассматривает связанность имен близнецов изолированно не только от подобного же явления у других народов, но и от близких явлений у того же народа. Данные тюркоязычных народов показывают, что связанность имен близнецов — первая ступень связи — только частный случай связанности имен в семье. А это вторая ступень связи.

Часто имена детей перекликаются с именами родителей. Вот примеры из документов о рождениях в казахских семьях по Южно-Казахстанской области за 1969 г.: в Кзылкумском районе зарегистрированы Абежан сын Жумажана, Абибулла сын Халимуллы, Керимбек сын Аскербека и внук Жумабека, Нарбек сын Агабека и внук Атабека, Бердалы сын Миралы и внук Нуралы и много других — в одном районе за один год. Могут возразить, что компонент *-бек* вообще част и совпадения случайны, но там же мальчик назван Алхожа, его отец Ерхожа, дед Балхожа, компонент *-хожа* у казахов не очень част (в этом районе за 1969 г. четыре случая на 678 новорожденных мальчиков), так что случайность тройного совпадения исключена. В Ленинском районе той же области зарегистрированы в том же году казахские мальчики Барзак сын Умурзака, Аллаберген сын Бекбергена, узбекский мальчик Саидиахрал Саидикаримович Саидиасманов.

У татар (примеры из актов записи рождений 1967 г.): отец Шамсур, сын Ильсур (Кукморский район ТатАССР), отец Минзакир, сын Минтагир (Аксубаевский район), отец Ильгиз, сын Ильгизар (тот же район) и т. п. Преемственность переходит из поколения в поколение — в дер. Кожи (Кукморский район) у Минехарима Минемулловича Минемуллина родился сын, его называли Миннекай. С именами матери связаны имена дочерей: у татарок — мать Галия, дочь Гулия, мать Руфия, дочь Румия (Сармановский район), мать Суфия, дочь Альфия, мать Гульфия, дочь Альфия (Балтасинский район), мать Нурия, дочь Нурания (Ново-Малыклинский

район Ульяновской области, 1966 г.). Интересно созвучие-зевгма — конец материнского имени становится началом имени дочери: мать Минафа, дочь Нафиса (Кукморский район Татарской АССР). Иногда переходы перекрестны — от отца к дочери, от матери к сыну: отец Мингата, дочь Минзифа (Аксу-баевский район Татарской АССР), мать Мунира, сын Мунир (Старо-Кулаткинский район Ульяновской области, 1966 г.). Обычай сохранен татарами и в иноязычной среде: в дер. Усть-Рахмановка Краснослободского района Мордовской АССР в татарской семье мать Халида, дочь рожд. 1942 г. — Халися, сын рожд. 1949 г. Халил [РАМ, ф. Р-1683, оп. 1, № 551, л. 14].

Созвучие имен, выражающее семейную связь, часто и у башкир. По документам о рождениях 1968 г.: отец Фатхислам, сын Гайнислам (пос. Целинный Абзелиловского района), мать Гульсира, дочь Гульнара, мать Суфия, дочь Альфия (Давлекановский район). Набор отдельных примеров может не убедить в массовости явления, а подсчетов, к сожалению, нет, но вот факты по одному Бурзянскому району Башкирской АССР за один 1968 г.: мужчины (в каждой паре первым приведено имя отца, вторым — имя сына) — Радик — Рафик, Фарит — Фаиз, Салимьян — Салихьян, Фарит — Фаргат, Абдрагим — Абдулнагим, Искандяр — Ишьяр, Анвар — Айдар, Ахат — Талгат, Фарит — Фанил, Гариф — Гарифьян, Мухамметгали — Мухамедьян, Гаяз — Газим; женщины (первым идет имя матери, вторым — имя дочери) — Марзия — Мархам, Факия — Фанира, Камиля — Назиля, Галима — Салима. Случайность созвучий в таком обилии исключена.

Это явление у башкир описал З. Г. Ураксин: «Немаловажное значение при выборе имени имеет и созвучность начальных или конечных частей имени ребенка с именем отца, матери или старших братьев и сестер» [Личные имена: 183].

На общесемейную созвучность имен у азербайджанцев указал Ш. М. Саадиев: «...братьям дают имена Мамед, Самед, Ахмед, а сестрам Хошаваз, Гюльаваз, Минаваз... Нередки также случаи созвучия имени сестры с именами братьев: мальчика зовут Чингиз, если у него появляется сестра, то ее называют Няргиз» [Личные имена: 188]. Аналогичное явление раньше отмечено у узбеков: отец Маткарим, сын Мадраим [Маллицкий: 244].

Обычай внутрисемейной связи имен исторически и географически еще шире. У монголов отмечен общий слог в именах братьев. Эта связь общепринята у корейцев. Она сохранена и сегодня в многочисленных корейских семьях Средней Азии — дети в семье получают имена, одинаковые по начальному звуку: в Барданкульском сельсовете Нижне-Чирчикского района Ташкентской области сыновья корейца Юн Морбела — Адик (рожд. 1952 г.), Алик (1954 г.), Арол

(1958 г.), Артур (1963 г.), дочери Нам Тимофея — Лариса (1950 г.), Люся (1952 г.), Люда (1954 г.), Люба (1956 г.), дети Хван Василия и Ким Зои — Владик (1947 г.), Валерий (1949 г.), Виталий (1953 г.), Варя (1955 г.), Виссарион (1957 г.), Вера (1959 г.) — и многие другие примеры [Джарылгасинова: 147].

У китайцев дольше тысячелетия держалась система *пай-хан* 'построение ряда': сходство имен родственников по двум линиям — горизонтальной (в одном поколении) и вертикальной (связь между поколениями по прямой линии). Один из слогов или один из знаков личного имени — общий для всего поколения всех родственных семей, т. е. его имеют не только родные братья, но и все братья двоюродные, троюродные и т. д.; применялась и нумерация по возрасту — Цю Восьмой, Цю Двадцатый, так как все рожденные в этом поколении получали имя Цю [Крюков — 1972: 261—265]. Это связывало все ветви даже дальнего родства и вместе с тем указывало на старшинство родства, различаемое от старшинства лет: племянник может оказаться годами старше дяди, не говоря уж о родстве в третьем-четвертом колене и в третьей-четвертой ветви родства. Другая линия связи — от предка к прямым потомкам. Преемственность поколений могла выражаться и не повторением одного и того же слога или знака, а своеобразным семантическим чередованием. Так, у китайцев и корейцев существовала идея «огонь порождает землю, земля порождает воду, вода порождает дерево, дерево порождает огонь, огонь — землю» и так бесконечно, соответственно одно поколение должно получать имена со значением огня, следующее — со значением земли и т. д. [Бауер — 1959: 189; Крюков — 1972: 263—264; Ли: 62]. Вся сложная система служила тому, чтобы даже дальние родичи поддерживали друг друга и знали старших в своей разветвленной «организации».

М. Бёхлер привела обильные примеры внутрисемейной связи имен в Англии VII—IX вв. [Böchler: 193—205].

В прошлом и у русских нередко семантическая (по этимологическим значениям) внутрисемейная переключка имен: князь Андрей Кобыла и его сын Семен Жеребец, в XV в. — ярославский князь Федор Голубой и его сын Владимир Темносиний, в XVI в. среди помещиков «Чулок да Башмак Ивашевы дети», «Щавель да Трава Отавины дети» и т. п. Таков же обычай давать ребенку имя предка (чаще дедушки, бабушки).

Все эти китайские, корейские, монгольские, тюркские, иранские, финно-угорские, русские факты никем не сопоставлены. Предположить ли, что они имели общий древнейший источник (хотя бы путем заимствования, а не родства всех

этих народов)? Действительно, их территории смежны. Но и далеко от них у древних скандинавов — Эдмунд сын Алкмунда, Эдгар сын Эдмунда, в античной Греции тоже не единичны такие примеры, как Филофей сын Филоклеса. Был старогерманский обычай связывать имя сына с отцом, дочери с матерью, сестры с братом [Vach — 1, 2: 60—64]. В Италии «миланцы называют своих многочисленных детей именами, начинающимися на одну и ту же букву, подбирают по инициалу своей жены Элина, изошряясь в поисках, — Эрнести-на, Элио, Эдера, Эдесио, Эолина и другие — на И в честь Италии, эта серия не менее оригинальна: Изабелла, Инес, Италия, Ида, Игиния, Иоланда, Ионе» [Dauzat — 1925: 68]. В наши дни ленинградец дал первому ребенку имя на А, второму — на Б, третьему — на В. Конечно, алфавитность никак не может восходить к глубокой древности.

Состояние антропонимической изученности таково, что границы распространения этого обычая не выяснены. Охватывает ли он, например, все тюркоязычные народы и в какой мере? Но о наличии его у двух народов, соседних с тюркскими, теперь имеются определенные подтверждения: о семейных созвучиях имен у марийцев (по начальному звуку) сообщил Ф. И. Гордеев [Личные имена: 259] и у таджиков — А. Г. Гафуров [Личные имена: 282]. Так как оба эти народа непосредственно примыкают к тюркоязычным народам, в обоих случаях можно предположить общий источник обычая.

Рассматриваемый обычай служил антропонимическим выражением внутрисемейной общности, пока не употребляли фамилий и в большинстве обходились без отчеств. Внутрисемейная связанность личных имен едва ли выдержит конкуренцию таких сильных новых соперников, как фамилия и отчество, к которым перешли ее функции (кроме одной — выражать связь по женской линии). Возможно, теперь этот обычай постепенно исчезает, но уверенно утверждать это позволяют только большие подсчеты по нескольким хронологическим срезам.

Так как акты записей рождений содержат имена только рожденных, родителей и дедушек (отчества отца и матери), а не братьев, сестер и других родственников, то при работе над этим источником общесемейная связь имен осталась, к сожалению, недоступной. Для ее изучения нужны или непосредственные обходы огромного количества семей, или по крайней мере посемейные списки.

Зато именно материалы сплошного обследования регистрации рождений позволили впервые обнаружить третью ступень связанности имен — внесемейную связь их, ускользавшую от исследователей, ограничивавшихся рамками семей. Этот обычай выходит за пределы семьи.

Доказать это можно лишь обилием примеров. В Ленгерском районе Южно-Казахстанской области за 1968 г. только две казахские семьи дали дочерям имя Оразкуль, и обе девочки зарегистрированы в один и тот же день. Совпадение? Можно проверить математически. Примем год за 250 рабочих дней, в каждый рабочий день вероятность выбора этого имени равняется 0,008, следовательно, по формуле теории вероятностей, вероятность выбора того же имени двоим в один день выражается так: $0,008 \times 0,008 = 0,000064$, т. е. 64 случая на миллион рабочих дней, иными словами, одного такого случая надо ждать 4 тыс. лет. В Монтайташском сельсовете Ленинского района той же области 1 февраля 1969 г. зарегистрированы два новорожденных казахских мальчика с именем Бахтияр, родители обоих из одного совхоза; в с. Актюбинское (Кзылкумский район) 10 июня записаны две новорожденные девочки — обе Гульжан. В Сарысукском районе Джамбульской области 1 апреля 1969 г. два новорожденных мальчика получили имя Бакитжан, а за весь год во всем районе это имя дано только трижды (включая их); в Свердловском районе той же области 2 сентября 1969 г. зарегистрированы новорожденные мальчики Канат Бейбитов и девочка Канат Шакенова. Таких примеров немало. Безусловно, палицо не случайные совпадения, а намеренный выбор одинакового имени.

В свете таких примеров явно не случайны и многочисленные факты фонетической и словообразовательной связи имен у регистрируемых одновременно детей разных семей. Вот только некоторые из примеров. По казахам Южно-Казахстанской области за 1969 г. в Ленгерском районе: 23 июня Первомайский сельсовет зарегистрировал новорожденных мальчиков Бейбитхан и Бейбитжан, родители которых работают на одном и том же участке совхоза; 25 июня в Советском сельсовете записаны девочки Халима Онгарова и Халипа Давлетбаева; 3 апреля в Верхне-Аксудакском сельсовете — мальчики Бахберген Саржаев и Алдаберген Асанов. В Отрарском сельсовете Кзылкумского района 30 июня шофер совхоза «Арысь» назвал сына Нурлан, тракторист того же совхоза дал дочери имя Нурлаим; 9 апреля две семьи из того же совхоза назвали мальчика Бахыт, девочку — Бахытгуль; 10 февраля в с. Жана-Базар директор школы и заместитель директора совхоза дали дочерям имена Нуркена и Нуржана. В Алгабасском райзагсе 7 марта две семьи из с. Чаяне зарегистрировали сыновей Даулеткали и Даулеткази (кроме них, в районе за весь год из 703 казахских мальчиков только один получил имя с компонентом Даулат). Подобные примеры многочисленны.

Та же межсемейная связь часта у киргизов (примеры за

1969 г.). В Таласском районе 21 июня зарегистрированы два мальчика Мелисбек, матери обоих работают на одной фабрике. В Долонском сельсовете этого района 27 октября две семьи зарегистрировали сыновей с именем Мирлан (даты рождения их различны на две недели); в с. Кырк-Казак 10 июля мальчик получил имя Бактыбег, девочка — Бактыкан, семьи обоих — члены колхоза им. Ленина. Тонский район: в Каджайском сельсовете девочки двух семей получили имя Айнура, там же 21 мая одна семья зарегистрировала сына Женишбек, другая — дочь Женишбюбю; в Актерекском сельсовете 19 мая две семьи из колхоза имени К. Маркса нарекли дочерей одинаково — Майрамкюль; 21 мая там же одни назвали дочь Кенжегул, другие сына — Кенжебек; 21 декабря две семьи с участка Донг-Талаа того же колхоза дали дочерям имя Айымкан, которое во всем районе за год не выбрано никем, кроме них.

В Сайрамском районе (близ Чимкента) за 1969 г. только два узбекских мальчика получили имя Бурхан — и оба 1 августа в с. Карабулак; 16 июня в этом районе две узбекские семьи избрали дочерям имя Мукаддам; 24 октября двум узбекским мальчикам дано имя Шухрат, родители обоих работают в совхозе имени Алишера Навои; 5 ноября две новорожденные в том же совхозе получили имя Зилола. В Турбатском сельсовете Южно-Казахстанской области 9 июня девочкам двух узбекских семей зарегистрировано имя Дилара.

Аналогично у туркмен. Вот данные о новорожденных 1970 г. В ЗАГС Ашхабада 4 августа двум девочкам записано редкое имя Бягуль; 1 сентября две девочки получили имя Акджазгуль, которое за весь год, кроме них, дано только одной. В сельсовете Пешаналы Марыйского района 7 апреля зарегистрированы мальчики Атаев и Адабаев — обоим избрано имя Бешгелди. В Сакар-Чагинском районе: 5 февраля две семьи из колхоза им. Полторацкого зарегистрировали дочерей с именем Алмагюзель; 26 мая в сельсовете Кесяб две девочки названы Айтэч, там же в этот день два мальчика получили имя Сапармырат; 9 января в сельсовете Махмуткули зарегистрированы дочь шофера Набат (*набат* — сорт сластей) и дочь бульдозериста Айнабат (*ай* 'луна') и т. д.

Можно не продолжать перечислений. Несомненно, установлен обычай межсемейной связи имен. Если и замечали такой факт, ему не придавали никакого значения, видя в нем только отдельный случай, проявление индивидуальных эмоций. Собранный теперь обильный материал убеждает, что выявлен широко распространенный обычай. Семьи как бы роднятся через имена, завещая детям дружбу, общие интересы, взаимную поддержку. Это своеобразное «побратимство» через имена. Недаром древнетюркское слово *адаш* 'друг,

товарищ' означает во многих тюркских языках 'тезка' (т. е. имеющий то же имя) — в татарском, узбекском, казахском и др. Родство посредством имен знакомо и в обычае куначества, но там происходил обмен именами.

Итак, три ступени связи имен: узкая связь объединяет близнецов, более широкая — семью, еще шире — межсемейная. Еще предстоит выяснить распространение разных ступеней этого обычая у других народов. Но и приведенного достаточно, чтобы убедиться — параллели межконтинентальны. Немыслимо, будто одинаковый обычай у итальянцев с корейцами или у банту со скандинавами унаследован от древнейших времен родства прапредков. Во многих случаях вполне возможно заимствование, но и оно не объясняет параллелей в таком размахе. Обычай связанных имен мог возникать у разных народов и независимо, как общность не генетическая и не контактная, а типологическая — сходный результат из сходных причин.

ВЫБОР ИМЕНИ

Казанского архиерея сменили: медленно обращал в православие чувашей, а крещеные возвращались массами к прежним божествам — кереметям. Новый не стал рисковать сытной должностью и ринулся по епархии. Впереди скакали стражники, загоня всех в реку, отдельно мужчин, отдельно женщин. Подъезжала архиерейская карета. Здесь: «Во имя отца и сына и святого духа. Крестится раб божий Василий». Кучеру: «Гони дальше!» Там: «Крестится раба божия Марфа. Гони!» — надо успеть к обеду в богатое село, а до него еще две деревни. В одной все мужчины станут Николами, в другой — Иванами. Способ, прославленный с самого начала христианства на Руси, — так еще великий князь Владимир Святославич крестил киевлян. Православная церковь в этом не отличалась от других. Литовский великий князь Ягелло, приняв католичество, в 1387 г. так крестил простой народ: ксендз в целом селе давал одно имя скопом всем мужчинам, одно имя — всем женщинам. Чаше церковь действовала не столь грубо. Но суть церковного диктата имени оставалась та же.

В дореволюционной России выбор имени ребенку был строго регламентирован многочисленными ограничениями. Во-первых, никто не мог дать имени помимо церкви. А государственная православная церковь, как и терпимые правительством секты, категорически запрещала давать имена, кроме заданных святцами — перечнем канонизованных святых. В католической церкви еще папа Григорий I (590—604 гг.), за борьбу с «ересями» получивший эпитет Великий, предписал выбирать имена только из списка христианских мучеников, причисленных церковью к «лику святых», или из имен библейских и евангельских. Много веков это предписание нарушалось. Только в середине XVI в. Тридентский собор, знаменовавший мощное наступление контрреформации, т. е. феодально-католической реакции, категорическим запретом всех иных имен ускорил беспощадное истребление их.

Характерно, что жесткие церковные ограничения выбора имен предпринимались в периоды реакции. Так и в России после многовекового поединка церковных имен с древнерусскими только к концу «бунтарского» XVII в. правящей православной церкви удалось полностью изгнать нецерковные имена (позже проскальзывали лишь единичные — по халатности и безграмотности духовенства). Высший церковный орган, так называемый Святейший синод, не раз повторял запреты. «Православным имена должны быть даваемы исключительно в честь святых православной церкви, и строго воспрещается давать имена римско-католические, протестантские и проч.» («Санкт-Петербургский духовный вестник», 1895, № 36).

Святцы содержали около двух тысяч имен. Внутри этого ограничения неумолимо действовало и другое, налагаемое обычаем. Большинство имен из православных святцев в России не использовано, видимо, ни разу. Неизвестны случаи употребления, например, таких имен: мужские — Абклюзий, Алгабдил, Бабнодий, Бастолимоний, Варахисий, Вусирис, Гавиний, Гугсциатазад, Доцент, Ебсой, Епафродит, Етимасий, Издериос, Коццесс, Лампад, Либерал, Милион, Нисирий, Папа, Пип, Пистимон, Примитив, Промах, Раврава, Реститут, Сакирдон, Сукцесс, Теклагавварайат, Титир, Фрукт, Херимон; женские — Аксуя, Аммонария, Бистимона, Еротида, Кридула, Мастридия, Плакилла, Просирия, Рогатилла, Симфороза, Скалодотия, Схоластика, Трифоза, Феопистия (хотя нельзя утверждать наверняка, так как все же нашли применение Псой, Перпетуя, Голиндуха; В. И. Тагунова обнаружила в актах Муромского монастыря имя помещицы Яздундокта). В употреблении фактически обращалась всего лишь сотня женских имен, немного больше — мужских, и то в городах, а в деревне — вдвое меньше.

Удивительная история произошла с именами Инна и Римма. Имена эти мужские. В святцах значились три скифа — Инна, Пинна и Римма, казненные как христиане в I в. н. э. на Нижнем Дунае; православная церковь поминала их 20 января и 20 июля (по старому стилю). Можно только догадываться, как произошла ошибка. Принесли в этот день крестить девочку, священник (может быть, по его поручению дьякон), не очень грамотный, или не очень внимательный, или не очень трезвый, заглянул наспех — какую святую сегодня положено чтить, увидел имена на -а и принял их за женские. Ошибка настолько естественная, что ее в разных местах не раз повторяли (в первое десятилетие нашего века); позже имена Инна и Римма давали уже как привычные.

Круг выбора совсем сужался церковной традицией давать имя в честь того святого, день чествования которого совпадает с днем крестин. Чтобы не растерять приверженцев, церковь в этом пункте давно шла на уступки, родители из привилегированных сословий или зажиточные, а позже и из сре-

ды интеллигенции могли выбирать имя, пренебрегая церковным календарем (но, конечно, только из тех же святцев). Вот данные подсчета по метрическим книгам из смежных бывших уездов Темниковского (Тамбовской губернии), Инсарского и Краснослободского (Пензенской губернии) за 1884 г.* (табл. 22).

Таблица 22

Частота некоторых имен новорожденных девочек по месяцам (старый стиль)

	За год	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Татьяна	81	74	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	4
Агриппина	90	—	—	2	—	—	83	2	1	—	—	—	2
Марфа	79	—	5	—	—	—	27	28	7	10	1	1	—
Матрена	110	—	5	35	2	1	—	2	—	—	1	64	—

Итак, 91% всех Татьян рождены в январе, 92% всех Агриппин — в июне.

Секта белоризцев строго обязывала крестить на восьмой день после рождения и давать имя только того святого, которого чествуют в этот день. Помню, в Симбирске женщина из белоризцев плакала, что ее сын получил имя Сысой. Ей говорят: «Не соглашалась бы». А она испуганно отвечала: «У нас нельзя». Православная церковь действовала тоньше. Право выбора имени она предоставляла родителям, а не священнослужителям и немного ослабила ограничения. Вот пример — предписание по Тобольской епархии 1889 г., характерное и по содержанию, и по осторожным формулировкам, смягчавшим категоричность:

«1. Нарекать имена новорожденным общеупотребительные и доступные к правильному произношению необразованным классам народа. 2. Избегать наречения одного и того же имени нескольким членам в семействе (живым или умершим), что может вести к путанице, недоразумениям и даже злоупотреблениям. 3. При наречении имени новорожденным стараться

* Церковные приходы: Темниковского уезда — Аносово, Белая Кадомская слобода, Енкаево, Матчи, Мердуши, Новоселки, Преображенское, Спас-Раменское, Старый Кадом, Токмаково, Черемных (Республиканский архив Мордовской АССР, ф. 57, оп. 1, № 243); Инсарского уезда — Алферьево, Бекетовка, Болотниковка, Вертелим, Ивановка, Итеняр, Конопать, Кулдым, Лемдьяй, Лемдьяйский Майдан, Мельцаны, Николаевка, Нов. Алферовка, Нов. Акшино, Нов. Федоровка, Ст. Федоровка, Ст. Акшино, Сучкина, Шигонь (там же, ф. 57, оп. 1, № 233); Краснослободского уезда — Аксел, Булаево, Девичий рукав, Ельники, Кабанова, Каменный брод, Кангуши, Ковыляй, Новоямская слобода, Новоникольское, Новодевичий рукав, Пурдошки, Нов. Пурдошки, Проказна, Ст. Ямская слобода, Урей (там же, ф. 26, № 218).

давать имена тех святых, кои празднуются в 8-й день после рождения младенца или в промежуток этого времени, сделав исключение лишь для лиц женского пола» («Церковный вестник», 1889, № 35).

На практике священники, пользуясь властью, орудовали своевольно, одни по чрезмерному усердию, другие — из иных побуждений. В одном дореволюционном рассказе изображен пастырь, который, озлясь на скудную плату прихожан за крестины, стал давать имена Псой, Варнипсав, Хуздазат и т. п. Не потому ли в метрической книге церкви с. Олепово Перемышльского уезда Калужской губернии за 1901 г., хранящейся в Калужском архиве, записаны мальчики Лупп, Кукша, Мемнон, девочка Сира.

Из памяти детства — два примера по Симбирскому уезду предреволюционных лет. Крестьянка из Большого Нагаткина горевала: «Мальчонку-то поп зверем назвал». — «Как зверем?» — «Львом. Такого и имя человеческого нет». Другая, из села Тагай, плакала: «Поп у нас озорник — что хочет, то и творит. Беспременно Кузяткой назовет» (подходил кузьмин день). Крестная успокаивала: «Нет уж, сама с ним поговорю». Поговорила: «Батюшка, это имя нам не нравится. Давайте какое другое». А он ей: «Ишь, какая городная выискалась! Чего ты понимаешь? Будет Кузьмой».

Зависимость выбора имен от церковного календаря еще держится у нас кое-где и сегодня, особенно в деревне. Так, в Дятьковском и Севском районах Брянской области, по подсчетам Г. И. Кондратенко, за 1966 г. имя Татьяна охватывало в январе 22% всех новорожденных девочек, а в апреле — только 8%, в марте имя Алексей получили 11% всех новорожденных мальчиков, а в остальные одиннадцать месяцев — ни одного; только в июле давали имя Илья, в этом месяце 20% мальчиков получили это имя [Кондратенко — 1970: 116—117].

У большинства народов также выбор имени определен обычаем, у разных народов очень разным, но почти всегда связанным с суевериями; нередко предоставляют выбирать Случаю, хотя не прочь обхитрить его, подсунув готовый набор для выбора*. По сообщению Ф. И. Гордеева, у марийцев «при выпечке хлеба каждому караваю дают имя; имя лучше испекшегося каравая и будет именем ребенка» [Личные имена: 259]. У мусульман в прежние времена мулла находил имя, раскрыв наудачу Коран. По наблюдениям Б. О. Долгих, у народов сибирского Севера существуют два способа выби-

* В Северной Осетии еще не исчез такой обычай выбирать имя: собираются родственники и вместе с родителями ребенка кладут в мешочек записки с именами, вынимают одну. На Кавказском ономастическом семинаре (1971 г.) рассказывали, как одна заведующая районным отделом ЗАГС, называя своего ребенка, подчинилась этому обычаю, но устроила так, что вынутой оказалась именно ее записка.

рать имя: по первому впечатлению роженицы после родов (если в юрту вошел запыхавшийся человек, ребенка назовут Тяжелодышащий) или по сходству с одним из умерших предков.

В редакции и в различные организации приходят всевозможные проекты, предлагающие установить новый жесткий перечень имен и даже обязательность их по дате рождения. Основы советского законодательства о браке и семье, принятые Верховным Советом СССР в 1968 г., как и выработанные затем кодексы советских республик, полностью отвергли это, предоставив родителям право избирать имя ребенку по своему усмотрению, а совершеннолетним — менять имя по желанию (в соответствии с установленным порядком). Этим правом надо дорожить и пользоваться им со всей ответственностью перед обществом и перед своим ребенком.

Слишком многие родители не сознают этой ответственности. Приведенные примеры неудачных имен, таких, как Баядера или Портфель, показывают, насколько легкомысленно некоторые относятся к такому серьезному шагу — дать имя человеку. Родители из Волгоградской области пишут в редакцию журнала: «Мы дали дочери красивое имя Эвридика и просим объяснить, что оно значит — хорошее или плохое. Кажется, оно есть у Гомера». Имя заимствовано из оперы Глюка, куда оно попало не из песен Гомера, а из мифа об Орфее. В этом случае еще обошлось благополучно, имя хотя и претенциозно, но не обозначает ничего плохого. Жаль, что, не думая, дали имя, о котором почти ничего не знают. Нередко серьезнее выбирают себе костюм, чем имя ребенку.

Какие имена нужны? Болгарский антропонимист Ст. Илчев в своей книге «За красивые болгарские имена наших детей» провозглашает: «Имя должно быть красиво» [Илчев: 32]. Конечно, все — «за», но имена Эмбрион, Заготскот, Портфель, Баядера, Травиата, Артиллерия, Ревмира и т. п. казались «ужасно красивыми» тем, кто их давал. Нетрудно провозглашать громкие фразы о красоте — трудно объяснить, как отличить красивое имя от некрасивого. Решать этот спор — не антропонимике. Поставим задачу скромнее: не задаваясь определением красивого и некрасивого, подумаем, как отличить хотя бы хорошее имя от плохого, а это нелегко.

Одни стремятся дать имя «как у всех»; в старой русской деревне никто не смел выйти из круга 30—40 мужских и 25—30 женских имен, употребляемых там, где он живет. Теперь такие бытовые ограничения не всецельны, но и сейчас большинство населения предпочитает давать имена «как у всех».

Другие, напротив, стремятся найти имя «как ни у кого». В прошлом такие имена были исключениями, да и их связы-

вал заданный святцами готовый перечень: упомянутая Яздундокта, крестьянка Сосипатра (Елецкий уезд). Пример из завещания о наследстве Языковых 1836 г.: «В селе Языкове дворового человека нашего Ивана Денисова с женою и детьми его, сыновьями Вадимом, Аполеоном, Евпатием и рожденным после ревизии Потроклом и дочерью Порцнею, согласились мы за оказанные им нам услуги отпустить со всем семейством на волю» [МКД — IV: 531] — на фоне всей массы стандартных имен крепостного крестьянства эта семья (очевидно, управляющего) явно обособлена. И среди священников находились любители редких имен; так, священник церкви с. Чукалы Краснослободского уезда Пензенской губернии, 1883 г. [РАМ — ф. 17, оп. 1, № 218] изощрялся в выборе имен, каких тогда крестьяне не носили, — Викентий, Доримедонт, Лев, Полуект, Сильвестр, Уар, Митродора, Неонилла, самым частым именем девочек там оказалась Павла.

Теперь любителям «особых» имен больше простора, и количество их умножилось. Побуждения при этом могут быть разные. Один упрекал давшего сыну имя Сергей: «Для чего имя? Чтобы не спутали. А теперь все — Сергеи. Дал бы редкое».

Итак, две противоположные позиции. Антропонимистка Р. Кац, проведя в Стокгольме опрос школьников, «нравится ли тебе твое имя?», получила такие ответы: Марика, Марина, Диза довольны своими именами, потому что «никого в классе так не зовут», а Еспер и Ральф своими именами не довольны... по той же причине, что «никого в классе так не зовут» [Katz: 25]. Кто прав?

Обе стороны ошибаются. Если избирающий ребенку самое частое имя гонится за модой — проигрыш обеспечен. Ведь имя дается не на год. Противопоставление редкого частому обманчиво. В 20-х годах девочке дали самое редкое имя Светлана, ее ровеснице — самое частое имя Анна, теперь Светлан тысячи, а Анна редко встретит тезку. Самое редкое имя спустя десятилетия может оказаться лишь подчеркивающим возраст. Наивны и потуги на оригинальность в придумывании имен небывалых. «Свобода выбора» мнима. И при свободе от государственного вмешательства и от заданного церковью списка имен выбор имени, как показано на стольких примерах, подчинен могущественной власти обычая и моды, а кто пытается встать над ними, жестко ограничен нормами языка. Выдающийся польский ученый Т. Милевский утверждал, что любое слово может стать личным именем [Milewski — 1963]. Но ни один нормальный русский или поляк не сделает именем *казаться*, как, *какао* (хотя, например, у тюркоязычных народов глагольная форма может стать личным именем). Даже несуразные Пятвчет, Лагшмивара неоригинальны: их

изобретатели только повторяют распространенную теперь аббревиацию (*колхоз, управдом*) и подчиняются многовековой норме женских имен в России, добавляя окончание *-а* (при этом не слышат неприятных для русского слуха звуко-сочетаний *твч, гшми*). Вывод: ни стандартность имени, ни его необычность еще не гарантируют, что имя удачно. Самое частое или самое редкое имя может быть и плохим и хорошим. Осуждать имя за его уникальность — это совет «не есть натошак»: ведь каждое имя когда-то было дано впервые, т. е. сначала было уникальным. Имя Эмбрион плохо не тем, что нет другого мальчика с тем же именем. Выбирая хорошее, нет необходимости гнаться за тем «как у всех» или «как ни у кого», нет и необходимости пугаться редкости или частоты.

Одинаково ошибочно считать иноязычное имя хорошим, а родное плохим или наоборот. Вьетнамец называет сына по имени русского друга, и тот дает своему сыну имя вьетнамца — высокий пример интернационализма. Взаимообмен именами между русским и другими народами СССР — проявление дружбы народов. Совсем иное — прельститься именем из «заграничной» кинокартины. И заимствованные и «свои» имена могут быть хорошими, заимствованные и свои имена могут быть плохими. Дело не в языковом происхождении их, а в их социальной роли.

Легко было бы, если в основу оценки можно было бы положить противопоставление старого новому: старые имена плохи, новые хороши (или наоборот). Но противопоставление старого новому вовсе не тождественно различению плохого и хорошего. Самые старые из всех употребляемых сегодня в России имен — Олег и Ольга, — конечно, лучше самых новых — Винегрет и Баядера. Надо бы вспомнить хорошие древнерусские имена — Ждан, Неждан, Ждана, Неждана и некоторые другие. Но не воскрешать же обычные в XIV—XV вв. имена Негодяй, Дурак — плохи они не тем, что стары: Иван и Александр гораздо старше их. Удачно новое имя Снежана, а неудача новых имен Трактор и Оюшминальда очевидна. Нет никакой надобности отказываться от хорошего единственно потому, что оно старое, и хвататься за худшее, но новое, как неумно и цепляться за плохое старое, страшась хорошего нового. Новизна не самоцель. Надо искать и отстаивать хорошее, будь оно новым или старым, против плохого — как старого, так и нового.

Распространено убеждение, что одни имена благозвучны, другие неблагозвучны. На самом деле под «неблагозвучием» понимают совсем иное, но не умеют (или не желают!) этого выразить. Девочку, рожденную в феврале, хотели назвать Февралина; возразили: «Неблагозвучно!» Как раз очень

звучно: легкий губной зачин, переливы трех сонорных *р, л, н*, гласные переднего ряда *е, и*, придающие мягкость согласным перед ними, ни одного чуждого русскому языку звукосочетания. Но... *вралина* воспринимается как производное от *врать*. Виновата не мнимая неблагозвучность, а, если можно так выразиться, неблагозначимость.

Объявили неблагозвучным имя Акулина (подлинное — Акилина), хотя оно почти созвучно с именем Галина, но приобрело невыгодную репутацию из-за производного *акулька* в значении «дура», из-за ассоциации с нарицательным *акула*, из-за сложившегося в XVIII—XIX вв. социального употребления этого имени. За неблагозвучность принимают совершенно иное.

Когда изобрели отравляющий газ люизит, довелось услышать: «А название-то какое красивое! И не подумаешь!» Одна женщина, впервые попробовав шпроты, удивилась: «Такие вкусные, за что их так нехорошо назвали?» Значит, звуки все-таки могут быть красивы или некрасивы независимо от значений? Звуки и звукосочетания, сами по себе нейтральные, могут вызывать приятные или отрицательные эмоции (совпадая с другими словами или грамматическими формами) либо ассоциации с другим языком, в котором они преобладают: в русском языке мягкое *л'* (*любовь, лилия*) приобрело «лирическую» тональность, *шч* и *шпр* кажутся грубо-прозаичными, начальное *э* — торжественно-необычным (исконно русским словам оно несвойственно, кроме местоимения *это*). Все эти привнесенные окраски звуков неабсолютны, они исторически обусловлены, изменчивы, деловая речь их не замечает, зато, например, в поэзии эти оттенки очень выразительны. Они могут быть ощутимы и в именах. Но есть неблагозвучность безусловная: таково имя *Пятцвет* («пятылетка в четыре года» — имя мальчика в Пензе), в котором сочетание согласных *твч* для русских труднопроизносимо.

Еще сложнее вопрос с оценкой имени по его этимологии, т. е. по его первоначальному значению. Большинство наших личных имен употребляются без значений. Конечно, оно у них было, но утрачено.

Личные имена русских почти все заимствованы, совершенно не связаны с русскими нарицательными существительными. Ни одна из тысяч неграмотных Алён не знала, что ее имя Елена означало 'свет' (др.-греч). И сегодня только немногие знают, что Константин — из латин. 'постоянный', Галина — из греч. 'спокойная'. А этимологии таких употребительных имен, как Нина, Сергей, неизвестны даже специалистам. Этимологическое значение совершенно необязательно для употребления личного имени, а в катастрофических

случаях с мальчиком Винегрет или девочкой Лимонад (в Дагестане) оно пагубно, обрекая ни в чем не повинных людей на насмешки. Надо выбирать для имени слова с положительным значением? Это тоже не так-то просто. Разве плохи значения слов *котлета*, *салат*? Они вызывают приятные ассоциации. Но едва ли кому понравятся личные имена Котлета и Салат именно из-за конфликта двух планов значений: яркие этимологические (до-антропонимические) сталкиваются с антропонимическим — «этот ребенок». Их столкновение вызывает комический эффект. Хорошие нарицательные оказываются с противоположным знаком, став личными именами: Трактор, Молот, Мотор, Артиллерия, Молекула, Ракета, Шестеренка. Может быть, мешают значения слишком предметные или прозаичные? Но не вызывают восторга и Поэма, Идиллия, Гиацинт. Они претенциозны. «Высокие» имена Грация, Герой, Гений — подлинная трагедия для тех, кто их получил: грешно упрекнуть школьника со средними способностями за «тройку», добытую усердным трудом, а если его имя Гений? И простое, не «гордое» имя человек может прославить своими делами.

Гораздо чаще выбором имени управляет не до-антропонимическое (этимологическое) значение, а от-антропонимическое, приобретенное именем вторично — от одного из его носителей. Ведь именами в святцах стали не нарицательные греческие, латинские, древнееврейские слова, а только имена от-антропонимические: имена святых, канонизованных православной церковью. Но и это еще не все. Почему имя одного святого, который ничем не святей другого, избирали в тысячи раз чаще? И почему имя Екатерина, до XVII в. почти неупотребительное, вдруг стало чрезвычайно частым, а в конце XVIII в. его употребление резко сократилось — разве менялась степень святости? Не по святым выбирали имена. Ничего не знали в неграмотной деревне, например, о византийской императрице IV в. Елене. Решали от-антропонимические значения 2-й степени: в России называли детей по имени барина и барыни или своих дедов и бабок, позже — именами литературных героев или политических деятелей.

В России XIX в. женское имя Татьяна стало популярным благодаря героине «Евгения Онегина», как и многие другие имена из художественных произведений, став символом привлекательного образа [Копорский: 7]. В Болгарии распространились русские имена: Людмила — под влиянием поэмы А. С. Пушкина, Аксинья — из «Тихого Дона» М. Шолохова, Олег — из «Молодой гвардии» А. Фадеева [Илчев: 11]. Теперь имена порой диктует киноэкран.

Разобраться в мотивах выбора имен нельзя без понимания трех планов значений, сформулированных мной на топо-

нимическом материале [Никонов — 1965: 57—63], — возможность адресовать читателя к этому позволяет обойтись здесь без больших пояснений.

На выбор имени влияют самые различные производные значения его, независимые от этимологии имени. Одни из этих значений способствовали частоте имени: называние по имени святого, с днем празднования которого совпадали крестины, называние по именам общественных деятелей или деятелей искусств, по именам литературных героев. Другие производные значения, которыми обрастало имя, наоборот, сокращали его употребительность: имена отрицательных исторических лиц или отрицательных литературных типов (например, Альфонс, ставшее нарицательным «мужчина на содержании женщины», по комедии А. Дюма «Мосье Альфонс»); развившиеся из имени нарицательные слова — русские народные выражения *Андроны едут* в значении 'вранье, похвальба, пустословие', Аноха 'простофиля, глупец'; перенос имени на животных — кот Васька, медведь Мишка и пр.; в обществе сословной иерархии распространение имени в «низших» сословиях влечет отказ от него в сословиях привилегированных. Все эти значения не присущи самому имени, они от-антропонимичны, т. е. возникают из употребления личного имени, из общественной оценки носителя имени, переносимой на имя.

Этимологическое (до-антропонимическое) значение было у каждого имени, но в развитых антропонимических системах оно сохранилось лишь у немногих имен, а у всех остальных погашено. Значение собственно антропонимическое: «вот этот человек». Без этого значения нет и антропонима. Значение от-антропонимическое может развиваться или не развиваться (для большинства имен оно ограничено узким кругом личных знакомых).

Столкновение трех планов значений наглядно демонстрирует пример с фамилией Долгорукий. Она старинного княжеского происхождения, некогда гремела в Русском государстве, да и позже. Ее общеизвестность заслоняла этимологическое (до-антропонимическое) значение: ассоциация с длинными руками могла возникнуть только у ребенка, впервые слышавшего эту фамилию. В рукописных заготовках к роману Ф. М. Достоевского «Подросток» юный персонаж, носящий эту фамилию в XIX в., терзается совсем иным конфликтом: «Ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучим князем. Эту глупость я таскаю на себе без вины». Это конфликт между до-антропонимическим значением, которое относит фамилию к высшей аристократии, и собственно антропонимическим (незнатный носитель фамилии, чью заурядность подчеркивает княжеская фамилия)*. Если бы такая фамилия сохранилась в наше время, когда с

*Аналогична ситуация в романе польского писателя Ст. Жеромского «Бездомные люди», где человека преследует его контрастная фамилия [Wilkoń: 51].

князьями покончено, возникал бы, напротив, комический конфликт между собственно антропонимическим значением (вот этот носитель) и значением до-антропонимическим (длиннорукий).

Сложность в том, что этимологические значения имен исчезают не мгновенно и не одновременно. Одни дают имя Шамсуддин за его этимологическое значение «солнце религии», другие не знают этимологии, но и для них имя связано с религией, а многие и этого не знают, для них это только имя деда. Подлинных мотивов выбора никто не изучал, за них ошибочно принимали этимологии. Этимология определяла выбор, когда имя возникало, но даже и там она еще не объясняет выбора (пример имени со значением «лягушонок»), а в именниках вторичных она в большинстве случаев при выборе имени молчит. Если этимология известна только исследователю, то подменять его семантический анализ имен — значит изучать призраки.

Французский антропонимист П. Лебель писал, что сегодня личное имя во Франции «только простая этикетка, безотносительная к внешним физическим и нравственным качествам ребенка или к обстоятельствам рождения» [Lebel: 11]. Он прав — таких признаков личное имя теперь не содержит, и не только у французов, а у большинства народов; больше того, вообще этимологические значения сохранило лишь незначительное число личных имен. Но он совершенно неправ, признав личное имя сегодня «только простой этикеткой», — оно многопланово, в нем переплетаются (нередко борются) многие значения.

Именно соотношение этих планов значения характеризует имя. Их соотношение всегда конкретно, исторически изменчиво. В одном случае привлекает или отталкивает этимология имени (до-антропонимическое значение), в другом этимологическое значение погашено, а имя ассоциируется с положительным или отрицательным носителем (значение от-антропонимическое). Качество имени нельзя оценивать вне времени и среды. Имя, взятое «само по себе», внеисторически, вообще ни хорошо, ни плохо. Эти качества оно приобретает, меняет, утрачивает только в определенных условиях.

В «Песне о Нибелунгах» звоном мечей гремели *Hiltibrant enti Hadubrant*, а в XVII в. теоретик классицизма Буало с отвращением упоминает грубое варварское имя Хильдебранд, запрещая употреблять его в поэзии («Поэтическое искусство», гл. 3); в наши дни немецкий антропонимист сокрушается об утрате старинных германских имен Хильдебранд, Ингеборг, вытесненных именами кинозвезд [Bahlow — 1965: 113]. Так меняется оценка имени. Имя Иоганн, любимое в Германии XIV—XV вв., затем стало синонимом «работник, батрак», а почетное имя Август с течением времени приобрело значение «глупец». Так в России древнеримское имя Матрона (латин. 'госпожа'), частое у дворянок XVII в., став в XIX в. частым у

крестьянок и кулчих, превратилось для дворянок в плебейское, низкое, презираемое.

Сейчас в деревне имена Николай, Иван пока еще избирают как старые в противоположность новым, «городским», а в городах они стали редкими и для большинства полностью утратили церковную окраску, хотя некоторые к ним возвращаются.

Оценка имени исторически конкретна. Имя, превосходное в определенное время в определенной среде, для иного времени или иной среды может стать неприятным. Разительно несходны оценки у двух народов — в этом лучше всего убедиться, сопоставив близкородственных по языку болгар и русских. В книге «За красивые болгарские имена нашим детям» Ст. Илчев рекомендует в числе лучших имен: мужские — Живорад, Страхил, Страшимир, Ястреб, женские — Гизда, Дойна, Разделина, Трандафила, Хубавка [Илчев — 1963]. Для русских они, мягко говоря, не лучшие; даже те, которые не совпадают ни с каким русским неприятным словом, своим звучанием вызывают иные эмоции, чем у болгар.

Выработать советский критерий оценки имен еще предстоит. На это нужно время. А с практическими рекомендациями нельзя ждать: поворожденных ежегодно миллионы. Не откладывая в долгий ящик разработку теоретических основ, одновременно надо отвечать на жгучие вопросы практики. Пока приходится ограничиться некоторыми предостережениями.

Возможна несовместимость имени с отчеством или фамилией, столкновение которых вызывает нерассчитанный и невыгодный эффект. В документах рождений Свердловска Т. А. Короткова обнаружила Грацию Неумытову — злейший сатирик не выдумает такого сочетания. Не подумали родители о неуместности сочетания имени с отчеством: Коминтерн Иванович (в Муроме, сообщение В. И. Тагуновой), Идея Карповна. Неудачны сочетания «модного» заимствованного имени с фамилией совсем противоположного стиля: Эдуард Хлюстов, Элла Пенькова (из записей о рождениях 1966 г.); никто не вправе упрекнуть родителей за фамилию, но они сами подчеркнули ее выбором несоответствующего имени. Было бы отличным женским именем Заря, но ... Заря Федоровна нехорошо, как и Огонь Федорович (правда, это лишь с непривычки, ведь не вызывает стилистического конфликта сочетание Роза Федоровна, так как до-антропонимическое значение в имени Роза уже отступило перед антропонимическим).

Не сотням, а тысячам детей зарегистрированы вместо полных имен уменьшительные формы, полуимена — Люся, Витя и пр. Эти ошибки объяснимы не только незнанием. Родителям трудно представить взрослым крошечное существо в ле-

ленках. Но ребенок вырастет. И будет директор Миша Сергеевич, профессор Оля Павловна.

Дают имена, от которых трудно образовать отчества. Родители в Ульяновске назвали сына Электрик, словно заранее отказывая себе во внуках. И родителям пензенского мальчика Трактор едва ли скажут спасибо его будущие дети за отчество Тракторович и Тракторовна.

Не задумываются и над тем, как будут звать ребенка в семье, в школе и на улице. Е. Ф. Данилина (Пенза) записала несколько ласкательных форм обращения от имени Трактор, например Тракторунчик [ОП — I: 79], но не нашла ни одной от имен Пятчет, Кристалл, Конституция [ОП, 82] — попробуйте образовать их. Ст. Илчев призывает не давать имен, от которых нельзя образовать форм звательного падежа, свойственного болгарскому языку [Илчев: 12], это справедливо и для других языков, имеющих звательные формы.

В такой многоязычной стране, как наша, при выборе имени возникает дополнительная трудность: имя, неплохое в одном языке, может совпасть по звуковому сходству с неблагоприятным словом другого языка — нанайское имя Сахарин значит 'черный' (так называют темноволосых детей) и никак не связано с суррогатом сахара. Конечно, ни одно самое лучшее имя не застраховано, что с ним не совпадет неблагоприятное слово в одном из языков, но русский язык — язык общения всех народов страны.

Многое надо предусмотреть и взвесить, выбирая имя, — оно этого заслуживает: человеку с ним жить жизнь.

ИМЕНА ДЕТЕЙ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ

В 1968 г. в двух центральных районах Баку 523 новорожденных появились в семьях национально-смешанных — явление, еще недавно немыслимое. Армянин и литовка, молдаванин и армянка, поляк и украинка и т. д. — отцы принадлежат к двадцати шести различным национальностям, матери — к восемнадцати. У 180 новорожденных отцы азербайджанцы, матери русские, обратное — в 31 случае. Так же пестры семьи в Казани, еще пестрей в Самарканде, где в актах записей рождений графа «национальность родителей» изобилует такими неожиданностями, как эстонец и кабардинка, ребенок которых родился на гостеприимной земле Узбекистана.

Нов не только состав семьи, новое входит в ее внутреннюю жизнь. Как складываются отношения в ней? И как их увидеть? Есть объективный внешний показатель глубоких и важных процессов, которые заслуживают пристального изучения, — имена, избираемые детям. Определенный набор имен всегда был характерным социально-этнографическим признаком. Каковы же имена детей в семьях, где муж и жена принадлежат к народам, которые в прошлом резко различались составом личных имен? Конечно, выяснить это лучше всего на примерах тех семей, в которых встретились представители народов, чьи именники полностью отличались друг от друга*.

Подсчитаны полностью имена всех новорожденных в национально-смешанных семьях двух центральных районов Баку за 1968 г. и в трех центральных районах Казани за 1967 г. Полученные данные сгруппированы в три рубрики: 1) имена, привычные для национальности отца, 2) имена, привычные для национальности матери, 3) имена, непривычные для обеих национальностей. Имена мальчиков и девочек даны отдельно. Все данные приведены отдельно для каждо-

* Эту тему впервые затронула Ф. М. Куприянова, инспектор ЗАГС Татарской АССР, в докладе на 3-й Поволжской ономастической конференции (Уфа, 1971) [ОП—III: 72—74].

го сочетания национальностей, так как соотношения различны в зависимости и от того, муж или жена принадлежат к той или иной национальности; в семьях «азербайджанец и русская» именник статистически иной, чем в семьях «русский и азербайджанка», и иной, чем в семьях «татарин и русская» или «азербайджанец и армянка». Здесь приведены только те подсчеты, которые представлены сотнями случаев, так как при меньшем объеме материала статистические показатели не защищены от случайностей. К сожалению, мои подсчеты не дифференцированы по занятиям родителей, конечно влияющим на соотношения в семье. Ведь эта работа — только предварительная попытка описать имена детей в межнациональных семьях. Данные приведены в процентах по каждой группе семей, показатели округлены до 1%, точка означает величину меньше 0,5% * (табл. 23).

Пока силен «перевес» мужа, несколько сглаженный в семьях, где жена русская, особенно при наречении дочерей; например, в тех казанских семьях, где муж татарин, а жена русская, мальчики чаще получают имена, в прошлом привычные для татар, — 23%, чем имена, привычные в прошлом для русских, — 15%, а у девочек соотношение противоположно — 19 и 39%.

Но неверно думать, будто именник детей в национально-смешанных семьях представляет нечто среднее между именниками двух национальностей, соединенных в семье. Как раз характерно, что тут возникает новый тип именника, в котором статистически отодвинуты оба именника, привычные для национальностей и отца и матери. Наглядный факт — самое частое имя мальчиков Казани, рожденных в 1967 г., в татарских семьях — Ильдар, в русских — Андрей, в семьях, где отец татарин, а мать русская, — Эдуард (28%!), Альберт (14%), у девочек в таких семьях самое частое имя — Светлана, хотя и русское, но не дозволенное в старой России, как как его не было в святцах. В Ашхабаде 1970 г. туркмен и мордовка дали это имя своей дочери. Но примеры, даже самые яркие, недостаточны для выводов — ведь можно найти и контрпримеры. Только статистическая характеристика всего именника (не перечня имен!) показывает силу различных тенденций и магистральное направление развития. Колонка «непривычные» имена в таблице отчетливо показывает: в межнациональных семьях вес «непривычных» имен, и мальчиков

*Все приводимые подсчеты сделаны автором книги, за исключением имен русских новорожденных Казани, — они подсчитаны начальником Управления ЗАГС Татарской АССР И. В. Большаковым, его доклад о них на 3-й Поволжской ономастической конференции также публикуется в сборнике «Ономастика Поволжья — III».

Имена детей в межнациональных семьях

	Национальность		Имена мальчиков			Имена девочек		
	отец	мать	привычные		непривычные	привычные		непривычные
Баку 1968	азербайджанец	азербайджанка	<i>азерб. русск.</i>			<i>азерб. русск.</i>		
			99		1	96	—	4
			74	10	16	73	19	8
	русский	азербайджанка	10	58	32	—	58	42
Самарканд 1971	узбек	узбечка	<i>узбек. русск.</i>			<i>узбек. русск.</i>		
			100		—	99		1
			64	23	13	44	29	27
			—	66	34	—	43	57
	русский	русская	—	93	7	—	72	28
Казань 1967	татарин	татарка	<i>татар. русск.</i>			<i>татар. русск.</i>		
			69		31	62	1	37
			23	15	62	19	39	42
	русский	татарка	2	60	38	3	47	50

и девочек, огромен по сравнению с семьями одной национальности.

Каковы эти имена? Среди них очень часты новые заимствования зарубежных имен: мужские — Эдуард, Альберт, Роберт, Альфред, Артур, Эмиль, Эрнест, Рудольф; женские — Эльвира, Эльмира, Элина, Ада, Алла, Альбина, Жанна, Клара, Виолетта, Люция, Стэлла, Элеонора и т. п. У нас нередко называют эти имена интернациональными; некоторые из них пришли через литературу — в межнациональных семьях Баку (1968 г.) есть мальчик Гамлет, девочка Эсмеральда. Другая группа — имена новые не только для национальностей отца и матери, а для других народов: Октябрь, Владлен, девочки Лиана, Майя, Лада, Рена, Флорида. Сюда же надо отнести и такие имена, как Светлана.

Почему «непривычные» имена особенно часты в национально-смешанных семьях? Привлекает нейтральность этих имен по отношению к именникам обеих национальностей, представленных в семье. Да, муж и жена поступают взаимно дружески, избирая такое имя ради равенства сторон, чтобы, оказывая предпочтение одной стороне, не задеть другую. Но не одним лишь семейным тактом продиктован выбор. Сильна другая причина. Выбирающие непривычное имя идеологически противопоставляют себя тому прошлому, с которым в сознании людей были связаны старые имена (независимо от их этимологических значений). Конечно, эта причина действует не только в межнациональных семьях, но в них она проявляется гораздо чаще, ведь сам межнациональный брак — вызов вековым пережиткам религии и национализма. Советский строй дал полную свободу выбора при браке, защищаемую законом от всяких церковных и националистических запретов. Но чуждая нам идеология не уступает своих позиций без боя, играя на бытовой косности некоторых.

Еще бывают и такие случаи, хотя и нечасто. Несколько лет назад в деревне Вешкаймского района Ульяновской области решили пожениться девушка-татарка и молодой тракторист-русский. Ее семья запретила ей наотрез. Пришлось бежать ночью в Вешкайму, к матери тракториста, но та не пустила их на порог. Приютили друзья-комсомольцы. А следом помчалась конная погоня. Ворвались в избу матери жениха, обыскали дом и двор. Случай редкий, но ведь и без конной погони достаточно способов в быту ежедневно, ежечасно отравлять жизнь тем, кто рвет с пережитками прошлого.

Вступающие в межнациональный брак рвут со старыми взглядами и обычаями, и в выборе имени они стремятся порвать со старым, хотя, к сожалению, не всегда находят лучшее. Вот почему именник детей в национально-смешанных семьях очень резко отличается от именников той и другой национальностей, соединенных в семье.

На выбор имени может влиять количественное преобладание национальности в той местности, где рожден ребенок. Чтобы при исследовании этот фактор не сдвигал результатов в сторону «хозяев поля», можно взять только те межнациональные семьи, в которые не входят представители преобладающей на данной территории национальности. Выбор имен новорожденных в тех национально-смешанных семьях Баку, в которых нет ни азербайджанцев, ни русских, показан на табл. 24.

Здесь те же основные соотношения, которые выявлены в азербайджанско-русских и татарско-русских семьях. Армянин и украинка назвали дочь Нелли, грузин и еврейка дали дочери имя Лаура, у армянина и еврейки сын Эдуард, у грузина и армянки — Артур и т. д. Огромна доля русских имен. Сын

Имена новорожденных в межнациональных семьях Баку (1968 г.),

%

Имена новорожденных	Мальчики	Девочки
привычные для национальности отца	18	7
привычные для национальности матери	5	7
«интернациональные»	36	31
привычные для русских	40	33
собственно новые	1	22

молдаванина и армянки — Сергей, сын грузина и татарки — Константин, дочь еврея и грузинки — Наталья, дочь армянина и грузинки — Светлана. Как русский язык стал языком межнационального общения, так и имена, частые у русских, входят в употребление различных народов страны.

Имена детей в национально-смешанных семьях, как и сами межнациональные браки, отражают становление новых отношений между народами нашей многонациональной страны. Процесс преодоления национальных предрассудков длителен и сложен. Выбор имени в межнациональных семьях показывает глубинные массовые процессы перестройки сознания и быта, трудности и противоречия на этом пути.

ДО ФАМИЛИЙ

— Какая фамилия была у Ивана Грозного? — с невинным видом спрашивали гимназисты одноклассников и учителей.

— Какая фамилия была у Ивана Грозного? — недавно принесла почта серьезное письмо в Институт языкознания АН СССР. На посланное объяснение последовал упрек: «Если Грозный не фамилия, то почему не пишете, какая у него была фамилия».

И гимназическая шутка, и вопрос нашего современника вызваны одним: в XX в. трудно представить, как могли раньше обходиться без фамилий. А у Грозного фамилии не было. И двумя столетиями позже не было фамилий у большинства населения России.

Чтобы подойти к решению вопросов, когда, как, из чего и почему возникли у нас фамилии, необходимо выяснить способы именованй до них.

Купчая 1425 г. — юридический документ о покупке земли: «Се куписе анфиме у тимофея нива на марожни реки» [Марасинова: 66]. И хотя тут же добавлено «а та купля анфиму в одерень», т. е. в полную собственность, никакими условиями и сроками не ограниченную, но даже ближайшие наследники Анфима ничем не могли бы доказать, что они его потомки, — мало ли Анфимов и Тимофеев! Дошла до нас эта купчая в копии 1626 г., значит, она понадобилась в судебном деле через 200 лет. Еще документ, прямо адресованный в будущее, — купчая XIV—XV вв.: братья Григорий и Федор (кроме этих имен, о них ничего не сказано) купили землю и воду у Якова, Ермолы и Родиона, «а якову, ермоле и родиону и детям их и внучатам их — от григория и от федора кормится им и по земли и по воде доколе племя их» [Марасинова: 60]. Как установить — того ли Якова дальний потомок требует прокорм с потомка того ли Григория? Сколько Яковов и Григориев было в одной псковской земле! А когда она стала частью огромного государства русского, такие обозначения обесмыслились окончательно.

Когда, формируя централизованный аппарат власти, Иван Грозный набрал «тысячников», среди них оказалось множество тезок. Вот примеры с листа 92-го «Дворцовой тетради» середины 50-х годов XVI в. только по ярославским князьям: «князь василей княж андреев сын сицкого, князь василей большой княж андреев сын великого, князь данило княж васильев сын чюлков ушатого, князь данило княж юрьев сын меньшого ушатого, князь данило княж юрьев сын меньшого сицкого» и т. п. [ТК: 121]. Там же список «больших дьяков», т. е. состава правительственной канцелярии: «иван елизарьев сын цыплятьев, угрим львов сын выродков, иван михайлов сын висковатого, андрей васильев, константин курцов, василей ступа, василей бык мелентьев, истома кузьмин» и даже просто одним именем — «григорей» [ТК: 115—117]. Одни — с именем и отчеством (*васильев, кузьмин, курцов, елизарьев, львов* — тут отчества, а не фамилии), другим добавлено прозвище — свое (*бык*) или производное от прозвища отца в форме прилагательного (*выродков, цыплятьев*).

Такой важный налоговый документ, как платежная книга по г. Рязани 1595 г., перечисляет плательщиков так: филип борода, бешенов, петрушка светлый кус, федка требухин, негодяйко фешин, петров дворник вердеревского максимков, пушкарь куземка, овчинник сенка, офонка коробок, архиепископский крестьянин савка семенов глазунов и т. п. [Рязань: 1—5] — у одних имя и отчество, у других имя и прозвище, у третьих имя и занятие, некоторые поименованы четырехчленным именем, а иные обозначены только косвенно, вовсе без своего имени (дворник, т. е. арендатор чужого двора, дан без своего имени — только по имени владельца двора).

Какими бы ни были многочисленными и выразительными отдельные примеры, они не дают права на общие выводы — для этого нужен сплошной учет всех лиц на определенной территории. Такой учет произведен мной по нескольким памятникам XVII в., который предшествовал тому времени, когда фамилии распространились на большинство населения: писцовые и переписные книги Москвы 1638 г., Тулы 1646 и 1677 гг., Ярославля 1671 г., Балахны 1674—1676 гг., Боровска 1677 г., Симбирска и Симбирского уезда 1678 г.

Возьмем переписную книгу Ярославля 1671 г. (7179 г.), дающую полное представление о способах официального обозначения всех жителей города. В табл. 25 сгруппированы наименования всех 3081 мужчины, упомянутых в переписной книге Ярославля 1671 г. [Труды ЯАК—VI, 491—584]. Для них в переписи употреблены двенадцать различных видов именований: 1) личное, календарное (церковное) имя обозначающего; 2) притяжательное прилагательное от календарного

имени отца; 3) притяжательное прилагательное от имени матери; 4) прозвище или некалендарное имя обозначаемого; 5) притяжательное прилагательное от прозвища (некалендарного имени) отца; 6) прозвище (или некалендарное имя) отца в форме родительного падежа; 7) происхождение обозначаемого — по местности или национальности; 8) притяжательное прилагательное от обозначения отца по его происхождению; 9) занятие обозначаемого; 10) притяжательное прилагательное от обозначения отца по его занятию; 11) притяжательное прилагательное от обозначения матери по ее занятию; 12) прилагательное от названия церкви (только в отношении церковнослужителей).

Сочетание этих двенадцати видов образует множество комбинаций, из которых в переписи Ярославля 1671 г. реализованы только 33, но и из них лишь четыре самые частые охватили 90% всех мужчин.

Итого лиц — 3081, элементов обозначений — 7289, в том числе по календарным именам — 4813, по прозвищам и некалендарным именам — 557, по занятиям — 1796. В графе «отца» — существительные в родительном падеже — *рыбника* («сын кого»), в графе «отцово» — прилагательное в именительном падеже (*рыбников* — «чей сын»). К сожалению, не удалось разделить происхождение территориальное и этническое: в ряде случаев они неразличимы — федка пермяков, пашка литвин.

Так, в одном документе переписи пестры способы обозначения переписываемых. Одни названы личным именем (в узком смысле) и отчеством, иные — без отчества, но с указанием занятия, третьи — с тем и другим, у многих приведено прозвище, свое или родительское (родительское — тоже по-разному), некоторые записаны вовсе без имени личного — богородицкой поп, горбун нищий и т. д. и т. п.

Еще разнообразнее обозначали женщин. Вот некоторые способы именования их из переписи Нижнего-Новгорода 1678 г.: «кокшаженина львова жена данилова сына кривцова вдова наталья» [Нижний-Новгород: 382], т. е. как теперь написали бы — вдова Льва Даниловича Кривцова; «вдова овдотьица посадского человека пашкинская жена шапошника» [там же: 388]. Переписная книга Ярославля 1671 г. включила 136 женщин (переписывали только вдов или незамужних, если в хозяйстве не было совершеннолетнего мужчины). Чаще всего женщину записывали по имени мужа, иногда по имени отца: «фекла наумовская жена хомутовская» — 22 раза, «вдова анница яковлевская жена холщевника» — 21, «дарьица нестеровская жена» — 18, «оленка павлова жена» — 3, «овдотьица ивашкова жена росина подошевного» — 1 раз. Если по каким-либо причинам переписчики не упоминали му-

Способы именования в Ярославле 1671 г.

	Имя			Прозвище			Происхождение		Занятие			По церкви	Количество
	свое	отцово	матери	свое	отцово (прил.)	отца (род. пад.)	свое	отцово	свое	отцово	матери		
терешка васильев													
сын пирожник	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	1087
андрей яковлев	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	706
васка сапожник	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	526
филка шербаков	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	363
бориско козел	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	68
михайло иванов сын													
жохов	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	56
якушка щетинников	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	44
федка андреев гнида	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	30
никольской поп павел	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	27
никитка дмитриев													
коновалов	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	17
матюшка загоска													
овсяник	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	16
илюшка савостьянов													
романовец	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	13
федка	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
федка протопопов													
рыбник	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	10
матюшка матвеев со-													
лодовник старков	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	8
василей чистого	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	6
ивашко вологженин	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	3
акимка агеев сын													
калагай харчевник	+	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	3
пронка нерехчанинов	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	2
сенка колмогор													
холшевник	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	2
васка пермяков													
извошик	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	2
ивашко макаров сын													
сапожников портной	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	2
богородицкой поп	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	2
варламовской поно-													
марь федка федоров	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	2
петрушка апраксеин	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
ивашко черницын													
кузнец	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	1
гостинья сотни се-													
мен затрапезного	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	1
васка иванов сын													
зынин портной	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	1
романовец василь-													
патрикеев сын те-													
шинин	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	1
горбун нищий	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	1

жа, то обозначали женщину по отцу — «марьица лаврентьева дочь» — 5 раз, либо обходились ее прозвищем и занятием — «нищая онтонидица прозвищем милавка», а то и одним именем — «дарьица». 53 женщины даны совсем без имени, по такой модели: «вдова михайловская жена гладильщика» — 26 раз, «вдова яковлевская жена ясырева» — 18, «вдова дementьевская жена» — 8, «вдова тихонова дочь» — 1 раз.

Итак, в обозначениях женщины имя мужа фигурирует в 85%, имя отца — в 4%, ее собственное личное имя (в узком смысле) — в 61%, т. е. 39% женщин в переписи обозначены без имени. Это в городе конца XVII в.

В денежном отчетном документе 1675 г. [АЮБ — III, 103] обычны такие записи: «богдановской жене филимонова рубль с полтиною» или слишком подробно: «кирьянова жена паршина улитка григорьева дочь». А были и пятичленные именованья, например: «вдова агафья иванова дочь степановская жена федосеевича юматова» (Агафья Ивановна, вдова Степана Федосеевича Юматова).

Необходимо заметить, что частотность того или иного способа обозначения в разных памятниках различна. Понятно, что в крупном по тому времени городе Ярославле очень важно было указывать занятие, а писцовые книги Симбирского или Орловского уезда, перечисляя помещиков, опускали указание на занятие. Легко объяснить, что обозначения по местности, из которой прибыл переписываемый, составили в 500-летнем Ярославле меньше 1%, а в новом Симбирске превысили 6%. Но многие различия, может быть, случайны — характерно именно отсутствие единой нормы. Обозначение человека не выходило за пределы узкого круга его жизни и деятельности.

Однако разноречивой наименований не был хаосом. Налицо основные закономерности, общие для всех памятников XVI—XVII вв. Отчетлива социальная иерархия наименований. Вот типичные примеры царских грамот [АИ — IV, 56, 202, 477]: «на верхотурье воеводе нашему борису семеновичу дворянину да подьячему игнатию недовескову били нам челом верхотурские ямские охотники ивашко остальцов да тимошка чихурин и во всех верхотурских ямских охотников место» (1648 г.); «воеводе нашему льву тимофеевичу измайлову да подьячему михайлу посникову по нашему указу послан с Москвы с нашими товарами в Китайское госдарство казак петрушка малинин с товарищи десять человек» (1654 г.); в Архангельск «думному нашему дворянину и воеводе нашему офонасью ивановичу нестерову да дьяку нашему косянтину михайлову по челобитью архангельского города посадких людей пронки ефимова с товарищи» (1671 г.). Во всех актах строго проведена единая система именованья: воевода поиме-

нован трехчленно — полное личное имя (в узком смысле) + отчество с *-вич* + второе наследственное имя в форме притяжательного прилагательного, может быть, это еще дедичество, а может быть, уже фамилия; дьяк назван полным личным именем и отчеством без *-вича*, прочие — личными именами в уменьшительной форме (с *-ка*) и отчествами или прозвищами.

В описи г. Симбирска и Симбирского уезда 1678 г. [Опись Синбирску] первым записан «промышленник дворцового яицкого рыбнаго промысла степан трофимов сын протопопов» — большими делами он ворочал и недаром поименован так длинно, хотя и без *-вича*. За ним следуют такие обозначения, как «сенька иванов сын бородулин, ивашка лукьянов сын пермяк, федка павлов сын котельник, микифорка петров сын высокие шти» и т. п., еще дальше — без третьего компонента. Форма именованья соответствовала социальному рангу.

Но социально-экономическое развитие страны (рост населения городов, расширение торговых связей, создание централизованного государства на огромной территории) ставило новые требования к системе имен. Тут уж не князь с горсткой бояр, а многотысячный слой помещиков стал силой, на которую опиралось и которой служило правительство. Даже в пределах одного города обозначение Ванька-сапожник относилось ко многим, в пределах одного уезда несколько помещиков назывались Васька федоров сын. А одно и то же лицо обозначалось по-разному — то Ивашко-сапожник, то Ивашко семенов сын, то Ивашко-бык. Разбираться в этом стало трудно или невозможно. Отсутствие государственной нормы, беспорядочность наименования лиц одного и того же социального слоя создавали путаницу, затрудняли контроль финансовый, военный, политический, юридический. Путаница наименований оказалась серьезной помехой аппарату централизованной власти. Как разыскать через несколько лет после переписи Ваньку-сапожника, если он сменил занятие? Владельцем двора числится Федька, которого давно нет в живых, а владеет Митька — есть ли между ними преемственная связь?

Прежние наименования становились и недостаточными и непригодными. Назревала потребность упорядочить наименования лиц, придав им общегосударственную форму, и разгнать их, включив в качестве обязательного показателя наследственности. Но до осуществления этого, как видно из памятников, даже и во второй половине XVII в. оставалось еще далеко. Указы о переписях в XVII в. уже настойчиво требовали записывать «с отцы» (т. е. с отчествами) и «с прозвища» (т. е. с третьим членом, сам термин *прозвище* стал

обозначать и фамилию), эти формулы повторяют писцовые и переписные книги того столетия в «преамбуле».

Так, в переписной книге г. Москвы 1638 г. «сколько в котором дворе людей и детей их и братья и племянников и сосед и подсоседников и захребетников и наймитов по имяно и чей кто сын и с прозвища и с каким кто оружием в приходное время будет» [Москва — 1638]. Правда, вне Москвы, по-видимому, это усваивали с опозданием.

По г. Туле:

Переписная книга 1646 г.
«...посадских людей и их детей и братью племянников и внучат и сосед и подсоседников... людей по имянам и то писано в сих книгах подлинно...» [Тула: 23].

Переписная книга 1677 г.
«...посадских людей и их детей и братью племянников и внучат и сосед и подсоседников и дворников и захребетников... людей по имянам с отцы и с прозвища и кто имяны и то писано в сих книгах подлинно...» [Тула: 30].

По г. Ярославлю:

Переписная книга 1671 г.
«...и детям и братьям и племянником и соседом и подсоседником и то писано в сих книгах подлинно...» [Труды ЯАК—VI: 491].

Писцовая книга 1685 г.
«...и их детей и братью и племянников и сосед и подсоседников и бобылей и захребетников по имяны с отцы и с прозвища...» [Труды ЯАК—VI: 615].

По обоим городам только поздний из каждой пары приведенных документов впервые требует писать «с отцы и с прозвища».

Но на деле, как видно из текста самих переписных документов, это требование выполняли лишь изредка. Если отчества в той или иной форме записаны в переписи Ярославля 1671 г. у 75%, а в описи Симбирска и уезда 1678 г. даже у 99%, то и там и тут подавляющее большинство населения, безусловно, еще бесфамильно.

А может быть, и «васька-сапожник», и «никольской поп павел» имели фамилии, которых не записали переписчики? Нет, наивно предполагать, будто фамилия существовала для домашнего употребления, где она была совсем не нужна. Если даже допустить, что фамилия бытовала на улице, то в этом случае игнорирование ее в основном переписном документе означает, что никакой юридической силой она не обладала.

По-видимому, переписные документы XVII в. с достаточной полнотой и верностью донесли до нас современную им картину личных наименований. Именно отсутствие официальной нормы вынуждало записывать наименование в том виде, в каком они сложились и употреблялись в быту.

Становление фамилии как антропонимической категории — не мгновенный акт, а длительный процесс. В России он растянулся на шесть столетий. По акад. А. И. Соболевскому, «фамилии стали употребляться у нас по меньшей мере с XIV в.» [Соболевский — 1890: 94]. Формулировка В. К. Чичагова: «Процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII века закончился» [Чичагов: 124] — создавала ошибочное представление, будто становление фамилий в России завершилось к тому времени для всех. В действительности дело обстояло совсем не так. К этому времени установились фамилии князей, бояр, дворян и меньшинства горожан, т. е. ничтожной доли населения страны. Для подавляющего большинства населения этот процесс тогда еще был впереди.

Рассматривать становление фамилий можно только дифференцированно по социальным слоям.

Исследования, проведенные на обширном материале, впервые позволяют выяснить процесс установления фамилий как нормы и наметить хронологические рамки.

Княжеские фамилии возникали с XIV в., первоначально еще как родовые имена по названиям уделов (Шуйские, Курбские), затем, как и у бояр, — патронимичные — по церковному имени предка: отпрыск князей Стародубских, упоминаемый в памятниках как Андрюшка Ковер, стал родоначальником князей Ковровых, по нему назван его город, т. е. укрепление, — Ковров; сын ярославского князя Федора Голубого в XV в. назывался Владимир Темносиний, а его сын, т. е. внук Федора, уже Василий Темносиний, сын Василия — Иван Темносиний, а не Лиловый или, иначе, — произошло закрепление наследственного имени. Так и у бояр. Вначале все это еще очень пестро: в одних случаях имя переходит на следующее поколение, в других не переходит или переходит только на некоторых; причем трудно уловить избирательность — подхватывает ли его старший сын, или, напротив, он получает самостоятельное имя, а младшему достается отцово.

Боярин Андрей Иванович Кобыла в первой половине XIV в. имел трех сыновей: старшим был Семен Жеребец, правнук которого записан как Игнатий Жеребец-Кобылин, второй сын Андрей — Александр Елка Кобылин, от него пошли Кобылины, третий — Федор Кошка, родоначальник бояр Кошкиных (это родственники Романовых, позже занявших трон). Дробления боярских родов и в XVI в. продолжали формировать фамилии разделившихся ветвей. Давно отмечено: «В XVI столетии все реже и реже становится определение

личности только посредством имени и отчества; характерное указание имен деда, иногда даже прадеда сменяется настоящей фамилией. До второй половины XVI столетия роды, особенно неродословные, выделяли новые и новые фамилии с чрезвычайной быстротой. Например, Монастыревы на пространстве всего четырех поколений выделили три новые фамилии — Блиновых, Циплетевых и Бурухиных» [Лихачев: 423]. Неверно лишь, что почковались чаще роды незнатные. Как раз князья и крупные бояре, чураясь захудалой родни, стремились к новым фамилиям. Из князей Патрикиевых (родоначальник их Патрикей был внуком литовского князя Гедимина) выделились Хованские, Булгаковы, Щенятевы, Голицыны, Куракины.

«У нас долго не было фамилий, подобных тем, какие существовали в Западной Европе. Даже княжеские роды меняли свои городские княжеские прозвища вместе с переменной города в удел и, лишь теряя таковой совсем и поступая на службу, уносили с собою как бы в знак памяти прозвание по последнему уделу. Что же касается не князей, то они именывались по отчеству или по прозвищу, причем в дальнейших нисходящих линиях совершалась такая пермена в прозвищах, что без родословных книг по одним прозвищам узнать родственников было невозможно» [Маркевич: 119—120].

Стремясь обособиться от боковых ветвей, нередко присоединяли вторую фамилию: Самарины стали Квашнины-Самарины, появились Вельяминовы-Зерновы, Дмитриевы-Мамоновы и др. Формирование княжеских и боярских фамилий обстоятельно рассмотрел В. К. Чичагов.

Фамилии дворян в России сложились относительно быстро с первой половины XVI по вторую половину XVII в., когда дворянство уже господствовало экономически и политически (по переписи 1678 г., 57% всех крестьянских дворов в стране принадлежали дворянам). К началу XVIII в. у всех помещиков уже есть фамилии. В большинстве они образованы из отчеств, в основе которых — имя отца, церковное или нецерковное: наряду с Васильевыми, Ивашевыми — Третьяковы, Барановы. Среди них редки фамилии по названию владений (частые, например, у польской шляхты).

Духовенство, которое составляло в России немалочисленный слой, еще и в середине XVIII в. почти не имело фамилий. Церковнослужителей обычно обозначали по названию церкви, в которой они служили. В XVII в. не единичны примеры, как в приведенной переписи Ярославля 1671 г., где священник записан даже без имени — просто «богородицкий поп». И позже духовным лицам название церкви заменило фамилию: *вознесенский поп Иван* — по церкви в честь прадеда Никола Вознесения, *никольский дьякон Григорий* — дьякон Николы. С конца XVIII и особенно в первой половине XIX

в духовных семинариях, где готовили будущих церковнослужителей, им поголовно записывали фамилии или заменяли неподходящие, чтобы не стал священником Собакин или Полупьянов. Хлынул поток церковных фамилий. Естественно, закреплялись в качестве фамилий привычные именованья по названиям церквей: Рождественский, Троицкий, Сергиевский, Космодемьянский, Предтеченский (церковь Ивана Предтечи), Покровский, Успенский, Богородицкий, Всехсвятский, Крестовоздвиженский, Духосошестввенский (по церкви в честь праздника «сошествия святого духа»), Всехскорбященский (по церкви в честь иконы Богородицы «всех скорбящих») и т. д. Кроме таких фамилий семинаристам нередко назначались фамилии «от названий тех сел, из которых они были родом, без малейшего подозрения, что многие села носят свои названия от языческих имен инородцев» [Магницкий: 6—7], — так появились священники с фамилиями мусульманскими (Азановский, Акрамовский). Нарекал фамилии архиерей — глава епархии, придумывая «украшающие» — по наименованиям драгоценностей (Бриллиантов, Диамантов, Серебров), цветов, «благородных» растений и птиц (Виноградов, Гиацинтов, Фиалков, Лебедев, Соловьев, Голубев), а особенно — по возвышенным качествам (Благовидов, Благонравов, Добросмыслов, Любомудров). Начиненные греко-латинской ученостью, архиереи изошрялись, сочиняя фамилии «под античность»: Беневоленский (из латин. bene volens 'доброе намерение'), Мелиоранский, Сперанский, Горадиев, Гераклитов. Самая ранняя классификация фамилий русского духовенства создана остроумной издевкой семинаристов над пятью типами фамилий, которыми их награждали: «по церквам, по цветам, по камням, по скотам и — яко восхощет его преосвященство».

У купцов фамилии начали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших, например Строгановы. Так их и звали — «именитое купечество». Перепись 1722 г. в Москве по купцам самой высшей гостиной сотни показала 5% без фамилий, по Кадашевской слободе — 12%, в других слободах больше [ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, № 1916]. В течение XVIII в. процент бесфамильных среди купцов не сокращался, а возрастал. По ревизии 1816 г. [Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, №№ 149 и 150], в первых 11 слободах из 2292 купеческих семей 571 записаны без фамилий, т. е. почти 25%! Две причины объясняют это.

Фамилия стала привилегией дворянства, с фамилией у купцов государственный аппарат только мирился. В отличие от замкнутого дворянского сословия купечество постоянно пополнялось из «низших» сословий. В ревизских сказках купцов 1816 г. постоянно встречаем записи: «прозвищем Со-

рокованова позволено именоваться по сообщению Московского магистрата 1812 года июля 5 дня» [№ 150, л. 448, Семёновская слобода]; «фамилиею Серебряков позволено именоваться по сообщению Московского магистрата 1814 года января 17 дня» [№ 156, л. 1, Большая Садовая слобода]; «прозвищем Орловым позволено именоваться по сообщению Московского магистрата 2 департамента 1815 года» [№ 149, л. 693, Голутвенная слобода]. Нередко к имени и отчеству, как Никита Ефимов, другим почерком приписано внизу: «...фамилию получил Шапошников 1816 г. июля 10 дня» [№ 150, л. 283, Таганная слобода]. И многочисленны записи просто: Иван Петров, который пишет «отец мой Петр Ларионов»; Степан Иванов пишет «отец мой Иван Лукин», Иван Никитин — «отец мой Никита Иванов», Иван Федоров — «отец мой Федор Михайлов», Тимофей Родионов — «отец мой Родион Павлов» и многие другие [Архив Москвы, ф. 51, оп. 18, № 132, лл. 23, 26, 46, 53, 59] — это еще бесфамильные купцы, с одними отчествами.

Еще сложнее с фамилиями остальных горожан. Они возникали в быту, но, не признаваемые официально, не имея, так сказать, юридической силы, сменялись и исчезали так же стихийно, как и возникали. В документах картина очень пестра — можно встретить фамилии у горожан конца XVII в. и бесфамильных горожан в середине XIX в., например в ревизской сказке на мещан г. Шацка 1858 г. [Тамб. ОА, ф. 12, оп. 83, № 54].

У крестьян фамилии установились поздно. У крестьян государственных, например, на Севере они были в XVIII в., сообщают даже о случаях крестьянских фамилий в XVII в. — Артемьевы и Хлызовы в Яренском уезде [Воскобойников: 384], но это еще требует изучения. Ревизские сказки второй половины XVIII в., например, по Важскому уезду уже содержат фамилии. На то же время указывает Г. Я. Сими́на, изучив происхождение фамилий на Севере, в Архангельской области: «Письменные памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились лишь в XVIII в. из первоначальных трехчленных антропонимических формул типа: христианское (крещеное) имя человека + его отчество (1-е имя отца) + второе отчество (от 2-го, некалендарного имени отца). Например, Гришка Андреев сын Кокорин (т. е. сын Андрея Кокоры)» [Сими́на: 30].

А помещичьим крепостным, составлявшим большинство населения, фамилий не полагалось. В документах вплоть до середины XIX в. фамилии у крепостных очень редки, встречаем их преимущественно у зажиточной верхушки, у бурмистров и т. п. На вопрос: «Чьи вы?» — крестьяне отвечали: «Мы Репьевы», «Мы Оболенские», т. е. помещиков Репьевых,

помещиков Оболенских. Даже списки последней (10-й) ревизии 1858 г. в большинстве бесфамильны, в некоторых фамилии вписаны другим почерком.

В документах XVIII—XIX вв. Иван Петров, Семен Васильев — не фамилии: сын Ивана Петрова уже не Петров, а Иванов — второй компонент менялся из поколения в поколение:

Иван Петров

Семен Иванов

Федор Семенов

Обманчивы и трехчленные записи: в ревизской сказке 1834 г. на государственных крестьян с. Троицкий Сунгур Сызранского уезда Симбирской губернии значится Иван Захаров Маркелов [УОА, ф. 156, оп. 2, № 289]. Фамилия? Но в переписи 1897 г. его сын уже Степан Иванов Захаров [УОА, ф. 597, оп. 1, № 52]! Налицо нередкое скользящее дедичество, сменяющееся в каждом поколении.

Нелегко обнаружить момент возникновения крестьянской фамилии. В противоположность дворянским генеалогиям, по которым произведены тысячи исследований, крестьянских родословных не изучали. Теперь лишь немногие из них можно восстановить. Для этого необходимо, чтобы по одной и той же местности сохранились полные списки многих ревизий, но и в этом случае трудно установить тождество семьи. Все же удалось проследить генеалогию нескольких крестьянских семей почти за два столетия; в немногих из них посчастливилось найти исток фамилии. В дер. Раевка Звенигородского уезда Московской губернии по ревизии 1840 г. значатся Осип, Антон, Трофим, Филипп Назаровы с женами и детьми, им проставлена фамилия Гавриловы. В 1834 г. они записаны еще без фамилии. В ревизию 1816 г. был жив их отец Назар Яковлев. Его отец Яков Иванов родился в 1746 г. от Ивана Гаврилова (отчество), которому в 1747 г. показано 30 лет [ЦГАДА, ф. 1291, Яковлевы, №№ 81 и 217]. Значит, фамилия эта в деревне возникла во второй половине XVIII в. (у правнуков Гаврилы) и жила не признанная документами почти столетие.

Уличная фамилия, нигде не записанная, заменялась и исчезала так же стихийно, как и возникала. Вот пример, кажущийся своеобразным, но вскрывающий состояние фамилий в то время. В переписных листах 1897 г. по с. Троицкий Сунгур Сызранского уезда Симбирской губернии [УОА, ф. 597, оп. 1, № 52] записаны Алексей Григорьев Севастьянов и Степан Дмитриевич Тудаков. Поиск по ревизским сказкам 1816,

1834, 1858 гг. [УОА, ф. 156, оп. 2, № 289] обнаружил такую генеалогию:

Севастьян Петров Тудаков (род.
в 1776 г.)

↓
Григорий Севастьянов

↓
Алексей Григорьев Севастьянов

Иван Фирсов Осьминин (род.
в XVIII в.)

↓
Дмитрий Иванов

↓
Степан Дмитриевич Тудаков

Прямой по мужской линии потомок Осьминина стал Тудаковым, а потомок Тудакова превратился в Севастьянова (по имени деда) — порядок наследования фамилии еще выбок. В с. Шувалово Костромской губернии одна ветвь семьи получила фамилию по деду — Ивановы, а другая — по бабушке — Маринины (сообщила А. С. Амберова). В XIX и начале XX в. продолжалось «почкование» крестьянских фамилий, напоминающее сходный процесс в боярских фамилиях XVI—XVII вв.

Падение крепостного права в 1861 г. вынудило в числе прочих реформ «офамилить» все население страны. Когда пришлось присваивать официальные фамилии всей массе бывших крепостных, использовали три различных источника: 1) записывали уличную фамилию, если она была (или одну из них, если у семьи их было несколько); 2) превращали в фамилию отчество или дедичество — в ведомости рекрутов Покровского уезда Владимирской губернии 1889 г. записаны без фамилий Родион Фролов, Петр Федоров, Андрей Александров, а в списке годных они уже с фамилиями, тут же образованными из отчества, — Фролов Петр Фролов, Федоров Петр Федоров, Александров Андрей Александров [Влад. ОА, ф. 650, оп. 1, № 29]; 3) бывало и так, что всем раскрепощенным писали фамилию помещика — так целыми селами получали фамилии Рельевы, Гагарины, Пушкаревы. В ревизских сказках Елецкого уезда 1858 г. у крепостных крестьян разных владельцев попадаются княжеские и боярские фамилии — Трубецкой, Нарышкин [ОАО, фонд ревиз. сказок, № 75].

Но и позже в официальных документах много бесфамильных. В списках рекрутов 1874 г. по Семеновскому уезду Нижегородской губернии бесфамильны почти все [ГОА, ф. 1603, оп. 814, № 22], так и по Суздальскому уезду Владимирской губернии за 1873 г. [Влад. ОА, ф. 652, оп. 1, № 29]. Книги записей рождений во многих церквях и позже вели по старинке, без фамилий, например в с. Деревень Ростовского уезда Ярославской губернии вплоть до 1894 г. [ЯОЗАГС].

У множества крестьянских семей фамилии оставались не-

устойчивыми, в документах очень часто двуфамильность. Перепись 1897 г. зарегистрировала в с. Борла Сенгилеевского уезда Симбирской губернии: Силаньтевы, они же Мавровы; Красниковы, они же Труновы; Щелетковы — Писаные тож; Калашниковы — Афанасьевы; Куликовы — Карповы и т. д. — пятнадцать таких семей; есть даже трехфамильные: Липатовы, они же Акумовы, они же Харитоновы [УОА, ф. 597, оп. 1, № 61]. В метрической книге церкви с. Труслейка Карсунского уезда Симбирской губернии за 1908 г. почти каждый крестьянин записан с двумя фамилиями: Баканов, он же Герасимов; Степашин, он же Баканов; Платонов, он же Нехорошев; Андреевнин, он же Савельев и т. д. [УОЗАГС]. Нередки двуфамильные в исповедальных ведомостях, например сел Богданино и Ближняя Борисовка Калужской губернии за 1913 г. [Калуж. ОА, ф. 33, оп. 2, № 2126]. Картина та же, как столетием раньше в купеческих семьях небольших городов (например, в Ельце и Шацке). Аналогично и гораздо позже у польских крестьян наличие параллельной неофициальной фамилии, как отметила М. Каминьская (Kamieńska: 80).

Возникали и новые категории бесфамильных: деклассированные элементы, которых в полиции записывали «Иван, не помнящий родства», и так называемые незаконнорожденные, т. е. рожденные вне церковного брака.

Закона, устанавливающего обязательность фамилии, в дореволюционной России не было. Ее ввели административными распоряжениями, но косвенные указания в законах были, на них ссылался, например, Указ Сената 6 сентября 1888 г.:

«В законах не содержится прямого указания на порядок присвоения фамилий лицам, не имеющим оных, так как лицо, рожденное в законном браке, пользуется фамилией отца вместе с прочими гражданскими правами, а потому случаи неизменения фамилий предполагаются законом только относительно незаконнорожденных. Между тем, как обнаруживает практика, и между лицами, рожденными в законном браке, встречается множество лиц, не имеющих фамилий, то есть носящих так называемые фамилии по отчеству, что вызывает существенные недоразумения и даже иногда злоупотребления... Именоваться определенной фамилией составляет не только право, но и обязанность всякого полноправного лица, и означение фамилии на некоторых документах требуется самим законом» [«Собрание узаконений», 1888, № 87, с. 799].

Царскому правительству так и не удалось добиться, чтобы фамилии охватили всех. Вот пример: 13 марта 1913 г. Херсонская губернская земская управа обратилась в вышестоящие инстанции со «слезницей», что не в силах содержать 1700 бесфамильных подкидышей.

«Первым шагом к устройству питомца в семью в качестве детской рабочей силы за минимальную плату является вопрос о присвоении ему отчества, фамилии и сословия. Название только по имени с прибавлением позорящего их слова „питомец номер такой-то“ является большим тормозом к определению куда-либо в заработки питомцев» [сборник «Посемейные списки мещан и крестьян», Херсон, 1915, стр. 186].

Полностью или почти полностью оставались без фамилий многие народы нашей страны. В течение XIX в. получили фамилии евреи; в 1821—1825 гг. даны фамилии латышским крестьянам (им раздавали фамилии немецкие помещики, нередко выбирая оскорбительные и непристойные), но у народов Севера, Дальнего Востока, Средней Азии до революции фамилию носили только очень немногие лица, принадлежащие к социальной верхушке. Тщетность двукратных попыток поголовно присвоить фамилии нанайцам, небольшому народу в низовьях Амура, описала А. В. Смоляк: в 1897 г. всем им записали фамилии, в 1910 г. снова всем записали другие фамилии, но нанайцы «были неграмотны, им мало было дела до того, как их фиксировали в том или ином списке» [Личные имена: 169]; только при Советской власти нанайцы стали носить фамилии. Также до 30-х годов нашего столетия не имели фамилий кеты Сибири. У таких больших народов, как казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, в последние десятилетия фамилии входят в быт. Процесс их внедрения быстрее происходит в городах, а вне городов преимущественно у интеллигенции.

‡

Даже в рамках одного социального слоя на протяжении длительного периода становления фамилий нелегко определить в записанном наименовании — фамилия это или еще не фамилия. Спорны не только такие случаи, как Ивашко Воробей, Федька Сопля (Воробей, Сопля и т. п. поныне функционируют в качестве фамилий, хотя у русских исключительно редко, а на Украине это распространенная модель фамилий), но даже и четырехчленные именованья, например в писцовой книге Орловского уезда 1594 г.: «за яковом за жуковым сыном ондреева федотова», «за курдюком за яковлевым сыном коранина яковлева», «богдан иванов сын нестеров коровин» [ПК — I, отд. 2; 856, 857, 1211]. В них отчество отца могло быть скользящим дедичеством, сменяющимся в следующем поколении, т. е. сын этого «богдана иванова сына нестерова коровина» писался бы, скажем, «федор богданов сын иванов нестеров». Особенно трудно решать, если наименование внешне неотлично от современной фамилии: *максим дехтярев* в Ярославле 1671 г. — фамилия? А *федька воеводкин*?

Можно, конечно, ввести термины вроде «полуфамилия», но это останется пустой игрой в дефиниции, если не договориться сначала о строго определенных значениях их. Без конца и, хуже, без пользы можно спорить, «фамилия это или прозвище», «фамилия это или дедичество», понимая эти термины по-разному и даже не решив, что такое фамилия.

В большинстве работ о возникновении фамилий само определение фамилии отсутствует. Может быть, из-за неpossильности отличить ее от прозвища, от отчества и других антропонимических именовании? Вероятнее, из-за кажущейся ясности. Но кажущееся совершенно ясным — самое коварное. Возможность высказываний: «Это были уже фамилии, но еще не наследственные» — показывает, что в определении фамилии нет ни четкости, ни единства. У разных исследователей один термин имеет разные значения и, наоборот, одно явление могут обозначать разные термины. Это еще полбеда, беда — не замечать этого. При произвольном содержании опорных терминов вообще никакая наука невозможна.

Не приняв определения фамилии, каждый может считать фамилией что угодно только по внешнему сходству. Последний компонент трехчленного именовании, окончание на *-ов*, *-ин*, *-енко* и прочие признаки еще не дают права признать фамилией прозвище, отчество, дедичество и просто нарицательные *сапожников*, *иванов* в прямых значениях 'сапожников сын' или 'сапожников внук', 'сапожников брат', 'сапожников подмастерье', то же самое и с *иванов*, которое чаще всего не становится ни фамилией, ни вообще именем собственным (чей сын? — иванов; чей работник? — иванов; чей пиджак? — иванов).

Как же отличить фамилию от не фамилии?

Остроумно и образно замечено: если сына зовут, как отца, Пекарь, а он сапожник, то перед нами уже фамилия. Но в качестве критерия это не годится: а если и сын, и внук, и правнуки Пекаря пекари, значит, это не фамилия?

Какие же признаки включить в определение фамилии?

Справедливо наблюдение М. Каминьской, что нет видимых признаков, которые позволили бы различать, где мы имеем дело с фамилией, а где с прозвищем [Kamĩnska: 80]. Но тут же исследовательница предлагает такой критерий различения: «Различаются они, однако, тем, что слово, служащее фамилией, утратило свое первоначальное значение, напротив, в прозвище по большей части это значение еще ощутимо». Это неверно и для фамилий и для прозвищ, не говоря уже о том, что степень этимологической «прозрачности» весьма зыбка и неопределенна. Каждый приведет множество «прозрачных» фамилий (Кузнецов, Орлов, Иванов), а пусть

вспомнит прозвища своих одноклассников или учителей и по пробует «объяснить» Тюляй или Бака.

Может быть, признавать именованье фамилией только с момента официального санкционирования? В сущности, к такому пониманию приводит содержательное и ценное исследование С. Гжибовского [Grzybowski — 1957]. Но это как раз переносит на прошлое отношения современные. Исторически закон (писаный или неписаный) не создавал фамилию, он лишь закрепил за ней юридическую силу. Это утверждало сложившуюся антропонимическую ситуацию, а не формировало ее.

В основу различения фамилий и прозвищ кладут ее устойчивость. «Прозвища не были застывшими, как современные фамилии» [Венеж: 6]. Признак устойчивости приближает к решению, но и это определение не годится: прозвище нередко сопровождало человека всю жизнь, не став фамилией, а четыре фамилии женщины, трижды выходявшей замуж, не превращаются в прозвище.

Ценно предложение А. Н. Мирославской: своей статье «К истории развития русских имен» она предпослала подзаголовок «Система наименования по имени главы семьи» [Мирославская — 1961], показав, как из разнообразия способов именования формируется фамилия — имя семьи. Можно еще спорить, в главе ли семьи суть, или его присутствие в формулировке не обязательно, но главное указано верно: протекал длительный и трудный процесс неосознанного, стихийного поиска такого именования, которое обозначало бы семью как целое и принадлежность ее членов к семье как целому. Это обязательный признак фамилии. Но достаточный ли?

Апеллятивы *соседи, сапожниковы, ивановы* тоже обозначают всю семью соседнего сапожника Ивана по имени главы семьи, однако одно это еще не делает их фамилиями. Чего же им не хватает, чтобы стать фамилиями? Только став наследственными, они могут превратиться в фамилии. Сапожниковы, Ивановы, даже Соседи.

И за рубежом, и у нас некоторые исследователи писали о фамилиях ненаследственных. Так, А. Д. Сухомлин, рассортировав украинские именования (на его взгляд, фамилии) из грамот XV в., тут же отметил, что образованные из имени или прозвища функционировали... лишь на протяжении одного поколения [Сухомлин: 8]! Тогда почему же это фамилия?

При обсуждении определения фамилии в группе ономастики Института этнографии АН СССР возникли возражения, уточнения, дополнения. Несомненно, обсуждение будет продолжаться. Пока предварительно можно предложить дефиницию фамилии как собственного имени, объединяющего членов

семьи и передаваемого наследственно дальше двух поколений. Не подходит формулировка «всех членов семьи», так как наш закон разрешает мужу и жене (и соответственно их детям) сохранять разные фамилии, а семья одна. Требование «не меньше двух поколений» — единственный способ отличить фамилию от скользящего дедичества или второго отчества (образованного из второго имени отца).

Принятие этого определения помогло бы охладить пыл любителей давать ответы на задачи, сами условия которых неизвестны, — определение показывает, какие условия обязательны для решения задачи; она неразрешима, если неизвестно, распространялось ли данное наименование на других членов семьи и на последующие поколения. В описи помещиков Тверского уезда конца XVI в. находим: «ортемья шахова в животе не стало, а ныне прасковыи шишкины жены радионнова ортемьевы сестры да брата ее лоздяка офонасьева сына шахова» [ПК — I, отд. 2; 14]. Так как оба брата — Шаховы, а отчество одного Афанасьевич, можно допустить, что Шахов — фамилия.

Документы в отношении простого народа редко радуют исследователя записями трех поколений, и поиски таких подтверждений требуют адского труда. В некоторых случаях помогают косвенные доказательства. Например, одно и то же особо колоритное прозвище у различных лиц. Никем не отмечено неоднократное в документах именование Высокие Шти: в Муроме 1574 г., в Ярославле 1671 г., в Симбирске 1678 г., не исключено, что носители этого именованья связаны, хотя это еще требует доказательства; некоторые подтверждения все же есть — «оска высокие шти живет у ивашка высоких штей» [Ярославль — 1671: 553]. В Туле 1646 г. записан «данилков сын ивашка потеряй рукава», а в 1677 г. в том же дворе «афонка иванов сын потеряй рукава» [Тула: 26 и 31] — очевидна фамильность. Конечно, в большинстве случаев документы не дают исследователю такой возможности. Значит, условий для решения задачи еще нет.

А в массе случаев, если речь идет о становлении фамилий у определенного социального слоя, неправомерна и сама постановка вопроса: «Это уже фамилия или еще не фамилия?» Прозвище, отчество или любое иное обозначение превращалось в фамилию не за один час. Иное дело, когда фамилия уже стала нормой, хотя бы в пределах одного социального слоя, — тогда не происходит каждый раз стихийное, неосознанное и длительное превращение в фамилию, ее дают именно в качестве фамилии, хотя по своей внешней форме она может и не отличаться от других видов именованний (прозвища, отчества, второго отчества, дедичества или даже от нарицательных слов).

С историей самого явления нельзя смешивать историю термина, обозначающего это явление. В Русском государстве XVII в. фамилию называли *прозвище*, это перешло и в XVIII в. Хотя в русскую речь вместе со многими другими словами из языков Западной Европы вошло и слово *фамилия*, но еще только в значении 'семья' (самый ранний из дошедших до нас примеров — в «Лексиконе» 1704 г.) из латин. *familia* — в древнем Риме так обозначали не только членов семьи по родству, но и включали так называемых клиентов, даже рабов этой семьи. Даже в конце XVIII в. описание Тульского уезда 1775 г. сообщало, что в уезде «фамилиев: княжеских 5, графских 2, дворянских 173» [Тула: 238], — конечно, это подсчет семей, а не фамилий в современном смысле слова. Так и в «Воине и мире» Л. Толстого: «Марью Дмитриевну знала царская фамилия», т. е. царская родня. Но в том же столетии стали употреблять слово *фамилия* и в значении не самой семьи, а ее имени — об этом свидетельствует выражение *фамильные люди*, которое не значило 'семейные', а обозначало имеющих фамилии в отличие от всех, не имеющих фамилий. Так, с одной стороны, новое явление еще продолжали обозначать термином, который обозначал предшествовавшее явление (*прозвище*), а с другой стороны, новый термин *фамилия* стал обозначать новое явление, еще употребляясь в своем предыдущем значении ('семья').

Таково сплетение противоречий на разных уровнях, затрудняющее исследование: 1) возникала потребность в новом типе именованья, иного, чем прежние (родовые, территориальные и иные обозначения), хотя оно еще не оторвалось от них окончательно; 2) закон не признавал нового явления или, признав его для дворян, не признавал для крепостных и т. д.; 3) язык отставал, не сразу находя для нового явления новый термин; употребляли старый термин *прозвище* в новом значении или употребляли новый термин *фамилия* для обозначения не только нового явления, а и в значении 'семья'.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ ФАМИЛИЙ

Становление фамилии как особой антропонимической категории рассматривают обычно в рамках отдельной страны, а не как единый процесс. Для целостного исследования еще нет предварительного условия — не собраны фактические данные, накопленные антропонимистами различных стран. Хотя эти данные пока неполны, но без них исследователи не смогут подойти к анализу одного из важнейших этапов в истории мировой антропонимии. Первая возникающая при этом проблема — сопоставимость данных.

Формирование фамилий протекало длительно, но все же в определенном и ограниченном отрезке времени.

Очаг возникновения фамилии предполагают в Северной Италии XI в. (по ненадежным сведениям, еще с VIII в.), над которой после ночи раннего средневековья уже брезжили первые проблески новой зари. Оттуда, по мнению А. Доза [Dauzat — 1949: 40], фамилия перекинулась в Прованс, который до альбигойских войн конца XII в. шел в авангарде социально-экономического и культурного развития. Рано датированы наследственные наименования в Париже и городах Северо-Восточной Франции. Фамилия возникала сначала у феодалов: наследственное землевладение влекло за собой наследственное имя. Вскоре за феодалами последовали буржуа. А. Доза объясняет это социальным подражанием. Оно вполне вероятно, но и собственные интересы буржуазии вынуждали ее к наследственным именованиям: возрастающий размах коммерческих операций требовал преемственности фирмы не меньше, чем наследственное землевладение, чтобы сохранить и расширить клиентуру, предпочитающую вести дела со знакомым торговым или банкирским домом, чья репутация известна; фамилия служила товарным знаком, клеймом надежности. Гораздо позже фамилии начали появляться у прочих горожан и проникать в крестьянскую среду.

Из Франции фамилия «шагнула» за Рейн и за Ла-Манш. В Германии фамилии стали широко распространяться в XII в.,

сначала в крупных торговых городах юго-запада. В Страсбурге к концу XIII в. все горожане имели фамилии, во Франкфурте-на-Майне в 1312 г. еще 66% бюргеров оставались бесфамильными, а в 1351 г. — только 34% — за 40 лет соотношение перевернулось, две трети бюргеров уже имели фамилии [Fleischer: 86]. С Рейна фамилия постепенно распространялась на север и восток. Но, как отметил Рудольф Фишер в рецензии на опубликованные документы цистерцианского монастыря из Верхней Лужицы, «у немецких крестьян установление фамилии в XIV веке еще не завершилось» [ZfS — 1956, 1 : 151]. А по В. Флейшеру, оно продолжалось и в XIX в.

В Англию фамилия принесена норманнским завоеванием (1066 г.). Правда, Рини замечает, что фамилии появлялись там и до норманнов, но... они «не были наследственными» [Reaney: 300]. Впервые наследственные фамилии отмечены в 1068 г. Процесс их становления, по Рини, закончился в 1400 г., но в Уэльсе «до Генриха VIII фамилий не было даже и у дворян» [Reaney: 317]; там, как и в Шотландии, фамилии продолжали формироваться еще и в XVIII в.

На рубеже XV—XVI вв. фамилии пришли в Данию, в 1526 г. там фамилии были распространены на все дворянство. Оттуда и из Германии фамилия в XVI в. достигла Швеции.

В небольшой Венгрии на распространение фамилий потребовалось пять столетий (с XIV по XVIII в.) [Kálmán: 89—90]. В Чехии «о фамилиях можно говорить только с издания Указа Иосифа» (1780 г.), хотя «уже из XIV и XV вв. можно привести примеры перехода именовании на следующее поколение» [Svoboda: 187]. В Польше документы XIV в. по городам фиксируют именовании, внешне полностью соответствующие фамилиям, но в действительности еще не фамилии. В списке студентов Краковского университета только 10% родителей имеют именовании, воспринимаемые теперь как фамилии, но были ли они наследственны — неизвестно. Ст. Роспонд датирует появление фамилий у шляхты на рубеже XV—XVI вв., а у простого народа — только в XVIII в. [Rospond — 1955: 200].

В исследовании, рассматривающем фамилию как явление правовое, С. Гжибовский устанавливает, что «фамилия как развившееся правовое установление шляхетское датируется последней четвертью XVI в.» [Grzybowski: 499]. Собрав крестьянские фамилии одной из местностей XVII—XVIII вв., польская антропонимистка М. Каминьская подчеркивает, что «сельские фамилии XVII—XVIII вв. еще не были фамилиями. В XVIII в. процесс становления крестьянских фамилий только лишь начался» [Kamińska: 80]. И ее коллега М. Карплюкувна констатирует: «О фамилиях крестьян известно немного.

Вероятно, крестьяне не имели наследственных фамилий до конца XVIII в.» [Kąprlikówna: 387].

Очень медленно протекало становление фамилий в России и завершилось очень поздно.

После того как фамилии распространились и упрочились во всех крупнейших странах, стал возможен и иной путь — не стихийного, постепенного становления фамилий, а введения их законодательным актом. В Японии фамилию установила антифеодальная революция 1868 г. В Турции фамилии введены декретами Мустафы Кемалю 1926 и 1934 гг. [Fundikogly: 251—258], тогда же в Иране [Белгородский: 239], в Египте — в 50-х годах, в Тунисе — в 1959 г. Но и в этих случаях внедрение фамилий не свершилось мгновенно, а потребовало времени.

Все население Исландии еще и сегодня обходится без фамилий, хотя и там раздавались голоса, что пора их ввести.

#

Свод этих дат обнаруживает противоречия: разные исследования называют разные даты для одной и той же страны. Даты верны, но это даты не одного явления, а различных. В каждой стране становление фамилии проходило многие этапы, разнородные и разновременные. Каждый из этих этапов по отдельности известен в антропонимической литературе, но нет работы, в которой они все были бы сведены воедино.

1. Начать лучше с самого простого. Распространение фамилий не охватывало моментально всю территорию страны. Оно зависит от уровня социально-экономического развития, которое неравномерно. Фамилия появляется раньше в районах наиболее развитых или тесно связанных с теми странами, где она установилась прежде. Торжество фамилий в процветающем Провансе далеко опередило приход их в отсталую Овернь; столетия разделяют торжество фамилий на юго-западе Германии и на ее востоке.

2. Фамилия социальна. Она возникала в определенных социальных слоях, обслуживая интересы данного слоя. Больше того, в сословном строе она стала сословной привилегией, и правящие слои сопротивлялись ее распространению на народные «низы»; так, польское дворянство требовало запретить нешляхтичам именоваться «шляхетскими» фамилиями (на *-ski*). Только создание крупных централизованных государств со сложным полицейским, налоговым, мобилизационным аппаратом принудило «офамилить» все население. Однако и тогда привилегированные слои тормозили это. В Японии

до так называемой революции мэйджи (1868 г.) право носить фамилии принадлежало только господствующим сословиям. В России большинство помещиков имели фамилии до начала XVIII в., а миллионы их крепостных крестьян и в начале XIX в. оставались в большинстве бесфамильными.

3. Даже на небольшой территории и в одном социальном слое не сразу все семьи приобретали фамилию. В среде московского купечества еще при Грозном (середина XVI в.) некоторые уже носили фамилию, но даже и через 250 лет многие московские купцы не имели фамилий.

4. При стихийном становлении фамилий их фиксация в документах отстает от их внедрения в жизнь. В предыдущей главе приведены примеры крестьянских фамилий в крепостной России, которые, возникнув еще до середины XVIII в., только в середине XIX в. проникли в документы, а до этого переходили из поколения в поколение, не признаваемые и не допускаемые в официальные документы. Допуск фамилии в документы не датирует появления ее в жизни — это две разные даты.

5. Еще две даты: одна — первое проникновение фамилии в документы и другая дата — государственное установление обязательности фамилий. Законодательные акты, делающие фамилию обязательной, всюду весьма поздны: в Баварии — 1677 г., в Австрии — 1776 г., в Пруссии — 1794 г. [Schwarz]; во Франции объявил фамилию обязательной Наполеон.

Вся эта сложность делает трудносопоставимыми даты становления фамилий: по одной стране можно установить десяток дат, и каждая будет верной, но только в определенном «контексте» всего процесса. А вырванная произвольно, вне связи с предыдущими и последующими, одиночная дата бессмысленна.

Но главная трудность даже не в этом. Для длительных периодов фамилия не всегда отличима от других видов именования — существовали переходные формы. Не могло быть так, чтобы вечером семья заснула без фамилии, а утром проснулась с фамилией. Именование, внешне одно и то же, становилось фамилией постепенно. Обычно это совершалось незаметно и для носителей имени, и для окружающих. Теперь, из перспективы времени, тоже легко упустить, когда именование превратилось уже в фамилию. Но еще легче принять за фамилию именование, еще не ставшее фамилией; например, многих вводят в заблуждение массовые в России XVII—XIX вв. именованья с двумя или даже тремя компонентами, в которых последний член внешне полностью совпадает с современной фамилией, а на самом деле был скользящим отчеством или дедичеством. Только в редчайших случаях удастся увидеть это по документам нескольких поколений. От

исследователя требуется много внимания и не меньше мужества, чтобы удержаться от ошибок, равно опасных, — архаизации или модернизации.

‡

Итак, установление фамилий прокатилось по Европе волной. Хотя весь процесс занял тысячелетие, но на важнейших этапах его темпы высоки — за одно столетие фамилия успела из Италии пересечь всю Францию, проникнуть в Англию и Германию. При этом фамилия нигде не знала поражений: раз проникнув в страну, она уже не отступала, не утрачивала завоеванных позиций, а расширяла сферу своего распространения.

Интересно и не случайно, что тем же маршрутом по Европе прошла рифма: из Италии через Прованс во Францию, оттуда за Ла-Манш и за Рейн, позже в славянские страны, на некоторых отрезках этого пути даже одновременно с фамилией, на других — несколько опережая ее или, напротив, отставая. Конечно, фамилия и рифма никак не связаны между собой. Совпадение путей их победного марша по Европе — результат общности тех условий, которым обязаны оба процесса.

Какая же сила вела их из страны в страну?

Займствование? Были и займствования (в Англию фамилию принесли норманны). Но не они главная причина торжества фамилий. Само займствование только тогда прививается быстро и прочно, когда уже назрела потребность. Феодалы севера Франции словно с нетерпением ждали прихода фамилии — так стремительно они за нее ухватились, едва она появилась в соседнем Провансе. При одинаковых условиях одна и та же потребность может породить одинаковые явления независимо, без займствования. Если же нет глубокой потребности, то и займствования либо не произойдет, либо оно останется чужеродной модой, не став достоянием народа.

Почему же победила новая система именованья? Объяснений предложено немало. Указывают на увеличение населения, приводя, например, данные по Англии за период становления фамилии: с 1066 по 1400 г. ее население увеличилось с двух до четырех миллионов человек. Но почему именно с четырех миллионов жителей необходимость фамилии становится неодолимой? Швейцарии было далеко до этой цифры, когда там распространялись фамилии, а население Египта на протяжении столетий превышало эту цифру во много раз, но фамилий не имело.

Ст. Роспанд перечислил следующие причины появления

фамилии в Силезии: далеко зашедшая унификация личных имен вследствие сокращений (из многих различных имен получилась одинаковая форма Раш и т. п.), затем развитие городов, торговые связи, смешение местных жителей с приезжими [Rospond — 1955: 200]. Эти и другие условия действительно могли способствовать повсеместной победе фамилий, но такое нагромождение факторов напоминает объяснения командующего артиллерией на вопрос Наполеона, почему замолчали пушки: «По шести причинам, Ваше Величество: во-первых, не привезли снарядов, во-вторых...» — «Докажите первую, — остановил Наполеон, — и остальные не нужны». Затруднительно объяснить, почему вместо несложного увеличения набора индивидуальных имен предпочли вводить именованья нового типа. Развитие городов? Но фамилии начинались с землевладельцев. И почему средневековые города с 20—30 тысячами жителей нуждались в фамилиях острее, чем крупные города древности? Всего труднее оправдать: если потребность в фамилии рождена ростом населения, то почему же фамилия распространялась как раз не в массах населения, а в среде немногочисленной верхушки.

Было бы непростительным упрощением искать прямую, непосредственную зависимость фамилии от экономического базиса. Эта зависимость многоступенчато опосредована и осложнена различными условиями (в том числе и перечисленными Ст. Роспондом).

Развитие торговли, частые войны, теснейшие церковные связи, разрушая изолированность стран, переносили через их границы и фамилию. Но семена рождает не ветер, разносящий их.

Фамилия обозначала семью. База фамилии — семья. Решающая причина внедрения фамилий, по-видимому, изменение веса семьи в обществе на определенном уровне его развития. При развитом феодальном строе семья в эксплуататорских классах — хранительница и приумножительница власти, земли, капитала. Дальнейшее развитие, ведя к ослаблению цехов и сельских общин, поднимало социальную силу семьи и среди народных масс. Государственная машина абсолютизма включила семью в свою систему как низшую социальную ячейку для нужд управления, обложения, рекрутчины. Семья при феодальном строе, а пережиточно и позже — производственная единица, она вела свое хозяйство, обладала наследственными правами, управлялась строгой внутренней властью, отвечала за своих членов перед феодалом и государством, с нее исчислялись все поборы.

Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» показал, как индивидуальная семья стала хозяйственной единицей общества [Маркс и Эн-

гельс — 21: 77] и ее экономическим интересам подчинялись личные интересы ее членов: «Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, жениться — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль должны играть интересы *дома*, а отнюдь не личные желания... То же самое было у цехового бюргера средневековых городов» [там же: 80—81]. В соответствии с интересами семьи перестроена и антропонимия, выработана антропонимическая категория для обозначения принадлежности к семье, за несколько столетий ставшая главным видом именованья, оттеснив прежние, а некоторые совсем истребив.

С другой стороны, нельзя игнорировать тормозящую силу традиций, в разной степени задерживавших рост новых именованья. В одних и тех же, казалось бы, благоприятных условиях фамилия могла возникнуть, а могла задержаться на столетия.

Все это создавало в каждом случае конкретную ситуацию, ускоряя, замедляя или видоизменяя процесс, в принципе единый.

#

Общие и различные условия становления фамилий, переплетаясь с общими и различными чертами языков, создавали общее и различное в фамилиях по странам Европы.

Нет общегерманских или общеславянских черт фамилий, вынесенных из периода общегерманского или общеславянского. Но есть черты генетической общности языковой, например словообразовательные: максимальный вес словосложения в германских языках отразился на характере фамилии в германоязычных странах, так же как максимальный вес аффиксации (для класса имен особенно суффиксации) в языках славянских отразился на характере фамилий в странах славяноязычных. Ближайшим языковым родством обусловлено тождество лексических основ в фамилиях, например тождество второго компонента со значением 'сын' в скандинавских языках (дат. Хансен, Андерсен, норв. Ибсен, швед. Андерсон, Эриксон), английском (Вильсон, Джонсон, Никсон), слабей в немецком (Вольфсон). Языковой общностью рождено и общее *-ович* в фамилиях польских, чешских, сербских, хорватских. Это общности вне-антропонимические: эти модели фамилий возникали в разных странах самостоятельно, но из генетически общих языковых элементов.

Но нередки контактные антропонимические общности — результаты заимствований. Многие формы украинских и белорусских фамилий обязаны польскому влиянию. В списке

помещиков Рязанского уезда 1722 г. значится Вострая Сабля (*вострая* — фонетический вариант из *острая*); это именование можно было бы принять за индивидуальное прозвище, но по документу 1610 г. был рязанский помещик Данило Вострая Сабля — налицо явная наследственность имени; впрочем, и в одном из документов 1540 г. записан сын боярский Есип Лубяная Сабля. Эти именованья перекликаются с французскими, приведенными А. Доза (как фамилии фехтовальщиков *Longuérée* 'длинная шпага', *Sacquéree* 'короткая шпага' [Dauzat — 1949: 212]).

Среди антропонимических общностей особенно сильны типологические, т. е. не генетические и не контактные, а возникшие независимо в разных местах — из одинаковых условий. Можно сказать, глобальны основные семантические типы фамилий — патронимичные, принадлежностные и другие, однако частотность их в разных странах различна. Тожественны этимологические группы фамилий по семантике их лексических основ; например, всюду встречаются фамилии, образованные (прямо или через посредствующие звенья) из *potina agentis*; даже лексические значения близки, например, в фамилиях, возникших, безусловно, не из заимствований — нем. *Becker*, франц. *Boulangier*, русск. Пекарев, Калашников, Хлебников. Но специфические условия разных стран обусловили резкое различие употребительности различных групп фамилий; например, лексические основы из *potina agentis* в Венгрии XVI в. составляли 25% по отношению ко всем фамилиям [Kálmán: 95]; в России у князей и у бояр XVI в. их не было совсем, у купцов XIX в. — 14—18%, а у крестьян конца XIX — начала XX в. — только 4—6%.

СЕМАНТИКА РУССКИХ ФАМИЛИИ

«Количество русских фамилий бесчисленно», -- восклицает в одной из статей составитель словаря русских фамилий М. Бенсон [Benson: 18]. Оно не бесчисленно, но действительно велико, пока невозможно определить его хотя бы приблизительно (безусловно, сотни тысяч, но сколько именно?).

Есть разница: русские фамилии, фамилии русских, фамилии в России. Словарь М. Бенсона, составленный по списку телефонных абонентов Москвы и Ленинграда, а также по некоторым томам БСЭ, содержит только 35 тыс. фамилий, но из них множество нерусских (Абезгауз и т. п.). А какую фамилию считать русской? Если ту, которая происходит от слова русского происхождения, то придется исключить фамилии Собакин, Ковалев и даже самую частую — Иванов: и слово *собака*, и имя Иван заимствованы из других языков. Признать русскими только фамилии, оформленные русскими формантами? Но тогда нерусскими окажутся и Блок и Герцен — русские с нерусскими фамилиями. По предварительным расчетам, 70 тыс. фамилий охватывают 90—95% всего русского населения, но составляют не больше $\frac{1}{10}$ всех фамилий, ведь частотность резко различна: в Москве 90 тыс. Ивановых, а самую короткую фамилию Е носит лишь одна жительница.

Конечно, немыслимо выяснить этимологию каждой из сотен тысяч фамилий. Нужно свести их в семантические типы, с которыми можно будет соотносить ту или иную фамилию.

Семантический анализ фамилий таит огромные трудности. Одни из трудностей порождены тем, что за 200—300 лет существования большинства русских фамилий они успели измениться и стать непохожими на те слова, которым обязаны своим происхождением, или, напротив, эти слова изменились, а то и исчезли. Фамилия Вишняков не связана с *вишня*, первоначально *вешняков* — сын вешняка, уходившего каждую весну в море на рыбный промысел. Аналогично с фамилией Дорожкин. Ошибочно связывать ее со словом *дорожка*: фамилия — из *дорошкин*, т. е. сын Дорошки (уменьшительное из

календарного мужского имени Дорофей, как Тимофей — Тимошка, Ерофей — Ерошка и т. д.). В фамилии Ангудимов трудно узнать календарное мужское имя Акидин, но тут изменение происходило еще на стадии имени (простонародное Анкудим, Ангудим). Так и Аблакатов из *аблакат*, т. е. 'адвокат'.

В документах Всероссийской переписи 1897 г. по Меленковскому уезду Владимирской губернии значатся Страханцевы, хотя другая семья записана правильно — Астраханцевы [Влад. ОА, ф. 433, оп. 1, № 125, лл. 157 и 160], там же Сенофоновы — это Ксенофонтовы (дер. Егрево), Истифеевы [там же, № 121] — это Евстифеевы из мужского имени Евстифей, тоже искаженного — из Евстафий. Ошибка в документе становится законом для последующих документов. Таких искажений немало. В похозяйственной книге колхоза с. Воскресенская Соловка Рузаевского района Мордовской АССР (1955 г.) зарегистрированы Зооболотниковы [РАМ, ф. Р-548, оп. 2, № 230, л. 20] — это Заболотниковы.

В других случаях первоначальная семантика менялась даже без фонетических изменений. Сегодня фамилия Волокитин вызывает ассоциацию с бюрократической волокитой. Но еще в начале нашего века *волоки́та* — это любящий ухаживать за женщинами. Однако фамилия возникла из слова *волоки́та* в его раннем значении 'работник, волочащий борону', фамилия возникла из притяжательной формы, отвечающей на вопрос: «Сын чей?» — *волоки́тин* (т. е. 'сын волокиты'). Первый Анохин — из *анохин*, т. е. 'сын Анохи'; Аноха — производная форма от канонического имени Анофрий, но та же форма в свою очередь производно стала прозвищем *аноха* 'простофиля, глупец' [СРНГ — I: 260—261], и нельзя решить, от которого из этих двух омонимов образована фамилия. Точно так же с фамилией Абросимов: Абросим — и обиходная форма имени Амвросий, и производно — прозвище со значением 'зазнайка' [СРНГ — I: 191—192]. Никто теперь не угадает, был ли первый Алехин сыном Алексея или сыном хвастуна (*але́ха* — диал. 'хвастун') и т. п. Фамилия Абалишников напоминает, что некогда существовало слово *абалишник*, но среди шести возможных значений его [Никонов — 1972а: 124] нет ни одного надежного: достоверность этимологий обратно пропорциональна их количеству.

Этимологии очень многих фамилий пока неизвестны. Из чего Абалишников, Абиюров, Веденяпин, Жевержеев, Лакидин? В моем словаре русских фамилий из 3500 фамилий на букву А больше 800 оставлены без этимологий.

Но эти трудности, знакомые и при этимологическом анализе нарицательных существительных, еще невелики. Поиск этимологической семантики русских фамилий натывается

ни трудности особые, которых нет даже при анализе личных имен в узком смысле, хотя, казалось бы, фамилии, как относительно поздние и образованные из употребительных русских слов, этимологически доступнее. Но именно кажущаяся простота этимологии, соблазняя не только дилетантов, а и серьезных ученых, уводит часто на ложный путь.

Обманчива сама безграничность семантического разнообразия фамилий. Польская антропонимистка М. Каминьская утверждает: «Так как каждое нарицательное слово могло стать фамилией, семантический круг слов, встречающихся в фамилиях, весьма разнороден» [Kamińska: 81]. Достаточно открыть словарь польского языка или русского, чтобы убедиться, что это не соответствует действительности.

Многочисленны попытки построить семантическую классификацию фамилий. Классификационные схемы предложены такими выдающимися антропонимистами, как А. Доза [Dauzat — 1949: 48], Б.-О. Г. Унбегаун [Unhengaun — 1966: 31], А. Бах [Bach — I, 1: 279—284], Ст. Роспонд [Rospond — 1955: 206—208] и мн. др. Здесь привлечены к рассмотрению кроме перечисленных немногие [Bystron; Kálmán]. Построенные на материале, различном по языкам и по времени, они сходны в основном, хотя неодинаково в них и количество групп, и их порядок, и их объем. Различия же обусловлены не различием материала, а индивидуальным подходом классификатора. Вот основные группы.

1. Из календарных личных имен. У Доза и Кальмана это группа 1, у Роспонда и Унбегауна — группа 2. Любая форма любого календарного имени (данного при крещении) могла стать основой фамилии. Фамилии Осипов и Есипов образованы из двух фонетических вариантов одного имени, церковная форма которого — Иосиф, а каждая из фамилий Осипов и Есипов совершенно самостоятельна, и в употреблении они между собой не связаны, как фамилии Егоров, Юрьев, Георгиев — явно разные фамилии, хотя их основы совсем недавно были вариантами одного имени Георгий. Употребительнее фамилии, образованные от полной формы имени — Иванов; зато другие разнообразнее: из краткой формы имени — Ванин, Ивашев, из различных производных форм — Ивантеев, Иванищев и пр.; они преимущественно двух разновидностей: ласкательные — Ванюшин, Ванечкин, Ванюшечкин и уничижительные — Ванькин, Ивашкин. Уничижительная форма имени несколько столетий оставалась обязательной для большинства населения России, а для народов Поволжья и Сибири ее употребляли даже в конце XIX в.; не удивительно, что она стала основой множества фамилий. И другие производные формы календарных имен служили основами фамилий, например отчества: Фомичев, Андревнин —

из прилагательных *фомичев* 'принадлежащий Фомичу', т. е. сыну Фомы, *Фомичев* — это внук Фомы; соответственно *андревнин* — сын Андреевны, дочери Андрея. Даже такое не самое частое имя, как Евстафий, стало предком разветвленного гнезда фамилий: Астапов, Астафьев, Астахов, Асташев, Асташкин, Асташков, Евстафьев, Останин, Останкин, Осташев, Осташков, Стафеев, Стахеев и др. Из каждого употребительного имени — десятки фамилий в каждом гнезде.

В некоторых фамилиях теперь нелегко обнаружить исходное личное имя не только из-за его изменения, а из-за утраты самого имени: фамилия *Мамонтов* теперь кажется связанной с нарицательным *мамонт*, но такая этимология, конечно, исключена, *мамонтов* — это сын Мамонта, имя Мамонт (Момонт) было в святцах, и в XIX в. оно нередко. В одном томе ревизских сказок можно встретить несколько крестьян с этим именем, так, например, в с. Жирное, Камышинского уезда [ЦГАДА, ф. 1262 — Гагарины, № 4311, лл. 47 и 55].

В Венгрии начала XVI в. фамилии, образованные от католических имен, охватывали 14% всех носителей; 12% членов Боярской думы Московского государства XVI в. носили фамилии из календарных имен, у горожан Великого Устюга, где фамилии появились относительно рано, — 9% (1763 г.), у купцов XIX в. в Москве и Калуге — 15—16%, у крестьян в начале нашего столетия — от 22 до 48%; чем позже возникли фамилии, тем больше доля церковных имен — она обусловлена победой этих имен в многовековом поединке с именами нецерковными. По мнению В. Ф. Барашкова, в средневожских селах процент фамилий от календарных имен выше в селах с нерусским населением [Барашков: 114]. Но южнее линии Орел — Тамбов процент фамилий от календарных имен падает ниже 20, а ближе к Украине — ниже 10, уступая место иной, украинско-белорусской системе фамилий.

2. Из наименований по занятиям (латин. *poti-pa agentis* 'имена деятелей'). У Доза и Унбегауна это группа 3, у Кальмана — группа 4. Роспонд и Быстронь не выделяют ее из общей группы фамилий от апеллятивов. И Кальман отметил, что «их трудно отделить от прозвищ» [Kálmán: 94]. Некоторые фамилии этой группы доносят память о профессиях, давно и прочно забытых: Барышников, Бердников, Бобровников, Бортников, Бронников, Ветошников, Воротников, Золотарев, Толмачев, Шаповалов. Группа смешанная. Верно предостережение А. Доза: «Интерпретация этой группы весьма деликатна» [Dauzat — 1949: 164]; он привел французские фамилии *Sholier, Favier, Navier*, в которых исходное слово не позволяет отличить крестьянина, выращивающего капусту, брюкву, репу, от торговца этими овощами (А. Доза считает, что второе объяснение вероятнее). В русском

Также помогают лексические пары с различными формантами *рыбак* и *рыбник* или даже с различными основами *мельник* и *мучник*, но во многих случаях омонимия коварна. Некоторые обозначения, не различающие производителя и продавца, соответствовали действительности: шапошник и делал шапки и сам продавал их, пирожник пек пироги и торговал ими. А кем был отец первоносителя фамилии Бражников? Слово *бражник* имело разные значения: 'делающий брагу', 'торговец брагой', 'любитель выпить'. Такая омонимия подвела известную в 20-х годах нашего столетия лингвистку М. А. Рыбникову, которая этимологизовала свою фамилию из *рыбник* 'пирог с рыбой' [Рыбникова: 14] вопреки действительной этимологии, ясной и бесспорной, из *рыбник* 'рыбо-торговец'. В эту же группу А. Бах включает фамилии, образованные от обозначения звания или положения. Он даже делит эту группу по специальностям: земледельческие занятия, лесохозяйственные занятия и охота, текстильная промышленность, металлообработка и пр. Такой перечень занятий несколько не помогает анализу фамилий, а уводит от него.

Фамилии этой группы охватывали в Венгрии XVI в. 25% населения: «этот тип характерен прежде всего для слуг и горожан» [Kálmán: 94]. В Боярской думе Московского государства XVI в. таких фамилий нет; у купцов (Москва, Пенза, Калуга) они составляли от 14 до 16%, у крестьян — только 4—6%. Одна из самых частых в России фамилий — Кузнецов, как на Украине — Ковалев (*коваль* 'кузнец'), в Болгарии — Ковачев с тем же лексическим значением основы; в Англии и США самая частая фамилия — Смит (англ. *smith* 'кузнец'); фамилия Шмидт очень часта у немцев (нем. *Schmidt* 'кузнец'), в Берлине 1905 г. ее носили больше 6 тыс. человек [Bach — I, 1: 115]. Во Франции нередко фамилия Лефевр — французское архаичное обозначение кузнеца; современное *forgeron* появилось в XVI в., когда уже была создана масса фамилий, и поэтому почти не отразилось в них [Dauzat — 1949: 165]. В каждом селении кузнец был необходим и известен, для жителей специальность была его важнейшим признаком. Понятно, что этим признаком обозначали его детей: «Чьи это? — кузнецовы». В ту же группу А. Доза едва ли оправданно включает фамилии, основы которых обозначали степень родства.

3. Из наименований по местности или национальности. Именования по месту происхождения или прежнего жительства у нас не всегда отделимы от именований по этническому признаку. Кто был тот дальний предок, на которого указывают фамилии Пермяков, Литвинов? Литвин мог быть литовцем, а чаще — переселенцем из Литовско-

го государства, т. е. вероятней всего, белорусом или русским со Смоленщины. Но объединение этих групп в одну оправдано и по существу: для называющих был существенным только признак «не свой», а различие территориального признака и этнического мало интересовало. Не разделяют этих групп Доза (у него группа 2), Унбегаун (группа 4), Быстронь (группа 3), но Кальман разделяет на две (2 и 3), а Роспанд вообще не выделяет их из апеллятивных; А. Бах отличает именованья по месту происхождения от именованья по месту жительства; Доза включает в эту группу не только фамилии с топонимическими основами, а и Монтэнь 'горный', Делаангль 'угловой', т. е. обитатель дома на углу.

Фамилии, образованные от топонимов и этнонимов, охватывали меньше 1% русских крестьян; у купцов Москвы — 6%, у купцов Калуги — 5%. Интересно, из каких топонимов образованы фамилии калужских купцов (по ревизским сказкам 1858 г.): Медынцевы, Масалитиновы (Медынь и Мосальск — центры уездов Калужской губернии), Одоевцевы (Одоев — центр уезда в смежной Тульской губернии), Болоховитиновы (Болхов — ближайший город в Орловской губернии), Кашириновы, Муромцевы (Кашира и Муром — города на Оке, как и Калуга). Все эти названия указывают на географию торговых связей. Это же наглядно показал А. Бах, составив карты от-топонимических фамилий в крупных городах Юго-Западной Германии: топонимы, от которых образованы фамилии, располагаются веером вокруг города, редая по мере удаления. Конечно, последующие передвижения людей уносили такие фамилии во все края.

Необходимо предостеречь тех, кто наивно пытается принимать этнонимы, отраженные в фамилиях, за доказательство этнического происхождения предков носителя. Фамилии Русинов, Мещеринов, Черемисинов — не из этнонимов, а из личных имен, которые в свою очередь не означали этнической принадлежности носителей их, — об этом предупреждал А. И. Соболевский [Соболевский — 1910: 226], приведя запись 1568 г. «русин да мещерин федоровы дети черемисинова».

4. Из некалендарных имен и прозвищ (у Роспанда и Унбегауна группа 1, у Доза группа 4, у Кальмана группа 5). Эта группа огромная и очень пестрая, «очень запутанная» [Kálmán: 96].

Каких фамилий только нет:
Пятеркин, Двойкин, Супов,
Слюнтяев, Тряпкии-Самоед,
Пупков и Перепупов!
В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,

Зверей и насекомых:
Лисичкин, Раков, Индюков,
Селедкин, Мышкин, Телкин,
Мокрицын, Волков, Мотыльков,
Бобров и Перепелкин!

(С. Михалков, Смешная фамилия)

Все перечисленные фамилии принадлежат к этой группе, охватывающей больше половины населения. В основах этих фамилий Унбегаун отделяет нецерковные имена, данные родителями при рождении, от прозвищ, данных позже соседями [Unbegaun — 1966, 37], но с оговоркой, что иногда их трудно различить. Точнее сказать, что только иногда их можно различить. Несомненно, основам имен, а не прозвищ обязаны фамилии Третьяков, Шестаков, Меньшиков, Жданов, Нежданов, Томилин, Истомина и другие, также связанные с рождением (порядковое числительное — место ребенка в семье, отношение родителей к рождению, трудность родов). Не прозвища, а имена дали основы и фамилиям Негодяев, Дураков: в XV в. «Федосия негодяева жена... по приказу мужа и господина моего» дарила деревни монастырю [АСЭИ: 36]; в судебном деле истцом от монастыря выступал старец Дурак. В другом судебном деле, 1482 г., записан свидетель Дурак Артемов. Вероятно, не прозвища, а имена (может быть, защитные) — Волк, Собака и т. п. Напротив, очевидно, от прозвищ происходят такие фамилии, как Недовесов, Недодаев [Список абонентов телефонной сети Ленинграда — 1951: 252], подобно немецким фамилиям Hassenpflug 'ненавидеть плуг', Saugenfinger 'сосать палец', Nagenranft 'грызть корку'. Но о большинстве фамилий этой группы нельзя сказать, обязаны они своим происхождением отчеству от прозвища или нецерковного имени.

Нет нужды перечислять лексические группы, из которых почерпнуты основы фамилий, — кроме перечисленных в басне С. Михалкова это и одежда, и инвентарь, и внешние признаки человека, и черты характера, и множество других. Но на одной группе надо остановиться особо, она позволит подойти и к оценке изложенных классификаций. Известный историк русского языка В. Р. Кипарский опубликовал ряд статей об изобилии «птичьих» фамилий у русских, видя в нем следы былого почитания русскими птиц [Kiparsky]. Длинный список таких фамилий еще ничего не доказывает, может быть, он продиктован просто ассортиментом видов. Да и ряду Соколов, Орлов, Воронин, Воронов, Лебедев, Журавлев, Синицын, Гусев, Уткин, Сорокин, Воробьев, Перепелкин и пр. можно противопоставить едва ли меньший ряд Волков, Львов, Барсов, Быков, Коровин, Баранов, Зайцев, Кротов, Котов,

Кошкин, Собакин, Бобров, Соболев, Куницын и т. п. или даже Мухин, Жуков, Жучков, Пчелкин, Комаров, Пауков, Муравьев, Блохин и т. д. И среди наименований рыб России едва ли найдется такое, которое бы не отразилось в русских фамилиях. К тому же не каждую фамилию, которая вызывает ассоциации с орнитофауной, можно отнести к рассматриваемой группе. Например, фамилии Сокольников и Кречетников даже по приведенным здесь схемам классификации попадут не в подгруппу «по птицам», а совсем в иную группу — «по занятиям» (*сокольники, кречетники* — обслуга царской соколиной охоты). В. Р. Кипарский же в «птичьих» включил фамилии Крылов, Сизов, Черноглазов, Краснощеков, Щелкунов, Космачев, Горбунов, Пискунов и т. п., каждую со ссылкой на литературу о пернатых (хотя невольно вспоминается чеховская «лошадиная фамилия» Овсов). При всем авторитете крупного ученого его гипотеза настораживала, и я предпринял подсчет фамилий нескольких тысяч крестьянских семей (табл. 26).

Таблица 26

Лексические основы фамилий
(в процентах к количеству семей)

Лексические группы в основах фамилий	1*	2	3	4	5	6
Календарные имена	28,5	39,4	35,4	32,0	41,4	32,4
Наименования по занятиям	5,7	6,0	4,8	4,8	4,1	3,8
Топонимы, этнонимы	—	0,3	0,2	1,0	1,4	3,0
Животные	4,0	2,3	2,4	2,7	3,0	1,8
Птицы	8,3	3,7	4,1	4,3	4,8	3,2
Рыбы	1,7	1,0	0,4	0,5	0,1	0,2
Насекомые	0,7	0,3	1,3	0,9	0,9	—
Пресмыкающиеся	—	—	0,1	0,2	—	—
Растения	2,1	2,0	0,8	0,1	1,4	1,0
Прочие	49,0	45,0	50,1	53,0	43,0	54,0

1 *. Костромское Заволжье (1906—1914 гг.), 600 семей.

2. Переяславский уезд Ярославской губ. (1906—1914 гг.), 300 семей.

3. Боровский и Малоярославецкий уезды Калужской губ. (1907—1914 гг.), 1500 семей.

4. Карсунский уезд Симбирской губ. (1901—1903 гг.), 1250 семей.

5. Сенгилеевский уезд Симбирской губ. (1899—1901 гг.), 900 семей.

6. Ставропольский уезд Самарской губ. (1901—1912 гг.), 500 семей.

Итак, «птичий» элемент в фамилиях действительно сильнее названий других представителей живой природы. Наблюдение В. Р. Кипарского верно. Но верна ли интерпретация? Фамилии крестьян возникали в массе на протяжении XVIII—XIX вв., когда о религиозном поклонении птицам уже

не может быть и речи, да и едва ли фамилии Крылов, Перов или Краснохвостов могли выражать поклонение птицам. Главное же — фамилии вообще не возникали из наименований птиц. Первый Сорокин (сначала еще *сорокин* — прилагательное «чей?») не ловил сорок, не торговал ими, не был похож на сороку. Он был сыном Сороки — человека с именем (или прозвищем) Сорока. Таким образом, «птичьих» фамилий не было совсем, фамилия Сорокин не имеет отношения к птицам и ничем не отличается от фамилии Кобылин. Вопрос об особой роли птиц в жизни русских — вопрос о происхождении не фамилий, а прозвищ и нецерковных имен, которые позже стали основами фамилий, таким образом, он отодвигается на несколько поколений назад. Действительно, таких прозвищ или имен в России было очень много, это отметил А. И. Соболевский, приведя примеры с XII по XVII в. [Соболевский — 1890: 98]. Но вряд ли оправдано и для этого периода искать религиозную мотивировку. Вероятно, причины трезвей: птицы немало значили экономически. *Перевес* (большая сеть для промысловой ловли птиц) не случайно отразился во множестве топонимов (Перевесье, Перевесное); соколиные забавы и голубеводство тоже занимали множество людей; наконец, в повседневной жизни русского окружало гораздо большее разнообразие птиц, чем, например, рыб или даже зверей.

Характерно, что среди всех фамилий огромной группы 4 редко встречаются обобщающие Рыбин, Птицын (что, конечно, тоже относится к образованию не фамилий, а еще тех прозвищ и нецерковных имен, которым фамилии обязаны своим происхождением). Преобладало конкретное восприятие окружающего мира: не «рыба вообще», а осетр, щука, карась. Поэтому нет и фамилии Лошадин (есть Лошадкин), не часта фамилия Конев — это не должно удивлять: самое необходимое животное и в хозяйстве, и военном деле называли конкретно, это и отразилось в прозвищах и нецерковных именах, а через них и в фамилиях: Жеребцов, Кобылин, Меринов, Аргамаков, Клячин, косвенно — Жеребятников, Кучеров, Конюхов...

Не редки фамилии, образованные с участием числительных: несоставные фамилии из обозначения порядкового места ребенка в семье (Третьяков, Шестаков, Девятков), составные пестрей и сложней — Троекуров, Шестопалов, Семичастнов, Сорокопудов, Столетов... Явление типологически общее: «счетные» немецкие фамилии Дрейер, Фирер и т. д. [Vach — I, 2: 30]. Типологические параллели видны и в случаях, казалось бы, своеобразных: Иоганн Унбегюртетер — Иван Неподпоясанный в Страсбурге XIII в. [Vach — I, 2: 269] перекликается с русскими фамилиями Бештанов, Голопузов.

В группе 4 многие основы напоминают об утраченных словах — Берсенев (старинное русское *берсень* 'крыжовник'), словах диалектных — Шутьгин (*шутьга* — архангельское, пермское 'левша'). Нередко фамилию даже несомненно русскоязычную не удается расшифровать: крестьянин Животягин (Павловский уезд Воронежской губ., 1858 г.) — из *живо* + *тяга* или из *живот* с суффиксом *-яга*?

Кроме этих четырех основных групп некоторые исследователи выделяют несколько мелких групп (Б.-О. Г. Унбегаун, Ст. Роспонд) или осторожно оставляют свободные ячейки.

#

Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что автор не выразил своего согласия с изложенными схемами и ни разу не назвал привлекаемые слова прямыми основами фамилий. Суть в том, что все рассмотренные схемы совершенно не относятся к семантике русских фамилий. Эти схемы отнесут фамилию Зайцев в рубрику «по животным», фамилию Князев в рубрику «по сословиям». Но каково в действительности этимологическое значение фамилии Зайцев? (Зайцев, а не Заяц!) — был ли ее первый носитель охотником на зайцев, или любил зайчатину, или чем-то походил на зайца, или происходил от зайца? Нет. Он был сыном не зайца, а Зайца — человека с прозвищем или нецерковным именем Заяц, оно документировано многократно*. Фамилия возникла не из нарицательного существительного *заяц* и даже не из собственного имени Заяц, а из притяжательного прилагательного *зайцев* ('зайцев сын'), которое с течением времени стало именем собственным. Единственно только это отношение и выражала фамилия Зайцев. От нарицательного *заяц* ее отделиют несколько звеньев:

заяц → *Заяц* → *зайцев* (т. е. 'зайцев сын' = сын Зайца) → *Зайцев*.

Перепрыгивать через ступени этимологические — значит грубо извращать этимологию, подставляя вместо подлинного значения совсем не относящееся к делу. В таком случае «упростители» должны относить фамилию Петров в рубрику «по неживой природе», так как этимология имени Петр 'скала, камень'.

Уж если к анализу фамилии Зайцев притягивать ее «предка» в четвертом колене, то почему же хвататься именно за

* Имя Заяц настолько часто, что только в тех документах XV—XVII вв., которые использованы в словаре Н. М. Тупикова, оказалось 34 Зайца (правда, некоторые в форме Зайка): *александр заец микитин, ивашко заяц, заяц тихонов сын быков, заец федоров сын захарьина* и просто *заяц* — крестьянин в Дегожском погосте 1539 г. [Тупиков: 158—159]

это звено, а не дальше? Ведь слово *заяц* тоже появилось не из ничего, а из глагола *заяти* 'прыгать', а тот в свою очередь возник не на пустом месте — и так далее до «самого первого» слова. Бесмысленность такого «семантического анализа» фамилии Зайцев очевидна. В семантической классификации место ее не в группе «по прыжкам» и не в группе «по животным», а в группе фамилий патронимичных, выражавших отношение отцовства, — только таково ее этимологическое значение. Это самые частые из русских фамилий. С этой группы и начнем их семантическую классификацию.

Патронимичные. Основная масса русского населения носит фамилии из отчеств. Отчество, конечно, не надо представлять узко, только в его современной форме. В период возникновения фамилий лишь меньшинство русских имели отчества современного типа. Для большинства отчеством служила краткая форма прилагательного, при этом вовсе не обязательно от церковного имени. В документах даже XVII в. отчества от нецерковных имен употребляются равноправно с отчествами от имен церковных и без какого-либо отличия от них; например, в писцовой книге 1578 г. по Коломенскому уезду: «за фетком да за семейком замятниными детьми бирева... за васильем ширяевым сыном чернышева... за васильем сычевым сыном софонова да за жданом дмитриевым сыном гобалина» [ПК — I: 338 и 500]. Позже это известные фамилии Замятнин, Ширяев, Сычев. В середине XVII в. дьяк Казанского приказа в Москве Ерофей Иванов носил второе имя Алмаз, и дети его стали не Ерофеевыми, а Алмазовыми. В десятку самых частых русских фамилий наряду с фамилиями из отчеств от церковных имен Иванов, Васильев, Петров, Федоров входили и Смирнов, Соколов (Unbegaun — 1966: 34) — фамилии из отчеств от нецерковных личных имен Смирной, Сокол. На материале Пинежья (в Архангельской обл.) Г. Я. Сими́на неопровержимо установила: «Основным источником пинежских фамилий явились именно вторые отчества. То, что отмечено в писцовых книгах XVII в. в качестве вторых отчеств, представлено в современном Пинежье (в тех же деревнях), но уже в виде фамилий. Например: Брованов, Бессонов, Белоглазов, Верещагин, Вехорев, Дружинин, Жданов, Задорин, Кобылин, Кокорин, Кузнецов, Лобанов, Неклюдов, Некрасов, Осетров, Поспелов, Распутин, Сивков, Скоморохов, Томилов, Тараканов, Хромцев, Чуркин, Шумилов и т. д.» [Сими́на: 30—31].

Больше ста лет назад К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики» отметил удивительное явление: от нарицательных *телега*, *ворона* нет притяжательных *телегин*, *воронин* — откуда же взялись фамилии Телегин, Воронин? [Аксаков: 110]. Это тонкое наблюдение прошло незамеченным

тогда, да и сам автор не мог его интерпретировать правильно, увы, непонятно оно многим пишущим у нас о фамилиях и поныне. Суть в том, что фамилии Телегин, Воронин и подобные произошли не из нарицательных *телега, ворона*, от которых не могли образоваться прилагательные притяжательные, а из *телегин, воронин* в значении отчеств от личных имен Телега, Ворона.

Точно так же патронимичны и фамилии, образованные из отчеств от нарицательных обозначений отцов: Кузнецов, Плотников или Сибиряков, Казанцев. Их основы *кузнецов, казанцев* служили точно такими же отчествами, обозначая не кузнеца и казанца, а их детей. Различие, существенное. Не отличать слова *кузнец* от *кузнецов* то же самое, как смешивать *баран, баранина* и *баранка*. Значение нарицательного *кузнец* — имя деятеля, а нарицательное *кузнецов* означает находящегося в отношении притяжательности к кузнецу — *кузнецов сын, кузнецов фартук*, т. е. по значению ничем не отличается от *авдотын сын, авдотын фартук*. Фамилия Кузнецов — не «по занятиям», а «по отчеству».

Отчество могло возникать из любого именованя отца, например из его отчества. Таким образом получалось отчество 2-й степени, т. е. дедичество. Из этого — фамилия Фомичев (внук Фомы), Андревнин (внук Андрея).

Называя человека по его предкам, иногда указывали предков не мужского, а женского пола. Основы таких фамилий возникали: 1) из полных календарных имен — *Марьин, Татьянин, Сусанин* (из *сусаннин*), 2) из производных от них — *Маруськин, Дуняшин*, 3) из имен нецерковных — *Любавин*, 4) из прозвищ — *Милашкин*, 5) из наименований по занятию — *Ворожейкин, Просвирнин*, 6) по социальному положению — *Бобылкин*, 7) по занятию или положению мужа той, которую обозначала основа, — *Солдаткин*, 8) из ее отчества — *Петровнин, Андревнин*, 9) из ее именованя по имени мужа — *Петрихин, Власихин*, 10) из именованя по родству — *Бабушкин, Мачехин*. Некоторые фамилии образованы по сложной генеалогии — *Татьяничев* (из *Татьянич*, т. е. сын Татьяны; *татьяничев* приходился Татьяне внуком), аналогично *Мариничев*. Таким образом, обозначение всей группы фамилий «патронимичные» взято в широком смысле, выражающем не только отцовство, а и материнство; так как матронимичные фамилии составляют меньшинство, можно примириться с тем, что общее наименование группы не упоминает о них. Однако не все кажущиеся матронимичными фамилии в действительности матронимичны, например *Попадьян*, в которой *попадьян* означало сына попадьи, а мужчины с прозвищем *Попадья* (в XVI—XVII вв. не раз встречается как второй член именованя: *Василий Попадья, Ивашко Попадья*

др.). Так, М. Фасмер, выписав из словаря Н. М. Тупикова фамилии с основами, обозначающими женщин, ошибочно включил в них такие фамилии, как Чешихин, Ветрихин [Vasmer: 347]: прозвища или имена Чешиха, Ветриха часто обозначали мужчин. Был князь Дмитрий Шутиха, в том же словаре указаны Иванец Шумиха, Матюк Звониха и другие мужчины с именами только на *-иха*, например Мазиха — 1595 г., Скуриха — 1649 г.

Фамилии гораздо реже образованы из именованя женщин, чем из именованя мужчин. Это неоднократно подчеркивает А. Бах; в приведенных им материалах по Магдебургу XIV в. 349 фамилий из мужских имен и 32 — из женских [Bach — I, 1: 233]. Это понятно: главой семьи был мужчина, по нему называли жену и детей.

В каких же случаях фамилия возникала из обозначения не мужчины, а женщины?

Неверно связывать все матронимичные фамилии только с рождением детей вне брака. Очень многие матронимичные фамилии не такого происхождения. Матронимичное обозначение появлялось, если вдова становилась хозяйкой после смерти мужа, приняв на свои плечи все заботы о хозяйстве и семье. Это отчетливо видно в таких фамилиях, как Вдовин (укр. Вдовенко). Еще убедительней фамилии Петровнин, Андревнин — по отчеству матери, называемой не Манька, даже не Марья, а уважительно Петровна, как, безусловно, не могли звать в деревне прижившую внебрачного ребенка. А. Бах отметил еще одну возможность появления матронимичных фамилий: семьи, в которых и при живом муже главенствует не он, а жена [Bach — I, 1: 233]. По-русски трудно передать немецкое *Pantoffelheld* (из нем. *pantoffel* 'домашняя туфля') — муж под башмаком жены. А. Доза заметил, что матронимичные фамилии на территории Франции распределены неравномерно; например, в Нормандии они чаще, чем на юге [Dauzat — 1949: 220].

Связано ли это с большей самостоятельностью женщин Нормандии или были иные причины?

Принадлежностные. Во многих русских фамилиях основа указывает не на предка, а на хозяина. Фамилия Князев, безусловно, не означала князя или его сына, который тоже был князем, и *князев* его не называли. Кого могло обозначать притяжательное прилагательное *князев*? Принадлежащего князю, т. е. человека совсем не княжеского звания. В семантической классификации место фамилии Князев — в группе принадлежностных (если же *князев* не из *князь*, а из насмешливого личного прозвища Князь, то фамилия патронимична, она ничем не отличается от Зайцев). Крестьянин Графов был не графовым сыном, а графовым крепост-

ным. Это еще яснее в фамилии Владыкин: *владыка* — архиепископ, глава всех православных церквей и монастырей в епархии (обычно совпадавшей с губернией). Принадлежа к «черному духовенству», т. е. к монашеству, он не имел права жениться — *владыкин* могло обозначать крепостного, принадлежащего архиерейскому дому (есть и фамилия Архиевеев, но не исключено ее происхождение из прозвища). Вероятно, принадлежна и фамилия Монастырев — монахономинация, конечно, не обозначала. Принадлежностны, конечно, и многие фамилии, основы которых возникли из личных имен.

Кроме юридической собственности фамилии выражали и отношения найма, возникая из обозначения «чей работник?». Фамилия Попов, которая в России входила в десятку самых частых [Унбеган — 1966; 34], может быть, рождалась не из «попов сын», а из «попов работник».

Другие семантические группы русских фамилий охватывают менее широкий круг людей, специфически ограниченный у каждой.

Владельческие. Князей обозначали по владениям: князья шуйские (владели территорией по р. Шуя), князья мстиславские (владели городом Мстиславль) и пр. Эти обозначения становились родовыми именованиями, которые послужили источником самых ранних русских фамилий. Позже у некоторых дворян появлялись фамилии по названиям их поместий, но общим правилом это не стало, и пополнение этой группы в XVIII в. прекратилось.

Земляческие. Еще до фамилий часто обозначали людей по месту их происхождения или прежнего жительства. В писцовых и переписных книгах обычны записи: «максимка леонтьев сын нижегородец», у него шурина «федька иванов сын тетюшенин» [Опись Синбирску: 5]. Из таких именовании образованы прилагательные, обозначающие потомков, т. е. с функцией отчеств (*казанцев* 'сын казанца'), которые наряду с другими отчествами (от календарных имен, от прозвищ), закрепляясь, могли у следующих поколений стать фамилиями — патронимичными. Только единичные из таких обозначений превратились в фамилии: Пермитин, Москвитин, Костромитин и несколько подобных — упрощения из Пермитинов (ср. Вязьмитинов, Тверитинов), в которых окончание *-ин* принято уже за суффикс частых патронимичных фамилий (Сорокин, Никитин из *сорокин, никитин* 'сын Сороки', 'сын Никиты'). Фамилии же, действительно обозначающие место происхождения или жительства, появились гораздо позже, на рубеже XVIII—XIX вв., у сельского духовенства [Магницкий: 6—7]. Вероятно, из того же источника такие фамилии пошли у разночинцев в середине XIX в. Только после паде-

ции крепостного права такие фамилии стали возникать там и тут, по названиям тех сел и деревень, откуда их носители прибыли: Ташлинский — из Ташлы, Озерковский — из Озерок. Назовем эти фамилии земляческими (условно).

Церковные. Когда стало получать фамилии многочисленное духовенство, естественно, чаще закреплялись в качестве фамилий обозначения, которыми привычно обозначали церковнослужителей по названиям церквей, — *вознесенский, никольский*. Таково происхождение многочисленных фамилий Рождественский, Вознесенский, Покровский, Успенский, Сергиевский, Петропавловский и пр.

Прозвищные. Еще у князей и бояр родовыми именами, а из них и фамилиями могли непосредственно становиться прозвища: Глазатые, Ушатые, Хромые, Толстые. Но большинство прозвищ, если и давало основы фамилиям, то только патронимичным, которые четко отличимы от прозвищ: не Гуша или Хромой, а Тушин, Хромов (из *хромов* 'сын Хромого' или 'крепостной Хромого'), Толстов. Позже прозвища редко становились фамилиями.

Фамилии типа Гоголь, Глинка, Шило и подобные им — почти все белорусского и украинского происхождения. Русские же прозвищные фамилии в большинстве получали дополнительно форманты преобладающих фамилий *-ов, -ин* и становились неотличимыми от патронимичных. В предреволюционные годы была в Астрахани фамилия Богстобой, очевидно, у предка ее носителей это было любимым выражением, которое и прилипло к нему как прозвище, а затем превратилось и в фамилию. Не знаю, существует ли эта фамилия в Астрахани сегодня, но выше по Волге; в Ульяновске, в 1968 г. встретила фамилия Богстобоев — уже с формантом *-ов*.

Эти семантические группы исчерпывают все обилие русских фамилий, возникавших «естественно», из наличных дофамильных обозначений: шуйский князь → Шуйский, петров сын → Петров, князев крепостной → Князев, никольский дьякон → Никольский, ташлинский уроженец → Ташлинский. Когда же фамилия стала нормой (а для каждого социального слоя это происходило в разное время), последующие фамилии возникают преимущественно уже не прежним, «естественным» путем постепенного и стихийного превращения наличного дофамильного обозначения в фамилию, а создаются сознательным актом, т. е. формируются намеренно (как, например, и псевдонимы).

Нелишне теперь напомнить, что речь идет только о значениях этимологических, за которые носители фамилии ни в малейшей степени не отвечают (Мудрецов может быть глупым, а Глупцов — гением).

Относительно рано стали возникать фамилии непосредственно из глаголов, минуя стадию отчеств: если относительно фамилий Разгуляев, Разуваев, Пожидаев можно еще колебаться, образованы ли они как отчества от прозвищ Разгуляй и т. п., то Недовесов, Недодаев, Недокладов, вероятнее всего возникали прямо из недовесить, недодать по готовой модели фамилий.

Фамилии Солнцев или Светов при всем внешнем тождестве с Зайцев или Петров не обозначали ни сына Солнца, ни принадлежащего Солнцу, ни прибывшего с Солнца, ни владевшего Солнцем. Они образуют особую группу фамилий — ментальных: в них отношение между обозначаемым фамилией и обозначаемым ее основой находится только в сфере сознания, это не связь биологическая (родство), юридическая (принадлежность), экономическая или иная. Фамилии этой группы насыщены идеологичны, но, конечно, идеология их совершенно различна: от той, которая подсказывала архиерею фамилии Беневоленский, Добронравов, до той, которая сегодня побуждает переменить старую фамилию на Октябрьский, Первомайский. Эта группа, немалая уже и в XIX в., особенно пополнилась в наши дни при переменах фамилий. Одни из фамилий выражают пожелание (дезидеративные), другие — напоминают о событиях или людях (меморативные); исследования, вероятно, раскроют и иные значения. Но семантику некоторых фамилий будет трудно определить, хотя этимология их кажется лексически простой, например Электринцев (колхозник в Подбельском районе Куйбышевской области). Ясно, что идея фамилии как-то связана с внедрением электричества в жизнь деревни, но это весьма общее значение едва ли удастся уточнить, и нет смысла придумывать подгруппы, куда бы втиснуть такие фамилии, как и старые фамилии Дело или Передбогов [справочник «Весь Петербург», 1910: 256 и 647].

#

Зачеркивает ли семантическая классификация фамилий ту, которую ошибочно принимают за нее (сортировку по лексико-семантическим разрядам слов, из которых возникали отдаленные основы фамилий)? Это разные планы исследования. Изучение лексических основ и их значений важно хотя бы уж тем, что некоторые слова, утраченные языком, только и сохранились в основах фамилий. Но семантика этих основ — совсем не семантика самих фамилий. Схемы, изложенные в первой половине главы, содержат немало полезных наблюдений и ценных выводов, но к семантической классификации русских фамилий не имеют отношения. Возражают:

так легче, ведь просто отнести фамилию Зайцев в рубрику «по животным», Попов — «по занятиям», а выяснить, выражали ли они значения патронимичные или принадлежностные, трудно, часто — невозможно. В этом и задача науки. А какова цена легкости, если она не раскрывает, а извращает изучаемое? Подменять значения фамилий лексическими значениями тех слов, от которых были образованы их основы или даже основы их основ, принимать Зайца за зайца, смешивать князева крепостного с князем сыном, не различать кузнеца от кузнеца — такая легкость, соблазняющая любителей, противопоказана науке. Еще легче — не браться за дело.

ФОРМЫ ФАМИЛИЙ

Русские фамилии при возникновении имели форму прилагательных. Преобладающий способ славянского именного словообразования — суффиксация. В русских фамилиях ее господство почти безраздельно. Крестьянские фамилии в губерниях с чисто русским населением были суффиксальны все без исключения. И в более подвижных социальных слоях, со значительной иноязычной примесью (среди купцов, особенно среди дворян), суффиксация образовывала фамилии монополюно: среди купцов г. Пензы 1850 г. — 94%*, из всех дворянских родов Пензенской губернии — 91,5%. Даже передвижения грандиозных масс населения в нашем столетии не поколебали абсолютного господства суффиксации. Чтобы не нагромождать цифр, достаточно ограничиться данными по наиболее активной части городского населения наших дней: из всех 780 депутатов городского и районных Советов в г. Ульяновске (1965 г.) 752 (96%) носят фамилии, образованные суффиксально. При этом не отнесены к суффиксальным те фамилии, в которых суффикс «дофамилен»: принадлежит еще самой основе, из которой образована фамилия, например фамилия Колесник из суффиксального нарицательного *колесник*, которое без всяких других формальных средств стало фамилией (семантический способ словообразования, по выражению акад. В. В. Виноградова).

Любительское «корнеискательство» в ономастике, пренебрегая формой, не различало Колесник и Колесников, тогда как именно между ними пролегает основная принципиальная грань: кто был первоносителем фамилии — колесник или его потомок, смешивать этого нельзя.

Выполнены подсчеты частотности форм, охватившие более 200 тыс. носителей фамилий. Так как статистически пригодны материалы только большого объема, пришлось обратиться преимущественно не к опубликованным спискам фамилий, а непосредственно к архивам. Работа эта крайне трудоемка, и сетка подсчетов еще пунктирна. Вне их остались значительные социальные слои и значительные территории. Но главные из выявленных количественных соотношений

* Материалы указаны в сносках под табл. 27.

настолько определенны, что их не нарушит расширение подсчетов. В приводимую таблицу выборочно включены только наиболее существенные подсчеты. К сожалению, не удалось разделить князей и бояр в составе Боярской думы, а их фамилии очень различны по форме (на этот недостаток, сознаваемый мной, справедливо указал и В. Б. Кобрин). Показатели округлены до процента, точка означает менее половины процента, тире — отсутствие (табл. 27).

Словообразовательным средством русских фамилий (схема 6) в противоположность украинским или белорусским нужна пестрота: поражает их однородность, в деревне среднерусской полосы — абсолютная. Суффиксы *-ов*, *-ин* вне конкуренции. Это окончания кратких прилагательных, вытесненных из русской речи в XVI—XVII вв., но закрепившихся в фамилиях. Большинство принадлежит суффиксу *-ов*: Иванов, Кузнецов*; его фонетический вариант — *-ев*, употребляемый после *й* и других мягких согласных (Сергеев, Зверев); звук *е* под ударением произносится не *е*, а *о* независимо от предшествующего звука. Значения суффиксов *-ов* (*-ев*) и *-ин* рано совпали, выражая так называемую притяжательность («чей?»), сходны их судьбы. Поэтому целесообразно рассматривать их вместе, оговорив формальное различие, не утраченное с общеславян-

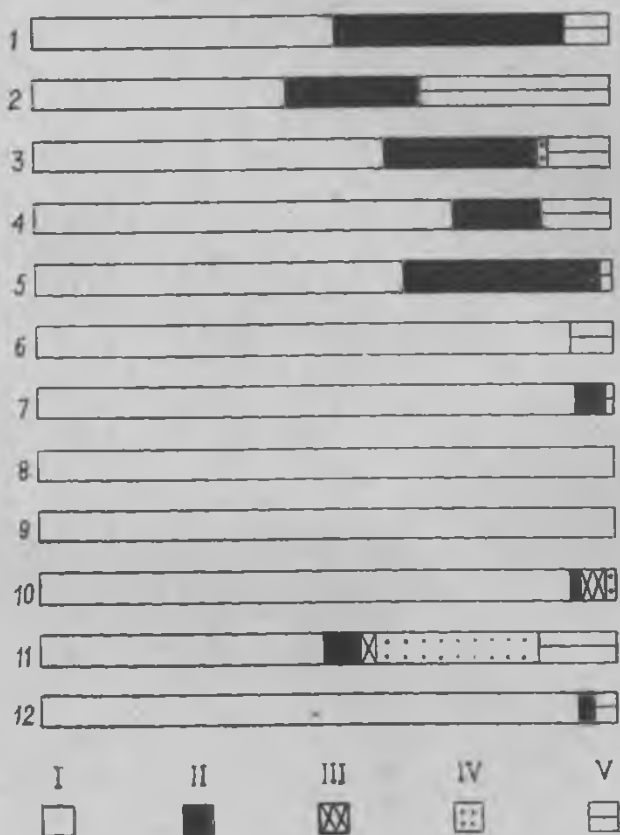

Схема 6. Формы русских фамилий:

I — фамилии на *-ов*, *-ин*; II — фамилии на *-ский*; III — фамилии на *-их*, *-ых*; IV — фамилии на *-енко*; V — прочие фамилии.
 1 — состав боярской думы середины XVI в. (князь и бояре); 2 — сенаторы, 1910 г.; 3 — дворяне Владимирской губ., 1905 г.; 4 — дворяне Пензенской губ., 1908 г.; 5 — духовенство Симбирской епархии, 1907 г.; 6 — купцы гор. Пенза, 1850 г.; 7 — горожане гор. Петровска Саратовской губ., 1908 г.; 8 — крестьяне Симбирской губ. Сызранского уезда Самайкинской вол., 1827 г.; 9 — крестьяне Александровского и Шуйского уездов Владимирской губ., 1914 г.; 10 — крестьяне Землянского уезда Воронежской губ., 1914 г.; 11 — крестьяне Бирюченского уезда Воронежской губ., 1914 г.; 12 — ломовые извозчики гор. Петербурга, 1910 г.

* В Москве (1964 г.) самые частые фамилии: 90 тыс. Ивановых, 78 тыс. Кузнецовых, 58 тыс. Смирновых, по 30 тыс. Волковых, Поповых, Петуховых, Соколовых, Гусевых, Дмитриевых (газ. «Вечерняя Москва», 1964, № 113).

Частотность форм фамилий,
%

Носители фамилий	Формы фамилий					
	-ов -ин	-ский	-й, -ный, -овый	-их, -ых	-енко	пр.*
Боярская дума, первая половина XVI в. ¹	53	38	7	—	—	2
Сенаторы, 1909 г. ²	44	22	—	—	—	34
Дворяне Владимир. губ., 1905 г. ³	68	19	.	—	—	13
Дворяне Пензен. губ., 1908 г. ⁴	74	15	1	—	—	10
Духовенство Симбир. епархии, 1907 г. ⁵	64	35	—	—	—	.
Купцы Вологды, 1744 г. ⁶	99	1	—	—	—	—
Купцы Пензы, 1850 г. ⁷	93	—	—	—	—	7
Горожане г. Петровска Саратов. губ., 1908 г. ⁸	94	5	—	—	—	1
Ломовые извозчики Петербурга, 1909 г. ⁹	94	3	—	—	—	3
Крестьяне	Симбир. губ., Сызран. у., Самайкин. вол., 1897 г. ¹⁰	100	—	—	—	—
	Владимир. губ., Юрьев. у., Аньков. вол., 1910 г. ¹¹	99	1	.	—	—
	Калуж. губ., Мосальск. у., 1914 г. ¹²	99	.	.	—	—
	Калуж. губ., Жиздрин. у., 1914 г. ¹³	98	2	—	—	—
	Воронеж. губ., Задон. у., 1914 г. ¹⁴	95	1	—	4	—
	Воронеж. губ., Землян. у., 1914 г. ¹⁵	94	.	—	6	—

Носители фамилий	Формы фамилий					
	-ов -ин	-ский	-й, -ный, -овый	-их, -ых	-енко	пр.*
Крестыне Воронеж. губ., Бирючен. у., 1914 г. ¹⁶	52	7	4	2	25	10
	Воронеж. губ., Валуйск. у., 1914 г. ¹⁷	65	6	1	.	20
Колхозники Брянск. обл., Жи- рятин. р-н, 1947 ¹⁸	95	3	.	—	2	.
Депутаты Советов г. Ульяновска, 1965 г. ¹⁹	87	4	.	.	2	7
Для сравнения: украинцы Запо- рож. обл., УССР ²⁰	7	7	6	—	22	58

* С другими суффиксами; без суффиксов; неславянские.

¹ А. А. Зими́н, Состав боярской думы в XV—XVI вв., — «Археологический ежегодник за 1957 г.», М., 1958.

² «Весь Петербург на 1910 г.», СПб., 1910.

³ М. И. Трегубов, Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии, Владимир, 1905.

⁴ «Списки дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии», Пенза, 1908.

⁵ «Списки избирателей в 4 Государственную думу по Симбирской губернии», Симбирск, 1907.

⁶ ЦГАДА, ф. 350, № 605.

⁷ Пензенский областной архив, ф. 60, № 365.

⁸ «Список недоимок за плательщиками сборов», Петровск, 1908.

⁹ «Весь Петербург на 1910 г.», СПб., 1910.

¹⁰ Ульяновский областной архив, ф. 597, оп. 1, №№ 32—34.

¹¹ Владимирский областной архив, ф. 820, оп. 1, № 38.

¹² ЦИАЛ, ф. 1290, оп. 7, № 207.

¹³ То же, № 200.

¹⁴ То же, №№ 91, 92.

¹⁵ То же, № 94.

¹⁶ То же, №№ 78, 80.

¹⁷ То же, № 88.

¹⁸ Брянский областной архив: Высоцкий сельсовет, ф. 1924, оп. 1, №№ 46, 47, 81—87, 89, 90; Страшевичский сельсовет, ф. 1924, оп. 3, №№ 43, 71, 73; Барышевский сельсовет, ф. 2443, оп. 1, №№ 55—57, 59, 60—64; Княвичский сельсовет, ф. 2444, оп. 1, №№ 42, 43.

¹⁹ Газ. «Ульяновская правда», 1965, №№ 47—49.

²⁰ Редько — 1966.

ского периода: *-ин* присоединяется к основам на *-а* (*рыба — Рыбин, Илья — Ильин*) безотносительно к полу и грамматическому роду (*отцов сын, но папин, как мамин*, аналогичны фамилии Воеводин, Старостин).

Так как различие *-ов* и *-ин* связано не с семантикой фамилий, а с формой основ их, то количественное соотношение изменчиво. Фамилии с *-ин* редели, так как убывали мужские имена на *-а*, зато в XIX в. возникла масса таких фамилий у народов, для которых господствовало именование с *-ка* (Абайкин). Некоторые данные (в процентах к числу носителей фамилий):

	<i>-ов</i>	<i>-ин</i>	прочие
Рязанские помещики, 1722 г.	68	23	9
Купцы Пензы, 1850 г.	63	30	7
Теперь в сельских местностях центральной России	70—80	20—30	1—6

Многие фамилии с *-ов* и с *-ин* кажутся образованными от одной основы: Гаврилов — Гаврилин. Нег, Гаврилов от Гаврил или от Гаврило, а Гаврилин от формы Гаврила, так и Бабков от Бабок или Бабко, а Бабкин от прозвища Бабка или нарицательного *бабка* (таковы мнимые пары Лисов — Лисин, Цыганков — Цыганкин). В некоторых случаях влиял пол: даже в студенческой среде слышим «старостова книга» вместо «старостина».

Именно притяжательному значению эти суффиксы обязаны своим господством в создании русских фамилий, основная масса которых дана по предкам или владельцам.

В губерниях центральной России все крестьянские фамилии образованы с суффиксами *-ов*, *-ин*, и только дальше от центра вклинивались иные формы. Пестрее картина в дворянской и городской среде, но и там преобладание *-ов*, *-ин*. Те же форманты нередко присоединяются и к иноязычным фамилиям, придавая им привычную в России форму (армян. Акопян → Акопов). Аналогично украинские и белорусские фамилии, уже имеющие свои форманты, например частые *-енко* или *-чук*, дополнительно получали на русской почве окончание *-ов*, *-ин*. В документах 1914 г. по Богучарскому уезду на юге Воронежской губернии продает землю Иван Репченков, покупает у него Евдокия Репченко [ЦИАЛ, ф. 1290, оп. 7, № 85, л. 118], в Острогожском уезде продает П. Резниченко, покупает у него М. Резниченко [там же, № 101, л. 294], в Бирюченском уезде продает Иван Гуркало, покупает его же односельчанин Игнат Гуркалов [там же, № 79, л. 16]; таких случаев множество.

Следующий распространенный формант — *-ский*. Прилагательные с этим суффиксом вызывают упорные споры. Принятое определение их основного значения как «групповой принадлежности» неудачно: принадлежность к какой «группе» выражена в сочетаниях *морской берег, майский вечер?* И *царский дворец* принадлежал не «коллективу» царей, а сану царя. Автор предложил рассматривать *-ск-* как суффикс не-

личной принадлежности [Никонов — 1962: 112]. Поэтому легко переход этого суффикса от притяжательного значения «чей?» к более широкому «какой?».

В польских фамилиях, как показал Ст. Роспонд, формант *-ski* был главным средством называния по месту происхождения: Jan z Osolina → Osoliński [Rospond — 1960]. Этот суффикс образовывал половину княжеских фамилий России. Создание централизованного Русского государства положило конец княжествам, а с ними и суффикс *-ский* утратил былой вес в образовании фамилий. Уже в составе Боярской думы середины XVI в., где князья смешались с боярами и сами стали боярами московского царя, только треть фамилий имела *-ский*. Позже у дворянства этот формант, поддерживаемый подражанием прежним феодалам и притоком польской шляхты, образовал меньше 20% фамилий (судя по владимирскому и пензенскому дворянству). Единственно у духовенства фамилии на *-ский* охватывали больше трети. А. М. Селищев, показав, что македонские фамилии на *-ич* продиктованы подражанием сербам, провел параллель: «Соответствующее явление можно указать в среде великорусского духовенства в XVIII в. и в начале XIX в. В этой среде была весьма распространена манера образовывать фамилии не по народному на *-ов* или *-ин*, а на *-ский*, с ударением на предпоследнем слоге по образцу книжному и западнорусскому (русско-польскому)» [Селищев — 1931: 393]. Это, может быть, верно в отношении таких фамилий, как *Диамантский*, *Коринфский*, или откровенных латинизмов (*Беневоленский*). Но большинство духовных фамилий на *-ский* связаны с престольными праздниками церкви: священник церкви Рождества стал Рождественским, так появились многочисленные *Благовещенские*, *Богородицкие*, *Богоявленские*. Нередки фамилии на *-ский* и с основами из названий местностей: *Белинские* — из села *Бельнь*; вероятно, такого же характера они у разночинцев. В крестьянскую семью такие фамилии проникали позже (с территориальным значением — *Казанский*), только в русско-украинском и русско-белорусском пограничье их доля выше. Сегодня в городах они составляют до 4—5%.

Другие формы — на *-й* (показатель полных, или, как их иначе называют, «местоименных», прилагательных; в женском роде *-ая*) — в русских фамилиях представлены очень слабо. В чистой форме, не осложненной другими формантами, архаичные *Толстой*, *Нагой*, *Благой* принадлежат еще княжеской и боярской поре; старинна и форма с общеславянским адъективным суффиксом *-н-* (*Грязной*, *Бедный*); моложе их — образования с одновременной префиксацией — *Задорожный*, *Подгорный*, *Бескровный*. Только среди бояр все такие фамилии достигали 7%. Позже даже среди дворянства

они не превышали 1%, а в других слоях населения были единичны или совсем отсутствовали и только в зоне смешанно-русско-украинского заселения достигали нескольких процентов. Некоторые из них удержали архаическую форму — Толстой, Грязной, тогда как в языке вне фамилий произошли передвижка ударений и перегласовка — *толстый, грязный* подобно явлению, отмеченному Ст. Роспондом в топонимике [Rospond — 1957: 46].

Другие формы фамилий охватывают очень малую часть русского населения, ни в одном социальном слое не достигая 10%. Из этих мелких групп выделяются только фамилии, которые в противоположность господствующей норме образованы прилагательными не в именительном падеже, а в родительном, при этом не только единственного числа (Живаго, Дурново), а и во множественном (Тонких, Косых). Переписи XVII в. подсказывают, из чего развились такие фамилии. В Алатырском уезде 1690 г. записан «максим богданов сын пёстрово» [МКД — VI: 89]. Это еще не фамилия («в переводе на современный язык — сын Пестрого»), но зерно, из которого выростали фамилии на *-ово* и *-их*.

Обозначения в форме родительного падежа тогда не оказались жизнеспособными, из них лишь немногие закрепились в качестве фамилий и совсем немногие уцелели до XIX в. — как в старославянской форме *-аго* (Живаго, Мертваго, Паренаго, Веселаго), так и в повседневной произносительной (Дурново, Хитрово, Недоброво), т. е. из имен или прозвищ Живой, Пареный, Хитрой, Недоброй и т. п. Лучшее исследование этой формы принадлежит Б.-О. Г. Унбегауну [Unbe-gaun — 1966a].

Продуктивнее оказались обозначения в форме родительного падежа множественного числа: Толстых, Тонких, Черных, Седых, Плохих, Вялых, Двуголовых, Черномордых, Гнилопуzych Сухоруких, Лисьих, Вольных, но также Одоевских, Валуйских, Павловских. Последние примеры «отфамильных» фамилий выдают свое принадлежностное значение.

Фамилии на *-их, -ых* известны как «сибирские». Но не там очаг этих фамилий. В европейской части страны они распространены в двух не связанных между собой зонах: на Севере (бывшие губернии Вологодская, Вятская, Пермская) и в черноземной полосе на междуречье Оки, Дона, Донца (губернии Курская, Воронежская, Орловская). Оттуда и пришли они за Урал.

По Таможенным книгам XVII в. фамилии на *-их, -ых* особенно часты среди устюжан, лаличан, вычегжан, реже у вологжан, ветлужан, костромичей. Е. И. Рудных, произведя подсчеты по переписи 1747 г. на Северной Двине, обнаружила максимальное скопление таких обозначений в Устюжском

в Ярокурском стане — 34% по всем переписанным, в Ивановском стане — 33, в Пермогорской волости — 28, в Ярославском наволоке — 17% и т. д.; в соседнем Тотемском уезде — от 6 до 9%, но в Старототемской волости они единичны; еще западнее их нет совсем. Из этого ареала они распространились на Вятку, Каму, оттуда на Урал и в Сибирь. В бывшей Вятской губернии, на старом пути в Сибирь, названия починков и займищ содержат фамилии владельцев — Фоминых, Прокопия Косых, Петра Комаровских, Дмитрия Глухих, Михея Бережных [СНМ — Вятская: 147, 476, 502, 516, 545]. В Ярославле 1671 г. упомянут Кирило Тонких [Ярославль — 1671: 541]. В южном ареале максимально сгущение фамилий с *-их, -ых* между Курском и Воронежем. У крестьян северных уездов Воронежской губернии (Задонского и Землянского) они составляли около 5%, а по отдельным селам гораздо больше*, а в южных уездах (Острогожском, Бирюченском, Валуйском) — лишь 0,2%.

Этот ареал охватывал и соседние территории центрально-черноземной полосы, редая по мере удаления. В Ельце 1858 г. купцы: Чалых, Сеченых, Коротких, Соковых [ОАО, ф. 780, д. 84, лл. 431, 748, 1093, 1108]. Для северных границ этого ареала можно привести: Болховский уезд (северо-западнее Орла), 1892 г. — Гладких, Жарких, Кривых, Лозовых, Слепых, Соловых, Тельных, Хмелевских [ОАО, ф. 463, № 2]; Ефремовский район (юг Тульской обл.), 1961 г. — Босых, Гладких, Долгих, Жидких, Лесных, Милых, Нагих, Ноздревых, Рогатых, Рыжих, Чалых, Широких; Старо-Юрьевский район (северо-западнее Тамбова), 1901 г. — Донских, Задонских, Мухортых, Толстых.

Во всей центральной полосе фамилий на *-их, -ых* нет. Каким же образом они оказались распространены севернее и южнее? Зависим ли один их ареал от другого? Предположить, что прежде эти фамилии были распространены повсеместно, но вытеснены в центре, нельзя, так как там не найдено их следов. Независимо возникли на севере и юге? А почему нет в Москве? Остается предположить, что они занесены на юг с севера при массовом переселении русских на просторы «дикого поля» со второй половины XVI в. В условиях отсталого, крепостного хозяйства к концу XVIII в. начала сказываться аграрная перенаселенность центрально-черноземных губерний, и крестьяне оттуда двинулись в Заволжские

* В 1884 г. в селах Черниговка Вторая и Никольское (Товарное) из 146 семей, перечисленных в документах на выкуп земли, 25 носили фамилии на *-их* [ЦИАЛ, ф. 577, оп. 8, № 361]. В 1915 г. по Землянскому уезду: Гаевских, Гладких, Долгих, Жарких, Елецких, Клецких, Коротких, Крутских, Милых, Молодых, Полянских, Пьяных, Рыжих, Сеченых, Столповских, Удалых, Хромых, Целых, Черных, Шерстяных, Шумских, Щеголевых [ЦИАЛ, ф. 1290, оп. 7, № 94].

Зоны фамилий на *-их, -ых*:

1. Наличие таких фамилий.
2. Максимальное сгущение.

степи, неся с собой и фамилии на *-их, -ых*. В Большеглушицкой волости Николаевского уезда Самарской губернии 1898 г. встречаем фамилии Белых, Борзых, Долгих, Седых [Куйб. ОА, ф. 171, оп. 1, № 125]. В XIX в. переселение шло уже в Южную Сибирь. На линии Оби встретились и переплелись оба потока — северный и южный. В некоторых волостях бывшего Томского уезда немало таких фамилий: Беспрозрачных (но есть и Беспрозрачный), Долгих, Донских, Ильиных, Конопатых, Старых, Усатых (достигли даже 3%), они распространились по Сибири и на Алтае (схема 7).

Результаты подсчетов удивили отсутствием фамилий на *-ич*: только среди дворян их 2% (по Владимирской и Пензенской губерниям одинаково), а в остальных слоях населения они единичны, среди крестьян не встретились даже в Калужской губернии, где можно было ожидать следов белорусских и польских влияний (правда, подсчеты не охватили Смоленщину). Характерны указания в списке дворян Владимирской губернии, откуда появились носители фамилий на *-ич*: Андриевичи «перечислены из дворян Черниговской губ.» [Трегубов: 8], Буткевичи — из Виленской, Кондратовичи — из Могилевской, Курцевичи — из Волынской, Потоповичи — из польских дворян, Ивеличи — «из хорватов»; Владиславлеви-

чи, Миславичи, Цехановичи не имеют таких пометок, но их основы прямо указывают на приход с запада. Сейчас в городах встречаются фамилии на *-ич*. Среди депутатов Советов в Ульяновске 1965 г. их 3 из 780.

Только на территории с мощной струей украинского населения в фамилиях усиливаются другие элементы. Достаточно сравнить в табл. 26 северные и южные уезды Воронежской губернии. Определить украинские элементы легко по приведенным для сравнения данным Уманского уезда Киевской губернии: незначительна доля *-ов*, *-ин*, многочисленны фамилии на *-енко* (Хоменко, Коваленко), с прочими формантами, особенно *-ук*, *-чук* (Власюк, Багнюк, Ткачук), и многие другие (*-ун*, *-аха* и пр.); очень часты бессуффиксные фамилии — Мороз, Сорока, Скрипка, Дуда, среди них много *nomina agentis* — Ткач, Коваль, Бондарь, Резник, Мельник, часты и составные — Сероштан, Криворот, Волкотруб, Драпогуз, Рябоконь, Пятинога, Перебейнос, Тонкошкур, Чертоляс. Многие из этих основ общи с русскими, но при сходстве основ фамилии отличаются от русских отсутствием суффиксов.

Характерные примеры «народного типа чешских и словацких фамилий» привел Ст. Роспонд: Халупка, Чапек, Дволак, Гачек, Гус, Калина, Колар, Сметана, Свобода, Брба и др. [Rospond — 1957: 106]. С этим перечнем перекликаются украинские фамилии — различна лексика, но сходства серьезные: *nomina agentis*, отсутствие суффиксов фамилий, уменьшительный суффикс *-к* в основах. Но нет нужды подозревать копирование. В Балахне 1674 г. не имевшие фамилий горожане именовались сходно с современными украинцами: Потираха, Вага, Бирюч, Бебень, Бубен, Домолега, Подсекиборть. Утвердившаяся позже норма русских фамилий полностью изменила картину, во всяком случае в официальных документах. Не связано ли это с тем, что почти вся масса населения России получила фамилии в очень краткий и очень поздний исторический период (XVIII—XIX вв.)? Государственная регламентация быстро нивелировала фамилии и закрепила их норму, тогда как на Украине процесс установления фамилий, начавшийся раньше, протекал длительное и менее регламентированно. Надо учитывать близость между русскими и болгарскими фамилиями (господство суффиксации, преобладание *-ов*).

Интересны фамилии с составными основами. Их анализ требует особого лингвистического исследования. Здесь приходится ограничиться самой общей группировкой их (так как речь идет об основах, можно рассмотреть их безотносительно к суффиксации); 1) объектно-глагольные, по значению преимущественно имена деятеля — Винокуров, Шаповалов, Коновалов, Водовозов, Козодеров, Грибоедов; 2) адъектив-

ные — Кривоносов, Чистозвонов, Пустозвонов, Черноиванов, Заднеулицын; 3) императивные, остающиеся до сих пор генетически загадочной группой в славянской ономастике — украинские фамилии Перебейнос, Молибога, Дериглаз, Убейкобыла, Забей-ворота (аналогичны топонимы — Звенигород, Гуляй-поле, польск. *Ugwichwost*); вне этих типов — единичные, например описательные конструкции, — украинская фамилия Нетудыхата. Неправомерно назвать такие фамилии составными: в каждой одна основа, будь это словосочетание *голое брюхо*, не говоря уже о *винокур*. Составные тут не фамилии, а их основы. Иное дело — действительно составные фамилии, соединенные из фамилий: Голенищев-Кутузов, Сквозник-Дмухановский.

Аналогично обстоит дело с мнимоприставочными фамилиями: в большинстве случаев префиксы принадлежат основам. Это ясно каждому в фамилиях Разлукин, Подгорный, Разбитной, Погорелов, где никаких приставок нет — они уже были в словах *разлука*, *подгорный*, *разбитной*, *погорелый*, т. е. образовывали не фамилии, а еще основы их или даже основы их основ (Распутин ← *распутин*, т. е. сын Распуты, а это мужское прозвище со значением 'распутный'). Таковы и фамилии Расстригин, Раслопов, Раздьяконов — из обозначений лиц, лишенных духовного сана, — *расстрига*, *распоп*, *раздьякон*. Менее ясно это в многочисленных фамилиях, обязанных глаголам: Разгуляев, Расторгуев, Полетаев, Погадаев, Замараев, Завертяев, Подкопаев, Подшивалов и т. п., но и они в большинстве образованы, вероятно, не из глагола и префикса, а из прозвищ Разгуляй, Завертяй, основами которых были отглагольные префиксальные существительные. Но когда сложились нормы фамилий, стало возможным образовывать такие фамилии и прямо из глагола и приставки, по уже готовой модели таких фамилий, как Разгуляев и подобные, которые казались образованными из глагола и приставки, хотя это — самообман. Позднее фамилии такой модели (возможно, Разуваев) могли быть образованы уже непосредственно; в отношении многих фамилий (Подкорытов, Раздобреев, Подколесин) этого не решить без специальных исследований.

Русским фамилиям чуждо обычное у поляков и чехов образование женских фамилий из мужских с помощью суффикса принадлежности (чьа?»: чешская фамилия мужа *Beneš*, соответственно его жена *Benešova*, польская мужская фамилия *Karłuk*, фамилия его жены — *Karłukowa*, фамилия его дочери *Karłukówna*; аналогичный материал в южнославянских языках собрал А. Заремба [*Zaręba* — 1963]. В использованных источниках по Киевской губернии (1914 г.) нередки такие примеры: в одном и том же документе мужчина Шара-

паниук, женщина Шарапанюкова, в другом — мужчина Уманец, женщина Уманцева. За века до установления фамилий и Новгороде называли жен по мужьям: Завид — Завижая, Полюд — Полюжая. Русскому просторечию знакомы образования Иваниха 'жена Ивана', позже — 'жена Иванова', Кузнециха в значении 'жена Кузнецова' (более раннее — 'жена кузнеца'), но достоянием литературного языка и они не стали. В противоположность чешским и польским фамилиям, возникшим в форме имен существительных, русские фамилии возникали в форме прилагательных, поэтому им не нужен добавочный суффикс, чтобы образовать форму женского рода: Иванов — Иванова.

‡

Знаменательно размещение ареалов максимума *-енко* и *-чук*, *-чук* в фамилиях на Украине [Редько: 196—199] и в Белоруссии [Бирилло: 38—39], пока не объясненное. Граница этого ареала проходит перпендикулярно границе расселения украинцев и белорусов. Фамилии на *-енко* (Кириленко, Коваленко)

максимально часты в восточной половине Украины, охватывая там 25—30% населения, и на востоке Белоруссии. А зона наибольшей частоты фамилий с *-ук*, *-чук* (Тарасюк, Немчук) охватывает значительную часть Правобережной Украины (главным образом Подолию и Волынь — области Винницкая, Хмельницкая, Черновицкая, юг и запад Житомирской, Волынская, Ровенская)

и смежную юго-западную часть Белоруссии, где в Брестской и соседних областях суффиксы *-ук*, *-чук* образуют даже абсолютное большинство фамилий. Границы между зонами не только не соответствуют границе между Украиной и Белоруссией, а перпендикулярны ей. Но этого никто не заметил, так как географию форм фамилий не сопоставляли, — украинские и белорусские исследователи работали врозь. А такое расположение зоны *-енко* и зоны *-ук*, *-чук*, конечно, исторически обусловлено и чрезвычайно ценно для истории формирования народов.

Максимумы фамилий на *-енко*, *-ук* (*-чук*), *-ак* в Белорусской и Украинской ССР:

1 — *-енко*; 2 — *-ук*, *-чук*; 3 — *-ак*.

Фамилии с формантом *-ак* особенно часты на крайнем западе Украины — в Закарпатье, на северо-востоке Словакии — в ее «гуральской» стороне, на юго-востоке Польши. Ареал их максимума также образует единство наперекор современным этническим рубежам. К сожалению, ни П. Смочиньского, исследующего их в Польше, ни И. Кришакову, исследующую их (под руководством В. Бланара) в Словакии, не заинтересовало это; не очертили они и западной границы ареала; слово за антропонимистами Венгрии, Румынии, а, возможно, и Югославии — южная граница ареала неизвестна.

Когда и как образовались эти ареалы максимумов *-енко*, *-ук*, *-ак*, не считающиеся с этническими границами? Никто этим не занимался. А ответ очень важен для истории народов этих территорий.

‡

Для образования фамилий, как и всей антропонимии, шире — всей ономастики, использованы те же средства, какие есть в языке вне ономастики. Но как мало видеть только это! Главное — жесткий отбор языковых средств, лишь ничтожная часть которых служит образованию фамилий, и особая дальнейшая судьба их. Так, краткие притяжательные прилагательные, теряя продуктивность в русском языке вне ономастики, еще сохраняли господство в образовании русских топонимов вплоть до XVII в., а утратив преобладание в топонимии, стали господствующим средством образования русских фамилий.

Бесспорны резкие социальные различия форм русских фамилий в прошлом, стертые только в послеоктябрьские годы. Чтобы хронологическая разница не отвлекала внимания, можно привести синхронное сопоставление, взяв из адресной книги «Весь Петербург» на 1910 г. фамилии всех сенаторов и всех ломовых извозчиков столицы (табл. 28).

Таблица 28

*Социальные различия русских фамилий в 1910 г.
(в процентах)*

	<i>-ов, -ин</i>	<i>-ский</i>	<i>-ич</i>	проч. славян.	неславян.
Сенаторы	43,8	22,2	5,0	2,6	26,4
Ломовые извозчики . . .	93,6	2,6	0,3	0,3	3,2

Разумеется, это не значит, что в самом форманте заложены какие-то социальные признаки. Такая окрашенность

форм сложилась исторически в силу двух причин. Во-первых, фамилии различных социальных слоев возникали с разными значениями: у князей — по владениям, у крестьян — из именования предка или владельца, у духовенства — из наименования церкви или отвлеченно-украшательные. Соответственно требовались разные формы. Во-вторых, фамилии складывались в различное время; например, у бояр XVI в. родовые прозвания можно считать уже фамилиями*, а у крестьян процесс становления фамилий протекал несколькими столетиями позже и в массе завершался лишь с падением крепостного права. А употребительность формантов в языке изменялась, и это тоже создавало различия фамильных форм для различных социальных слоев, затем становившиеся своего рода сословным признаком. Однако опасно упрощать — приклеивать форме фамилий сословный ярлык или внеисторическое неизменное значение, не учитывая всей сложности развития языковых форм.

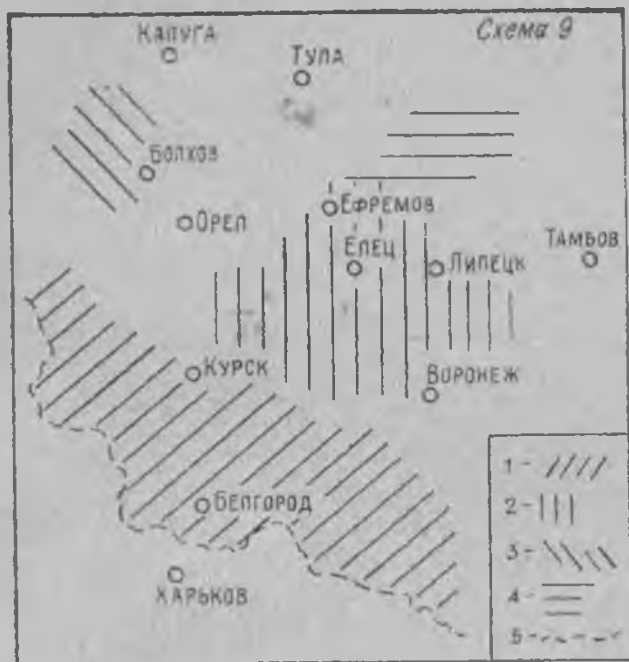
‡

Кроме форм самих фамилий богаты информацией и формы их основ; важно не смешивать эти два плана. Сколько фамилий в этимологическом гнезде *горб*: Горбаков, Горбанев, Горбанов, Горбатенко(в), Горбаткин, Горбатов, Горбатовский, Горбацкий, Горбачев, Горбачевич, Горбачевский, Горбачук, Горбашев, Горбенков, Горбин, Горбов, Горбовский, Горбовцев, Горбунков, Горбунов, Горбунцов, Горбушенков, Горбушин, Горбушкин, Горбылев, если даже не считать украинских и белорусских, не зафиксированных у русских, — Горбань, Горбанюк, Горбатюк, Горбач, Горбаш. Едва ли надо объяснять, что основа фамилии Горбушкин — не *горб*, а *горбушка*, но точно так же и Горбачев, Горбунов, Горбунков не от *горб*, а от *горбач*, *горбун*, *горбунок*; все это — различия не фамилий, а их основ, в ряде случаев даже дальних. Можно построить разветвленную и многоступенчатую таблицу, показывающую все промежуточные звенья, — она не уместится на большом листе. Такое исследование, вскрывающее сложность и этажность системы словообразования, находится вне анализа форм фамилий, которые для него только материал (если идти от них) или только результат (если идти к ним).

Формы основ полезно знать при изучении фамилий, не смешивая это с анализом форм самих фамилий. Фамилии с окончанием *-чкин* (Гришечкин, Климочкин, Пяточкин и т. п.)

* Различие между родовым прозванием и фамилией сформулировал В. К. Чичагов [Чичагов: 110].

образованы не формантом *-чкин*, а только *-ин*, как и другие патронимичные фамилии (Гришин, Гришкин, Пяткин). Но в отличие от всех фамилий на *-ин* они максимально часты в определенном ареале — на стыке Калужской, Орловской и Тульской областей. Отличаются от других фамилий на *-ин* они тем, что их основы (*гришечкин*) образованы от особой формы именований, добродушно-ироничных Гришечка, Климочка, Пяточка, очень распространенных на этой территории.

Частые формы фамилий на юге России:
1 — *-енко*; 2 — *-их*, *-ых*; 3 — *-очкин*; 4 — *-ичев*.
5 — граница РСФСР.

В фамилиях на *-итин* формант принадлежит самой основе: Костромитин не из Кострома+итин, а из *костромитин* 'житель Костромы', 'уроженец Костромы' или даже из модели Костромитинов с упрощением в Костромитин, где *-ин* принято за частый фамилеобразующий суффикс (Митин, Никитин). В языке такие случаи не единичны (*зонт* из *зонтик*, а не наоборот, так и *труссы* из *трусика*, в русской антропонимии *Зот* из *Зотик*).

Таким образом, фамилии на *-итин* и *-итинов* — лишь варианты одной фамилии, не выражающие семантического различия, хотя значения их основ, конечно, различны (*костромитин* — сам костромич, а *костромитинов* — сын костромитина). Фамилий с *-итин(ов)* — около двух десятков: Аржевитин, Белевитин, Болховитин, Боровитин, Веневитин, Веревитин, Вязьмитин, Коломнитин, Костромитин (и Костромитинов), Луховитин, Масалитин, Можайтин, Москвитин (и Москвитинов), Островитин, Пермитин (и Пермитинов), Псковитин, Ржевитин, Серпуховитин, Тверитин, Чусовитин (вероятно, есть еще не выявленные). Указываемые ими города образуют на карте строго очерченную территорию — Московское государство в границах середины XVI в. Отсюда вывод, существенный для истории русского языка: именованья жителей с названием города в основе и суффиксом *-итин* возникали максимально в XV и начале XVI в. В данном случае известны исторические границы, но теоре-

тически можно представить обратные условия задачи: языковедение знало бы, каким временем датируется наибольшая частота форманта *-итин*, а история не располагала бы данными о территории Московского государства — в таком случае фамилии помогли бы ее очертить.

#

Итак, при анализе фамилий необходимо отличать значение фамилии от значения ее основы и форму фамилии от формы ее основы. Какова связь между ними?

Форма фамилии выражала ее значение (этимологическое, конечно), которое, следовательно, и диктовало выбор. Но образование фамилий, как и всех слов, происходит по языковым законам словообразования, которые вносят свои существенные «поправки». Во-первых, в разные исторические периоды изменялись значения слова, изменялись формы, изменялись связи между ними. Поэтому в русских фамилиях, возникавших на протяжении нескольких столетий, отложились различные нормы словообразования. Во-вторых, выбор формы зависит не только от значения создаваемого слова, но и от формы основы (притяжательное прилагательное от *отец* — *отцов*, а от *папа* — *папин*, хотя выражаемое отношение принадлежности в них абсолютно тождественно)*.

Поэтому зависимость формы фамилий от их значений (этимологических) неоднозначна: одни и те же значения бывают выражены разными способами и средствами; например, одни патронимичные фамилии образованы суффиксом *-ов* (Петров, Воронов из *воронов* ← *Ворон* ← *ворон*), а другие — *-ин* (Ильин, Воронин из *воронин* ← *Ворона* ← *ворона*) в зависимости от формы основы, и обратно — одна и та же форма может выражать разные значения; например, форманты *-ов* и *-ин* выражали и патронимичность и принадлежность**, формант *-ский* выступал и в княжеских фамилиях по владениям (Шуйские владели Шуйей), и в фамилиях демократических, образованных по месту происхождения или жительства (предки Белинского не владели селом Бельинь).

* Подробнее эти проблемы словообразования изложены в моих работах: «Метод исследования суффиксов прилагательных», — «Структурно-типологические исследования», М., 1962, и «Русское словообразование», — сб. «Этимология» — 1967. Материалы международного симпозиума, М., 1969.

** Отсюда сходство господствующих форм русских названий населенных мест и русских фамилий: фамилия Осташков и город Осташков — не одно из другого, а то и другое из одного источника — Осташка — уничтожительная форма личного имени Евстафий; так и город Иваново. И подмосковное Пушкино (как и фамилия Пушкин) — от имени боярина Пушка и множество других.

МОРДОВСКИЕ ФАМИЛИИ

При изучении мордовских фамилий прежде всего приходится устранить очень серьезную ошибку, широко распространенную. Исследователи, пользующиеся обширными списками мордвы XVII—XVIII вв., убеждены, что там даны фамилии. Например, Атемарская десятина 1669 г. перечисляет мордовских мурз, которые несут станичную службу по Саранску: Мотяй Валгоматов, Аркайко Ермоватов, Налеватко Аркаев. [ДПК: 213]. Видимое тождество с современными фамилиями обманчиво. Это не фамилии, а отчества, как в подобных для того времени перечнях и русских и татар. Во всех этих случаях второй член именованья — русская краткая форма притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов* (*-ев*), образованная из мордовского имени отца («чей сын?» — Аркаев, т. е. сын Аркая). Если основа оканчивалась на *-а*, то по законам еще древнерусского словообразования для образования притяжательного прилагательного требовался суффикс не *-ов*, а *-ин*: от уничижительной формы Аркайка отчество не Аркайков, а Аркайкин.

Сомневающийся может убедиться на таких примерах (к сожалению, они не слишком часты), когда документ приводит два поколения: в Темникове 1692 г. мордовский сотник у стрельцов Иван Тимофеев, а отец его по тому же документу Тимофей Борисов [ИТУАК — 34: 172], сын сотника будет именоваться Иванов. Даже в тех случаях, когда именованье трехчленно, это еще не доказывает наличия фамилии: возможно второе отчество (из другого имени отца) или, вероятнее, скользящее дедичество. Так, например, в Темникове 1657 г. документирован служилый татарин Алемаска Янгозин сын Кежеватов, в документе указано «отец его Янгозя да дядя его родной Чюват Кежеватовы померли» [ДИМ, т. I, ч. 2, стр. 262]: Янгозин — отчество, Кежеватов — дедичество, которое в следующем поколении обычно сменялось.

У служилой и землевладельческой части мордвы, вероятно, фамилии закреплялись в следующем, XVIII в. А основная масса мордовского населения оставалась бесфамильной.

Нет надежных фамилий и в многочисленных документах о мордве XVIII и даже первой половины XIX в. Им, как и русским крепостным крестьянам, в документах до середины XIX в. фамилий не полагалось. Как и у русских крестьян, «уличные» фамилии у мордвы возникали уже и в XVIII в., но официального признания не получали. Правда, государственных крестьян при переписях местами указывали с фамилиями. Но вот ревизская сказка даже 1858 г. по с. Мордовские Юнки Краснослободского уезда перечисляет всех только двучленно — без фамилий [РАМ, ф. 26, оп. 2, № 11], тогда как в соседнем заштатном городке Троицке того же года большинство жителей записаны с фамилиями.

Исключение составляли фамилии феодалов — таких крупных землевладельцев, как князя Еделевы, многим ветвям которых принадлежали земли во многих частях Среднего Поволжья; но род этот мог быть татарским, хотя в числе мордовских мурз 1677 г. указаны Несмеян мурза Чемаев сын князь Еделев, Незван мурза Канбаров сын князь Еделев, Григорий мурза Китаев сын князь Еделев, Кормила мурза Яскин сын князь Еделев [ДПК: 69].

Именно правовая функция именованья (а не различение одного Аркая от другого Аркая, как обычно кажется) обусловила возникновение отчеств, позже и фамилий; они подтверждали право наследования. Для различения много других признаков. Социальные условия, особенно захват земель в собственность, создавали необходимость юридически закрепить преемственность владений от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. Поэтому именно в привилегированном слое фамилии возникали раньше.

Из отчеств (или дедичеств) возникли почти все мордовские фамилии, как и русские. Рассматривая фамилию, связывают ее часто непосредственно с нарицательным существительным, которое слышат в ее основе, а это неверно. Фамилия Эрекаев (в Торбеевском районе) произошла не от нарицательного *эрек* 'живой, бодрый, активный', а из мужского личного имени в форме Эрекей; основа фамилии Венчаков — не *венч* 'лодка', а мужское личное имя Венчак; так и Кирдяпин — из личного имени Кирдяпа, а не из нарицательного *кирди* 'терпеливый, сдержанный' и т. д. Эти личные имена действительно связаны с приведенными нарицательными, но происхождение личных имен — совсем другой вопрос, требующий иных исследований (в Мордовии этим занимаются Д. Т. Надькин, Н. Ф. Мокшин, Д. В. Цыганкин, В. Н. Кушлин). От возникновения личного имени до образования фамилий могли пройти века. Нельзя смешивать эти два совершенно разных процесса.

Имена, из которых образованы у мордвы отчества и де-

дичества, позже закрепленные в качестве фамилий, по своему языковому происхождению очень различны. Возьмем отрывок любого старинного перечня мордовского населения: например в Пензенской десятне 1677 г. названы в числе мордовских мурз «Арслан мурза Пилесев, Нечай мурза Чулпанов, Пивцай мурза Злобин, Павел мурза Алемаев, Симдяй мурза Степанов» [ДПК: 60] и т. д.; причудливо переплелись имена мордовские (Пивцай, Пилесь), татарские (Арслан, Чулпан), русские нецерковные (Злоба, Нечай), русские церковные (Павел, Степан). Если у отца имя русское, а у сына мордовское или наоборот, значит, к тому времени эти имена существовали для мордвы уже безотносительно к их языковым источникам. Поэтому не удивительно, что в основах мордовских фамилий обнаруживаются эти главные источники, которые ко времени возникновения фамилий успели слиться. Взять хотя бы населенное мокшей с. Вадово-Селище (Зубово-Полянский район) за 1935 г. [РАМ, ф. 1245-Р, оп. 1, №№ 3 и 7] — среди 43 фамилий на 1512 жителей 213 Щукиных, 188 Соколовых, 34 Спириных, 17 Афониных, 118 Кичапиных, 12 Пороватовых. Так и в каждом мордовском селе.

Количественное соотношение источников фамилий показывают сплошные подсчеты фамилий мордвы по 23 населенным пунктам Мордовской АССР и нескольким районам Ульяновской области. В этих населенных пунктах все мордовское население учтено полностью — больше тысячи фамилий, около 20 тыс. носителей (табл. 29); показатели приведены в процентах к сумме фамилий (а не носителей) по данной местности; мордва Ульяновской области дана без деления на эрзю и мокшу.

1. Канонические имена. Основами фамилий стали усвоенные от русских имена из православных святцев — как в официальной церковной форме их (фамилии Макаров, Фомин), так и от различных производных форм (Асташкин от формы Асташка из имени Евстафий через цепочку промежуточных звеньев). Все фамилии этой группы у мордвы нигде не достигают 40%, колеблясь от 17 до 39%; они чаще там, где русско-мордовские связи длительнее и теснее, — у границ Рязанской области, в Астрадамовском районе на северо-западе Ульяновской области.

Обнаружить каноническое имя в основе фамилии не всегда просто: основой фамилии чаще становилась производная неузнаваемая форма имени, многие имена полностью вышли из употребления и давно забыты, фамилию с непонятной основой искажали и переосмыслили. Фамилия Ларькин (с. Старое Лепьево, Краснослободский район) связана не с нарицательным *ларёк* 'маленький ларь', а с формой Ларька от канонического имени Илларион, обиходно Ларион; из того же

Источники основ фамилий у мордвы
(в процентах)

Местность		1*	2	3	4
Эрзя	Вадово-Селище, Пичевка, Анаево, Насакино, Старая Пичеморга	23	41	33	3
	Зайцево, Мордов. Полянки, Куликов- ка, Стар. Лаптево, Стар. Потьма	38	26	33	3
	Старое Шайгово, Саргино	21	29	47	3
	среднее	27	33	37	3
Эрзя	Чукалы (Бол.-Игнатов. р-н)	17	40	41	2
	Лобаски (Ичалков. р-н)	32	36	30	2
	Курилово, Курган (Ромоданов. р-н)	26	37	34	3
	Киржеманы (Чамзин. р-н)	31	41	26	2
	Урусово, Жабино, Баево (Ардатов. р-н)	30	41	27	2
	Поводимово (Дубен. р-н)	26	41	31	2
	Семилей (Кочкуров. р-н)	26	33	38	3
среднее	27	39	31	3	
Мордва Ульянов- ской обл.	Помаево, Паркино, Атяшкино (Астра- дамов. р-н)	39	27	30	3
	Красная Река, Базарные, Мордов. Юрткули, Грязнушка (Старо-Майн. р-н)	28	42	28	2
	Селенья Ново-Малыклинского района	20	37	41	2

* 1) Канонические (церковные) имена; 2) русские нецерковные имена или непосредственно нарицательные русские слова; 3) мордовские имена; 4) неясные.

этимологического гнезда и фамилии Ларьков (от формы Ларько или Ларёк), Ларин (от формы Ларя), Ларичкин, Ларионов. В этой группе и фамилия Дорожкин (напомню: ее источник не *дорога*, а Дорофей). Возможно, фамилия Радаев (Родаев), очень распространенная у мордвы, тоже обязана каноническому имени — Родион, как и фамилии Родин, Родионов, в с. Старое Шайгово — Родькины и Родайкины. Фор-

ма Родай (Радай) от имени Родион естественна у мордвы — фамилии Петряев, Петяйкин, Боряев, Борькаев доказывают существование форм Петрай, Петяй, Боряй, Борькай от канонических имен Петр и Борис независимо от того, какому языку принадлежал формант *-ай*.

2. Русские нецерковные имена или русские нарицательные (разделить их во многих случаях затруднительно). Эти основы образуют от 26 до 42% мордовских фамилий. Хорошо известны древнерусские имена Ждан, Дружина, Ворона, Волк и другие, они существовали до конца XVII в.; можно предположить, что у мордвы, сопротивлявшейся православию, они продержались дольше, до появления фамилий. Вероятнее все же, что фамилии Жданов, Дружинин, Воронин, Волков, обычные у русских, появились у мордвы иначе, не из нарицательных, а как готовые фамилии: русский женился на мордовке и входил в мордовскую среду, а фамилию приносил русскую. И сейчас нередко в посемейных списках: муж — русский, а его жена, дети, внучата записаны эрзя или мокша, но с его русской фамилией.

3. Мордовские имена или мордовские нарицательные. Этимологии многих фамилий прозрачны: Учеватов — *учемс* 'ждать'; Вечкомов — *вечкомс* 'любить, уважать'; Рузаев и Рузайкин — из прилагательных (тоже в русской форме, как и обе приведенные фамилии с *-ов*) от имени Рузай, которое из мордовского нарицательного *руз* 'русский' (из имени Рузай возник и топоним Рузаевка, как показал по архивным материалам И. Д. Воронин); *рузава* 'русская' (*руз* + *ава*), с этим связана частая у мордвы фамилия Рузавин. Однако из этого нельзя делать вывод, что предки Рузаевых, Рузайкиных, Рузавиных непременно были русскими, — название сложнее. Имена Рузай, Рузайка, Рузава могли дать и не по происхождению, а за торговые связи с русскими или за русскую одежду и т. п. (напомню пример А. И. Соболевского — русские имена родных братьев Русин и Мещерин дети Черемисина). Эту сложность часто игнорируют, «объясняя» имена и фамилии, «понятные» слова в основах как общеизвестные «ложные друзья переводчика»; это неизбежно ведет к ошибке. Если выяснять происхождение имени собственного, мало знать «из какого слова», а надо выяснить «почему» — этиологию, т. е. условия и причины именно такого названия [Nikonov — 1960]. Фамилия Нарьмонеv (с. Анаево Zubovo-Полянского района), конечно, связана с мордовским нарицательным *нармунь* 'птица', но за что предка Нарьмонеvых называли птицей? Ловил ли он птиц, был ли чем-то похож на птицу, или при его рождении мать слышала пение птицы и т. п.? А во многих случаях неизвестно и само слово, которое дало основу фамилии или имени.

В ту же графу таблицы пришлось отнести фамилии с тюркоязычными основами (Абаев, Чегодаев), так как при подсчете невозможно в каждом случае проводить специальное исследование — возникла ли фамилия в татарской семье, которая позже слилась с мордвой, или татарское слово заимствовано мордвой и уже как слово мордовского языка дало основу фамилии, например Батмановы (с. Урусово Ардатовского района), Салмины (с. Старая Пичиморга, Торбеевский район): слова *батман* и *салма* — тюркского происхождения, но давно вошли в мордовский язык. В эту группу включены и мусульманские имена; от них — фамилии Асманов, Измаков, Касимкин, Мансуров.

Основами мордовских фамилий личные имена становились в тех формах, какие употреблялись повседневно в быту. Так, одно лексическое гнездо дало формы, встречающиеся в старых документах: Кирдяй, Кирдян, Кирдяш, Кирдяс, Кирдяпа, Кирдеват, Кирдюш. Из них возникли отчества, став позже фамилиями. Не выяснено, воспринимались ли эти именованья как формы одного и того же имени или как самостоятельные различные имена; но фамилии из них, конечно, уже не варианты одной, а совершенно независимые одна от другой.

Форманты мордовских личных имен в большинстве остаются неизученными, даже самый частый *-ай*. Фамилии Пуштаев, Пивцайкин позволяют обнаружить в них формы имен Пуштай (из *пушт* 'толокно'), Пивцай (из эрзя *пивсемс* 'молотить'). Так как элемент *-ай* часто встречается в личных именах и у русских и у татар, возникло предположение, что мордва заимствовала его у соседей. Но Д. В. Цыганкин отстаивает мордовское происхождение *-ай*. Мордовское *-ай* образует формы звательного падежа, или, лучше сказать, формы обращения. Содержащие этот элемент фамилии (на *-аев* и *-айкин*) составляют меньше 20% и у эрзя и у мокши, также и у мордвы вне Мордовской АССР, например у мордвы Ульяновской области — как на правом берегу (в селах Помаево, Атяшкино, Паркино Астрадамовского района), так и в Заволжье (Старо-Майнский и Ново-Малыклинский районы).

Фамилии Шулепов, Резепов, Резепкин, Волгапкин свидетельствуют о личных именах, образованных формантом *-еп* (*-ан*). К сожалению, им никто не занимался. На XIV Всесоюзной финно-угорской конференции (Саранск, 1972) Г. А. Архипов в докладе об удмуртских фамилиях привел фамилию Шулепов как чисто удмуртскую, не зная о Шулеповых в Мордовии. Не тюркского ли происхождения формант? Например, в чувашском и татарском он образует глагольные «формы возможности», соответствуя значению русских выражений

«да будет», «пусть», т. е. выражая одно из самых частых антропонимических значений. Может быть, его можно признать формантом дезидератива — пожелательного наклонения, но такая гипотеза ждет серьезных доказательств и строгой проверки. Не исследованы и другие форманты личных имен, отраженные в фамилиях, например *-оват*: Инжеватов, Пороватов, Кежеватов, Учеватов, Чивеватов и др.; не от *инже* 'гость', *учемс* 'ждать', *чиче* в эрзя-мордовском 'блоха' образованы эти фамилии, а от личных имен. Остается открытым вопрос о значении и функции форманта, которым образовано из *инже* 'гость' мужское личное имя Инжеват; так и Кежеват, Учеват и др. Фамилии от имен с *-оват* составляют не больше 1—2%, но признак очень характерен и указывает на бывшее расселение мордвы: несколько дворов Инжеватовы в с. Тростянке Самарского уезда в 1902 г. [Куйб. ОА, ф. 382, оп. 2, № 2], название крупного села Кузоватово близ Сызранки.

Характерны и некоторые фонетические признаки мордовских фамилий — сочетания согласных *ки* (Ваньтякшин, Ведякшин, Мокшин, Пилякшев, Покштяев), *кс* (Маяксин, Нуяксов, Максаков), *нз* (Пиянзин, Принзин, Миланзов, Шавензов), *р* в позиции перед согласными (Кирдяпин, Ермоватов), однако некоторые из этих признаков свойственны и тюркским языкам.

Мордовские (и тюркские) личные имена и нарицательные образуют от 26 до 47% всех фамилий мордвы в разных местностях. Они особенно часты в глубине расселения мордвы (Старо-Шайговский район, с. Чукалы Больше-Игнатовского района).

Все фамилии с нерусскими основами у мордвы гибридные по языку — они оформлены русскими суффиксами *-ов* (*-ев*) или *-ин*.

4. Неясные. Например, фамилия Кончинов кажется русской, но семантически ее трудно оправдать, а мокшанский глагол *кончемс* 'жмуриться' очень уместен в прозвище; фамилия Полаткин скорее не от палата, а от тюркского имени Полат (Булат). Непонятные основы фамилий, вероятно, донесли до нас немало мордовских слов, утраченных и забытых. Как ценно разгадать их с помощью фамилий!

На протяжении нескольких столетий русского крестьянина документы именовали в уничижительной форме — с обязательным суффиксом *-ка*: Васька, Федька. Помещики так звали крепостных и в середине XIX в., официальные документы так именовали и мордву и чувашей. Поэтому у мордвы так много фамилий на *-кин* (Пивцайкин, Кирдяшкин): это отчества от уничижительных форм личных имен. Их от 20 до 30% всех фамилий мордвы. Теперь, когда с былым унижением покончено навсегда, как быть с этими следами прош-

кого? Менять фамилии? Что ж, советский закон разрешает добровольную перемену фамилий установленным порядком. Но надо ли всем скорее писать заявления в ЗАГС? В 1789 г. французские аристократы восставшему народу дали презрительную кличку *санкюлоты* (букв.: «бесштанники»), но народ подхватил ее и сделал своим лозунгом. Носители фамилий на *-айкин, -ашкин* вправе гордиться своими трудовыми предками. А немислимые в прошлом сочетания таких фамилий со словами *профессор, министр* сами показывают, насколько грандиозны исторические перемены:

В результате пересечения этих различных источников формы фамилий мордвы в целом образуют своеобразную и неповторимую картину. Так как в языках, которые участвовали в создании фамилий мордвы (славянские, финно-угорские, тюркские), формальные показатели сосредоточены в конце слов, самую яркую характеристику дает количественное соотношение окончаний по сравнению с фамилиями русских. Таблица 30 показывает это соотношение в процентах к общему количеству фамилий (не носителей) по каждой взятой группе населения.

Таблица 30

Окончания мордовских фамилий,
%

Группы населения	-аев, -еев	-кин	-ов, (-ев), -ин	проч.
Мордва				
мокша	15	34	51	—
эрзя	12	32	56	—
Русские в Мордовии:				
с. Гумны Краснослоб. р-на	11	17	72	—
с. Монастырское (вблизи Саранска)	8	6	86	—
Берсенеvский сельсовет Лямбир. р-на	9	4	85	2
Русские вне Мордовии:				
Аньковская волость Владимир. губ.	2	9	88	1
Утешевская волость Калуж. губ.	4	7	87	2

Из таблицы видно, насколько характерно для мордвы обилие фамилий с *-аев* (максимально у мокши) и *-кин*. И у русских такие фамилии составляют заметную группу, но у морд-

вы они в несколько раз чаще. У русских же в селах Мордовии по сравнению с русскими вне Мордовии явно заметны «лишние проценты» *-аев* или *-кин*.

Конечно, надо помнить, что *-аев* или *-кин* — не формант, образующий фамилию, а сочетание форманта фамилии с формантом ее основы: Рузаев, Рузай, Рузайкин, безусловно, возникали не *Руз+аев* и *Руз+айкин*, а *Рузай+ев*, *Рузайка+ин*.

Необходимо учитывать, что фамилии подвергались изменениям. В современных документах есть Ледяйкины и Литяйкины. Вероятно, это лишь фонетические варианты одной фамилии из мужского личного имени Ледяй(ка) от эрзя *ледемс* 'косить'. Многие изменения произошли на почве контакта с русским языком. Для русского языка обязательно оглушение звонкого согласного в абсолютном конце слова — так и получилась фамилия Шумбасов, хотя в основе имени, из которого она возникла, не *с*, а *з* — мокш. *шумбаз* 'заяц'. Очевидно, имя приняло русский фонетический облик Шумбас, с сохранилось в фамилии, несмотря на то что там оно в интервокальной позиции, т. е., безусловно, не Шумбаз → Шумбазов → Шумбасов, а Шумбаз → Шумбас → Шумбасов. И Автайкин и Овтын — из *овто* 'медведь', но отражают русские диалектные различия в произношении безударных гласных (аканье и оканье).

Многие фамилии русских имели мордовское происхождение. Известен русский литературовед А. Я. Цинговатов. Ту же фамилию носят в Пензенской области краевед, в Сибири видный специалист по животноводству. Их фамилия — давнее отчество из мордовского мужского личного имени Тинговат (мордов. *тинге* 'ток, гумно'). В документах XVII в. по нижегородской мордве находим «у Салгушки Тинговатого» [Нижегородские платежные: 168]; затем фамилия, став этимологически непонятной для русских, переосмыслена по звуковому совпадению со знакомым словом *цинга*. А фамилии Тингаев и Тингайкин сохранили память о другом имени (или другой форме имени) — Тингай, от той же лексической основы. Может быть, мордовского происхождения фамилия Карамзин (*карамс* 'рыть, вырыть').

Много столетий мордва и русские жили бок о бок, непрерывно протекал процесс их сближения. Русские с мордовскими фамилиями нередки — их предки были мордвой. Есть и обратные примеры: в документах записаны — мордва, а фамилии — Нестеруха, Ткач, т. е. отец или дед были украинцами, а потомки их стали мордвой. В списке колхозников с. Патра Краснослободского района одни семьи Ботовых и Ботиных — мокша, а другие с теми же фамилиями — русские [РАМ, ф. Р-1683, оп. 1, 52]. Эти фамилии не настолько часты.

Чтобы в одном селе возникнуть независимо одна от другой; это явно потомки одних предков. А в некоторых семьях одни — русские, другие — мордва: в семье Троельниковых в Курган Ромодановского района (1957 г.) трое показаны русскими, а трое — эрзя; там же в семье Ануфриевых четверо — русские, четверо — эрзя [РАМ, ф. Р-1231, оп. 1, № 51]. Ликвидация национальной розни в нашей стране ускоряет взаимное сближение народов.

Изучение фамилий поможет многое раскрыть из истории языка и истории мордовского народа.

ВЫБОР ФАМИЛИИ ПРИ БРАКЕ

За год в нашей стране заключают больше 2 250 000 браков («Вестник статистики», М., 1972, № 2, стр. 95), больше четырех с половиной миллионов человек решают вопрос, какую избрать фамилию.

Советские законы позволяют вступающим в брак сделать общей фамилией создаваемой ими новой семьи либо фамилию жениха, либо фамилию невесты или и ему и ей оставить добрачные фамилии. Кодексы о браке и семье Азербайджанской, Белорусской, Грузинской, Молдавской, Таджикской и Украинской союзных республик разрешают принимать при браке двойную фамилию из фамилий и жениха и невесты (только при условии, если ни та, ни другая фамилия не двойная — иначе новая фамилия стала бы тройной); в РСФСР и других союзных республиках кодексы о браке и семье не разрешают сдваивать фамилии вступающих в брак. Итак, закон допускает несколько возможностей (в девяти союзных республиках возможны три варианта при выборе фамилии, в шести союзных республиках — даже четыре). Выбор совершенно доброволен, закон запрещает принуждение с чьей-либо стороны.

А как в быту? Какую из этих возможностей избирают?

За 1971 г. по г. Ульяновску и одиннадцати районам Ульяновской области документы о всех браках дали такой результат (в промилях, т. е. в пересчете на тысячу браков, отдельно по областному центру, по семи рабочим поселкам и по сельским местностям):

Чью фамилию избирают	Г. Улья- новск	Рабочие поселки	Сельские местности
Фамилию жениха	984	986	996
Фамилию невесты	1	—	—
Остаются с добрачными фамилиями	15	14	4

Иными словами, и в областном центре, и в рабочих поселках в одной паре из каждых 60—70 браков жених и не-

веста сохраняют свои фамилии, а в сельских местностях — лишь в одном случае из 250 браков. Фамилия невесты в областном центре становится фамилией обоих супругов только в одном случае на тысячу браков, а в рабочих поселках и сельских местностях по всей области таких случаев за год не оказалось ни одного. Ту же картину показали подсчеты по пяти районам Мордовской АССР и Пензенской области.

В г. Ульяновске за год заключено почти четыре тысячи браков, из них только четыре пары избрали фамилию невесты общей фамилией новой семьи. Состав этих пар (в скобках указан возраст): монтер (22) и мотористка (21), инженер (27) и техник (21), регулировщик (26) и отладчица (26), шофер (23) и технолог (22). Среди супругов, сохранивших отдельные фамилии, 23% старше 50 лет (в сельских местностях преимущественно только в таком возрасте и оставляют отдельные фамилии при браке); когда за плечами полвека, конечно, нежелательно менять фамилию, с которой связаны трудовые или боевые заслуги, привычка и уважение окружающих. Но молодежь не использует возможности, предоставленные законом, — почти все избирают общей фамилией фамилию жениха.

Разумеется, нет ничего плохого в любом законном выборе. Но почему из многих тысяч пар сохранили фамилию невесты только несколько десятков (и то среди них многие старше 50 лет), а только четыре (и те лишь в областном центре) избрали ее фамилией создаваемой семьи? Речь не об отдельных случаях, каждый из которых законен, а об огромном количественном неравенстве. Некоторые невесты взамен своих фамилий получили фамилии женихов: Хапугина, Брехова, Титяпкина, Кривоногова, Лысая, Жуперина, Говендяева — это в одной области за один год. Стоило ли женихам упустить возможность без труда сменить эти фамилии на фамилии невест? Помешал ложно понимаемый престиж мужчины! В органах ЗАГС уверяют, что всем вступающим в брак объявлены их права. Так должно быть. А опросили нескольких, и вот три ответа. Одна: «Я не знала, что можно оставить свою фамилию»; другая: «Может быть, сказали, я растерялась — не до того было»; третья: «Мы заранее не уговорились, а тут уж поздно — при всех, так торжественно»... На предварительной беседе в ЗАГС хорошо бы подойти душевнее.

В Ульяновске (1970 г.) молодой муж, рабочий крупного завода, приняв фамилию невесты, спустя три месяца пришел в ЗАГС с просьбой вернуть прежнюю фамилию: «В цехе засмеяли, хоть с работы беги».

Иную картину показывает подсчет по Свердловскому району г. Москвы за тот же 1971 г. В пересчете на 1 тыс.

браков там восемь пар избирают своей новой фамилией фамилию невесты (в 8 раз чаще, чем в Ульяновске, а в сельских районах Ульяновской области — ни одного случая), 268 пар из тысячи сохраняют добрачные фамилии (в Ульяновске — 15, в сельских местностях — 4). Данные настолько убедительны, что и без комментариев ясно, в каком направлении и какими темпами происходят изменения. Перемены значительны пока еще в столице. Но антропонимия нашей страны вызывает закономерность: статистические показатели Москвы через несколько лет становятся показателями всех крупных городов, а их сегодняшние показатели станут показателями крупных населенных пунктов и т. д., столица же к тому времени продвинется дальше по пути, открытому нашим прогрессивным законом, который заглянул вперед. Необходимо гораздо шире популяризовать и разъяснить новый Кодекс о браке и семье.

ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ

Дать имя литературному персонажу — велик ли труд? Имен так много — бери любое. Но автор «Евгения Онегина» признавался:

Я думал уж о форме плана
И как героя назову,
Покамест моего романа
Я кончил первую главу.

Выбрать имя оказалось не быстрее, чем написать целую главу романа в стихах — и какого! Для художественного произведения имена небезразличны. Чем крупнее мастер, тем тщательнее он подбирает имена своим героям. Рукописи Л. Н. Толстого показывают трудный поиск имен для драмы «Власть тьмы» [Артеменко: 129]:

Первоначально	Промежуточные варианты	Окончательный текст
Аксинья	Надежда	Анисья
Аниска		Анютка
Андреян	Тимофей	Никита

Это не исключение, а правило. Упорно работал Н. В. Гоголь над фамилией героя «Шинели»: сначала колебался — Башмаков или Башмакевич, наконец нашел — Башмачкин [Эйхенбаум: 155]. Таких примеров множество, а ведь писатель в своих поисках записывает далеко не все, но и из этого немногого до нас только малая часть.

Нередко имя становится заглавием целого произведения.

«Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристических функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы», — справедливо писал В. В. Виноградов [Виноградов: 38].

Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя избрано вопреки правде).

Библиография русских работ об именах литературных персонажей теперь включает больше 300 заглавий. Среди них — 14 работ об антропонимах у Достоевского, 15 — у Гоголя, 18 — у Чехова. Они пестры — от фиксации изолированного факта до широких сопоставлений, от удручающе сходных школьнических выписок до смелых догадок; различно и понимание самих задач исследования, неравномерен и охват материала; например, полностью обойден И. А. Гончаров, как отмечено в обзоре Л. И. Ройзензона и И. М. Подгаецкой [«*Onomastica*», XI, 1966: 379]. Накоплены ценные наблюдения, ожидающие обобщений. История — не сумма фактов, чтобы написать ее, необходима теория. А работам по истории имен персонажей не на что опереться, их теория не разработана ни у нас, ни за рубежом.

Об именах персонажей пишут много и плохо. Берутся за это, в большинстве не понимая трудностей. Трудности лингвистические помножены на трудности литературоведческие. Прав польский исследователь А. Вильконь в своей работе об антропонимии у Стефана Жеромского, что это особая отрасль филологии; справедлива и критика им ряда польских работ [Wilkoń: 12], которую можно отнести и к десяткам работ у нас.

Для многих работ по именам персонажей совсем не существует антропонимии реальной: имена персонажей висят в воздухе, неизвестно, как они соотносятся с именами живых людей, почерпнуты ли из реального именика и как отображены или противопоставлены ему. При анализе произведений о прошлом, как верно отметил С. И. Зинин [Зинин: 106], исследователи часто наивно сопоставляют имена персонажей с реальными именами не той поры, а нашего времени и разницу относят за счет художественных особенностей. А например, сама антропонимическая система XVIII в. резко отлична от современной. Кажущееся теперь необычным было обычно, и наоборот. Даже в середине прошлого столетия фамилии Голицын, Мельников, Покровский, почти нейтральные сегодня, указывали на социальный слой. Сейчас никого не удивит в литературе имя Татьяна, но не таким оно было, когда Пушкин избрал его для своей героини («...впервые именем таким!»), оно полемично — направлено против жеманных модных имен. В то время это имя было редким в дворянской среде. Из девочек, рожденных с 1800 по 1815 г., на

каждую тысячу воспитанниц «Смольного Института благородных девиц» только 11 получили имя Татьяна, а среди крестьянок тех же лет — 31—35 из тысячи. Оно очень точно для «барышни уездной», патриархальная семья которой «жила, храня обычай мирный простонародной старины».

Не вина, а беда исследователей, что они не могли сопоставлять имена персонажей с именем реальным: до самых последних лет оставалась неизвестной употребительность имен даже в наше время, а данные за прошлые столетия только начинают публиковаться.

С другой стороны, есть работы, принимающие имена персонажей не как литературный факт, а как прямой источник исторический или лингвистический; например, исследуют родовой строй древности по личным именам у Гомера [Альтман — 1936, 168; Gray: 43—48] или состав русских суффиксов по формам имен у Чехова [Лаптева: 173—197]. Это порой ощутимо и в некоторых обильных по материалам, обстоятельных исследованиях [Колорский; Колоколова]. Для такой задачи художественность, диктующая особый отбор материала и подачу его под определенным углом, — только помеха. Лучшее в этом плане — интереснейшие статистические таблицы личных имен у Ксенофонта Эфесского (II в. н. э.), например по различным греческим территориям того времени [Hägg: 48—49]. Но при этом забывают, что материалы эти почерпнуты из произведений, которые при всей реалистичности — не перепись жителей.

Источниковедение требует критического отношения даже к документальным памятникам, в которых необходимо учитывать позицию их авторов, а в художественных произведениях личные имена — неотъемлемый элемент стиля, без соотнесения с которым нельзя ими пользоваться. Этого нельзя забывать, если необходимость все же вынуждает использовать их как исторический или лингвистический источник, когда других данных нет. Дочь Кочубея в действительности звали не Марией, а Матреной — в начале XVIII в. имя Матрена было у дворянок в четверке самых частых имен. Но через столет дворянки брезговали им, как грубым, оно стало простонародным, первое место у них заняло имя Мария. И автор «Полтавы» пожертвовал подлинным именем, которое придавало образу нежелательную окраску.

В народных преданиях Фауст носил имя Иоганн, но Гете «не пожелал отягощать его именем слуги», каковым оно стало с течением времени, и дал своему герою имя Генрик [Bach — I, 2: 321].

В большинстве работ по именам персонажей смешаны совершенно различные явления: этимологическое значение основы, т. е. значение до-антропонимическое (Руслан из тюр-

кочязычного *арслан* 'лев'); собственно антропонимическое, «паспортное», указывающее на данное лицо; от-антропонимическое, рождаемое личностью носителя имени (выбор имени Руслан сегодня — по пушкинскому герою). Соотношение этих трех планов значений изменчиво, первое может исчезнуть, последнее — не возникнуть [Никонов — 1965: 57—62]. Не различая их, писать об именах персонажей — значит только умножать путаницу.

Трудность еще и в том, что нелегко отличить имена персонажей от других личных имен, как верно отметил В. Н. Михайлов [Михайлов: 10—11], но и его попытка выделить в классификации имена «внесюжетных персонажей» не преодолевает условности разграничения.

#

Если имя персонажа важно и необходимо для создания художественного образа, то как быть с персонажами безымянными, которым имя заменяют местоимения Я, Ты, Он, Она или нарицательные Женщина, Старик, Царь, 1-й крестьянин, 2-й крестьянин? Но это и есть имена. Местоимения и нарицательные существительные стали здесь именами собственными, и сама замена не случайна. Причины замены различны. В одних случаях образ лучше раскрывается именно интимными Я, Ты. В других — важнее не подчеркнуть личность, а указать на обобщенного представителя пола, возраста или социальной группы и т. д. (В советской драматургии пример этого — «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского.) Обычно подразумевается, что у персонажа с условным именем есть другое, подлинное, которого автор по тем или иным причинам не упомянул. Иногда же, когда герой знаком всем, это может быть подчеркнуто отсутствием имени («На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...» — Петр I в прологе «Медного всадника»). В других случаях имя запрещено в силу табу обычая или цензуры (не названный В. Г. Белинский в стихах Некрасова о нем). Но может и не подразумеваться никакого иного имени, кроме условного, если персонаж единичен или абстрактен (Судьба, Смерть). Чаще всего «безымянность» — художественный прием. Автор называет Женщина, придавая особую значительность обобщению. Таков у Л. Андреева Некто в сером, символизирующий Рок, при театральной постановке «в сукнах»: Некто вместо имени, как серые сукна вместо декораций. Однако обобщение без индивидуализации обедняет образ. А разменянный на мелочи подражателями, такой прием обнаруживает пустоту, замаскированную мнимой многозначительностью заглавной буквы.

При всех различных причинах «безымянности» она выражает авторское отношение к персонажам.

По существу, к типу условных имен надо отнести и наывание персонажа именем другого, тоже литературного персонажа. Поэтика классицизма наполнила русскую поэзию конца XVIII в. именами из произведений античности и Ренессанса. Они обильны в ранних стихах А. С. Пушкина — Аглая, Армида, Дорида — с общим значением «любовница», без каких-либо индивидуальных черт; В. Г. Белинский отметил, что Пушкин занял у Батюшкова «даже любимые имена и в особенности Хлою и Делию» [Белинский — VII: 281]. Возвратясь в поэзию вторично, эти имена употреблялись уже как поэтическая условность, своеобразные нарицательные, снова принимающие функцию имен собственных, как нарицательное *дева* и пр. Внутрилитературная вторичность этих имен превращала их в бледные копии. Зрелый Пушкин оставил их эпигонам.

Среди интересных наблюдений Г. Эйса, сделанных на основе изучения имен в 300 современных детективных романах, особенно примечательны данные о литературной связи между именем и характером. Имя Маргарита вызывает в Германии представление о сентиментальной, домашней, беззащитной девушке, во Франции — о бесстыдной, прожженной, жадной, еще иначе — в Америке [Eis: 309]. Авторы детективных произведений, не заботясь о полнокровии характеров, часто берут имя с готовой литературной репутацией, заменяющей образ.

Присвоение персонажу имени другого литературного персонажа не всегда подражательно. В «Евгении Онегине» четырежды фигурирует Буянов. В одной работе об именах персонажей он наскоро причислен к носителям «говорящих имен» [ШМ: 120]. Но его основа — не нарицательное *буян*, а фамилия персонажа из поэмы «Опасный сосед» В. Л. Пушкина, дяди А. С. Пушкина (поэтому «мой брат двоюродный Буянов»). Достаточно было заглянуть в примечание А. С. Пушкина. Введение чужого персонажа, конечно, не просто литературная шутка, тем более что поэму В. Л. Пушкина знали лишь по рукописям и заграничным изданиям — она не была опубликована на родине. Общеизвестна переключка фамилий Онегин и Печорин, которой М. Ю. Лермонтов подчеркнул близость своего героя пушкинскому. Чаще такой прием полемичен. Ю. Н. Тынянов привел убедительные примеры явно полемических, даже пародийных повторений Ф. М. Достоевским гоголевских имен [Тынянов: 416—439]. Еще острее «повторение» М. Е. Салтыковым-Щедриным в очерках «За рубежом» фамилий Хлестаков, Молчалин и Держиморда. И у Гоголя и у Грибоедова они служили

осмеянию строя, но их носители были мелкой сошкой. А через полвека они получили высокие чины: Держиморда стал сановником, Хлестаков — ревизором, не по ошибке уездных чиновников, а по должности. Такое «повышение» (отмеченное А. С. Бушминым [Бушмин: 391], а в отношении Хлестакова бегло М. И. Черемисиной [Черемисина: 62—63]) делает их страшными: оставаясь ничтожеством, каким они знакомы всем, они получили реальную власть.

#

Особенно много написано о так называемых говорящих, значащих, знаменательных или смысловых именах. Под этими неудачными терминами подразумевают такое имя, в котором этимологическое (до-антропонимическое) значение лексической основы характеризует в лоб суть персонажа: Дурак, Правдин, таковы же Свинын, Скотинин — от вторичных значений слов *свинья*, *скотина*, т. е. грубый, грязный. Они подобны маскам злодея или героя в средневековом театре, по которым зритель сразу узнавал, кто перед ним. В русской народной сатире XVII—XVIII вв. к судье обращались: «Суди нас, судья неправедный», и сам он, оглашая приговор, объявлял: «Я, судья неправедный...».

Такие лобовые характеристики свойственны тем художественным стилям, где персонаж схематичен, выразитель только одного свойства. Они обильны в русской комедии второй половины XVIII в. Русский драматург В. И. Лукин, протестуя против условных имен, заимствованных из иноязычной литературы, вводил русские: Чистосердов, Вздоролубов, Легкомыслов, Верхоглядов. За ними последовала галерея метких имен в «Недоросле» Фонвизина: Простаковы (*простак* означало 'глупец'), Скотинин, учитель арифметики Цифиркин.

Из комедий, относимых тогда к «низким» жанрам, «этимологические» имена распространились на драму и роман [ШМ: 121] — таков путь большинства художественных средств. Сатира не расставалась с ними, хотя в сатирических произведениях функции имен не оставались неизменными. Прав П. Я. Черных, что Грибоедов вовсе не стремился придавать (по крайней мере в окончательной редакции своей комедии) фамилиям действующих лиц во всех случаях обязательно «смысловой» характер и что установившееся в литературоведении на этот счет мнение малообоснованно [Черных: 47]. Содержательный обзор М. И. Черемисиной показал, как изменение самих литературных образов изменяло в комедии художественную функцию имен персонажей. Характеры в комедии А. С. Грибоедова гораздо многограннее, сложнее схематических персонажей классицизма, соответст-

именно меняется и функция имени — оно только намек, не очерчивающий характеристику, а дающий ключ к ней. Дальнейшее развитие — у Н. В. Гоголя: имена, по словам М. И. Черемисиной, «не называют прямо ведущих черт характера» или хотя бы косвенных признаков его. Отличительной чертой имени в творчестве Н. В. Гоголя исследовательница считает ассоциации, вызываемые его этимологическим значением и создающие представление не о признаке, а о персонаже в целом, например Коробочка [Черемисина: 49]. Тут уместно бы привести пример из Пушкина: Швабрин (его отдаленный прототип — Шванович) не имел дел со шваброй и не похож на нее, но такая фамилия несла отрицательный оттенок, вызывая ощущение низменного, грязного. П. А. Марков отметил, насколько тоньше прямолинейных, лобовых имен в пьесах А. Н. Островского [Марков: 149], но, к сожалению, не привлек одной из лучших находок драматурга — Беркутов («Волки и овцы»): на фоне захолустных мошенников и хапуг культурный, безупречный в обращении делец, проглотивший целое поместье; беркут — орел, крупный хищник, сильнее волка. Фамилии Свинын, Скотинин — не метафоричны: слова, звучащие в их основах, давно получили вторичные значения — ругательные, с которыми и связаны фамилии, а слово *беркут* только впервые становится метафорой.

Выразительным может стать имя и с бесцветным этимологическим значением его лексической основы, если возникает несоответствие между ним и персонажем. Слово *кошка* не вызывает неприятных ассоциаций, а *яичница*, *леденец*, *земляника* приятны, но фамилии Кошкин (у Н. Успенского), Леденцов (у А. П. Чехова), Яичница, Земляника (у Н. В. Гоголя) комичны, резко снижают образы персонажей. Выразительны контрасты между значением имени и положением или характером носителя его: граф Барбосов (у Н. Успенского), капитан Соусов (у А. П. Чехова), обратное соотношение — небогатый и незнатный самолюбец, мучительно терзающийся родовитой фамилией Долгорукий («Подросток» Ф. М. Достоевского).

Такое разнообразие художественных функций «этимологических» имен не позволяет согласиться с Л. Д. Балухатым, отнесшим все их к маскам [Балухатый: 22]. Термин, уместный применительно к «лобовым» именам, при распространении его на другие теряет смысл.

Подчеркнутая этимология имен — сильное выразительное средство*. Но она же — и слабость их. Ведь в действитель-

* При этом безразлично, верна ли этимология или ложна; имя Гордей у А. Н. Островского взято ради ассоциативной связи со словом *гордый*, но оно из фригийского языка и не имеет отношения к гордости.

ности вся основная масса имен не такова. Поэтому нарочитость имен, играющая роль там, где художественной основой служит гипербола, в ином стиле нарушает жизненность. Переиздавая свои ранние рассказы, А. П. Чехов «выпалывал» такие имена, как претенциозные. Проведенное сопоставление текстов поучительно [Крестинская: 165]. Другие исследователи проявили бы больше уважения к писателю, если бы не восторгались тем, от чего он сам позже избавлялся, а оценили бы его взыскательность.

Сделав немало ценных замечаний о судьбе этимологически значимых имен в русской литературе, исследователи не заметили, что пишут о разном, что объект исследований менялся неоднократно за последние 200 лет: 1) изменялся сам характер этих имен (имена, самой формой подчеркивающие нарочитость, — Стародум; имена редкие, но возможные в реальном именнике — купец Семирылов; имена из реального именника — Кошкин); 2) изменялось отношение между именем и персонажем (лобовая, исчерпывающая характеристика — намек — отдаленная ассоциация); 3) изменялась доля этих имен (ни в одном исследовании эта доля не взвешена, так как этимологические имена рассмотрены как самодовлеющая система, оторванно от всей массы имен в изучаемом произведении). Необходимо еще учитывать, что тождественные имена, включенные в разные системы, различны по своему художественному воздействию.

Почему неверно называть «говорящими» имена, работающие этимологическим значением основ? От каких неговорящих имен их отличать? Превосходно написал Ю. Н. Тынянов: «В художественном произведении нет неговорящих имен... Все имена говорят» [Тынянов: 27].

Каким же языком говорят имена литературных персонажей с незамечаемой или полностью погашенной этимологией? К ним и предстоит перейти.

#

Отдельную группу образуют имена, главная художественная функция которых — необычность, особенно имена вымышленные, искусственно созданные для данного персонажа. Необычностью они напоминают рассмотренный тип этимологически значимых имен, но отличаются от него отсутствием открытой этимологии. Примеры: Иллаяли в «Голоде» К. Гамсуна, Аэлита у А. Н. Толстого, Ассоль, Эгль, Тор, Дези у А. Грина, имена во многих произведениях фантастического жанра.

Их противопоставленность реальным именам придает изображаемому экзотичность, небывалость: Аэлита — краса-

лица на иной планете; романтики А. Грина обитают в стране своей мечты; прекрасная Илляли порождена воображением одинокого и голодного.

Какими бы «нездешними» ни казались эти имена, они образованы из тех же звуков языка, как и все слова, и хотя значения их лексических основ для нас неведомы, но звуки вызывают ассоциации с тем или иным созвучным словом или многими словами, ассоциации смутные (но не субъективные), которые окрашивают имя. В русской поэтической традиции XIX в. игра сонорных приобрела сильную эстетическую окраску как «красивая», а нагромождение заднеязычных воспринималось как грубый прозаизм, хотя звуки сами по себе этими качествами не обладают. Такие ощущения делали имя Акакий Акакиевич некрасивым и смешным, а Аэлита — привлекательным. Подобно тому как искусственное слово *газ* могло быть действительно подсказано немецким *Geist* 'дух', так Аэлита могла возникнуть из *аэро* 'воздушный' и *элита* 'избранная, особая, лучшая'.

#

Ошибочно считать выразительными лишь имена персонажей этимологически красочные в противоположность обычным, повседневным именам персонажей. В произведении художественном личные имена с погашенной этимологией участвуют в создании образа не меньше, чем ярко этимологические, только совсем иными средствами. В обыденных именах персонажей этимология молчит или безразлична; как и в именах, носимых живыми людьми. Немногим, кроме специалистов, известны этимологии самых употребительных имен — Андрей 'мужественный', Ирина 'мир', а этимологии имен Нина, Сергей неизвестны и специалистам.

Независимо от этимологии имя человека указывало на принадлежность к определенной среде. Власть церкви сделала имя знаком принадлежности к данной религии, в обществе сословном имена и даже формы их служили знаком сословия. Сам именованный дифференцировался по сословиям, хотя список имен и задан святыми. Теперь, когда впервые выполнены обширные подсчеты частотности имен, можно судить, насколько значащи обыкновенные женские имена в литературных произведениях, изображающих конец XVIII и начало XIX в. Первым Карамзин сделал героиней повести простую девушку, дав ей имя Лиза, у Пушкина это имя только дворянок (в «Барышне-крестьянке», «Пиковой даме»); в «Дубровском» и в «Капитанской дочке», все персонажи которых родились в XVIII в., дворянки носят имя Мария, крестьянки — Василиса, Лукерья (Гликерия), Агафья, Арина

(Ирина). Каковы были имена реальных дворянок и крестьянок того времени? Чтобы не нагромождать цифр, можно из имеющихся обширных подсчетов привести только данные о рожденных во второй половине XVIII в. по крестьянкам удельных сел Подмосковья и по дворянкам — воспитанницам «Смольного института благородных девиц» (см. табл. 5 в главе «Женские имена в России XVIII в.»), приведя в пересчете на тысячу тех и других (табл. 31).

Таблица 31

	Ирина	Мария	Елизавета	Евдокия	Василиса	Гликерия	Агафья
Крестьянки Подмосковья	44	54	1	28	23	15	19
Дворянки — воспитанницы Смольного	2	118	88	26	—	—	3

Сравнив обе строки, видим, что Карамзин «улучшил» свою героиню — в действительности имя Елизавета было тогда почти монополией дворянок. Нет сомнения, что Пушкин избрал имена, дифференцированные социально. Вспомним его примечание ко 2-й главе «Евгения Онегина».

Как показано в исследовании М. А. Гавриленко об именах крестьянских персонажей М. Горького, «в произведениях М. Горького уже сам перечень собственных имен крестьянских персонажей характеризует эту группу людей как жителей не города, а деревни» [Гавриленко: 59]. Действительно, Авдей, Антип, Гаврила, Дарья к тому времени стали употребительны преимущественно в деревне.

В распоряжении писателя неисчерпаемое богатство форм имени, позволяющее раскрыть отношения персонажей и охарактеризовать их. Но арсенал средств, крайне неудачно именуемых средствами «субъективной» оценки, в применении к литературным персонажам почти не изучен. В большой работе, принадлежащей О. Д. Лаптевой, имена в произведениях А. П. Чехова рассмотрены не в их художественной функции, а лишь как иллюстрация внелитературного языкового явления. Другие работы (Е. П. Артеменко, М. М. Орлова, С. А. Копорского, М. А. Гавриленко) затрагивали формы имен персонажей, но все же лишь фрагментарно. Новые возможности открывает подсчет, выполненный при составлении словаря к «Поднятой целине» М. А. Шолохова (по сообщению А. М. Лятиной); Варя упомянута 115 раз в восьми различных формах имени: Варя — 56, Варька — 21, Варюха-Горюха — 12, Варвара — 8, Варюха — 7, Варя Харламова —

Б. Варька Харламова — 3, Горюха — 3 [Лятина: 20]. Но подсчеты еще только канва, в художественном произведении важнее количественного итога конкретная ситуация (почему тут Варюха, а тут — Варя Харламова), при этом исследователь обязан отличать авторскую речь от речи персонажей, чего в первом опыте не сделано; наконец, для анализа имен персонажей необходим специальный подсчет, иначе такие частые в разговоре формы называния того же персонажа, как *ты*, *она*, утонут в сумме тех же местоимений, отнесенных ко всем другим лицам, — так и получилось при попытке составить словарь «Поднятой целины».

В подлинно художественном произведении говорящи все имена и самые повседневные выразительны не меньше, чем редкие или вымышленные; каждое участвует в формировании образа, о каждом можно сказать словами Гоголя: «Каркнет само за себя прозвище и скажет ясно, откуда вылетела птица».

‡

Обычные бытующие имена нередко связаны в художественной литературе с именами прототипов. Зашифровка протонима (имени прототипа) обусловлена одной из двух причин: либо важно, чтобы имя персонажа помогало узнавать прототип, имени которого нельзя назвать, либо, напротив, надо отвести читателя от прототипа, с именем которого, однако, автор не хочет, не может расстаться. Поэтому имя персонажа и отличается от протонима, и сходно с ним.

Конечно, персонаж — не фотография прототипа, мастер не копирует, а творчески преображает, создавая более выразительный, емкий образ. Но писатель чувствует, что в жизни именование не случайно, и, создавая тип, берет от прототипа и этот признак в числе других черт — внешних и внутренних. Прямо об этом сказал Л. Н. Толстой (у которого таких имен особенно много), объясняя, что Болконские и Друбецкие в «Войне и мире» подсказаны старинными родовыми фамилиями Волконских и Трубецких, они необходимы для характеристики действующих лиц, но требуют изменений, так как в романе даны не портреты, а типы.

Не может быть и речи ни о какой портретности Кулигина («Гроза» А. Н. Островского), хотя протонимом послужила фамилия выдающегося русского механика-изобретателя И. П. Кулибина (1735—1818), но Кулибин — здесь только протоним, а не прототип.

Сопоставительный список 396 имен персонажей с именами их прототипов составил по произведениям русских писателей XIX в. М. С. Альтман [Альтман — 1965]. Это внушительное количество еще не раз станет предметом исследований.

Из многообразных способов зашифровки протонима наиболее употребительны три: 1) некоторые звуковые изменения: Долохов («Война и мир») — герой-партизан 1812 г. Р. И. Дорохов; Мересьев («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого) — Герой Советского Союза А. П. Маресьев; то же видоизмененное сходство достигается перестановкой компонентов именованья: Василий Денисов («Война и мир») — герой 1812 г. Денис Васильевич Давыдов; 2) сохранение формы при замене лексических основ: пушкинский Фиглярин из Булгарин, грибоедовский Релетиллов из Шатилов; 3) замена основы на другую, похожую по значению: поэта В. С. Курочкина его противники изображали под фамилиями Петухов, Цыпляткин; поэта А. С. Хомякова — Кротов, Хорьков. Иногда ассоциация сложна: Коврижкин («Нэв» И. С. Тургенева) — из Вяземский через звенья «вяземский пряник — коврижка». Из редких способов — именованье писателя по заглавию его произведения: Некудов — Н. С. Лесков, автор романа «Некуда», Трущобин — В. В. Крестовский, автор романа «Петербургские трущобы».

В «Трансваале» К. Федина (1926) действует нэлман Вильям Саарек. Его прототип Юлиус Сваакер скупал и уничтожал эту книгу, но, конечно, не ради изобличения лично его написана повесть.

#

В работах о переходе личных имен в нарицательные существительные нередко приведены вместе, вперемешку, имена реальных лиц и имена литературных персонажей: Бруты, Дон-Кихоты, Меттернихи, Хлестаковы... Больше того! Проверка временем показывает, что в сознании потомков ярчайшие художественные образы оказываются реальнее многих исторических деятелей, современных им. Это не парадокс. Какие из имен исторических лиц, живших на рубеже XVI—XVII вв., могут соперничать в памяти потомков с именами литературных героев того времени, такими, как Дон-Кихот, Дульцинея, Гамлет, Отелло, Ромео и Джульетта?

Существенно замечание в интересной и содержательной статье М. И. Черемисиной, одной из лучших работ по именам литературных персонажей:

«Имя человека, ярко воплощающего в себе определенные свойства, нередко становится нарицательным в том кругу, к которому принадлежит этот человек, начинает употребляться как средство характеристики других людей. Эти нарицательные значения имен и фамилий большей частью остаются известны лишь узкому кругу лиц, знающих данного человека и его свойства. Обычно они недолговечны... Лишь в редких случаях имя или фамилия в нарицательном смысле могут стать достоянием националь-

ного языка... Гораздо чаще нарицательный характер приобретают имена и фамилии литературных персонажей» [Черемисина: 46].

Могучая сила художественного произведения делает «вымышленный» образ типом, узнаваемым во многих людях, помогающим разобраться в них. Так имя, обозначающее литературный персонаж, становится нарицательным.

Не сказать лучше В. Г. Белинского:

«Не говорите: вот человек, который глубоко понимает назначение человека и цель жизни, который стремится делать добро, но, лишенный энергии души, не может сделать ни одного доброго дела и страдает от сознания своего бессилия,— скажите: вот Гамлет! Не говорите: вот человек, который подл по убеждению, зловреден благонамеренно, преступен добросовестно,— скажите: вот Фамусов!.. Онегин, Ленский, Татьяна, Зарещкий, Репетиллов, Хлестова, Тугоуховский... разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И боже мой! Как много смысла заключает в себе каждое из них!.. Целый мир в одном, только в одном слове!» [Белинский — I: 296—297].

Не случайно он в «Письме к Н. В. Гоголю» с гневом и горечью писал ему о «вопле дикой радости, который издали все враги Ваши», и перечислил: Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п. [Белинский — X: 212].

Именами гоголевских персонажей разоблачал и клеймил врагов В. И. Ленин: «политические Маниловы», «новоисковский Хлестаков» — многочисленные примеры привела М. В. Нечкина в своей книге «Гоголь у Ленина» [Нечкина — 1936].

Конечно, здесь невозможно охватить или хотя бы бегло упомянуть все проблемы имен персонажей. Так, не затронуты даже такие важные из них, как сама «первая подача» имени, многообразное «обыгрывание» его, фонетическая роль имен собственных в стихах, судьба личных имен при переводах художественной литературы. Задача статьи — представить основные проблемы, которые оставались разрозненными наблюдениями или ускользали совсем. И прежде всего — главное: имена персонажей художественного произведения можно рассматривать только в их соотношении с несколькими системами: 1) с реальной антропонимической системой периода, изображаемого в произведении; 2) с реальной антропонимической системой, современной автору (этим обусловлено восприятие современными ему читателями); 3) со стилем произведения; 4) с литературной традицией употребления имен персонажей. Каждая из этих систем изменчива. Сложно выяснять соотношение движущихся систем, а системы, с которыми исследователь обязан соотносить имена персонажей, и сами еще очень мало изучены.

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИКИ

Еще далеко до создания теории личных имен, как и общей теории имен собственных. Чтобы приблизиться к этому, необходимо решить многие важнейшие проблемы, пересмотреть многое, решенное неверно.

Первый вопрос: служит ли собственное имя выражением понятия? Распространено мнение, что имя собственное в противоположность нарицательному не выражает понятия. Но В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, записал: «Всякое слово (речь) уже *обобщает*» [Ленин — ХХІХ: 246]. Отрицающие понятийность имен собственных должны либо опровергнуть это убедительными аргументами, либо исключить собственные имена из слов, из языка. Личное имя Елена включает понятия «человек», «женщина» и многие другие, а кроме того, еще и понятие о конкретной, «вот этой» личности. Собственное имя одновременно и вводит в ряд, и различает внутри ряда [Никонов — 1966: 12]. Может быть, этой интерпретации имени собственного как двучленного гносеологического акта не противоречит остроумная дефиниция, сформулированная Р. О. Якобсоном в терминах иной системы: код 2-й степени, т. е. «код, направленный на код», в отличие, например, от «кода, направленного на сообщение» — местоимения *я, ты, она* и пр. [Якобсон: 95—96]. Но эта интересная схема еще ожидает обсуждения*.

Совершенно различны три плана значений. Значение имени Пушкин — фамилия великого русского поэта. Таково самое прямое значение. Но каждое имя имело и этимологическое значение: фамилия Пушкин — этимологически прилагательное *пушкич*, которое первоначально означало сына боярина

* Между именами собственными и нарицательными, конечно, существуют переходные и промежуточные ступени (марки автомобилей и многое другое). Из-за этого предложено ввести третью категорию и различать название индивидуальное — Джон, название классное — *американец*, нарицательное — *дерево* [Pulgram: 828]. Но между тремя категориями тоже будут слова-перебежчики, количество категорий пришлось бы увеличивать бесконечно.

Нушка. Но для нас сегодня Пушкин, конечно, меньше всего потомок какого-то Пушки и чаще даже не сам Александр Сергеевич, а весь необъятный мир мыслей и чувств, созданный им. И в самых обиходных метонимичных выражениях читал *Пушкина*, купил *Пушкина* имя Пушкин несет уже не антропонимическое и, конечно, не до-антропонимическое (этимологическое) значение, а значение от-антропонимическое, производное от антропонима, обязанное тому человеку, которого антропоним обозначал.

От трех планов значений надо еще отличать три функции собственных имен. Обязательна функция номинативная, для антропонимов «паспортная»: указывать «этот мужчина», «эта женщина». Эта функция совпадает с собственно антропонимическим значением имени. Она одновременно вводит в ряд и различает внутри ряда. Другая функция — дескриптивная (описательная), опирающаяся только на этимологическое значение (Рыжий, Третьяк). Эта функция действует только в первичных именах (образуемых непосредственно из нарицательных) и только пока живо этимологическое значение. Наконец, функция идеологическая (в широком смысле). Она может опираться на любой из трех планов значений. Этой функции служили имена со значениями пожеланий, заклинаний, посвящений. Эту функцию несут от-антропонимические значения имен. Имя может и не иметь ее, но она присутствует гораздо чаще, чем это замечают; ведь выбор имени почти всегда продиктован взглядами и вкусами (не всегда осознанно).

Неразличение планов значений и различных функций имен привело к путанице в теории и очень помешало практике (хотя бы в вопросе о переводимости и непереводимости собственных имен, который можно решать только на основе учета трех планов значений и трех функций имен в зависимости от конкретного соотношения их в каждом случае). Говоря о значениях имен, надо каждый раз ясно различать, о значениях какого плана идет речь.

Необходимо выявлять и исследовать все грани тождеств и различий между именами собственными и нарицательными в их происхождении, составе и функционировании, а среди имен собственных — специфику имен личных. Этот «встречный» путь исследования облегчит и определение имени собственного, сегодня еще неосуществимое без подготовительных работ в философии, психологии и лингвистике. Это не должно обескураживать: опыт других наук (в том числе точных) показал, что неопределимость основного понятия не исключала ни теоретической, ни практической разработки, хотя, конечно, затрудняла, искривляла и замедляла путь. Поэтому, продолжая попытки приблизиться к строгому определению

имени собственного, нельзя откладывать разработку всех теоретических и практических проблем ономастики в ожидании, пока оно будет найдено. Без широкого фронта таких разработок не подойти и к определению основных понятий.

Еще не выработаны даже основы типологии антропонимов и их систем. Эта работа, в сущности, и не начиналась, попытка Т. Милевского остается почти единственной. Богатая конкретным материалом и нередко блистательными сопоставлениями, она — только первая проба. Предложенная в ней классификация (по количеству членов в именовании) неудачна, она показывает, что разработка типологии антропонимов еще вся впереди.

Только первые шаги сделаны в сравнительно-исторической антропонимике. Исследования, как правило, замкнуты в границах одного языка, одного народа, в редком случае — одной группы языков или народов (труды Л. Рашони по тюркской антропонимии). Полностью неведома антропонимия общеславянская, ее связи и различия с иранской, германской. В этом направлении перспективы необъятны. Молодой югославский антропонимист Велемир Михайлович неожиданно обнаружил поразительные параллели антропонимов крайнего юга славянского мира с его крайним севером — южнославянских и новгородских; не все его примеры убедительны (например, имя Нос в любом славянском языке могло возникнуть из апеллятива), но, как замечает автор, это только первый шаг [Михайлович: 175], добавлю — многообещающий.

Пока совершенно недостаточны даже описания антропонимических систем у народов мира. Из них удовлетворительно описаны только древнеримская, средневековая арабская, и то еще неполно. Даже современные антропонимические системы большинства народов не описаны. Составление намеченного группой ономастики Института этнографии АН СССР справочника «Системы личных имен у народов мира» наталкивается на труднопреодолимое отсутствие необходимых первичных данных.

Некоторые виды антропонимов почти не подвергались научному исследованию. Например, очень плохо изучены прозвища: даже записи их, редкие в прошлом, на несколько десятилетий совсем прекратились; теперь нам удалось возобновить их, но научный уровень, как и в прошлом, нечасто поднимается выше уровня примитивной классификации по лексическим группам, из которых почерпнуты основы прозвищ. Неизвестны вес их в современной антропонимической системе, соотношение их функций с другими видами антропонимов у различных групп населения, темпы и формы вытеснения их или ограничения их функций. Широкая разработка этой темы на поволжских ономастических конференциях и

Кавказском ономастическом семинаре привела к выводу, что сама категория сомнительна, объединяя самое разное — лишь по негативному признаку — не принадлежащее к официальной системе именовании. Термин *прозвище* не раскрывает, а скрывает различия антропонимических явлений, он нуждается в теоретическом осмыслении и определении, для этого теперь собран материал (например, работы В. А. Флоровской).

Для важнейших антропонимических категорий еще нет общепризнанных определений. В наших законах и других юридических документах нередок термин *фамилия*, хотя научное определение вызывает споры. Очень верно и своевременно указывает Н. А. Бельк, что юридическая литература употребляет термин *имя* (как правовую категорию), то включая и фамилию, и отчество, и личное имя в узком смысле, то подразумевая только последнее. В то же время в нормативных положениях термины — личное имя (в узком смысле), фамилия, отчество — указываются как отдельные категории. В связи с этим перед юридической наукой и антропонимикой стоит задача выработать единое понятие личного имени и дать точное правовое и антропонимическое определение понятий, его составляющих» [Бельк — 1970: 12]. Так как прозвище не выступает в качестве юридической категории, нет юридической нужды выяснять отношения между ним и именем, но научная необходимость этого очень ощутима для антропонимии исторической — иначе будут продолжаться бесплодные споры «имя это или прозвище», в которых спорящие не понимают друг друга.

Антропонимия порождает многочисленные правовые вопросы — и внутренние и международные. У нас они совсем не разработаны. Среди диссертаций по антропонимике нет ни одной юридической. Литература по этим вопросам не пользуется известностью. Несколько работ упомянуты в этой книге [Бельк — 1970; Бельк — 1971; Раянди; Ficker; Giesker, Grzybowski, Mironescu, Perreau]. Может быть, знакомство с ними приблизит наконец начало серьезной разработки юридических проблем антропонимии.

Нет нужды доказывать, что необходимы исследования и антропонимии современной, и антропонимии прошлого. Но надо устранить путаницу, распространяемую и устно и печатно: смешивают изучение современности с синхронией, прошлого — с диахронией. Синхронически можно и нужно исследовать антропонимию современности или прошлого, взяв тот или иной хронологический срез. Диахроническому исследованию подлежит не только антропонимия прошлого, но и современная, взятая в развитии, примеры таких исследований — работы А. Я. Шайкевича [Личные имена: 84—91], В. Д. Бондалетова [Личные имена: 91—105].

Остаются нераскрытыми многие важнейшие загадки антропонимии в историческом плане. Среди них — вопрос о происхождении составных славянских княжеских имен: Святослав, Мстислав, Владимир, Владислав, Радомир... Параллели к ним есть во многих языках. Заимствована ли эта модель русскими у других народов или исконна? Споры эти разгорались не раз, но окончательного решения не найдено и поныне. Неясна и этимологическая структура этих имен: что представляют собой оба их компонента и в каких отношениях между собой они находятся? Одни кажутся ближе к определительным сочетаниям в форме «прилагательное (или причастие) + существительное», другие — к обстоятельственным, выражающим отношения субъекта (существительное или причастие) и объекта (существительное в косвенном падеже); в третьих можно видеть императив или следы дезидератива, т. е. глагольные формы, выражающие повеление или пожелание.

Особенно загадочны и заманчивы «императивные» (или дезидеративные) образования. В именах Мстислав, Борислав слышатся *мсти*, *бори* от 'мстить', 'бороть' (как в топонимах Звенигород, Вырвихвост). Но, может быть, это обманчивые звуковые совпадения, не имеющие ничего общего с повелительным наклонением (как и имена Святослав, Радомир). Не показателем императива, а соединительным гласным мог быть звук *и* при первой основе с мягким конечным согласным (Мстислав), как *о* при первой основе с твердым конечным согласным (Ярослав). Славянские языки очень четко различают имена и глаголы, поэтому им искони чужды собственные имена в глагольной форме (частые в тюркских языках). «Императивные» имена составляют исключение. Это пастораживает, позволяя предположить, что императивными только кажутся образования совершенно иного происхождения (но какого?). Однако, с другой стороны, скептически отрицая императивность, трудно объяснить, почему «лжеимперативы» возникли во всех славянских языках, есть они и в немецком. Оказываются «безродными», необъяснимыми более поздние несомненные императивы — русские антропонимы XVI—XVII вв. Потеряй-рукава, Умойся-грязью, украинские фамилии Убей-кобыла, Забей-ворота, топонимы — скала Пронеси господи (на Кавказе XIX в.), поселок Стучи машина (20-е годы нашего столетия). Вопрос до сих пор не решен.

Остается важной задачей сбор древнерусских (дохристианских) имен. Словарь их, составленный Н. М. Тупиковым (1904), все же не охватывал всех источников даже и в свое время, а с тех пор появлялись новые публикации старинных актов. Только из берестяных грамот Новгорода, найденных за последние годы, Н. П. Чернева (Саратов) выбрала и опи-

сала несколько десятков древнерусских имен, которых нет в словаре М. Н. Тупикова [ОП — II: 30—35].

Остается темной этимология некоторых имен. Отброшено наивное мнение о связи имени Борис с *бороться*, как и предположение о сокращении из Борислав; заслуживает серьезного обсуждения выдвинутая теперь вновь гипотеза о тюркоязычном происхождении этого имени [Добродомов]. Подвергнуто сомнению германское происхождение имени Глеб. Крупный польский исследователь ономастики Ст. Роспонд выступил против общепризнанного до сих пор скандинавского происхождения имен Олег, Ольга, Игорь [Роспонд: 4]. Разоблачению церковной легенды помог бы научный анализ происхождения имен Вера, Надежда, Любовь — их мнимая ясность держится лишь гипнозом многовековой церковной пропаганды [Ономастика — 1969: 75]. Составитель английского словаря святых, отнюдь не атеист, указывает, что вся история с этими именами вымышлена византийскими теологами [Holweck: 927].

Далеко не все ясно и в процессах адаптации иноязычных имен в России; например, как образовалось русское имя Матрена из латин. *Matrona*, о чем есть пока только гипотеза [Ономастика — 1969: 63]; выяснение нерегулярного смягчения согласного могло бы выявить неизвестную черту русской исторической фонетики.

Предстоят исследования по истории отдельных имен. Как пример можно привести имя Ольга, популярное в Киевской Руси, но затем почти полностью забытое и воскрешенное только в начале XIX в. на волне литературного романтизма.

Почти неведома география уменьшительных форм личных имен. Ареал максимальной частоты фамилий на *-чкин* позволил выявить зону наибольшей употребительности форм Гришечка, Ахромочка (междуречье Десны и Оки) и т. п. По сообщению известного диалектолога Г. Г. Мельниченко (Ярославль), для Северного Поволжья характерны формы имен на *-шеня* (Сашеня, Машеня). На Средней Волге была очень распространена повседневная форма Васёна (из женских имен Васса и Василиса), но границы ареала неизвестны. Кое-что успели собрать М. Е. Мухортых (Липецкая область) и Е. Ф. Данилина (Пенза), но это лишь капля в океане.

Многие этнографические исследования описывали обычаи, связанные с наречением ребенка. Казалось бы, вопрос изучен. Но когда совместно с И. С. Гурвичем, руководителем этнографических исследований Севера и Дальнего Востока, мы попытались свести материал по этим территориям воедино, обнаружилось, что пробелов больше, чем наблюдений. Кто выбирает имя? Как выбирает? Дают ли имена живых или только умерших? Жива ли этимология имен, или они все заимствованы? И каково соотношение тех и других? Есть ли

вторые имена? На какой день после родов дают имя? Пожизненно ли имя или сменно по возрастам? Какова антропонимическая система в различных сферах употребления (в отношениях общественных, производственных, бытовых, семейных; различия по возрастам и социальным группам)? На одни вопросы есть сведения по ненцам или эвенкам, но нет ни по юкагирам, ни по нанайцам, на другие вопросы знаем ответы по долганам или ительменам, но не знаем по яганасанам или чукчам. А ответы могли бы раскрыть многое в малоизвестной истории этих народов, даже их происхождение и бывшие связи. Материалы эти исчезают, и, если не собрать их безотлагательно, они навсегда погибнут для науки.

Идут горячие споры: хорошо или плохо, что количество употребляемых у нас имен сократилось. Звучат призывы расширять именной фонд. Бьет тревогу И. В. Бестужев, предсказывая кризис имен, при котором все будут носить одинаковые имена; сдержанно его поддерживает Н. А. Бельк. Опасения напрасны. Имен и сейчас достаточно, и пополнение именника не прекращается (входит в употребление удачное имя Снежана, есть и другие находки). Кризис пройден, но не оскудения, а перепроизводства имен в 20—30-е годы. Безудержное поспешное имятворчество засоряет, уродует именной фонд, не говоря уже о неизбежных ошибках в документах. С. Нариньяни рассказал в «Правде», как Констанцию документы превратили в Квитанцию. Не научились правильно записывать сотню имен. А если будут изобретать многие сотни уникальных имен, неизбежен хаос. Достаточно забот и бед принесли записи в документах Лианора (вместо Элеонора), Андилина (вместо Ангелина). Будь в каждом сельсовете у регистрирующего имени высшее филологическое образование, то и оно не спасет от ошибок при записи таких имен-ребусов, как Оюшминальда, Лагшмивара. При большом количестве имен трудно правильно записать неизвестные имена. Суть не в количестве, а в качестве имен.

Все согласны, что нужны имена хорошие, а плохих не надо. Осуждают плохое имя, но те, кто его избрал, конечно, считали его не плохим, а хорошим. К кому обратиться за советом? Работники ЗАГС не сведущи ни в истории имен, ни в современном функционировании их. А ведь половину новорожденных регистрируют даже не в органах ЗАГС, а в сельских Советах. Иногда проскальзывают в печати письма, заметки и фельетоны, высмеивающие плохие имена, но все опирается единственно на «мне нравится», «мне не нравится», самонадеянно считая собственный вкус непогрешимым. А на что опереться? Как отличить плохое имя от хорошего? Пока нет никакого объективного критерия для рекомендаций, но раз ни системы, ни теоретической базы нет, все наблюдения

и советы лишь отрывочны, разрозненны и субъективны. Перед антропонимикой поставлена задача — выработать советский критерий качества личных имен [Белык — 1970: 22]. Это высокая и ответственная задача, которую не решить силами только антропонимистов.

Полностью вне внимания науки остаются мотивы выбора имен сотнями миллионов людей. Неизвестно, как распространяются вкусы. Есть лишь смутное представление, что на выбор имен оказывают влияние книги, театр, кино, телевидение. Но каков вес каждого из этих источников? Несомненны и другие силы, управляющие именами, но о них известно еще меньше.

В десятках органов ЗАГС, где довелось мне собирать материалы, непременно спрашивали: одно ли имя Юрий — Георгий — Егор или три разных? Это совсем не праздное любопытство, а очень больной вопрос для работников ЗАГС. Колхозник ходатайствует о пенсии, во всех документах он Егор, а по старой церковной метрике, свидетельствующей его возраст, Георгий. Есть и случаи, когда в метрике — Георгий, в дипломах об образовании — Юрий, а в справках о работе — Егор. Как быть? Даже расхождение одной буквы требует проверки и подтверждения: совсем разные имена Лидия и Лилия, хотя различает их только одна буква. А тут Егор — Юрий — Георгий! Теперь есть семьи, в которых один сын Юрий, другой — Георгий. Правы работники собесов, которые требуют доказательств, что документы на Егора, Юрия, Георгия относятся к одному и тому же лицу. Иначе неизбежны и путаница и злоупотребления. Чтобы устранить противоречия, Егор или Георгий обращаются в ЗАГС с просьбой исправить имя на Юрий. Как должны поступить работники ЗАГС? По происхождению это одно имя — церковное Георгий (древнегреческое *γεωργος* — 'земледелец'). Но в русском употреблении оно получило различные формы, некоторые из них превратились в самостоятельные имена. Теперь Георгий, Егор, Юрий, безусловно, три разных имени. А еще полвека назад было иначе. Если считать их формами одного имени, исправление сделать просто. А в соседнем районе знают, что это разные имена, там замена Егора на Юрия или Георгия — не исправление имени, а перемена одного имени на другое, т. е. требует обращения в другие инстанции. Кто прав? Обособление имен произошло не мгновенно, нельзя принять дату, с которой считать их разными именами, — в городах это разные имена уже в 20-х годах, а в деревне даже позже это формы одного записанного при крещении имени Георгий. Вот каков на практике вопрос, казалось бы, сугубо академический. И таких немало.

Ежедневно во всех органах ЗАГС и паспортных столах

возникают бесчисленные вопросы, решить которые может только наука. Они остаются без ответа. Многочисленны затруднения при передаче антропонимов с одного языка на другой, даже близкородственный (как с литовского на латышский). В статье «Имя и право» Э. Раянди показал, к каким серьезным недоразумениям приводит передача эстонского *ii* русским *ю* и латышским *i* [Раянди: 71]; там же показана неразбериха, вызываемая непониманием при передаче эстонских фамилий мужчин и женщин. Н. А. Белык рассказал о случаях путаницы, созданной в документах при записи антропонимов советских граждан испанской национальности; например: отец ребенка Руэдо (1-я фамилия) Мартин (2-я фамилия) Фернандо (имя), мать Суарес (1-я фамилия) Торрес (2-я фамилия) Эстер (имя), фамилия дочери должна быть Руэдо Суарес, а в свидетельстве о рождении их дочери Татьяны записано Фернандо-Руэдо Татьяна Мартиновна, т. е. отчество превращено в фамилию, а отчество образовано из фамилии бабушки [Белык — 1969: 8].

Занимающиеся транскрипцией личных имен лингвисты заменяют отсутствующую теоретическую базу набором готовых рецептов, которые, не опираясь на единую теоретическую основу, произвольны, спорны, противоречивы. Необходимо выработать не рецепты написания отдельных имен, а научные принципы передачи их с языка на язык и уж только после широкого обсуждения их (поучителен опыт обсуждения проекта новой русской орфографии) составлять и принимать правила.

Могли бы помочь хорошие справочники личных имен, но их, безусловно, не удастся создать скоро. Неудачи сделанных попыток не послужили уроком. Они рождены полным непониманием задачи. Хотят, чтобы один справочник стал одновременно тремя совершенно различными справочниками: 1) практический орфографический справочник для работников ЗАГС, сельсоветов, паспортных столов, редакций, радио и т. д., включающий все имена, употребляемые сегодня, хорошие или плохие, во всех их написаниях и формах произношения, правильных и ошибочных, с указанием на неправильность и отсылкой к правильному; его задача — научить правильно записывать и произносить имена; такой справочник нельзя составить в кабинете ученого, надо знать материалы ЗАГС, изучить все повторяющиеся ошибки; 2) рекомендательный справочник для родителей и консультантов, включающий только имена, которые желательны в употреблении; 3) научный справочник, исторический, объединяющий все личные имена у данного народа с указанием на источник. Каждый из этих трех видов очень нужен, но только при обязательном понимании несовместимости трех в одном — в них нет ничего

общего ни по задачам, ни по составу имен, ни по содержанию каждой статьи, ни по адресату (следовательно, и по тиражу). Заранее необходимо решить: нужен ли один общий перечень имен для всех народов страны или отдельный для каждого народа. Доводы и за то и за другое решение очень серьезны.

Работников ЗАГС осуждают и за невмешательство при записи имени ребенку, и за вмешательство. А как должны они поступать? Никаких инструкций и положений нет. Фельетонные легкость и категоричность суждений основаны на незнании. Сначала надо обдумать и определить права и обязанности работников, регистрирующих имена новорожденных. Разрешить им (или обязать их?) давать родителям советы (или запрещения?) при выборе имени? Уровень работников ЗАГС теперь гораздо выше, чем 20—30 лет назад, когда в документах массами появлялись Владимир и даже Ерина (это Ирина!), но и теперь даже орфография не везде безупречна, антропонимических знаний нет никаких. Никто не заботится, чтобы в «техминимум» работников ЗАГС ввести требование хотя бы элементарных знаний по антропонимике, включив их в обязательную программу занятий по повышению квалификации; надо подумать и о выпуске пособия. Много новорожденных регистрируются не в ЗАГС, а в сельсоветах, работникам которых тоже нужна помощь.

Памятуя, что речь идет о выборе имен многим миллионам новорожденных, пора задуматься о массовой и постоянной разъяснительной работе с родителями. Лекции в клубах, беседы в родильных домах и женских консультациях, радиопередачи, статьи, популярные брошюры — все эти формы антропонимической пропаганды применяются, но охватывают ничтожно малую часть населения. Советчиками родителям могут стать учителя — для этого всюду, где есть подготовленные антропонимисты, необходимы их занятия со студентами педагогических институтов. Новые обряды торжественного наречения новорожденного, о распространении которых сообщают со всех концов страны, тоже помогут улучшить состав имен.

Уже теперь возможны ближние прогнозы употребительности некоторых имен: сопоставление обширных подсчетов позволяет уловить тенденции. Ясна ведущая роль города, и если имя Александр в городах давно уступило первенство, то и в сельских районах, где это имя пока преобладает, несомненно, оно уступит именам Сергей и Андрей; можно сделать немало и других подобных «предсказаний», насколько позволяют подсчеты, пока еще недостаточные.

Труднее, конечно, с прогнозами дальними. Пытаются заглянуть в антропонимию будущего наш крупнейший футуро-

лог И. В. Бестужев. Он взвешивает две противоположные точки зрения. По одной — отомрут фамилии (их заменит номер), а личное имя останется только для узкого круга знакомых; по противоположной, более распространенной — современная антропонимическая система сохранится навсегда в силу традиций. И. В. Бестужев считает оба эти взгляда односторонними. «Замена фамилии номером вряд ли возможна в коммунистическом обществе, так как подорвет социальную функцию, связанную с понятием чести и достоинства личности. Сторонники же противоположного мнения игнорируют факт растущей неспособности традиционной системы антропонимов эффективно выполнять различительную функцию» [Бестужев: 31]. Приведя примеры личных имен будущего из научно-фантастического романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», в котором действуют Дар Ветер, Веда Конг и др., он предположил, что имена будут гораздо сложнее, появится целая иерархия имен, рассчитанных на различную аудиторию, уточняемых ссылкой на номер личного видеофона и пр.:

«Имя героя „Туманности Андромеды“ в коммунистическом обществе, насчитывающем многие миллиарды человек, скорее всего выглядело бы так: для узкого круга друзей — Дар, для более широкого круга коллег и знакомых — Дар Ветер, а для мировой общественности — Дар Ветер Гром Орм Эрг Ноор из коммуны Новая Аврора федерации Северная Таврия 124С 212В 9793 АЕ674 596».

В редакции и различные инстанции приходят проекты вроде предложения ввести через ООН единую всемирную обязательную систему имен, в которой на каждый день года задано личное имя, на каждую местность свой номер, таким образом, никому не придется выбирать имен. К счастью, эти проблемы пока неактуальны, их можно оставить авторам фантастической литературы. Рано упразднить фамилии. Но в большой исторической перспективе главными станут не именованья, выражающие семейное родство. Преждевременно гадать, чем заменят фамилию. В единичных случаях и сегодня ее замещают иные именованья. Самые знакомые и близкие человечеству примеры: Ленин (фамилия — Ульянов), Горький (фамилия — Пешков). Это не фамилии в том прежнем смысле (общесемейное имя, получаемое по наследству, переходящее на всех членов семьи и потомков), какой отличал фамилию от других антропонимических категорий. Может быть, развитие антропонимии пойдет по этому пути или, может быть, найдет новые формы.

Антропонимике придется заняться проблемой отчеств. Наша форма их не извечна, не извечно и ее патронимичное значение: письменные памятники доносят именованья на

-ович не от имени отца, а по месту рождения, например в Новгородской летописи Сотко Сытинович (вероятный прототип фольклорного Садко) — из села Сытино, близ Новгорода; такие формы надо искать и в других славянских языках. Немало примеров, когда вторым членом именованья служило имя матери. Наше новое законодательство о браке и семье, во многом опередив отношения, сложившиеся в быту (например, предоставляющее право жениху принять фамилию невесты), оставляет привычное отчество, даваемое только по имени отца. Сегодня любое иное решение было бы преждевременным. Отказ от отчества, прочно вошедшего в жизнь, вызвал бы невообразимую путаницу. Но в перспективе, очевидно, этот вопрос потребует иного решения. Пока острее другой вопрос: оправдана ли обязательность форм отчества на -ович, -овна, например, в республиках Средней Азии? Может быть, целесообразнее предоставить желанию родителей выбор между формой -ович, -овна и именем отца (или матери!) в неизменяемой форме — не Баходир Фуркатович, а Баходир Фуркат (или Фуркатоглы, или Фуркатзаде), и не Гульнара Фуркатовна, а Гульнара Фуркат или, может быть, Гульнара Фирюза (второе — имя матери).

Исключительно важно, чтобы антропонимисты, которых теперь в стране уже не единицы, а сотни, помогли работникам архивов наконец понять ценность документов, не содержащих ничего, кроме списков имен и фамилий. Огромны фонды их в архивах, не только не изученные, но даже не каталогизованные. Ждет исследователей ценная картотека Словаря древнерусского языка (руководитель Р. А. Аванесов), содержащая множество личных именованний во всех их формах. Составители Словаря после больших колебаний отказались от включения их в Словарь — решение правильное, но не потому, что материал чрезмерно велик (как они объясняют), а в силу специфичности личных имен, внесистемности их по отношению ко всей массе апеллятивной лексики. Их место в специальном словаре, но кому этим заниматься? — работа над ними равно непосильна как для антропонимиста, не сведущего в исторической фонетике, так и для историка русского языка без специальных знаний антропонимики. Задуматься над этим необходимо сейчас. Через несколько лет, когда придет время начать предварительную работу по подготовке научного словаря личных имен России (отсутствие которого тормозит работу польских, чешских, болгарских, румынских ученых), поздно будет сетовать, что нет ни методологии, ни кадров. Образцом может служить польский многотомный «Słownik staropolskich nazw osobowych» под руководством Витольда Тащицкого; первые тома его уже вошли в золотой фонд славянской антропонимики.

Теперь снова входит в моду метод анкет в том или ином виде (печатные или устные). Иногда прямой опрос желателен. Но принимать полученные результаты за объективные, увы, самообман. Даже если опрос охватывает только строго однородный состав отвечающих — по возрасту, происхождению, занятиям (что редко осуществимо), ответы субъективны. Единственный пример, чтобы понять, в чем дело. На вопрос: «Почему выбрали это имя?» — ответят: «нравится», «красивое», «частое» и т. д. Но почему оно часто? Потому что нравится? А за что нравится? Красиво? Чем красиво? Подлинная причина ускользнула. Никакая анкета не могла бы выявить самого мощного фактора в выборе имен у русских — неосознаваемой нормализации окончаний имен по полу. Необходимо отчетливо понимать, чего можно и чего нельзя ожидать от каждого метода.

Имея дело с материалом массовым, антропонимика не может обойтись без статистики, хотя бы в форме простейших подсчетов. Однако подсчеты, требуя огромной затраты труда, порой вводят в заблуждение, выдавая под видом точных чисел ложную информацию. Таковы подсчеты имен по... спискам награжденных — людей разного возраста, разной национальности, разных групп населения из разных мест. Другой пример любительских подсчетов — не за полный год, а за один-два месяца. Не выяснив, в какой мере церковный календарь сохраняет влияние на выбор имен в той или иной местности, подсчет за отдельные отрезки года никоим образом нельзя выдавать за среднегодовые. Несерьезна и попытка установить изменения именника «отцов и детей» путем непосредственного сопоставления имен новорожденных с именами их родителей: родители принадлежат все же к нескольким десятилетиям, очень многие — уроженцы разных местностей, смешивать это — значит не раскрывать, а запутывать сущность процесса. В других случаях объем подсчетов недостаточен, чтобы погасить случайности.

Это недостатки любительского подхода, лишенного элементарной научной строгости. Неизбежные на первых шагах антропонимики, они вредны сегодня, возвращая к дилетантству от квалифицированных подсчетов А. Я. Шайкевича, В. Д. Бондалетова, ныне покойного М. В. Витова и др.

На очереди применение в антропонимике не только простейших, так сказать, арифметических методов, а подлинно статистических. Можно не принимать формулу А. Я. Шайкевича [Шайкевич: 90], неудачно названную им «индекс конформизма» (речь идет о степени концентрации именника), но применение математических методов знаменательно и плодотворно. Впереди — также внедрение математических методов и нечисловых, вооружающих антропонимику строгостью ма-

тематической логики. А может быть, методы точных наук помогут и не только исследованию антропонимов, но и выбору их. За рубежом уже сегодня машины конструируют искусственные имена и фамилии — интересующиеся могут познакомиться с этим, прочитав статью В. А. Московича [Москович: 75—80].

В судьбах наук бывает разным и переменчивым соотношение теории и практики: периоды узкого практицизма могут сменяться периодами полного отрыва от повседневных нужд и превращения в отвлеченно-теоретическую дисциплину. Счастлива антропонимика — перед ней поставлены теоретические, исторические и практические задачи, во многом неразделимые. Такие высокие требования обязывают. Антропонимическим исследованиям еще многого недостает, чтобы осуществить это единство.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В СССР УКАЗАНИЯ ЗАКОНОВ ОБ ИМЕНАХ, ОТЧЕСТВАХ И ФАМИЛИЯХ

Основы — Основы законодательства Союза ССР о браке и семье, 1968. Кодексы союзных республик о браке и семье, 1969—1971 гг.: *Аз.* — Азербайджанская, *Арм.* — Армянская, *Бел.* — Белорусская, *Гр.* — Грузинская, *Каз.* — Казахская, *Кир.* — Киргизская, *Лат.* — Латвийская, *Лит.* — Литовская, *Мол.* — Молдавская, *Рос.* — РСФСР, *Тад.* — Таджикская, *Тур.* — Туркменская, *Уз.* — Узбекская, *Ук.* — Украинская, *Эст.* — Эстонская 1970 г. Цифры, сопровождающие эти шифры, заключенные в скобки, означают номера статей.

Наречение ребенка

Имя ребенку дается по соглашению родителей (*Аз.* 65, *Арм.* 58, *Бел.* 59, *Гр.* 55, *Кир.* 71, *Лат.* 59, *Лит.* 62, *Мол.* 51, *Рос.* 91, *Тад.* 56, *Тур.* 61, *Уз.* 77, *Ук.* 63, *Эст.* 64—1). Разногласия между родителями по вопросу об имени ребенка разрешаются органами опеки и попечительства (*Каз.* 62, *Лит.* 62, *Тур.* 61, *Уз.* 7, *Ук.* 63, *Эст.* 64—1). Имя ребенку определяется по соглашению родителей, а при отсутствии родителей — по выбору лиц, на воспитании которых находится ребенок (*Каз.* 62).

Отчество ребенку присваивается по имени отца, а при рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, — по имени, указанному матерью (*Аз.* 65 и 62, *Арм.* 58 и 57, *Бел.* 59 и 58, *Гр.* 55, *Каз.* 62 и 56, *Кир.* 7, *Лат.* 59, *Рос.* 51 и 49, *Тад.* 56 и 55, *Тур.* 61, 59, *Уз.* 77 и 70, *Ук.* 63 и 65, *Эст.* 64 и 60).

Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия матери или отца по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения — по указанию органа опеки и попечительства (*Аз.* 63, *Арм.* 59, *Бел.* 60, *Гр.* 56, *Каз.* 59, *Кир.* 72, *Лат.* 60, *Лит.* 62, *Мол.* 51, *Рос.* 51, *Тад.* 57, *Тур.* 62, *Уз.* 76, *Ук.* 72, *Эст.* 63—1). Присвоение ребенку фамилии по имени родителей не разрешается (*Аз.* 63). При рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, если не имеется совместного заявления родителей или решения суда об установлении отцовства, ребенку присваивается фамилия матери (*Бел.* 58, *Эст.* 63—2).

Фамилия, имя и отчество ребенка, родители которого не установлены, записываются по указанию администрации государственного детского учреждения или лица, взявшего ребенка к себе на воспитание (*Эст.* 177). При отсутствии родителей имя и отчество ребенку даются по желанию лиц, учреждений, на попечении которых находятся дети (*Мол.* 51).

Выбор фамилии при браке

При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию (*Основы* 11, *Арм.* 18, *Бел.* 19,

Каз. 18, Кир. 21, Лат. 18, Лит. 18, Рос. 18, Тур. 19, Уз. 22, Эст. 17). Законодательством союзных республик может быть предусмотрено право супругов именоваться двойной фамилией (*Основы* 11). Супруги также могут именоваться двойной фамилией (*Бел.* 19). О желании носить общую, добрачную или соединенную (двойную) фамилию супруги должны заявить при регистрации брака (*Мол.* 18). При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии или каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию либо может присоединить к своей фамилии фамилию супруга. Соединение фамилий не допускается, если оба или один из супругов носит двойную фамилию (*Аз.* 20, *Гр.* 20, *Мол.* 18, *Тад.* 18, *Ук.* 19).

Имя, отчество и фамилия при усыновлении (удочерении)

По просьбе усыновителя при вынесении решения об усыновлении усыновляемому присваивается фамилия усыновителя и отчество по его имени (*Аз.* 125, *Арм.* 120, *Бел.* 121, *Гр.* 111, *Каз.* 106, *Кир.* 144, *Лат.* 112, *Лит.* 116, *Мол.* 100, *Рос.* 105, *Тад.* 117, *Тур.* 123, *Уз.* 146, *Ук.* 114, *Эст.* 124—1). При усыновлении женщиной отчество записывается по ее указанию (*Аз.* 125, *Арм.* 120, *Бел.* 121, *Гр.* 111, *Каз.* 106, *Кир.* 144, *Лат.* 112, *Лит.* 116, *Мол.* 105 и 49, *Тад.* 117, *Тур.* 123 и 59, *Уз.* 146, *Ук.* 114, *Эст.* 124—1), за исключением тех случаев, когда за отцом ребенка сохраняются его права и обязанности в отношении ребенка (*Аз.* 125, *Арм.* 120 и 125, *Бел.* 121, *Кир.* 144, *Рос.* 105, *Тур.* 123).

По просьбе усыновителя может быть изменено также и имя ребенка (*Аз.* 125, *Арм.* 120, *Бел.* 121, *Гр.* 111, *Кир.* 144, *Лат.* 112, *Мол.* 100, *Рос.* 105, *Уз.* 146, *Ук.* 114, *Эст.* 124—1). Имя ребенка при усыновлении сохраняется. Оно может быть изменено лишь с согласия органа, разрешающего усыновление (*Каз.* 106).

Присвоение фамилии и отчества, а также изменение имени усыновляемого, достигшего десятилетнего возраста, могут быть произведены только с его согласия (*Аз.* 125, *Арм.* 120, *Бел.* 121, *Гр.* 111, *Каз.* 106, *Кир.* 144, *Лат.* 112, *Лит.* 116, *Мол.* 100, *Рос.* 105, *Тур.* 123, *Уз.* 146, *Ук.* 116, *Эст.* 124—3), за исключением случаев, когда усыновляемый до усыновления жил в семье усыновителя и считает его своим родителем (*Аз.* 125 и 119, *Арм.* 120 и 117, *Бел.* 121 и 118, *Гр.* 111, *Кир.* 144 и 138, *Лат.* 116 и 114, *Мол.* 100 и 92, *Рос.* 105 и 103, *Тад.* 117 и 114, *Тур.* 123 и 121—2, *Ук.* 116 и 104, *Эст.* 124—3 и 117).

Изменение фамилии, имени и отчества усыновляемого производится по решению исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся при вынесении решения об усыновлении (*Лат.* 112, *Лит.* 116).

О присвоении фамилии и отчества, а также об изменении имени усыновляемого указывается в решении об усыновлении (*Аз.* 125, *Бел.* 121, *Каз.* 106, *Рос.* 105). При вынесении решения об отмене усыновления суд также решает вопрос, сохраняются ли за ребенком присвоенные ему в связи с усыновлением имя, отчество и фамилия, учитывая при этом желание ребенка, если он достиг десятилетнего возраста (*Аз.* 135, *Арм.* 134, *Бел.* 41, *Гр.* 123, *Каз.* 117, *Кир.* 156, *Лат.* 125, *Рос.* 117, *Тур.* 138, *Уз.* 162, *Эст.* 133—4).

Фамилия при расторжении брака

Супруг, изменивший свою фамилию при вступлении в брак на другую, вправе и после расторжения брака именоваться этой фамилией, либо по его требованию ему присваивается добрачная фамилия (*Основы* 14, *Аз.* 42, *Арм.* 41, *Бел.* 43, *Гр.* 41, *Каз.* 41, *Кир.* 51, *Лат.* 42, *Лит.* 39, *Мол.* 37, *Рос.* 41,

Тур. 43, *Уз.* 53, *Эст.* 47). Присвоение супругу добрачной фамилии производится при расторжении брака (*Лат.* 42, *Лит.* 39). Супруг, желающий, чтобы ему была присвоена добрачная фамилия, должен заявить об этом при расторжении брака. О присвоении супругу добрачной фамилии органы записи актов гражданского состояния производят соответствующую запись при регистрации расторжения брака (*Аз.* 202, *Арм.* 206, *Бел.* 205, *Гр.* 185, *Лат.* 191, *Рос.* 155, *Тад.* 40, *Тур.* 199, *Эст.* 193). Заявление о присвоении добрачной фамилии делается в органе записи актов гражданского состояния при регистрации развода (*Арм.* 41, *Каз.* 41, *Тад.* 40). Присвоение супругу добрачной фамилии производится органом записи актов гражданского состояния при регистрации расторжения брака на основании заявления супруга или в соответствии с решением суда о расторжении брака (*Кир.* 233). При расторжении брака в судебном порядке каждому из разведенных супругов по их желанию суд должен присвоить добрачную фамилию. При расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния добрачная фамилия присваивается каждому из разведенных супругов по их желанию органом записи актов гражданского состояния (*Уз.* 53). При признании брака недействительным, супруг, не знавший о наличии препятствий к заключению брака, вправе сохранить фамилию, избранную им при регистрации брака (*Аз.* 53, *Арм.* 50, *Бел.* 49, *Каз.* 47, *Кир.* 61, *Тур.* 51, *Ук.* 49). Супругу, изменившему фамилию при вступлении в брак, в случае признания брака недействительным не по его вине, суд может по его просьбе оставить брачную фамилию (*Мол.* 43). При регистрации расторжения брака на основании решения суда, фамилии лиц, расторгающих брак, в актовую запись и в свидетельство о расторжении брака записываются в соответствии с решением суда, а если расторжение брака производится органами записи актов гражданского состояния, то фамилия лиц, расторгающих брак, указывается на основании заявления каждого из них. При отсутствии в решении суда или в заявлении указания о присвоении супругам их добрачных фамилий в актовую запись и в свидетельство о расторжении брака заносятся брачные фамилии (*Мол.* 165).

Прекращение брака между родителями не влечет за собой изменения фамилии детей. Если родитель, у которого ребенок остался после развода или признания брака недействительным, желает присвоить ему свою фамилию, орган опеки и попечительства разрешает этот вопрос в зависимости от интересов ребенка (*Аз.* 64, *Арм.* 60, *Бел.* 61, *Гр.* 57, *Каз.* 60, *Кир.* 73, *Лат.* 60, *Лит.* 63, *Мол.* 52, *Рос.* 51, *Тад.* 58, *Тур.* 62, *Уз.* 76, *Эст.* 65—2). При изменении фамилии ребенка, достигшего десяти лет, учитывается его желание (*Гр.* 57, *Лит.* 63, *Тур.* 62, *Уз.* 76). При разрешении вопроса об изменении фамилии детей, достигших шестнадцатилетнего возраста, учитывается их мнение (*Арм.* 60). Изменение фамилии ребенка, достигшего 15 лет, может быть произведено лишь с его согласия (*Мол.* 52). Расторжение брака или признание его недействительным не влечет за собой изменения фамилии детей. Если родитель, у которого ребенок остается жить после расторжения брака или признания брака недействительным, желает присвоить ребенку свою фамилию и другой родитель не возражает против этого, орган опеки и попечительства, исходя из интересов ребенка, вправе разрешить сменить фамилию несовершеннолетнему (*Ук.* 62).

Исправления в записях имен, отчеств, фамилий

Исправление ошибок и внесение изменений в записи актов гражданского состояния при наличии достаточных оснований и при отсутствии спора между заинтересованными лицами производятся органами записи актов гражданского состояния. Отказ органов записи актов гражданского состояния в исправлении или изменении записи может быть обжалован в суд. При наличии спора между заинтересованными лицами исправление записи производится на основании решения суда (*Основы* 28, *Аз.* 179, *Арм.* 188,

Бел. 195, *Гр.* 166, *Каз.* 147, *Кир.* 261, *Лат.* 174, *Мол.* 146, *Рос.* 145, *Тур.* 182, *Ук.* 161). Аннулирование записи допускается только по решению суда (*Мол.* 146).

Перемена имен, отчеств и фамилий

Регистрация перемены имени, отчества и фамилии гражданам СССР по достижении ими совершеннолетия производится в отделе (бюро) записи актов гражданского состояния исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту постоянного жительства заявителя (*Аз.* 208 и 209, *Арм.* 214, *Гр.* 19, *Каз.* 175, *Кир.* 240, *Рос.* 158, *Тур.* 207, *Ук.* 191, *Эст.* 203). Регистрация перемены имени, отчества и фамилии граждан СССР по достижении ими совершеннолетия производится в отделе (бюро) записи актов гражданского состояния по месту их постоянного жительства с разрешения Бюро записи актов гражданского состояния республики (*Лат.* 173). Регистрация перемены имени, отчества и фамилии гражданам производится в бюро записи актов гражданского состояния исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту их постоянного жительства на основании решения о перемене имени, отчества и фамилии (*Бел.* 212). Заявление об изменении фамилии или имени подается в орган записи актов гражданского состояния по месту жительства заявителя. Орган записи актов гражданского состояния, проверив указанные в заявлении данные, передает все материалы со своим заключением на рассмотрение исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся. Заявление об изменении фамилии и имени должно быть рассмотрено в течение трех месяцев со дня его поступления (*Мол.* 169). Изменение фамилии или имени не допускается в следующих случаях: а) если заявитель находится под следствием или судом или у него имеется судимость; б) если имеются возражения со стороны органов государственной власти (*Мол.* 170).

Перемена фамилии лицом, состоящим в браке, не влечет за собой обязательной перемены фамилии другого супруга (*Мол.* 168, *Тад.* 212).

При регистрации перемены имени отцом изменяется отчество его несовершеннолетних детей. Отчество совершеннолетних детей изменяется только в случаях, когда об этом подаются заявления в органы записи актов гражданского состояния сами совершеннолетние дети (*Аз.* 210, *Арм.* 215, *Бел.* 213, *Гр.* 192, *Каз.* 62, *Кир.* 241, *Рос.* 158, *Тад.* 212, *Тур.* 208, *Ук.* 192, *Эст.* 204—1). Перемена отчества несовершеннолетних детей в связи с изменением имени отца или установлением отцовства производится в порядке исправления записи о рождении детей. Перемена отчества совершеннолетних детей в этих случаях производится только по их заявлению (*Лат.* 59, *Мол.* 172).

Фамилия несовершеннолетних детей изменяется при перемене фамилии обоими родителями. Если фамилию переменяет один из родителей, вопрос о перемене фамилии несовершеннолетних детей решается по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения — органом опеки и попечительства (*Аз.* 210, *Арм.* 215, *Бел.* 213, *Гр.* 192, *Каз.* 61 и 62, *Кир.* 241, *Мол.* 168, *Рос.* 158, *Тад.* 212, *Тур.* 208, *Эст.* 204—2). Фамилия несовершеннолетних детей заменяется при перемене фамилии обоими родителями. Если фамилию сменил один из родителей, вопрос о перемене фамилии несовершеннолетних детей может быть решен соглашением между родителями (*Ук.* 192). Перемена фамилии родителями или одним из родителей не влечет за собой перемены фамилии их детей, достигших восемнадцатилетнего возраста (*Лат.* 60). Изменение фамилии родителями или одним из родителей не влечет за собой изменения фамилии их совершеннолетних детей (*Мол.* 168, *Тур.* 62).

ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ О ПЕРЕМЕНЕ ГРАЖДАНАМИ СССР ФАМИЛИИ, ИМЕН, ОТЧЕСТВ

(УТВЕРЖДЕНО СОВЕТОМ МИНИСТРОВ СССР
20 АВГУСТА 1971 г., № 587)

1. Перемена фамилий, имен и отчеств гражданами СССР допускается по достижении ими 18-летнего возраста.

2. Перемена фамилии, имени, отчества производится с разрешения областного, краевого, городского (городов республиканского подчинения) органа записи актов гражданского состояния, а в союзной республике, не имеющей областного деления, и в автономной республике — с разрешения республиканского органа записи актов гражданского состояния.

Разрешение на перемену фамилии, имени, отчества выдается лишь в тех случаях, когда для этого имеются веские уважительные причины (неблагозвучность фамилии, имени, отчества или трудность их произношения; желание супруга носить общую с другим супругом фамилию или вернуть свою добрачную фамилию, если об этом не было заявлено при разводе; желание носить фамилию отчима (мачехи), воспитавшего заявителя, или отчество по имени отчима, когда усыновление не может быть оформлено, и др.).

3. Ходатайство о перемене фамилии, имени, отчества гражданином СССР подается в отдел (бюро) записи актов гражданского состояния (ЗАГС) исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту его постоянного жительства.

4. В ходатайстве о перемене фамилии, имени, отчества должны быть указаны следующие сведения: а) фамилия, имя, отчество заявителя; б) время и место рождения; в) национальность; г) семейное положение; д) отношение к военной службе; е) сведения о детях (фамилия, имя, отчество, место и время рождения, адрес, по которому они проживают); ж) находился ли заявитель под судом или следствием, если находился, то когда и за что привлекался к уголовной ответственности; з) менял ли ранее фамилию, имя, отчество, если менял, то когда и где; и) избранные фамилия, имя, отчество; к) причины перемены фамилии, имени, отчества; л) полный перечень местностей, в которых заявитель проживал, с указанием времени проживания и места работы, учебы, службы в армии и т. д.; м) место жительства и работы на день обращения с ходатайством.

5. К ходатайству о перемене фамилии, имени, отчества прилагаются следующие документы: а) свидетельство о рождении заявителя; б) свидетельство о заключении брака (если заявитель состоит в браке); в) свидетельства о рождении детей (несовершеннолетних), если у заявителя имеются несовершеннолетние дети; г) необходимое количество фотокарт-чек заявителя.

6—17*.

18. Перемена фамилии, имени, отчества не допускается в следующих случаях: а) если заявитель находится под следствием, судом или у него имеется судимость; б) если против перемены фамилии, имени, отчества имеются возражения со стороны заинтересованных государственных органов.

(«Собрание постановлений правительства Союза ССР», 1971, № 14, с. 320—325).

* В пунктах 6—17 указан порядок подачи и прохождения ходатайств, их проверки (для установления личности заявителя и предотвращения возможности использования перемены фамилии, имени, отчества в целях уклонения от следствия, суда, оплаты алиментов или в других корыстных целях), обжалования в случае отказа, уплаты государственной пошлины, последующей регистрации перемены фамилии, имени, отчества, обмена паспорта и других документов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ

Этот перечень никоим образом нельзя принимать за библиографию антропонимической литературы — она необъятна. Это только расшифровка сокращений названий книг и статей, на которые сделаны ссылки. Здесь не приведены многие основные антропонимические работы, если на них нет ссылок в книге, и, напротив, приведены работы не антропонимические, если на них есть ссылки в книге; среди упомянутых здесь работ некоторые привлечены в книге только критически.

Абаев — В. И. Абаев, О собственных именах нартовского эпоса, — сб. «Язык и мышление», V, М.—Л., 1935.

Абдуллаев — И. Х. Абдуллаев, Некоторые вопросы дагестанской антропонимики, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

АИ—IV — «Акты исторические, собранные Археографическою комиссией», т. IV, СПб., 1842.

Альтман—1936 — М. С. Альтман, Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера, Л., 1936.

Альтман—1965 — М. С. Альтман, Русские писатели и ученые в русской литературе XIX в., — «Ученые записки Горьковского университета», вып. 71, Горький, 1965, стр. 28—340.

Андреев — М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. I, Душанбе, 1953.

Аннаклычев — Ш. Аннаклычев, Мотивы выбора имен у туркмен, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

«Антропонимика» — сб. «Антропонимика», М., 1970.

АОА — Архив Астраханской области, Астрахань.

АОЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. I, СПб., 1857; т. III, СПб., 1884.

Артеменко — Е. П. Артеменко, Наблюдения над стилистическим использованием собственных имен в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы», — «Материалы по русско-славянскому языкознанию», вып. 3, Воронеж, 1967.

Архив Москвы — Архив г. Москвы, Москва.

АСЭИ — «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси», т. I, М., 1952; т. II, 1958; т. III, 1964.

Бакланова — Е. Н. Бакланова, Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г., — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Балухатый — С. Д. Балухатый, Ранний Чехов, — сб. «А. П. Чехов», Ростов-на-Дону, 1959.

Барашков — В. Ф. Барашков, Фамилии с календарными именами в основе, — сб. «Антропонимика», М., 1970.

Баскаков — Н. А. Баскаков, Русские фамилии тюркского происхождения, I, — сб. «Ономастика», М., 1969; II, — «Известия Отделения русского языка и литературы АН СССР», М., 1969; III, — сб. «Ономастика По-

волжья—I», Ульяновск, 1969; IV,— журн. «Советская этнография», М., 1969, № 4; V,— сб. «Антропонимика», М., 1970; VII,— сб. «Этнография имен», М., 1971.

Баш. ЗАГС — Республиканский архив ЗАГС Башкирской АССР, Уфа.
Бегматов — Э. Бегматов, Антропонимика узбекского языка, автореф. канд. дисс., Ташкент, 1965.

Бедошвили — Г. В. Бедошвили, О грузинских фамилиях,— сб. «Антропонимика», М., 1970.

Белгородский — Н. А. Белгородский, Социальный элемент в персидских именах,— «Записки Института востоковедения», 1, Л., 1932.

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1953; т. VII, М., 1955; т. X, 1956.

Бельк — 1969 — Н. А. Бельк, Практические вопросы антропонимии,— сб. «Ономастика Поволжья—I», Ульяновск, 1969.

Бельк — 1970 — Н. А. Бельк, Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимии,— сб. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем», М., 1970.

Бельк — 1971 — Н. А. Бельк, Антропонимия и новое законодательство о браке и семье,— сб. «Ономастика Поволжья — 2», Горький, 1971.

Бестужев — И. В. Бестужев-Лада, Исторические тенденции развития антропонимов,— сб. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем», М., 1970.

Бешевлиев — В. Бешевлиев, Проучвания върху личните имена у траките, София, 1965.

Бирилло — Н. В. Бирилло, Белорусская антропонимия, Минск, 1969.

Бірыла — М. В. Бірыла, Беларуская антрапанімія, Мінск, 1966.

Благова — Г. Ф. Благова, Тюркские средневековые личные женские имена,— сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Бондалетов — В. Г. Бондалетов, Динамика личных имен в XX в.— сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Бражникова — Н. Н. Бражникова, Дохристианские имена в конце XVII — начале XVIII в.— сб. «Ономастика Поволжья—I», Ульяновск, 1969.

БСЭ — Большая советская энциклопедия, изд. 2.

Бутенко и Мамбеталиева — Н. П. Бутенко и К. Мамбеталиева, Киргизские имена сегодня,— сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Бушмин — А. С. Бушмин, Сатира Салтыкова-Щедрина, М.—Л., 1959.

Валиханов — Ч. Ч. Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958.

Васченко — 1968 — В. Васченко, О морфемной структуре русских фамилий,— «Romanoslavica», XVI, Bucureşti, 1968.

Васченко — 1971 — В. И. Васченко, О специфике фамилий липован,— сб. «Этнография имен», М., 1971.

Виноградов — В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963.

Влад. ОА — Архив Владимирской области, Владимир.

Влад. ОЗАГС — Владимирский областной архив ЗАГС, Владимир.

ВОА — Архив Воронежской области, Воронеж.

Воскобойников — Н. П. Воскобойников, Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых,— «Археографический ежегодник за 1966 г.», М., 1968.

Выборов — В. П. Выборов, Личные собственные имена и их стилевые и экспрессивно-оценочные формы в нижневыхгодских говорах коми языка,— «Ученые записки Коми педагогического института», вып. 10, Сыктывкар, 1962.

ВЯ — журн. «Вопросы языкознания».

Гавриленко — М. А. Гавриленко, Собственные имена и формы их употребления в речи крестьянских персонажей у М. Горького,— «Ученые записки Горьковского педагогического института», вып. 68, Горький, 1967.

Гамзатов — Расул Гамзатов, Мой Дагестан, — журн. «Новый мир», 1967, № 9.

Гафуров — 1964 — А. Г. Гафуров, Способы и виды наречения детей у таджиков, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.

Гафуров — 1970 — А. Г. Гафуров, Таджикская антропонимия, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Гафуров — 1971 — А. Г. Гафуров, Лев и Кипарис, М., 1971.

ГОА — Архив Горьковской области, Горький.

ГОЗАГС — Горьковский областной архив ЗАГС, Горький.

Гордеев — Ф. И. Гордеев, О личных именах марийцев, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Гордлевский — В. А. Гордлевский, К личной ономастике у османцев, — Избранные сочинения, т. IV, М., 1968. Первоначально опубликовано: «Древности восточные», т. IV, 1913.

Гумилев — Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967.

Данилина — Е. Ф. Данилина, Категория ласкательности в личных именах, — сб. «Ономастика», М., 1969.

Джарылгасинова — Р. Ш. Джарылгасинова, Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Дешериев — Ю. Д. Дешериев, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966.

ДИМ — «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2, Саранск, 1951.

Дмитриев — Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М., 1948.

Добродомов — И. Г. Добродомов, Из болгарского вклада в славянскую антропонимию, — сб. «Антропонимия», М., 1970.

Долгих — Б. О. Долгих, Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени, — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института этнографии АН СССР», вып. 20, М., 1954.

ДПК — «Десяти Пензенского края», СПб., 1897.

Жанузаков — 1960 — Т. Жанузаков, Лично-собственные имена в казахском языке, Алма-Ата, 1960.

Жанузаков — 1968 — Т. Жанузаков, Какое выбрать имя?, Алма-Ата, 1968.

Жанузаков — 1970 — Т. Жанузаков, Лично-собственные имена в казахском языке, Алма-Ата, 1970.

Жанузаков — 1971 — Т. Жанузаков, Қазақ есімдерінің тарихы, Алматы, 1971.

Жирмунский — В. М. Жирмунский, Введение в изучение эпоса «Манас», — сб. «Киргизский героический эпос „Манас“».

Завадовский — Ю. В. Завадовский, Мероитские имена, — «Проблемы семантики» (в печати).

ЗАГС — отделы записи актов гражданского состояния.

Закирьянов — К. З. Закирьянов, Личные имена у башкир, возникшие в советское время, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Зинин — С. И. Зинин, О личных именах в произведениях Д. И. Фонвизина, — сб. «Вопросы истории русского языка», Ташкент, 1967.

Зинин и Степанова — С. И. Зинин, А. Г. Степанова, Имена персонажей в художественной литературе (Библиография), — сб. «Антропонимика», М., 1970.

Зубков — А. Н. Зубков, Общие вопросы индийской антропонимики, — «Ученые записки Института международных отношений», вып. 7, М., 1971.

ИАН—ОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», Москва.

- ИВОБД — Н. П. Черепнин, Императорское воспитательное общество благородных девиц, т. III, СПб., 1915.
- Илчев — Ст. Илчев, За хубави български имена на децата ни, София, 1963.
- ИМН—I — Я. М. Менажиев, Х. А. Азаматов, Исмингизнинг маъноси нима?, Тошкент, 1964.
- ИМН—II — Я. Менажиев, Х. Азаматов, Д. Абдурахманов, Э. Бегматов, Исмингизнинг маъноси нима?, Тошкент, 1968.
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», СПб.
- ИТУАК—34 — «Известия Тамбовской ученой Архивной комиссии», вып. 34, Тамбов, 1892.
- Каз. ЗАГС — Казанский городской архив ЗАГС, Казань.
- Калуж. ОА — Калужский областной архив, Калуга.
- Калуж. ОЗАГС — Калужский областной архив ЗАГС, Калуга.
- Карнович — Е. Карпович, Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1866.
- Карленко — М. В. Карленко, Программа спецкурса «Русская антропонимика», Черновцы, 1967.
- Кетский сборник — II — «Кетский сборник», т. II, М., 1969.
- КОЗАГС — Костромской областной архив ЗАГС, Кострома.
- Колоколова — Л. И. Колоколова, Имена собственные в раннем творчестве А. П. Чехова, Киев, 1961.
- Кон — И. С. Кон, К проблеме национального характера, — сб. «История и психология», М., 1971.
- Кондратенко—1969 — Г. И. Кондратенко, Из наблюдений над выбором личных имен в г. Ульяновске, — «Ономастика Поволжья—I», Ульяновск, 1969.
- Кондратенко—1970 — Г. И. Кондратенко, Наблюдения над употреблением личных имен в Брянской области, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.
- Кондратьева — Т. Н. Кондратьева, Собственные имена в русском эпосе, Казань, 1967.
- Копорский — С. А. Копорский, Собственные имена в языке писателей-демократов Н. В. Успенского, В. А. Слепцова и Ф. М. Решетникова, — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», вып. 3, М., 1958.
- Короткова — Т. А. Короткова, Перемена фамилий, — сб. «Этнография имен», М., 1971.
- Крестинская — Т. П. Крестинская, Принципы использования личных собственных имен в рассказах Чехова 80-х годов, — «Ученые записки Новгородского педагогического института», т. 2, Новгород, 1957, вып. 2.
- Кривощекова-Гантман — А. С. Кривощекова-Гантман, Фамилия как источник истории языка и его носителя, — сб. «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии», Пермь, 1972.
- Крюков — 1969 — М. В. Крюков, О социологическом аспекте изучения китайской антропонимии, — сб. «Ономастика», М., 1969.
- Крюков—1972 — М. В. Крюков, Система родства китайцев, М., 1972.
- Кузеев — Р. Г. Кузеев, Башкирские шежере, Уфа, 1960.
- Куйб. ОА — Архив Куйбышевской области, Куйбышев.
- Куйб. ОЗАГС — Куйбышевский областной архив ЗАГС, Куйбышев.
- Кунгуров — Г. Кунгуров, Эволюция собственных имен, — «Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию», т. II, Самарканд, 1966.
- Кур. ОА — Архив Курской области, Курск.
- Кур. ОЗАГС — Курский областной архив ЗАГС, Курск.
- Лаптева — О. Д. Лаптева, Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки», — «Ученые записки МГПИ им. Ленина», т. 132, М., 1958, вып. 8.

Лаћевић — Милица Лаћевић, Современа ономастика града Новог Сада, — «Прилози проучвању езика. IV», Нови Сад, 1968.

Ленин — В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. XXIX.

Ли — Г. В. Ли, Корейские имена как этнографический источник, — «Этнографическая история и современное национальное развитие народов мира», М., 1967.

Лихачев — Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI века, СПб., 1888.

Личные имена — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

ЛР — Л. И. Ройзензон, И. М. Подгаецкая, Исследования по русской поэтической ономастике, — «Onomastica», XI, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1956.

Лыкошин — Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Пг., 1916.

Любавский — М. Любавский, История западных славян, М., 1918.

Лятина — А. М. Лятина, О проекте инструкции по составлению частотного словаря «Поднятой целины» М. А. Шолохова, — «Материалы конференции по языкознанию (к 75-летию Е. Д. Поливанова)», Самарканд, 1966.

Магницкий — В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена, — «Известия общества археологии, истории и этнографии», т. XXI, вып. 2 и 3, Казань, 1905.

Майнов — В. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, — «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XIV, СПб., 1885, вып. I.

Малеча — Н. М. Малеча, Собственные личные имена людей, Уральск, 1966.

Маллицкий — Н. Г. Маллицкий, Система наименования у коренного населения г. Ташкента, — «Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охране памятников старины», вып. 3, Ташкент, 1928.

Марасинова — Л. М. Марасинова, Новые псковские грамоты XIV—XV веков, М., 1966.

Маркевич — А. И. Маркевич, История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв., Одесса, 1888.

Марков — П. А. Марков, Морализм Островского, — «Памяти А. Н. Островского», М.—Л., 1923.

Маркс и Энгельс — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21.

Меновщиков — Г. А. Меновщиков, Личные имена азиатских эскимосов, — сб. «Антропонимика», М., 1970.

Мирославская — 1959 — А. Н. Мирославская, Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных кабальных книгах» 100—104 и 111 годов, — «Ученые записки Калининградского педагогического института», вып. 6, Калининград, 1959.

Мирославская — 1961 — А. Н. Мирославская, К истории развития русских имен (Система наименований по имени главы семьи), — сб. «Материалы и наблюдения по русскому языку», Уфа, 1961.

Мирославская — 1970 — А. Н. Мирославская, Русские календарные имена у башкир, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Михайлов — В. Н. Михайлов, Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе, Луцк, 1965.

Михайлович — В. Михайлович, Неколько јужнословенско-новгородских антропонимических параллель, — «Зборник за филологију и лингвистику», XI, Нови Сад, 1968.

МКД — «Материалы исторические и юридические бывш. Приказа Казанского Дворца», т. IV, Симбирск, 1904; т. VI, Казань, 1912.

Мокшин — 1961 — Н. Ф. Мокшин, Старинные мордовские имена, — альманах «Литературная Мордовия», Саранск, 1961, № 25.

Мокшин — 1969 — Н. Ф. Мокшин, Мордовская дохристианская антропонимия, — сб. «Ономастика Поволжья—I», Ульяновск, 1969.

- Молчанова — О. Т. Молчанова. Мотивированные имена у алтайцев, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.
- Морозова — М. Н. Морозова, Взаимодействие антропонимической и нарицательной лексики, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.
- Москва — 1638 — «Переписная книга г. Москвы 1638 г.», М., 1881.
- Москович — В. А. Москович, Машинное конструирование личных имен, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.
- Мухамедова — 1957 — З. Б. Мухамедова, К вопросу о личной ономастике у туркмен, — «Труды Института языка и литературы Туркм.ССР», вып. 2, Ашхабад, 1957.
- Мухамедова — 1965 — З. Б. Мухамедова, Личная ономастика у туркмен, — сб. «Питання ономастики», Київ, 1965.
- Нечкина — М. В. Нечкина, Гоголь у Ленина, М., 1936.
- Нижегородские платежные — Нижегородские платежные книги, — «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XV, Нижний Новгород, 1915, вып. 6.
- Нижний Новгород — «Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду», СПб., 1896.
- Никонов — 1962 — В. А. Никонов, Метод исследования суффиксов прилагательных, — сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.
- Никонов — 1965 — В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
- Никонов — 1966 — В. А. Никонов, На пути к теории собственных имен, — «Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР», Рига, 1966.
- Никонов — 1967а — В. А. Никонов, Личные имена в современной России, — «Вопросы языкознания», 1967, № 6.
- Никонов — 1967б — В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак, — журн. «Советская этнография», 1967, № 5.
- Никонов — 1971 — В. А. Никонов, Современный именной узбек, — сб. «Вопросы ономастики», Самарканд, 1971.
- Никонов — 1972а — В. А. Никонов, Опыт словаря русских фамилий, — сб. «Этимология», М., 1972.
- Никонов — 1972б — В. А. Никонов, Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов, — журн. «Советская тюркология», Баку, 1972, № 2.
- Никонов — 1973 — В. А. Никонов, Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир, — сб. «Ономастика Поволжья — III», Уфа, 1973.
- ОАО — Архив Орловской области, Орел.
- Ономастика — 1966 — «Ономастика», сборник, ред. К. К. Цилуйко, Київ, 1966.
- Ономастика — 1969 — «Ономастика», сборник, М., 1969.
- ОП — I — «Ономастика Поволжья», Ульяновск, 1969.
- ОП — II — «Ономастика Поволжья», Горький, 1971.
- ОП — III — «Ономастика Поволжья», Уфа, 1973.
- Опись Синбирску — «Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 г.», Симбирск, 1902.
- Орлов — М. М. Орлов, Язык Н. Г. Помяловского, ч. 2, Ростов-на-Дону, 1959.
- Пенз. ОА — Архив Пензенской области, Пенза.
- Пенз. ОЗАГС — Пензенский областной архив ЗАГС, Пенза.
- Переписная книга Ярославля — Переписная книга г. Ярославля 1754 г., — «Труды Ярославской ученой архивной комиссии», кн. 6, Ярославль, 1913, вып. 3—4.
- Пименов — В. В. Пименов, К изучению удмуртских традиционных имен, — сб. «Этнография имен», 1971.
- Писцовая книга Балахны — «Писцовая книга Балахны 1674—76 гг.», — «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», сб. 15, Нижний Новгород, 1913, вып. I.

ПК—I — «Писцовые книги Московского государства», т. I, отд. 2, СПб., 1877.

А. А. Попов — А. А. Попов, Енисейские ненцы (юраки), — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 76, Л., 1944, вып. 2—3.

Пришвин — М. Пришвин, Собрание сочинений, т. I, М., 1956.

РАМ — Республиканский архив Мордовской АССР, Саранск.

Раянди — Э. Раянди, Имя и право, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Редько — Ю. К. Редько, Сучасні українські прізвища, Київ, 1966.

Решетов — А. М. Решетов, Антропонимические трансформации в иноязычной среде, — сб. «Этнография имен», М., 1970.

Роспанд — С. Роспанд, Структура и классификация восточнославянских антропонимов, — журн. «Вопросы языкознания», 1965, № 3.

Рудных — А. И. Рудных, Вторые имена у якутов, — сб. «Антропонимика», М., 1970.

Рыбникова — М. А. Рыбникова, Книга о языке, М., 1925.

Рязань — «Рязань. Материалы по истории города», М., 1884.

Саадиев — Ш. М. Саадиев, Основные правила выбора имен для новорожденных, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Сам. ОЗАГС — Архив ЗАГС Самаркандской области Узбекской ССР, Самарканд.

Самойлович — А. Самойлович, К вопросу о наречении имен у турецких племен, — журн. «Живая старина», вып. 2, СПб., 1911.

Сапарова — Г. Сапарова, Женская антропонимия туркмен хасарли, — сб. «Антропонимия», М., 1970.

Саттаров — Г. Ф. Саттаров, Некоторые вопросы татарской антропонимии, — сб. «Вопросы истории филологии и педагогики», Казань, 1965.

Сатыбалов — А. Сатыбалов, К вопросу о личной ономастике у кумыков, — журн. «Советское языкознание», М., 1936.

Светлаков — В. Светлаков, К вопросу о происхождении коми-пермяцких фамилий, — журн. «Наш край», вып. I, Пермь, 1964.

СГЧ — «Список гражданским чинам первых трех классов», СПб., 1911.

Селищев—1931 — А. М. Селищев, Полог, София, 1931.

Селищев—1948 — А. М. Селищев, Происхождение русских фамилий, имен, прозвищ, — «Ученые записки МГУ», вып. 128, М., 1948.

Селищев—1968 — А. М. Селищев, Избранные труды, М., 1968.

Симица — Г. Я. Симица, Фамилия и прозвище, — сб. «Ономастика», М., 1969.

СЛИ — «Справочник личных имен народов РСФСР», М., 1965.

Смоляк — А. В. Смоляк, Личные имена нанайцев, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

СНМ—Вятская — «Списки населенных мест Российской империи. Вятская губерния», СПб., 1876.

Соболевский—1890 — А. И. Соболевский, Заметки о собственных именах в великорусских былинах, — журн. «Живая старина», вып. 2, СПб., 1890.

Соболевский—1910 — А. И. Соболевский, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПб., 1910.

СРНГ — «Словарь русских народных говоров», под ред. Ф. П. Филина, М.—Л., 1965 (издание продолжается).

Ступин — Л. П. Ступин, Необходимы двуязычные словари имен собственных, — «Тетради переводчика», М., 1967.

Субаева — Р. Х. Субаева, Мотивы выбора интернациональных имен у татар, — сб. «Ономастика Поволжья—II», Горький, 1971.

Султаньяев — О. А. Султаньяев, Об основах положительной экспрессии в казахских именах, — «Антропонимика», М., 1970.

Суперанская — А. В. Суперанская, Лингвистические основы практической транскрипции имен собственных, М., 1958.

Сухомлин — И. Д. Сухомлин, Основы полтавской ономастики (По материалам Полтавских актов XVII ст.), автореф. канд. дисс., Харьков, 1964.

«Сыны Дехевая» — «Сыны Дехевая», сборник, М., 1960.

СЭ — журн. «Советская этнография», Москва.

Тагунова — 1966 — В. И. Тагунова, Из жизни личных собственных имен, — сб. «Ономастика», Киев, 1966.

Тагунова — 1967 — В. И. Тагунова, Прозвищные имена в муромских памятниках письменности XVII—XVIII веков, — «Ученые записки Рязанского педагогического института, т. 40, Рязань, 1967; е е же: Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли, — там же.

Таиров — Я. Таиров, Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, ч. I и II, СПб., 1904.

Тамб. ОА — Тамбовский областной архив, Тамбов.

Тамб. ОЗАГС — Тамбовский областной архив ЗАГС, Тамбов.

Тарзиманов — Ф. В. Тарзиманов, О татарских, башкирских и чувашских именах, — сб. «Ономастика Поволжья—I», Ульяновск, 1969.

Тат. ЗАГС — Республиканский архив ЗАГС Татарской АССР, Казань.

Тепляшина — 1969 — Т. И. Тепляшина, О древнеудмуртских личных именах, — журн. «Советское финноугроведение», V, Таллин, 1969.

Тепляшина — 1970 — Т. И. Тепляшина, Двойные имена удмуртов, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Терещенко — Н. М. Терещенко, Личные имена у инганасанов, — сб. «Этнография имен», М., 1971.

ТК — «Тысячная книга 1550 г. и дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в.», М.—Л., 1950.

Токарев — С. А. Токарев, Указатели, — в кн. «Материалы по истории Якутии», III, М.—Новосибирск, 1970.

Толстой Н. — Н. И. Толстой, Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции, — сб. «Топономастика и транскрипция», М., 1964.

Том. ОА — Томский областной архив.

Том. ОЗАГС — Томский областной архив ЗАГС, Томск.

ТПК — «Памятная книжка Тверской губернии на 1885 г.», Тверь, 1885.

Трегубов — М. И. Трегубов, Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии, Владимир, 1905.

Трубачев — О. Н. Трубачев, Из материалов для этимологического словаря фамилий России, — сб. «Этимология, 1966», М., 1968.

Труды ЯАК—VI — «Труды Ярославской ученой архивной комиссии», кн. VI, Ярославль, 1913, вып. 3—4.

Туголуков — В. А. Туголуков, Хантайские эвенки, — «Труды Института этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963.

Тукай — Г. Тукай, Избранное (русс. перевод в двух томах), Казань, 1961.

Тул. ОЗАГС — Тульский областной архив ЗАГС, Тула.

Тула — «Тула. Материалы для истории города», М., 1884.

Тупиков — Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903.

Тынянов — Ю. Н. Тынянов, Архаисты и новаторы, Л., 1929.

Тюменцева — Л. А. Тюменцева, Антропотопонимы Астраханской области, — сб. «Антропонимика», М., 1970.

УОА — Архив Ульяновской области, Ульяновск.

УОЗАГС — Ульяновский областной архив ЗАГС, Ульяновск.

Ураксин — З. Г. Ураксин, Основные критерии выбора имен у башкир, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Успенский Б. — Б. А. Успенский, Из истории русских канонических имен, М., 1969.

Успенский Л. — Л. В. Успенский, Ты и твое имя, Л., 1960.

Филин — Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, — сб. «Язык и общество», М., 1968.

Флоровская — В. А. Флоровская, Прозвища в русских говорах Кубани, — сб. «Этнография имен», М., 1971.

Фролова — С. В. Фролова, К проблеме раннего славянского усвоения греко-латинской ономастики, — сб. «Антропонимика», М., 1970.

Хайдаков — С. М. Хайдаков, Антропонимика и ее историческая связь с сословным делением общества, — «Питання ономастики», Київ, 1965.

Харузин — Н. Н. Харузин, Русские лопари, М., 1890.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва.

ЦИАЛ — Центральный исторический архив, Ленинград.

Черемисина — М. И. Черемисина, К вопросу о функциях личных имен в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом», — «Ученые записки Тульского педагогического института», т. XI, Тула, 1958.

Черных — П. Я. Черных, Заметка о фамилиях в «Горе от ума», — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 6, М., 1948.

Чичагов — В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1959.

Членов — А. М. Членов, К вопросу об имени Святослава, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Шайкевич — А. Я. Шайкевич, Русские личные имена XX в., — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Шанский — Н. М. Шанский, Типология и происхождение фамилий на -ов (-ев), -ин (-ын) в русском языке, — журн. «Русский язык в школе», М., 1971.

Шарашова — М. К. Шарашова, Русские имена у народов крайнего северо-востока СССР, — сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

Шатинова — Н. И. Шатинова, К истории алтайских имен, — «Этнография имен», М., 1971.

Шишков — А. С. Шишков, Записки, мнения и переписка, т. I, Берлин, 1870.

ШМ — Р. П. Шагинян и Э. П. Магазаник, Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе, — «Труды САГУ», т. 33, Самарканд, 1958.

Штернберг — Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.

Щетинин — Л. М. Щетинин, Имена и названия, Ростов, 1968.

ЭИ — «Этнография имен», сборник, М., 1971.

Эйхенбаум — Б. М. Эйхенбаум, Как сделана «Шинель» Гоголя, — «Поэтика», Пг., 1919.

Юдахин — К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965.

Юсупов — Г. В. Юсупов, Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, М.—Л., 1960.

Якобсон — Р. О. Якобсон, Шифтеры, глагольные категории и русский глагол, — сб. «Принципы типологического анализа языков различного строя», М., 1972.

Янко-Триницкая — Н. Я. Янко-Триницкая, О некоторых особенностях имен собственных, — «Ученые записки Московского государственного педагогического института», т. 42, М., 1959.

ЯОЗАГС — Ярославский областной архив ЗАГС, Ярославль.

Ярославль—1671 — Переписная книга г. Ярославля 7179 (1671) г., — «Труды Ярославской ученой архивной комиссии», кн. VI, Ярославль, 1913, вып. 3—4.

Ярцева — В. Н. Ярцева, Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании, — сб. «Язык и общество», М., 1968.

- Atalaj — B. Atalaj, Türk büyüklari veya türk adlari, Istanbul, 1935.
- Bach—I — A. Bach, Deutsche Namenkunde. I, H. 1, 2, Heidelberg, 1949.
- Bahlow — H. Bahlow, Unsere Vornamen in Wandel der Jahrhunderte, Limburg a. d. Lahn, 1965.
- Bauer—1959 — W. Bauer, Der chinesische Personennamen, Wiesbaden, 1959.
- Bauer—1966 — W. Bauer, Chinesische Frauennamen auf Formosa,— «Proceedings of the eight International Congress of Onomastic Sciences», The Hague — Paris, 1966.
- Beattie — J. H. M. Beattie, Nyoro Personal Names,— «The Uganda Journal», Kampala, 1957, № 1.
- Beneš — J. Beneš, O českých příjmeních, Praha, 1962.
- Benson — M. Benson, The Compilation of a Dictionary of Russian Personal Names,— «Names», 1964, № 1.
- BNF — журн. «Beiträge zur Namenforschung», Heidelberg — Bonn.
- Böchler — M. A. Böchler, Die altenglischen Frauennamen, Berlin, 1931.
- Bystroń — J. S. Bystroń, Nazwiska polskie, Kraków, 1927.
- Caferoglu — A. Caferoglu, Der Hund in der türkischen Onomastic,— «Internationaler Kongress für Namenkunde—VI» (1958), München, 1961.
- Dauzat—1925 — A. Dauzat, Les noms de personnes, Paris, 1925.
- Dauzat—1949 — A. Dauzat, Les noms de famille de France, ed. 2e, Paris, 1949.
- Dauzat—1956 — A. Dauzat, Les noms de personnes, Paris, 1956.
- DSF — Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte, Halle (Salle), 1956 (издание продолжается).
- Eis — G. Eis, Über die Namen im Kriminalroman der Gegenwart,— «Neophilologus», vol. 49, Groningen, 1965.
- Ficker — H. G. Ficker, Öffentliches Namensrecht, Frankfurt am Main, 1952.
- Fleischer — W. Fleischer, Die deutschen Personennamen, Berlin, 1968.
- Frazer — J. G. Frazer, The Golden Bough, III, London, 1922 (изд. 3).
- Fredriksson — I. Fredriksson, Svenska personnamasstudier, Uppsala, 1961.
- Fundikogly — L. F. Fundikogly, Le problème des noms de famille considéré comme un courant culturel en Turquie,— «Quatrième congrès international de sciences onomastiques», Uppsala, 1952.
- Giesker — H. Giesker-Zeller, Der Name in internationalen Privatrecht, Zürich, 1915.
- Graur — Al. Graur, Nume de persoane, București, 1965.
- Gray — D. H. Gray, Mycenaean names in Homer,— «Journal of Hellenic Studies», vol. 78, London, 1958.
- Grzybowski — S. Grzybowski, Nazwisko i jego stałość w dawnym prawie polskim,— «Onomastica», 5, Rocznik III, zeszyt 2, Wrocław, 1957.
- Hägg — T. Hägg, The Naming of the Characters in the Romane of Xenophon Ephesius,— «Eranos», Uppsala, 1971, №№ 1—4.
- Hilka — A. Hilka, Beiträge zur Kenntnis der indischen Namengebung (Die altindische Personennamen), Breslau, 1910.
- Holweck — F. G. Holweck, A Biographical Dictionary of the Saints, London, 1924.
- Houis — M. Houis, Les noms individuels chez les Mosi, Dakar, 1963.
- Hulstaert — G. Hulstaert, Noms de personnes chez les Nkundo,— «Acquatoria», Coquilhatville, 1956, № 3.
- IK—VI vol. III — Internationaler Kongress für Namenkunde (1958), vol. II, III, München, 1961.
- Jakobson — R. Jakobson, О морфологическом составе русских отчеств,— «Michigan Slavic Materials», № 1.
- Kajanto—1965 — I. Kajanto, The Latin Cognomina, Helsinki, 1965.

Kálmán — B. Kálmán, L'origine et l'évolution des noms de famille hongrois, — «Analele Științifice ale Universității Al. I. Cuza», sec. III, t. IX, Iași, 1963.

Kamińska — M. Kamińska, Nazwiska i przezwiska ludności wieśniaczej w Łowieckiem, — «Onomastica», 6, 1958, Rocznik IV, zeszyt 1.

Karplukówna — M. Karplukówna, Z badań nad polskim nazewnictwem osobowym XV i paz. XVI wieku, — «Onomastica», 1957, 5, Rocznik III, zeszyt 2.

Katz — R. Katz, Psychologie des Vornamens, Bern—Stuttgart, 1964.

Kiparsky — V. R. Kiparsky, Ein russischer Familiennamentyp, — «Festschrift für M. Vasmer», Wiesbaden, 1956; егo же, Von Taubenrassen abgeleitete russische Familiennamen, — «Zeitschrift für Slavische Philologie» XXVI, Heidelberg, 1957; егo же, Nachmals die von Taubenrassen abgeleiteten russische Familiennamen, — «Zeitschrift für Slavische Philologie», Heidelberg, XXVII, 1958.

Klymasz — R. B. Klymasz, A Classified Dictionary of Slavic Surname Changes in Canada, Winnipeg, 1961.

Kostallari — A. Kostallari, Les recherches onomastiques dans le domaine de l'albanais, — «Proceedings of the eight International Congress of the Onomastic Sciences», The Hague — Paris, 1966.

Krahe—1929 — H. Krahe, Lexikon altillirischen Personennamen, Heidelberg, 1929.

Krahe—1955 — H. Krahe, Die Sprache der Illirier. Die Personennamen, Wiesbaden, 1955.

Lange — R. Lange, Über japanische Frauennamen, — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», IV, Berlin — Stuttgart, 1901.

Lebel — P. Lebel, Les noms de personnes, Paris, 1962.

Loeb — E. M. Loeb, The Twin Cult in the Old and New World, — «Congreso Internacional de Americanistas», XXXI, Mexico, 1958.

Loy — K. Loy, Satznamen under den deutschen Familiennamen, — «Internationaler Kongress für Namenkunde—VI» (1958), vol. III, München, 1961.

Mihajlović — V. Mihajlović, Neki problemi semantike naših ženskih imena, — «Прилози проучивањя езика», IV, Нови Сад, 1968.

Michaëlsson — K. Michaëlsson, Études sur les noms de personne français, Uppsala, 1927.

Midleton — J. Middleton, The Social Significance of Ľugbara Personal Names, — «The Uganda Journal», Kampala, 1961.

Milewski 1959 — T. Milewski, La comparaison des systèmes antroponymiques azteques et indoeuropéens, — «Onomastica», 8, Rocznik V, zeszyt, 1959.

Milewski—1963 — T. Milewski, Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym, — «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1963.

Mironescu — C. Mironescu, Le nom de personne en droit comparé, Paris, 1933.

Modeer — I. Modeer, Svenska personnamn, Stockholm, 1964.

Names — журн. «Names», Berkly — New York.

Nikonov—1960 — V. A. Nikonov, L'étymologie? Non, L'étiologie!, — «Revue Internationale d'Onomastique», Paris, 1960, № 3.

«Onomastica» — журн. «Onomastica», Wrocław—Kraków—Warszawa, 1955—1973.

Onomasticon arabicum — L. Caetani, G. Gabrieli, Onomasticon arabicum. I, Roma, 1915.

Palli — H. Palli, Eesti isikunimedede kasutamise meie rahva vanema ajaloo (XIII—XVI saj) uurimisel, — «Eesti NSV Teaduste Akadeem toimetised. Ühiskonnateaduste saeria», Tallinn, 1961, № 2 X.

Panfilow — W. S. Panfilow, Über die Eigennamen (Anthroponyma) in der Sprache der Nivchen (Gilaken), — «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», Budapest, 1963.

Perrean — E. Perrean, Le droit du nom en matière civile, Paris, 1910.

- Plank — R. Plank, Names of Twins,— «Names», 1964, № 1.
- Polomé — E. Polomé, Personennamen bei einigen Stämmen in Belgisch-Kongo,— «Internationaler Kongress für Namenkunde—VI», vol. III, München, 1961.
- Pulgram — E. Pulgram, Individual name, class name, common noun,— «Internationaler Kongress für Namenkunde—VI», vol. III, München, 1961.
- Rasonyi — 1953 — L. Rasonyi, Sur quelques catégories de noms de personnes en turc,— «Acta Linguistica», III, Budapest, 1953.
- Rasonyi — 1962 — L. Rasonyi, Die Frauennamen bei den Türkvölkern,— «Ural-Altäische Jahrbücher», 34, Wiesbaden, 1962, №№ 3—4.
- Rasonyi — 1967 — L. Rasonyi, Les autroponymes comans de Hongrie,— «Acta orientalia», Budapest, 1967, № 2.
- Reyney — P. H. Reyney, The Origin of English Surnames, London, 1967.
- RIO — жюри. «Revue Internationale d'Onomastique», Paris.
- Rospond — 1955 — St. Rospond, Słownik nazwisk śląskich,— «Onomastica», 1, 1955.
- Rospond — 1957 — St. Rospond, Klasyfikacja strukturalnogramatyczna słowiańskich nazw geograficznych, Wrocław, 1957.
- Rospond — 1959 — St. Rospond, Stosunki etniczno-językowe», wokregy Nyskim i Niemodlińskim,— «Rozprawy Komisji językowej», 1, Wrocław, 1959.
- Rospond — 1960 — St. Rospond, Nazwiska ślązaków, Opole, 1960.
- Schwarz — E. Schwarz, Deutsche Namenforschung. I, Göttingen, 1949.
- Schneider — U. Schneider, Yama und Yami,— «Indo-Iranian Journal», 1967, № 1.
- Smith — E. C. Smith, Personal Names (A Bibliography), New York, 1952.
- Stan — 1961 — A. Stan, Contribuție la studiul prenumelor feminine din valea Bistriței—Bicaz,— «Cercetări de lingvistică», Cluj, 1961, № 2.
- Svoboda — J. Svoboda, Staročeská osobní jména a naše příjmení, Praha, 1964.
- Taszycki — 1958 — W. Taszycki, Rozprawy i studia polonistyczne. I, Wrocław—Kraków, 1958.
- Taszycki — 1960 — W. Taszycki, Bibliografia onomastyki polskiej, Kraków, 1960.
- Triandaphyllidis — M. Triandaphyllidis, Neugrechische Familiennamen,— «Quatrième congrès international des sciences onomastiques», Uppsala, 1952.
- Unbegaun — 1951 — B.-O. Unbegaun, Structure des noms de famille russes,— «IIIe Congrès International de toponymie et d'anthroponymie (1949)», vol. II, Louvain, 1951.
- Unbegaun — 1966 — B.-O. Unbegaun, La fréquence des noms de famille russes.— «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», vol. VII, Bruxelles, 1966.
- Unbegaun — 1966a — B.-O. Unbegaun, Les noms de famille russes en-ago,— «Studia Slavica», XII, Budapest, 1966, №№ 1—4.
- Unbegaun — 1972 — B.-O. Unbegaun, Russian Surnames, Oxford, 1972.
- Untermann — J. Untermann, Die venetischen Personennamen, Wiesbaden, 1962.
- Vascenco — V. Vascenco, Tradiție și inovație in antroponimia uno slavi bilingvi: Lipovenii,— «Studii și cercetări lingvistice», București, 1967, № 1.
- Vasmer — 1960 — M. Vasmer, Studien über ostslavische Personennamen,— «Zeitschrift für Slavische Philologie» 28, Heidelberg, 1960, № 2.
- Ward — D. Ward, The Divine Twins,— «University of California Folklore studies», Berley — Los Angeles, 1968.

Wilkoń — A. Wilkoń, Nazewnictwo w utworach St. Żeromskiego, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970.

Witkowski — T. Witkowski, Zum Problem der Bedeutungserschließung bei Namen, — «Der Name in Sprache und Gesellschaft», Berlin, 1973.

Zajączkowski — W. Zajączkowski, Die turkmenischen Personennamen, — «Folia Orientalia», XIII, Kraków, 1971.

Zaręba—1957 — A. Zaręba, Polskie imiona ludowe, — «Onomastica», III, Wrocław—Kraków, 1957.

Zaręba—1959 — A. Zaręba, Polskie imiona ludowe, — «Onomastica», V, Wrocław—Kraków, 1959.

Zaręba—1963 — A. Zaręba, Formacje odmęzowskie w dialektach południowosłowiańskich, — «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1963.

ZfS — «Zeitschrift für Slawistik», Berlin.

Zgusta—1955 — L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955.

Zgusta—1964 — L. Zgusta, Kleinasiatische Personennamen, Praha, 1964.

ZSIPh. — «Zeitschrift für Slavische Philologie», Heidelberg.

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания	3
Личное имя — социальный знак	12
Мистика имен	28
Системы личных имен	32
Женские имена в России XVIII в.	43
Личные имена у русских сегодня	66
Личные имена у тюркоязычных народов	85
Обычай связанных имен	131
Выбор имени	142
Имена детей в межнациональных семьях	155
До фамилий	160
Триумфальное шествие фамилий	179
Семантика русских фамилий	187
Формы фамилий	204
Мордовские фамилии	220
Выбор фамилии при браке	230
Имена персонажей	233
Нерешенные вопросы антропонимики	246
Приложение. Действующие в СССР указания законов об именах, отчествах и фамилиях	260
Из Положения о порядке рассмотрения ходатайств о перемене гражданами СССР фамилий, имен, отчеств	264
Библиографические сокращения, источники	265

Владимир Андреевич Никонов

ИМЯ И ОБЩЕСТВО

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор Г. А. Давыдова. Младший редактор
Д. Ш. Хесина. Художник В. Н. Тикунов. художе-
ственный редактор И. Р. Бескин. Технический ре-
дактор С. В. Цветкова. Корректор Г. В. Стругова

Сдано в набор 30/X 1973 г. Подписано к печати
25/III 1974 г. А-07973. Формат 30 × 90^{1/16}. Бума-
га № 2. Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,07. Тираж
20 000 экз. Изд. № 3231. Зак. № 933. Цена 1 р. 08 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4